This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

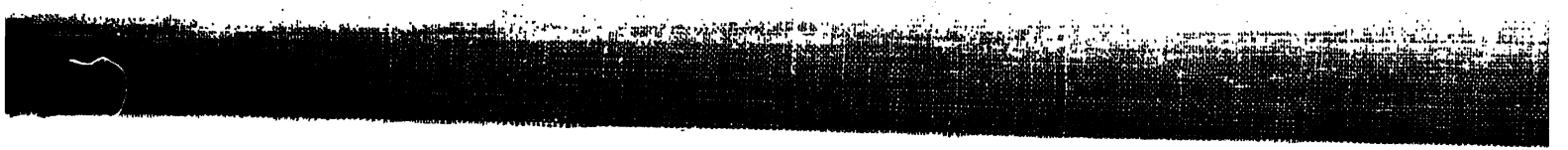
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

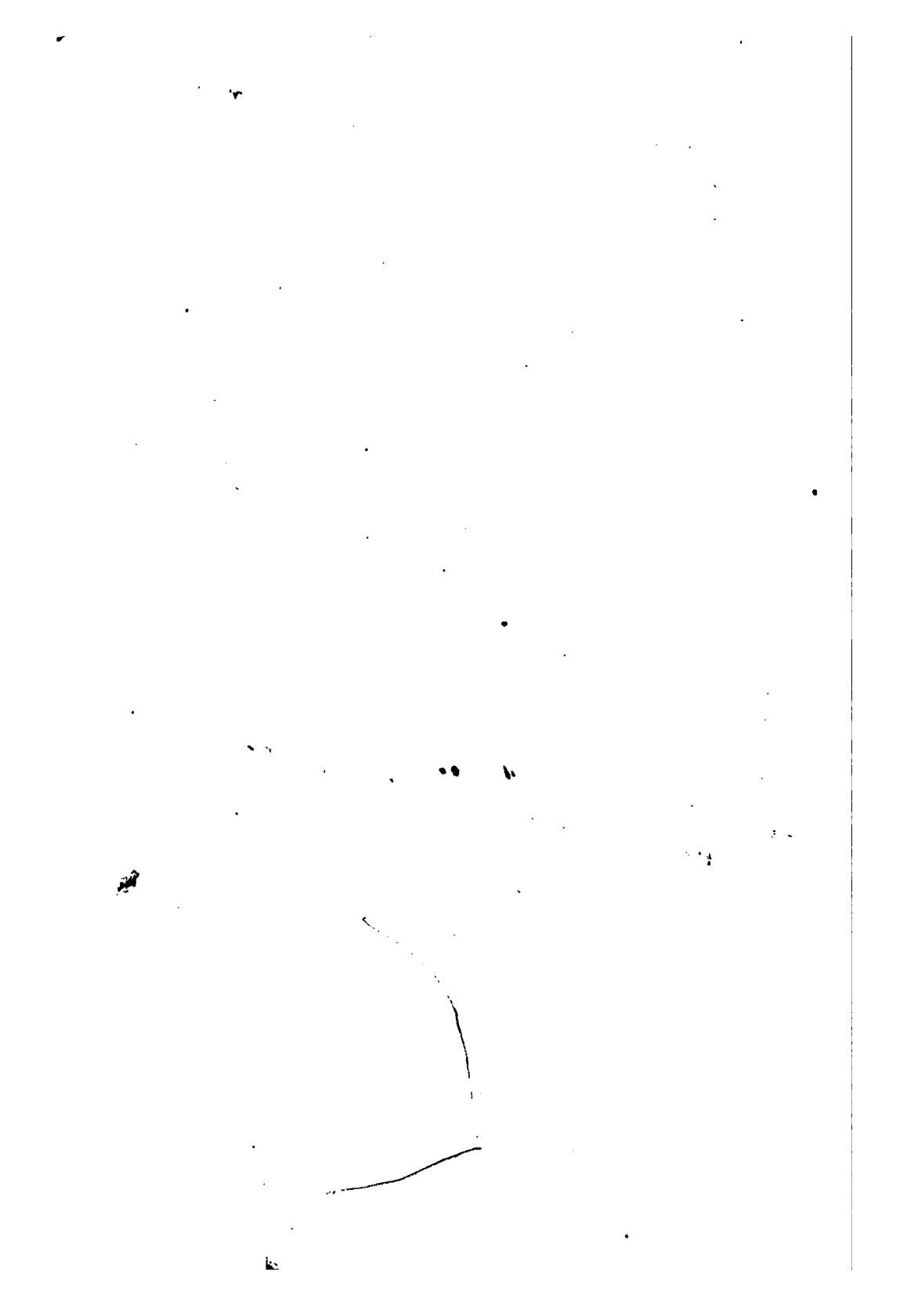
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



~~110~~
3
Tp. 75

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ТРУДНЫЕ ГОДЫ



ТРУДНЫЕ ГОДЫ

(1876—1880)

ОЧЕРКИ и ОПЫТЫ

А. Градовскаго

ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1880

(572)

ЭК62.9
G7

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	VII—VIII
I. Значеніе идеала въ общественной жизни	1— 34
II. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ	35— 45
III. Національный вопросъ	46— 96
IV. Графъ Кавуръ	97—126
V. Соціализмъ на западѣ Европы и въ Россіи	127—276
1. Вступленіе	127—139
2. Развитіе рабочаго вопроса на Западѣ	131—150
3. Элементы рабочаго вопроса	150—176
4. Соціальная революція	176—201
5. Русскій соціализмъ	202—226
6. Причины и послѣдствія	226—277
VI. Задача Русской молодежи	277—291
VII. Прошедшее и настоящее	292—337
1. 1856 и 1879 годы	——301
2. Россія и Европа	301—312
3. Переломъ	313—318
4. Новая Россія	318—326
5. Злоба дня	329—337
VIII. Что такое консерватизмъ?	338—381

IX. Надежды и разочарованія . . . . . 382—430
1. Старые и новые западники . . . . . — — 392
2. Права и функціи . . . . . 393 — 398
3. Одинъ изъ опытовъ самоуправленія. . . . . 398 — 409
4. Наканунѣ реформъ . . . . . 410 — 422
5. Наслѣдственный порокъ . . . . . 423 — 430
X. Реформы и Народность . . . . . 431—459
3. Магометовъ гробъ . . . . . — — 444
2. На землю! . . . . . 444 — 459

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Каждый, кто сознательно пережилъ послѣдніе четыре года, вѣроятно оправдаетъ заглавіе этой книги. Да, это были трудные годы, годы завершенія тяжелаго періода нашей исторіи, длившагося пятнадцать лѣтъ. Въ февралѣ этого года почувствовался переворотъ къ лучшему. Можно было повторить слова великаго историка: nunc demum redit animus.

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы и новый, открывающійся теперь, періодъ могъ быть названъ легкимъ. Въ извѣстномъ отношеніи онъ труднѣе только-что пережитыхъ нами лѣтъ. Онъ труднѣе ихъ по объему задачъ, оставленныхъ въ наслѣдіе послѣднимъ пятнадцатилѣтіемъ и теперь сознаваемыхъ, оно труднѣе и по размѣру силъ, требующихся для рѣшенія этихъ задачъ. Но онъ неизмѣримо легче по свойству настроенія правительственныхъ и общественныхъ сферъ. Духъ взаимнаго недовѣрія и подозрительности, доходившихъ до паники, время деморализаціи, порождавшей скандалъ, время извращенія всѣхъ нравственныхъ понятій, плодившаго неслыханныя преступленія, время полной убыли общественнаго и національнаго чувства: это время прошло и — такова наша надежда — прошло безвозвратно. Дальше идти по тому пути было некуда.

Но мы пережили эти годы. Что думали и что чувствовали русскіе люди, бывшіе зрителями тяжелой драмы, развивавшейся предъ ихъ глазами? На это отвѣтятъ когда-нибудь мемуары нашихъ современниковъ. Но мнѣ казалось, что и публицистическія статьи, написанныя въ теченіи этого періода, могутъ играть роль мемуаровъ. Если эти статьи не передаютъ хода событій, то они могутъ передать впечатлѣніе, ими произведенное, а это также не безполезно для характеристики эпохи.

Вотъ почему я рѣшился издать отдѣльною книгою нѣсколько наиболѣе крупныхъ статей, напечатанныхъ мною въ послѣдніе годы въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Рѣчи“ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“ и въ газетѣ „Голосъ“. Лестное сочувствіе, съ которымъ были встрѣчены эти статьи, показывало мнѣ, что многіе чувствовали и думали подобно мнѣ. Это и даетъ мнѣ увѣренность, что издаваемая книга можетъ имѣть значеніе не только моихъ личныхъ мемуаровъ, но и „воспоминаній“ для довольно обширнаго круга лицъ.

Относительно содержанія этого сборника ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Для составленія его я избиралъ статьи, въ коихъ мои взгляды выражены въ формѣ положительной, а не въ полемическомъ видѣ. Полемическія статьи, на мой взглядъ, всегда имѣютъ временный интересъ и никогда не выражаютъ взглядовъ автора въ ихъ полнотѣ. Притомъ и для помѣщаемыхъ здѣсь статей понадобился томъ, довольно объемистый и размѣры котораго было-бы неудобно увеличить.

А. Градовскій.

22 Октября 1880 года.

ЗНАЧЕНІЕ ИДЕАЛА ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ *).

Посвящается памяти Юрія Ѳедоровича Самарина.

I.

При первомъ взглядѣ на политическія науки, изслѣдованія и теоріи, кажется, что они имѣютъ ту же задачу, тѣ же пріемы, что и науки естественныя. Ознакомить съ принципами и фактами, дать въ руки орудіе изслѣдованія—не исчерпывается ли этимъ задача преподавателя, изслѣдователя?

Повидимому—да, если принять въ разсчетъ задачу физическихъ наукъ: найти причину явленія или круга явленій; указать на связь между причиной и слѣдствіемъ, стало быть, найти законъ, по которому совершаются явленія міра внѣшняго,—такова общая задача наукъ естественныхъ. Слушатель, вынесшій изъ лекціи своего преподавателя ясное представленіе о законахъ химическихъ соединеній или физіологическихъ процессовъ, можетъ считать себя удовлетвореннымъ умственно и, такъ-сказать, нравственно. Ему нечего больше требовать отъ лекціи, имъ выслушанной, или книги, имъ прочтенной.

*) Двѣ публичныя лекціи въ пользу Славянъ Балканскаго полуострова, прочитанныя въ октябрѣ 1876 года. Напечатано въ „Вѣстникѣ Европы", 1877, кн. I.

Но представимъ себѣ юношу, слушающаго лекцію о Варѳоломеевской ночи, или читающаго книгу о турецкомъ государственномъ устройствѣ, или повѣствованіе объ инквизиціи, или ученое изслѣдованіе объ отжившихъ формахъ процесса съ застѣнками и дыбами. Вообразимъ его сидящимъ надъ повѣстью первыхъ лѣтъ христіанства съ его подвижниками, надъ изслѣдованіемъ о двигателяхъ реформаціи, надъ біографіями лицъ, улучшившихъ жизненныя условія своими открытіями, обогатившихъ науку своими изслѣдованіями. Предположимъ, что онъ узналъ со всею точностію всѣ причины, вызвавшія Варѳоломеевскую ночь, и можетъ „вывести“ эту ночь, какъ неизбѣжное послѣдствіе изъ причины; предположимъ, что онъ тѣмъ же, вполнѣ научнымъ порядкомъ „объяснитъ“ инквизицію и деспотизмъ —съ одной, жизнь Лютера, дѣятельность Гуса, или Ньютона, съ другой стороны,—останется ли онъ удовлетвореннымъ? Какъ теоретическій умъ, можетъ быть; какъ умъ практическій, какъ воля, какъ нравственное сознаніе—никогда. Онъ потребуетъ отъ изслѣдователя, отъ преподавателя—не только „причинъ и слѣдствій“, но и суждения надъ лицами, учрежденіями и событіями, правдиваго и безпристрастнаго приговора. Онъ захочетъ узнать отношеніе изслѣдователя къ изслѣдуемому событію или учрежденію; до извѣстной степени, онъ потребуетъ отъ него отчета въ его личныхъ убѣжденіяхъ. Еще больше: въ такихъ изслѣдованіяхъ онъ будетъ искать началъ воспитательныхъ, истинъ, примѣровъ и фактовъ, укрѣпляющихъ и возвышающихъ наше нравственное сознаніе.

Гдѣ причина этой разницы? Почему задачи химика оканчиваются найденною формулою химическаго соединенія—что бы оно ни дало: ядъ или лекарство,—и почему публицистъ или историкъ не можетъ одинаково относится къ Нерону и къ Траяну, къ Вашингтону и къ Меттерниху, къ Пилю и къ Полиньяку? Отвѣтъ на это ясенъ.

Всѣ изслѣдованія явленій физическихъ направлены къ объясненію того, что есть, въ самомъ обширномъ смыслѣ, что есть—да простятъ мнѣ грамматическую вольность—въ

прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ неизбѣжнаго и неизмѣннаго, что не можетъ не быть. При изслѣдованіи же явленій политическихъ, экономическихъ, общественныхъ—къ этому вопросу, что есть, постоянно, независимо даже отъ воли читателя, слушателя или изслѣдователя, примѣшивается роковой вопросъ—что должно быть? Взвѣсимъ всю силу этого вопроса: что должно быть?—Это „должно быть“ не означаетъ простого послѣдствія изъ данныхъ причинъ и условій. Медикъ говоритъ, что данная болѣзнь при такихъ-то условіяхъ даннаго организма должна имѣть такой-то исходъ. Онъ предусматриваетъ вѣроятные результаты данныхъ условій. Публицистъ не только предусматриваетъ, предсказываетъ: въ дѣлѣ предсказанія будущихъ явленій онъ даже безконечно слабѣе ученыхъ, вращающихся въ кругу знаній точныхъ. Его „должно быть“ имѣетъ иной смыслъ. Оно вытекаетъ изъ цѣлаго нравственнаго міросозерцанія, въ которомъ содержатся чаянія иного порядка, чаянія, которыя онъ хочетъ перевести въ дѣйствительность, сдѣлать практическими правилами жизни.

Вотъ—нѣчто совершенно непонятное для ума послѣдователей наукъ точныхъ; вотъ—съ точки зрѣнія неизбѣжной связи причины и слѣдствія—несообразность, нелѣпость; вотъ—отрицаніе всѣхъ методъ строго-научнаго изслѣдованія! Придетъ ли на мысль геологу переставить слои земного шара, иначе расположить части свѣта, дать иное очертаніе материкамъ, увеличить береговую линію, измѣнить почву? Но не станемъ обманывать себя относительно безусловной точности наукъ точныхъ, безусловно объективныхъ, безстрастныхъ, равнодушно внимающихъ добру и злу. Напротивъ, вспомнимъ съ благодарностію о томъ, что усилія гигіены направлены къ увеличенію средняго уровня человѣческой жизни, что нашими путями сообщенія, усовершенствованными жилищами, ассенизаціею городовъ и многимъ другимъ мы обязаны представителямъ наукъ точныхъ, людямъ, въ которыхъ, кромѣ знанія „причинъ и слѣдствій“, жила еще любовь къ добру и къ правдѣ. Не изъ устъ ли Бэкона, великаго организатора метода точныхъ наукъ, услы-

шало человѣчество, что назначеніе наукъ — увеличивать счастье человѣка!

Чѣмъ ближе наука точная соприкасается съ жизнью человѣка и общества, тѣмъ сильнѣе къ ея нормальному вопросу: „что есть“, — примѣшивается назойливый вопросъ: „что должно быть“? Какому физіологу, какому химику, какому медику чуждъ этотъ вопросъ даже въ сферѣ его ближайшихъ изслѣдованій? Но не станемъ увлекаться и впадать въ заблужденіе. Стремленіе къ идеалу, у лучшихъ представителей наукъ точныхъ, не вытекаетъ, такъ сказать, изъ существа ихъ наукъ. Теорія жизненныхъ процессовъ или химическихъ соединеній остается въ кругу неизмѣнныхъ законовъ, неотвратимой связи причинъ съ послѣдствіями, пока она не соприкасается съ явленіями общественной жизни, лучше сказать съ приложеніемъ добытыхъ ею данныхъ къ жизни человѣка отдѣльно и въ обществѣ. Въ области этихъ приложеній проявляется связь между наукою чистою и практическими явленіями; въ кругу этихъ вопросовъ и подъ ихъ вліяніемъ пробуждается общественное, гражданское чувство, стремленіе къ общественному совершенствованію. Здѣсь пробуждается и сознаніе настоящихъ бѣдствій. и стремленіе къ лучшему порядку въ будущемъ.

Науки общественныя, политическія, по существу своему, отличаются отъ наукъ естественныхъ. Это зависитъ отъ природы изслѣдуемыхъ ими явленій. Явленія міра физическаго суть результатъ причинъ и условій, независящихъ отъ воли человѣка. Законы ихъ вѣчны и неизмѣнны. Камень всегда падалъ, падаетъ и будетъ падать на землю, со скоростью обратно пропорціональною квадратамъ разстоянія; давленіе воздушнаго столба всегда было и будетъ одинаково; уголъ паденія всегда будетъ равенъ углу отраженія; земля всегда будетъ вращаться около своей оси въ 24 часа. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы не учавствуемъ и не несемъ за нихъ отвѣтственности.

Напротивъ, въ процессѣ общественнаго развитія, сознаніе и воля человѣка принимаютъ дѣятельное участіе.

Формы общественной жизни далеко не неизмѣнны. Общества переходятъ отъ свободы къ рабству, отъ порядка къ анархіи, отъ законности къ деспотизму. Конечно, развитіе общественныхъ установленій зависитъ отъ множества причинъ; конечно, внѣшнія условія — пространство страны, густота народонаселенія, свойства почвы, географическое положеніе и т. д.—имѣютъ на нихъ огромное вліяніе. Политикъ, отвлекшійся отъ этихъ условій, сталъ бы витать въ безвоздушномъ пространствѣ; его планы не имѣли бы практическаго значенія; онъ построилъ бы свое зданіе на пескѣ. Но всѣ внѣшнія условія не создаютъ сами по себѣ общественныхъ формъ. Они нуждаются въ посредствующемъ элементѣ, въ сознательной волѣ человѣка, вѣрно понявшаго свое время и облекшаго въ плоть и кровь его требованія. Поэтому, въ жизни общественной мы имѣемъ дѣло не только съ общими законами развитія обществъ, но и съ нормами, по которымъ должна дѣйствовать воля человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго. Изученіе и познаніе законовъ историческаго развитія обществъ безусловно необходимы. Но эти законы являются лишь внѣшними условіями нашей дѣятельности. Познавъ ихъ, мы еще ничего не сдѣлали для общественнаго устройства, или сдѣлали половину дѣла. Общественный прогрессъ зависитъ отъ употребленія, которое мы дѣлаемъ изъ данныхъ условій, изъ нашихъ познаній, внѣшнихъ средствъ и т. д. Въ нашемъ „я“ должно искать истинныхъ мотивовъ общественнаго движенія. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ можетъ смотрѣть на политическія учрежденія, какъ на свое созданіе, гордиться ими, или стыдиться ихъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ нести за нихъ отвѣтственность.

Отвѣтственность?—скажутъ намъ. Но какъ можетъ человѣкъ нести отвѣтственность за то, что есть дѣло времени и обстоятельствъ? Каждый политическій строй не соотвѣтствуетъ ли степени нравственнаго, умственнаго и экономическаго развитія народа? Да, это безусловно вѣрно. Политическій и общественный строй народа есть вѣрное отраженіе его нравственности, его экономическаго быта, его

умственнаго уровня. Если онъ живетъ въ дурныхъ условіяхъ, то пусть онъ видитъ въ нихъ плодъ своего невѣжества, своей бѣдности, своихъ дурныхъ инстинктовъ. Пусть онъ видитъ самого себя, какъ въ зеркалѣ. Но развѣ это не подтверждаетъ нашу мысль? Развѣ именно это не возлагаетъ на человѣка отвѣтственности за общественный порядокъ, подъ которымъ онъ живетъ?

Нужны ли доказательства? Разсмотримъ, какъ относится человѣкъ (я разумѣю человѣка, привыкшаго жить сознательно) къ бѣдствіямъ физическимъ—съ одной, и къ бѣдствіямъ общественнымъ, съ другой стороны. Чума, тифы, холера, наводненія, градобитія — что вызываютъ они въ сердцѣ человѣка? Жалость, состраданіе, страхъ. Но хищничество, но насилія, обманы, неправосудіе, кромѣ жалости къ страдающимъ, кромѣ страха за себя и за близкихъ, не вызываютъ ли они чувства негодованія на виновниковъ бѣдствій, чувства стыда за общество, въ которомъ они творятся, стыда и за себя, какъ за члена этого общества? Съ другой стороны, примѣры самоотверженія, патріотизма, беззавѣтной преданности идеѣ—не порождаютъ ли они радости и гордости за страну, выработавшую великаго общественнаго дѣятеля, проповѣдника, художника, ученаго? Скажемъ больше. Здравый смыслъ учитъ насъ относиться къ бѣдствіямъ физическимъ съ возможнымъ спокойствіемъ. Послѣ того, какъ градъ выбилъ твое поле, какъ чума унесла близкихъ тебѣ, какъ наводненіе снесло твой домъ, не предавайся отчаянію. Въ первую минуту дай волю твоей печали, но потомъ покорись неизбѣжной судьбѣ, игрѣ слѣпыхъ силъ, которыхъ отвратить нельзя. Наоборотъ, было бы странно гордиться теплымъ климатомъ страны, ея благорастворенным воздухомъ, естественнымъ плодородіемъ, или ставить обществу въ укоръ плохія физическія условія страны, въ которой оно живетъ. Но что скажемъ мы о человѣкѣ, относящемся къ злу общественному такъ, какъ прилично относиться къ бѣдствіямъ физическимъ, къ тому, кто въ первую минуту ограничился бы страхомъ или сожалѣніемъ, а потомъ предалъ бы все забвенію? Что сказали

бы мы о человѣкѣ, въ комъ злѣйшая неправда не возбуждала бы негодованія, въ комъ насиліе не вызывало бы желанія защиты слабаго, въ комъ позоръ родины не порождалъ бы стыда? Франція попробовала потерять политическій стыдъ послѣ 2 декабря 1851 года, заснула, убаюкалась „славой“ имперіи—и проснулась подъ Седаномъ. Не показалось ли бы намъ страннымъ безучастное отношеніе къ подвижникамъ общественныхъ интересовъ, къ „добрымъ страдальцамъ за землю“, какъ говорятъ лѣтописи, къ труженикамъ науки, идеи? Не считаемъ ли мы этого равнодушія причиною подавленія таланта, парализированія всякой энергіи?

Не всегда и къ физическимъ бѣдствіямъ должно относиться спокойно. Пусть человѣкъ покоряется „судьбѣ“, пока дѣло можно приписать одной судьбѣ, т.-е. причинамъ невѣдомымъ и неотвратимымъ. Но если человѣкъ, овладѣвъ познаніемъ причинъ и слѣдствій, не противопоставитъ преградъ наводненіямъ, не улучшитъ санитарныхъ условій, не приметъ мѣръ противъ заразительныхъ болѣзней—онъ сознаетъ свою вину, ему станетъ стыдно за толпы, уносимыя холерой, за города, истребленные пожаромъ; а если не станетъ стыдно, то другіе постыдятся за него. Можно гордиться и плодородіемъ почвы, обиліемъ сельскихъ продуктовъ, но тогда, когда почва эта есть, такъ-сказать, наше созданіе, результатъ вѣковыхъ усилій общества. Франція, заставившая свои ланды производить хлѣбъ; Голландія, отвоевавшая у моря свои богатые луга; Пруссія, обратившая въ садъ свои скудныя равнины, могутъ съ гордостію оглянуться на свое прошлое.

Итакъ, будемъ ли мы признавать отвѣтственность или отвергать ее, она есть, она осуществляется помимо нашей воли, какъ неизбѣжный законъ природы. Мы невольно вмѣняемъ обществу его порядокъ; невольно сознаемъ свою собственную отвѣтственность за него, какъ бы, положимъ, ни была мала доля его. Эти чувства стыда, негодованія, отвѣтственности—суть, въ свою очередь, результатъ глубокихъ психическихъ причинъ. Даже при полной общественной вялости

и при недостаткѣ собственной энергіи, мы не можемъ однако устранить изъ своего сознанія представленія о совершенствованіи всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, къ которому призванъ человѣкъ. Мы не можемъ отвергнуть, что человѣкъ способенъ къ совершенствованію; и не только способенъ, но призванъ совершенствоваться. Мы глубоко убѣждены, что поколѣнія людей не только смѣняются, но и улучшаются. Совершенствованіе въ глазахъ нашихъ является не только возможностью, но и обязанностью; не только обязанностью, но и правомъ, къ осуществленію котораго должны быть направлены всѣ общественныя учрежденія.

Сознанію нашему присуще представленіе о назначеніи человѣка, объ извѣстной долѣ матеріальнаго благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія, необходимой каждому лицу для удовлетворенія его потребностей. Понятіе объ этой долѣ можетъ измѣняться цо степени развитія цѣлаго общества или отдѣльнаго лица, но оно живетъ въ сознаніи каждаго. Оно есть первое условіе прогресса; оно есть первое условіе правильнаго отношенія къ общественному порядку, и обильно благотворными послѣдствіями.

Сопоставляя наше представленіе о назначеніи человѣка съ дѣйствительнымъ его положеніемъ, мы постоянно раскрываемъ между ними противорѣчіе, несогласіе;—постоянно, потому что представленія наши о назначеніи человѣка возвышаются и очищаются, между тѣмъ какъ общественныя установленія, предназначенныя для осуществленія человѣческихъ цѣлей, не могутъ идти рука объ руку съ непрерывно-возвышающимися требованіями къ жизни. Здѣсь источникъ нашего критическаго, иногда отрицательнаго отношенія къ существующему порядку. Но вмѣстѣ съ отрицаніемъ является и утвержденіе. Мы способны возводить неосуществленныя стремленія и чаянія на степень практическихъ цѣлей общества; мы можемъ замѣчать основныя черты того порядка, при которомъ, по убѣжденію нашему, осуществятся эти цѣли; мы указываемъ обществу, чѣмъ оно должно быть, и это „должно быть“ противополагаемъ на-

стоящему—„есть“. Скажемъ больше: мы обязаны, по мѣрѣ силъ своихъ, указывать на эти положительныя цѣли, на эти основныя черты будущаго. Иначе критическое отношеніе къ общественнымъ явленіямъ, присущее человѣку, по указаннымъ выше причинамъ, выродится въ отношеніе отрицательное, въ большинствѣ случаевъ безплодное. Возвышенное критическое настроеніе исказится и выразится въ формѣ дешеваго порицанія, легкаго глумленія, нисколько не препятствующихъ дальнѣйшему развитію общественнаго зла.

Въ этомъ выражается наша способность къ идеализированію, способность, повторяю, являющаяся необходимымъ условіемъ прогресса. Остановимся на значеніи этой способности; изслѣдуемъ ея значеніе для жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества. Такое изслѣдованіе, кажется, будетъ вполнѣ своевременно, такъ какъ, по общему мнѣнію, смыслъ идеаловъ утраченъ современнымъ обществомъ, усвоившимъ себѣ громкое названіе общества „практическаго“. Мы увидимъ, насколько оно въ правѣ носить этотъ титулъ. Теперь повѣримъ ему на слово. Представимъ себѣ, что способность къ составленію идеаловъ не только безполезна, но вредна; предположимъ, что люди въ самомъ дѣлѣ не думаютъ о томъ, что̀ „должно быть“, прилѣпились къ тому, что есть, и живутъ изо дня въ день, давая уродливое толкованіе евангельскому: „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“. Вообразимъ себѣ картину этого общества и живущихъ въ немъ людей. Нарисовать такую картину довольно легко. Сопоставимъ человѣка, способнаго къ идеализированію, живущаго идеалами, съ человѣкомъ, утратившимъ эту способность и отвергнувшимъ всякое значеніе идеаловъ. Результатъ сравненія и будетъ искомая картина.

Не подлежитъ сомнѣнію, что идеализированіе предполагаетъ способность къ отвлеченію отъ существующаго. Человѣкъ мысленно создаетъ иной порядокъ, отвлекаясь отъ существующаго, и переносится въ будущее. Мы не говоримъ, что это отвлеченіе состоитъ въ полномъ отрѣшеніи отъ условій пространства и времени, въ забвеніи той истины, что настоящее подготовляетъ будущее такъ же, какъ

оно, въ свою очередь, подготовлено прошедшимъ. Рѣчь идетъ объ идеалахъ, а не объ утопіи. Но, во всякомъ случаѣ, идеалъ составляется путемъ, абстракціи; въ немъ обществу указывается неосуществленная еще цѣль и несуществующій еще порядокъ вещей, при которомъ эта цѣль можетъ быть осуществлена. Въ сознаніи этой цѣли и этого порядка человѣкъ находитъ точку опоры для своего свободнаго и разумно-нравственнаго отношенія къ существующему общественному порядку. Безъ такой точки опоры онъ относился бы къ существующему, какъ къ силѣ физической, т.-е. къ чему-то непреодолимому, неизбѣжному. Онъ подчинялся бы этому внѣшнему авторитету, но не въ сознаніи его пользы или справедливости, а въ силу необходимости, т.-е. пассивно и равнодушно. Такой человѣкъ безразлично относится ко всякому порядку, лишь бы онъ былъ порядкомъ, т.-е. силой. Французскіе публицисты любятъ выставлять на позоръ массу мѣстнаго чиновничества, охотно становящагося на службу всякому правительству—монархіи, республикѣ, имперіи. Эти люди не идеализируютъ. Они служатъ всякой силѣ, но не поддерживаютъ никого; стоитъ сильному сдѣлаться слабымъ, и они устремятся на встрѣчу восходящему свѣтилу, какой бы принципъ оно собою ни представляло. Въ ихъ подчиненіи есть нѣчто предательское, потому что они сами никогда не уясняютъ себѣ его нравственныхъ основаній.

Они незнакомы съ чувствомъ долга, съ высшими требованіями совѣсти, съ тѣми началами, по которымъ сознательная воля человѣка выработываетъ для себя правила дѣятельности. Спокойно и безстрастно плывутъ они по теченію, или бѣгутъ во слѣдъ колесницѣ тріумфатора. Но въ ихъ средѣ не найдется заступника началъ, потерпѣвшихъ крушеніе, или смѣлаго борца новыхъ идей. „Ни впередъ, ни назадъ“, — лучше сказать: „и впередъ, и назадъ“ для мирнаго пользованія благами настоящаго—ихъ неизмѣнный лозунгъ. Они прогрессивны, поскольку служатъ настоящему порядку, поскольку они глумятся надъ низвергнутыми богами прошлаго, недавно выслушивавшими ихъ моль-

бы, ихъ лесть, обонявшими ихъ ѳиміамъ. Они консервативны, поскольку всякая перемѣна тревожитъ ихъ покой; лучше сказать, поскольку властелины настоящаго сильны противъ всякой попытки поколебать ихъ власть. Но при первомъ же колебаніи „покорные слуги“ будутъ искать глазами новый предметъ поклоненія.

Если я подчинюсь существующему, какъ внѣшней и слѣпой необходимости, если условія развитія общества для меня тождественны съ законами естественными, то буду ли я сознавать свою долю отвѣтственности за недостатки и бѣдствія этой страны? Все идетъ, скажу я, своимъ естественнымъ порядкомъ; все совершается по точнымъ и неизбѣжнымъ законамъ. Моя воля можетъ ли измѣнить ихъ? Не долженъ ли я подчинить себя ихъ велѣніямъ? Самая наука, ложно понятая, можетъ послужить на пользу такимъ теоріямъ. Поражается ли общество количествомъ самоубійствъ? Я беру въ руки статистическія данныя и побѣдоносно доказываю, что самоубійцы не суть жертвы ихъ внутренней пустоты, или ихъ ложнаго нравственнаго развитія, или извѣстныхъ общественныхъ условій, но неизбѣжнаго закона, по которому извѣстный процентъ наличныхъ членовъ общества долженъ кончить жизнь самоубійствомъ, подобно тому, какъ иной процентъ кончитъ смертью естественною, какъ другой процентъ народится вновь, какъ третій вступитъ въ бракъ. Съ этой точки зрѣнія все объяснится и оправдается: проституція, пьянство, взяточничество.

Гдѣ же тутъ мѣсто чувству отвѣтственности, а тѣмъ болѣе, гдѣ поводъ и средство противодѣйствовать злу? Но къ чему говорить объ отвѣтственности! Здѣсь мѣсто иному чувству,—чувству самодовольнаго „примиренія съ жизнью“. Все естественно и все законно. Конечно, прогрессъ необходимъ. Но онъ совершается мимо насъ — его покорныхъ орудій и безстрастныхъ зрителей! Оглянитесь на времена прошедшія, на сѣдую древность: какъ невѣжественны были наши предки, какъ дики были ихъ нравы, бѣдна жизненная обстановка, грубы вкусы, скудны средства къ ихъ удовлетворенію! Сравните все это съ комфортомъ нашей жизни,

съ нашими утонченными вкусами, изящными наслажденіями, роскошною обстановкою! Юноша, утѣшающійся съ парижскою куртизанкою въ раззолоченномъ ресторанѣ, можетъ съ гордостію сравнивать себя съ своими грубыми предками, по свидѣтельству лѣтописца, „умыкивавшими дѣвицъ на игрищахъ у воды“.

Къ чему „умыкиваніе“, когда деньги и „обоюдное соглашеніе“ дѣлаютъ свое дѣло? Иной современный адвокатъ, принимающій своихъ кліентовъ въ роскошномъ кабинетѣ, можетъ съ снисходительной улыбкой вспомнить о площадныхъ подъячихъ временъ московскихъ, писавшихъ свои ябеды въ ближайшемъ кабакѣ. Современный аферистъ съ негодованіемъ вспоминаетъ о временахъ, когда самое слово „спекуляція“ было неизвѣстно, и страсть къ легкой наживѣ порождала только грубые типы волжскихъ разбойниковъ и лѣсныхъ искателей приключеній. Какъ не восторгаться временемъ, когда личности и имуществу человѣка только въ рѣдкихъ случаяхъ грозитъ явное насиліе, когда онъ можетъ опасаться только клеветы, интриги, подложныхъ завѣщаній и векселей, фальшивыхъ денегъ, вообще ловкаго перемѣщенія капиталовъ?

Эта блестящая картина имѣетъ, правда, свою оборотную сторону. Не все общество пользуется продуктами цивилизаціи. Есть какія-то темныя массы, живущія не въ XIX, а въ XVII или въ XVI вѣкѣ, безъ знаній, безъ жизненныхъ удобствъ, безъ возвышенныхъ вкусовъ, безъ тонкихъ наслажденій. Но солнце цивилизаціи, подобно солнцу естественному, и также естественно, какъ оно, освѣщаетъ сначала вершины горъ и потомъ уже, постепенно, озаряетъ и долины. Не мы, такъ вѣка отдаленные увидятъ бо́льшую массу благополучія и въ низменностяхъ. Не нужно только мѣшать естественному теченію дѣлъ и жить настоящимъ, которое одно въ нашей власти. Мудрая природа дала каждому свою роль. Она поставила насъ въ извѣстную среду, отмѣрила намъ извѣстный срокъ жизни: воспользуемся ими и откинемъ всякую заботу о будущемъ. Мы не будемъ зрителями своихъ похоронъ; тѣмъ меньше увидимъ мы то,

что́ совершится послѣ того, какъ тѣло наше обратится въ землю....

Примиреніе съ жизнью состоялось; человѣкъ слился съ природой, сложилъ съ себя всякую отвѣтственность, любуется торжественнымъ и безостановочныхъ ходомъ жизни, любуется самимъ собою, по сравненію съ своими предками. Но есть одна сила, также естественная, также созданная вмѣстѣ съ міромъ и, по словамъ священнаго писанія, для владычества надъ нимъ; эта сила блекнетъ, исчезаетъ и шестой день творенія вычеркивается изъ книги Бытія. Нужно ли говорить, что рѣчь идетъ о личности человѣческой, для которой понадобился особый актъ творенія, чтобы создать ее по образу и подобію Божію? Какъ уцѣлѣетъ она въ этомъ добровольномъ отреченіи отъ самой себя? Личность безъ сознанія долга и отвѣтственности, безъ чувства свободы, пассивно равнодушная и самодовольная, это ли личность, это ли образъ Божій, состоящій въ правдѣ и преподобіи истины, какъ говоритъ апостолъ? У нея нѣтъ точки опоры внѣ данныхъ явленій; она ничего не можетъ противопоставить теченію вещей, куда бы ни шло это теченіе; она падаетъ съ своей духовной высоты, становится песчинкой въ общей массѣ песку и носится изъ стороны въ сторону безъ сознанія цѣли и основаній. Личности современнаго человѣка, говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ мыслителей, не хватаетъ на трагедію, даже на комедію; кажется, ея скоро не хватитъ и на водевиль....

Но эта картина вышла слишкомъ лестной. Песчинка— созданіе мирное, спокойно лежащая подлѣ своихъ собратій, не причиняя имъ никакого зла. Личность не такая вещь, которую можно стереть безъ слѣда, причислить къ матеріи. Сознаніе своего „я“ не исчезнетъ въ самой мелкой личности. Но, отвернувшись отъ своего настоящаго назначенія, утративъ свое нравственное достоинство, она извратится, исказить свои стремленія и свойства. Человѣческое „я“ будетъ слишкомъ мелко, чтобы воспринять въ себя радости и горести своей страны, усвоить общія стремленія своего времени и народа, уяснить себѣ цѣли общественной жизни,

посвятить себя на служеніе имъ, сдѣлаться нравственнымъ средоточіемъ цѣлаго круга лицъ, идущихъ къ одной общей цѣли. Ей будутъ непонятны идеи долга, акты самоотверженія, патріотизма. Но тѣмъ сильнѣе, упорнѣе поставитъ она себя цѣлью не только своей дѣятельности, но и общественной работы. Она потребуетъ отъ общества быстрыхъ отличій, скорой наживы, легкихъ наслажденій, удобной морали. Соревнованіе на поприщѣ служенія общественнаго замѣнится соперничествомъ изъ-за личнаго благополучія. Въ неугомонной погонѣ за общественнымъ положеніемъ и богатствомъ, человѣкъ перешагнетъ чрезъ всѣ привязанности, чрезъ всѣ принципы; онъ пройдетъ мимо толпы голодныхъ несчастливцевъ, измученныхъ тяжелымъ и неблагодарнымъ трудомъ; онъ не задумается нанести имъ послѣдній ударъ, если это окажется выгоднымъ. А это бываетъ выгодно весьма часто. Въ каждой личности готовъ возродиться миѳологическій Молохъ, требующій человѣческихъ жертвъ. Не вырубливаютъ ли, въ самомъ дѣлѣ, мелкій лѣсъ, чтобы крупному было больше простора? А въ данномъ случаѣ, каждый радъ причислить себя къ избранникамъ нашего рода. Война всѣхъ противъ всѣхъ, поставленная Гоббесомъ за предѣлами человѣческихъ обществъ, продолжается и въ обществѣ, но съ слѣдующею капитальною разницею.

Въ состояніи первобытномъ насиліе было откровенно; оно считалось даже правомъ. Въ честь ему пѣлись гимны. Боецъ, украшенный кожами, содранными съ головы противниковъ, дѣлался героемъ своего племени. Въ Валгаллу можно было пройти только по трупамъ убитыхъ враговъ. Въ обществѣ, прослушавшемъ десять заповѣдей и разныя другія правила нравственности; въ обществѣ, оффиціально признавшемъ убійство, грабежъ, воровство, обманъ дѣйствіями непохвальными и даже наказуемыми, — положеніе личности, обратившейся къ „естественному“ состоянію, дѣлается трагическимъ. Она ведетъ свою „борьбу“ безъ особеннаго выбора средствъ; въ то же время ей необходимо сохранить хотя бы видъ согласія съ правилами обществен-

ной нравственности. Умъ человѣческій изобрѣтателенъ, и извращенная личность завоюетъ себѣ не только безнаказанность, но и почетное общественное положеніе. Во-первыхъ, явится убѣжденіе, что есть область дѣйствій и отношеній, гдѣ личность должна оставаться безконтрольною, куда пытливый глазъ общества не смѣетъ проникать. Проводится различіе между жизнью частною и жизнью общественною. Предполагается, что человѣкъ въ одной сферѣ будетъ однимъ, а въ другой—совершенно инымъ. Предполагается, что нравственность, пораженная въ области частныхъ отношеній, изгнанная эгоизмомъ и развратомъ изъ семьи, изъ области всѣхъ гражданскихъ сдѣлокъ, что нравственность эта останется твердымъ основаніемъ отношеній общественныхъ. И вы думаете, что съ перемѣною мѣста дѣятельности эгоистъ сдѣлается самоотверженнымъ гражданиномъ? Fit magna mutatio loci, non ingenii, какъ говорилъ Цицеронъ.

Такъ или иначе, частная жизнь обнесена стѣной; домашній тиранъ, расточитель, игрокъ, гуляка можетъ безпрепятственно взять въ свои руки высшіе интересы страны. Расточитель будетъ превосходно вести общественное хозяйство; игрокъ сбережетъ общественное достояніе; развратный гуляка будетъ охранять общественную нравственность. Но если ожиданія не оправдаются? Если расточитель доведетъ общество до банкротства и станетъ расхищать казну; если гуляка, вмѣсто охраненія общественной нравственности, увеличитъ скандалъ разврата? Человѣческая изобрѣтательность придетъ къ нимъ на помощь. Явится разсужденіе о томъ, что всѣ понятія о нравственности относительны; что каждое время имѣетъ свой нравственный кодексъ и каждый человѣкъ—дитя своего времени; каждый даетъ обществу то, что́ ему самому дала общественная среда. Пусть и судятъ его въ условіяхъ нашего времени. Притомъ—все ли такъ дурно въ этихъ „дѣтяхъ вѣка“? Не отдаютъ ли и они дани добрымъ принципамъ и хорошимъ чувствамъ? Они расточаютъ казну, но покровительствуютъ искусствамъ; они хищничаютъ, но отдаютъ часть своего достоянія на общеполез-

Культура не замыкается уже въ кругу классовъ избранныхъ; съ каждымъ поколѣніемъ она все больше и больше проникаетъ въ массы. Самыя массы эти сдѣлались, повидимому, предметомъ бо́льшаго попеченія, чѣмъ когда бы то ни было. Коротко говоря, если судить о наличности идеаловъ по количеству и широтѣ практическихъ цѣлей, по возвышенности и красотѣ принциповъ, то наше время можетъ гордиться своими идеалами.

Но для всякаго, кто съумѣетъ провѣрить отношеніе этихъ практическихъ цѣлей и высокихъ принциповъ къ внутренней жизни человѣка, станетъ ясно, что подъ этимъ шумомъ общественной жизни, подъ этими громкими фразами скрывается нѣкоторая пустота нашего я, слѣдовательно, того творческаго начала, которое одно можетъ создать дѣйствительный идеалъ. „Ничто, говорилъ Паскаль, не можетъ привести насъ къ познанію (внутренней) нищеты людей, какъ разсмотрѣніе истинной причины той суеты, въ которой они проводятъ свою жизнь... Человѣкъ страдаетъ невыносимо, если онъ принужденъ жить съ собой и думать о себѣ. Вся его забота состоитъ въ самозабвеніи. Вотъ источникъ всѣхъ шумныхъ человѣческихъ занятій всего, что называется развлеченіемъ или времяпрепровожденіемъ, цѣль которыхъ убить время незамѣтно или, вѣрнѣе, не думая о себѣ, избѣжать, потерявъ эту часть жизни, внутреннюю горечь и отвращеніе, необходимо сопровождающія вниманіе къ самому себѣ.—Радость человѣческой души состоитъ въ этомъ забвеніи: для того, чтобы сдѣлать ее несчастной, достаточно заставить ее увидѣть себя и быть съ собой. Съ дѣтства на людей взваливаютъ заботы — объ ихъ чести, ихъ имуществѣ, даже о благѣ и общественномъ положеніи ихъ родныхъ и друзей. Ихъ обременяютъ изученіемъ языковъ, наукъ, тѣлесныхъ упражненій и искусствъ. Ихъ заваливаютъ дѣлами; имъ внушаютъ, что они не будутъ счастливы, если своими заботами и трудами они не приведутъ въ добрый порядокъ свое состояніе и свое положеніе и даже положеніе и имущество своихъ друзей, и что малѣйшій недостатокъ въ этихъ вещахъ сдѣлаетъ ихъ

несчастными. Такъ, имъ даютъ должности и дѣла, заставляющія ихъ метаться съ самой зари. Вотъ, скажете вы, странный способъ дѣлать ихъ счастливыми. Что же сдѣлать лучшаго для ихъ несчастія? Что сдѣлать? — спросите вы. Нужно только отнять у нихъ всѣ эти заботы: тогда они увидѣли бы себя, подумали бы о себѣ. А это для нихъ невыносимо“ *).

Мизантропъ, аскетъ! Да,—но мизантропъ и аскетъ въ выводахъ, а не въ указаніи факта. Религіозный экстазъ, къ которому приходитъ Паскаль, другая крайность, своего рода самозабвеніе. Но вотъ въ чемъ онъ правъ. Всѣ эти шумныя предпріятія, рискованныя спекуляціи, пышныя фразы никакъ не свидѣтельствуютъ о развитіи нашего внутренняго содержанія. Формы нашей общественной жизни сдѣлались разнообразнѣе, предпріятія многочисленнѣе, практическія цѣли шире, принципы формулируются лучше, но это потому, что самыя условія жизни сдѣлались сложнѣе, запросы разнообразнѣе, орудія мысли, экономическаго производства, сообщенія и т. д. лучше. Мы ѣздимъ по желѣзлѣзнымъ дорогамъ, пользуемся телеграфомъ, производимъ страшно много на фабрикахъ и заводахъ, устраиваемъ школы, банки, разныя ассоціаціи и... врядъ-ли можемъ отдать себѣ отчетъ въ нашемъ душевномъ настроеніи. Попробуемъ добраться чрезъ весь этотъ „строй экономическихъ предпріятій“ до внутренняго существа человѣка; допросимъ это прогрессирующее общество, какіе мотивы, какое міросозерцаніе, какой „нравственный строй“ лежитъ въ основаніи всей этой видимой горячки? Молчаніе. Только отъ времени до времени выдаетъ это общество свой грустный секретъ. То лопнувшій банкъ открываетъ картину невообразимаго хищничества; то страшный застой по желѣзнымъ дорогамъ и „несчастные случаи“ вскрываютъ секретъ изворовавшейся желѣзнодорожной администраціи; то печати удается поймать за руку нечестивые продѣлки тѣхъ, кому законъ ввѣрилъ защиту чести, имущества и свободы ближнихъ. Наилучшія общественныя формы дѣлаются орудіемъ свое-

*) Pascal: Pensées. 1-re P., Art. VII, I.

корыстія; высокіе принципы вырождаются во фразы, лишенныя смысла; ими прикрываются возмутительнѣйшіе инстинкты, гнуснѣйшія цѣли. И все это безъ всякаго отпора со стороны общества.

Среди этого хаоса, человѣкъ не находитъ точки опоры для разумнаго и здороваго протеста. Онъ не видитъ даже ближайшаго будущаго своей страны; онъ не знаетъ, куда уноситъ его теченіе. Жизнь дѣлается непріятною и тяжкою обязанностію. Она похожа на длинную, скучную и безсвязную лѣтопись, чтеніе которой можно прервать на любой страницѣ. Оборвалась страница — и человѣкъ сходитъ съ своего поприща безъ сожалѣнія. Онъ не оставляетъ за собою никакихъ плановъ и надеждъ, достойныхъ того, чтобы оплакивать ихъ утрату. Нарушилось призрачное равновѣсіе жизни—и онъ готовъ покончить съ собою такъ, какъ лучшіе люди нѣкогда кончали съ собою изъ-за бѣдствій родины, изъ-за крушенія политическихъ идеаловъ.

Чего недостаетъ этимъ людямъ? Общественныхъ и политическихъ партій, формулъ, принциповъ? Но и того, и другого и третьяго они вездѣ могутъ найти въ изобиліи. Любая книга дастъ вамъ десять формулъ, любой разговоръ подскажетъ вамъ нѣсколько принциповъ. Каждый, по выбору своему, можетъ объявить себя другомъ регламентаціи или защитникомъ свободы, протекціонистомъ или фритредеромъ, защитникомъ крупной или мелкой собственности, общины или участковаго владѣнія, артельнаго начала или частной предпріимчивости, брака церковнаго или брака гражданскаго, единоженства или многоженства, абсолютистомъ или конституціалистомъ, метафизикомъ или позитивистомъ— языкъ отказывается исчислить всѣ эти заглавія разныхъ принциповъ, умъ не можетъ уловить всѣхъ оттѣнковъ партій. Чего же вамъ нужно, чего нѣтъ, чего мы ищемъ? Почему жизнь наша не является столь же разнообразною, содержательною, заманчивою, какъ содержательны, заманчивы и разнообразны всѣ эти принципы, всѣ эти красивыя формулы?

Потому что всякій принципъ становится дѣйствительно практическимъ мотивомъ жизни только тогда, когда онъ

соотвѣтствуетъ внутреннему настроенію человѣка, когда онъ выражаетъ собою опредѣленную долю нашего дѣйствительнаго міросозерцанія, составляетъ часть нашего „я“. Безъ этой подкладки, принципъ—пустая формула, неспособная двинуть людей на подвигъ. При соотвѣтствіи принципа съ внутреннимъ содержаніемъ человѣка, послѣдній способенъ на геройскую смерть, какъ бы ни была бѣдна его жизненная обстановка, какъ бы ни былъ низокъ уровень его умственнаго развитія, какъ бы ни были странны его принципы.

Прослушайте старинную повѣсть о „морскомъ королѣ“ IX вѣка—Рагнарѣ Ладброгѣ. Онъ выросъ въ неприглядной и дикой скандинавской природѣ. Жизнь его ушла на буйные набѣги, сопровождавшіеся грабежами, пожарами и убійствами. Наконецъ онъ попался въ плѣнъ англійскому королю. Король бросилъ его въ темницу, наполненную ядовитыми змѣями. Онъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ. Но преданіе приписываетъ ему знаменитую смертную пѣснь, въ которой такъ полно выразилось міросозерцаніе норманскихъ викинговъ. Вся она—грозная симфонія на ту тэму, что человѣкъ призванъ къ войнѣ и что въ чертогъ Одина проникаютъ только по трупамъ враговъ.

„Мы рубились мечами,—пѣлъ морской король, терзаемый змѣями,—теперь я испытываю, что люди—рабы судьбы: они повинуются приговору фей, властвовавшихъ ихъ рожденіемъ. Когда я пустилъ въ море мои корабли, я думалъ насыщать волковъ, а не встрѣтиться съ концомъ моей жизни. Но радуюсь, вспоминая, что мнѣ приготовлено мѣсто въ чертогахъ Одина. Тамъ, за великимъ пиромъ, будемъ пить пиво полными черепами...

„Мы рубились мечами въ сто-пятидесяти-одной битвѣ. Есть ли въ людяхъ король славнѣе меня? Смолоду я учился обагрять желѣзо кровью. Нечего плакать о моей смерти: пора мнѣ кончить. Посланныя ко мнѣ Одиномъ богини зовутъ меня и приглашаютъ. Иду. Сяду въ первыхъ рядахъ пить пиво съ богами. Жизнь моя прошла. Умираю, смѣясь“.

Попробуйте остановить натискъ людей, предводимыхъ

такими викингами! Англія нѣсколько разъ дѣлалась добычей этихъ удальцовъ, франкская монархія запиналась подъ ихъ ударами и едва отдѣлалась уступкою богатѣйшей провинціи. Что составляло ихъ силу, гдѣ источникъ этой дикой отваги? Врядъ ли они съумѣли бы формулировать свои принципы, еще меньше подчинили бы они этимъ принципамъ свои страсти. Но мощный идеалъ владѣлъ всѣмъ внутреннимъ ихъ существомъ, и они шли на смерть, какъ на пиръ.

Возможность идеала опредѣляется именно извѣстнымъ внутреннимъ настроеніемъ; скажемъ больше: идеалъ есть опредѣленное настроеніе нашихъ нравственныхъ силъ. Ошибочно смѣшивать его съ опредѣленною теоріею, даннымъ принципомъ, законченною формулою. Весьма часто подъ именемъ идеала, разумѣется, отвлеченное представленіе о совершеннѣйшемъ общественномъ, экономическомъ, семейномъ и т. д. устройствѣ. Такъ говорятъ объ общественномъ идеалѣ Т. Мора, Кампанеллы, Фурье, Кабе и другихъ. Такъ говорятъ объ идеальномъ государствѣ Платона, хотя этотъ мыслитель самъ заявилъ, что оно не можетъ получить практическаго осуществленія. Но эти идеалы были только внѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго философскаго, нравственнаго, экономическаго и т. д. міросозерцанія, и притомъ выраженія, далеко не исчерпывавшія ихъ. Объ идеалѣ Платона нельзя судить по одному его трактату „О государствѣ“. Необходимо принять въ разсчетъ его разговоры о политикѣ и о законахъ, обратиться къ другимъ философскимъ его сочиненіямъ. И здѣсь мы не найдемъ полнаго, исчерпывающаго опредѣленія. Книга не выражаетъ всего человѣка, и выражаетъ его не всегда вѣрно—не даромъ Сократъ такъ не любилъ книгъ. Нужно принять въ разсчетъ школу Сократа, изъ которой вышелъ Платонъ, послушать его бесѣды съ учениками и друзьями, присмотрѣться къ его жизненной обстановкѣ, тогда бы поняли мы творческую силу, создавшую эти дивные разговоры, на которыхъ воспиталось столько поколѣній.

Идеалъ, понимаемый въ такомъ смыслѣ, есть неисто-

щимый источникъ всякихъ представленій, всякихъ принциповъ, выражающихъ душевное настроеніе человѣка, воспріявшаго идеалъ. Задача преобразователей человѣческой нравственности заключалась вовсе не въ томъ, чтобы представить людямъ проектъ всесовершеннѣйшаго устройства и планъ наилучшаго образа жизни. Сократъ произвелъ свою философскую революцію, не написавъ ни одной строки и не нарисовавъ ни одного плана человѣческаго общества. Еще больше: все христіанское ученіе не содержитъ въ себѣ проекта наилучшаго общественнаго устройства.

Христіанская проповѣдь вся разсчитана на внутреннее перерожденіе человѣка; вся она имѣетъ цѣлію вызвать въ человѣкѣ опредѣленное душевное настроеніе. Христосъ рѣшительно отказывался дать видимые знаки приближенія царствія Божія, которое Онъ возвѣщалъ. Не говорите, проповѣдывалъ онъ, что царствіе Божіе здѣсь или тамъ: оно внутри васъ.

Во всемъ его ученіи не видно ни малѣйшей попытки создать что-нибудь похожее на кодексъ нравственности, на совокупность внѣшнихъ правилъ, которымъ достаточно слѣдовать, чтобы достигнуть полнѣйшаго совершенства. Развѣ его нагорная проповѣдь есть „совокупность правилъ“ человѣческаго поведенія? Развѣ она призываетъ людей къ какому-нибудь внѣшнему дѣйствію? Нисколько. Она говоритъ о жаждѣ правды, о милосердіи, о готовности претерпѣть гоненіе за истину, о тѣхъ чувствахъ человѣка, при которыхъ онъ можетъ найти внутренній миръ и будетъ готовъ на все. Развѣ онъ сказалъ людямъ—дѣлайте добро другъ другу? Онъ сказалъ—*люби* ближняго, и зналъ, что за любовью послѣдуютъ добрыя дѣла. Онъ осудилъ фарисея не за что иное, какъ за то, что фарисейство довольствовалось исполненіемъ внѣшнихъ правилъ и въ этомъ полагало всю добродѣтель. Въ глазахъ Христа мытарь былъ выше фарисея потому, что хотя онъ и не исполнилъ ни одного изъ внѣшнихъ правилъ, но внутреннее настроеніе его, въ минуту покаянія, было чище и выше фарисейской гордости. „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что

очищаете внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ какъ внутри они полны хищенія и неправды!“

Вотъ гдѣ сила христіанства. Овладѣйте внутреннимъ человѣкомъ, и вы овладѣете всѣмъ остальнымъ. Христіанство шло именно къ этой цѣли и меньшимъ не довольствовалось. Поэтому оно могло произвести величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ нравственныхъ переворотовъ; поэтому христіанскій идеалъ сдѣлался основаніемъ новой культуры. Не выступая впередъ съ законченнымъ и замкнутымъ кодексомъ человѣческой нравственности, оно сдѣлалось обильнымъ источникомъ разнообразныхъ принциповъ, основаніемъ различныхъ культурныхъ типовъ. Христіанская идея выразилась въ православіи, въ католицизмѣ и въ протестантизмѣ. Отъ этого общаго корня пошли разнообразнѣйшія секты въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Общее нравственное основаніе выразилось и въ сонмѣ мучениковъ, отдававшихъ себя на растерзаніе звѣрямъ во имя Христово, и въ аскетѣ Ѳиваидской пустыни, и въ воинѣ-крестоносцѣ, и въ Орлеанской дѣвѣ, поднявшей свое знамя на защиту родины, и въ суровомъ пуританинѣ, укрѣпившемъ свободу Англіи и основавшемъ новый политическій міръ въ Америкѣ. Какое различіе временъ, обстоятельствъ, уровня образованія, принциповъ, формулъ! И все это проникнуто, въ существѣ, одною мыслью, одухотворявшею цѣлые народы!

Но, скажутъ намъ, примѣръ христіанства можетъ ли быть примѣромъ, рѣшающимъ данный вопросъ? Ученіе христіанское, какъ ученіе религіозное, не могло быть обращено ни къ чему иному, какъ къ человѣку внутреннему. Философія политическая, имѣющая дѣло съ „царствомъ отъ міра сего“, не должна ли обращать преимущественное вниманіе на предметы видимые, на вопросы осязаемые, на дѣйствія внѣшнія? Конечно. Но если ея системы, теоріи и принципы не будутъ имѣть никакого воздѣйствія на внутреннее настроеніе человѣка, если они не будутъ разсчитаны на нравственное возрожденіе людей, они останутся безплодною игрою ума, бездушною комбинаціею законовъ и учрежденій.

Одинъ изъ величайшихъ политическихъ мыслителей прошлаго вѣка, умъ геніальный, хотя и парадоксальный, Ж. Ж. Руссо началъ свое обличеніе современнаго ему общества именно съ нападенія на его нравственную дряблость. Общество, гордившееся великими научными открытіями, изяществомъ своихъ правовъ, изысканностію обращенія, бесѣдовавшее за веселыми ужинами о системѣ Ньютона и теоріи Кондильяка, о духѣ законовъ Монтескьё и послѣднемъ сочиненіи Вольтера, общество это жило блестящею внѣшнею жизнью. Нужно прочесть современные мемуары, вдуматься въ блестящую характеристику Тэна, чтобы понять жизнь этого „культурнаго слоя“, полагавшаго, что онъ довелъ цивилизацію до послѣдней степени совершенства. Часть и брганъ этого общества, Дижонская академія, задаетъ на конкурсъ тэму слѣдующаго содержанія: „содѣйствовало ли возрожденіе наукъ очищенію правовъ?“ Опасный вопросъ! Можно было подумать, что при одномъ взглядѣ на тотъ просвѣщенный, изящный и учтивый культурный слой каждый сочинитель падетъ ницъ и пропоетъ гимнъ наукамъ? Но въ правленіи академіи полученъ загадочный пакетъ. Въ немъ содержалась слава неизвѣстнаго еще писателя, но слава эта будетъ пріобрѣтена не на счетъ восхваленія наукъ.

„Какъ пріятно, — писалъ онъ, — было бы жить среди насъ, если бы внѣшнее приличіе было всегда выраженіемъ сердечнаго настроенія, если бы благопристойность была добродѣтелью, если бы наши принципы служили для насъ правиломъ, если бы истинная философія была нераздѣльна съ названіемъ философа!“

Но, увы! страстная и сильная діалектика женевскаго философа разоблачила, что̀ скрывалось подъ этою блестящею внѣшностью. Если принять въ разсчетъ, что знаменитая „рѣчь“ обращалась къ обществу, унесенному революціею менѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ она была написана; если принять это въ разсчетъ, говорю я, то нельзя читать ее безъ особеннаго ощущенія. Она—точно отходная, написанная заживо и для здороваго, повиди-

мому, человѣка. Гдѣ и въ чемъ искалъ Руссо этихъ симптомовъ смерти? Именно въ этомъ страшномъ несоотвѣтствіи внѣшняго и внутренняго, въ отсутствіи человѣка, съ здоровыми и неизвращенными инстинктами, человѣка, возвращеннаго къ природѣ, къ естественному чувству изъ того міра призраковъ, въ которомъ жилъ и глохъ современный ему человѣкъ. Вотъ почему онъ противопоставилъ этому человѣку другого, въ своемъ Эмилѣ. Вотъ почему онъ такъ много писалъ о воспитаніи — гораздо больше, чѣмъ о политикѣ.

Можетъ быть,—старая исторія? Есть примѣры изъ исторіи новой, почти современной. 27 января 1848 года, французская палата депутатовъ была занята бурными преніями по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Политика правительства, особенно внутренняя, подверглась строгому разбору. Никто изъ членовъ палаты не полагалъ однако, что дѣло кончится низверженіемъ іюльской монархіи. Оппозиція мечтала о перемѣнѣ министерства, крайніе изъ крайнихъ не шли дальше „реформы избирательнаго права“. Большинство спокойно и самодовольно держалось за status quo. Пренія благополучно вращались около частныхъ политическихъ вопросовъ. Вдругъ одинъ изъ членовъ палаты, извѣстный Токвиль, перенесъ дѣло на совсѣмъ иную почву. Вмѣсто того, чтобы говорить о финансахъ, объ администраціи и тому подобномъ, онъ повернулъ свою аргументацію противъ палаты, противъ той, въ цензѣ состоявшей Франціи, которая давала странѣ ея представителей.

„Господа,—говорилъ онъ,—быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что нынѣшнее положеніе вещей, нынѣшнее состояніе мнѣнія и умовъ во Франціи способно безпокоить и огорчать. Что касается меня, то я заявляю палатѣ откровенно, что въ первый разъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ я ощущаю нѣкоторый страхъ за будущее. Справедливость моихъ словъ доказывается тѣмъ, что они присущи не одному мнѣ.—Если я вѣрно понялъ сказанное недавно г. министромъ финансовъ,—кабинетъ самъ допускаетъ дѣйствительность впечатлѣнія, о которомъ я говорю. Но онъ

приписываетъ его разнымъ частнымъ причинамъ, недавнимъ случаямъ изъ нашей политической жизни, сборищамъ, взволновавшимъ умы, словамъ, возбудившимъ страсти.

„Господа, я боюсь, что, приписывая признанное зло такимъ причинамъ, хватаются не за болѣзнь, а за симптомы. Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что болѣзнь не здѣсь; она глубже и имѣетъ болѣе общій характеръ. Эта болѣзнь, которую нужно излечить во что бы то ни стало, иначе она унесетъ всѣхъ насъ, всѣхъ, слышите ли вы; болѣзнь эта— состояніе, въ которомъ находится духъ общественный, общественные нравы".

Здѣсь развертываетъ Токвиль картину этого нравственнаго паденія буржуазіи наканунѣ той революціи, которая дѣйствительно унесла палату, нетерпѣливо слушавшую оратора. Буржуазія, палата и правительство одинаково были привлечены имъ къ отвѣтственности.

„Я убѣжденъ,—говорилъ онъ,—что духъ общественный и нравы общества находятся въ опасномъ состояніи, и думаю, что правительство содѣйствовало и содѣйствуетъ къ увеличенію этой опасности. Вотъ что̀ заставило меня взойти на трибуну".

Обращаясь прежде всего къ палатѣ, ораторъ пригласилъ депутатовъ министерскаго большинства сдѣлать небольшой статистическій обзоръ избирательныхъ собраній, пославшихъ ихъ въ палату. „Пусть отнесутъ они къ первой категоріи тѣхъ, кто подаетъ за нихъ голосъ не въ силу политическихъ убѣжденій, но по дружбѣ и сосѣдству; во второй разрядъ пусть поставятъ они тѣхъ, кто вотируетъ за нихъ не во имя интересовъ общихъ, а ради интересовъ чисто мѣстныхъ. Къ этой второй категоріи пусть они прибавятъ лицъ, голосующихъ изъ личныхъ разсчетовъ, и я спрошу ихъ, много ли останется отъ этихъ „категорій"; я спрашиваю ихъ, составляютъ ли лица, вотирующія по безкорыстному общественному чувству, въ силу убѣжденій и политическихъ страстей, большинство избирателей, давшихъ имъ депутатскія полномочія? Я убѣжденъ, что они легко откроютъ противное. Позволю себѣ спро-

сить еще, не возростаетъ ли число лицъ, голосующихъ изъза личныхъ и частныхъ интересовъ въ теченіи послѣднихъ пяти, десяти, пятнадцати лѣтъ? Не уменьшается ли число тѣхъ, кто вотируетъ по убѣжденіямъ политическимъ? Пусть скажутъ они, наконецъ, не устанавливается ли вокругъ нихъ, на ихъ глазахъ, въ общественномъ мнѣніи странная терпимость фактовъ, о которыхъ я говорю? Не образуется ли мало-по-малу вульгарной и низкой морали, по ученію которой человѣкъ, обладающій политическими правами, долженъ пользоваться ими въ своихъ личныхъ интересахъ, въ интересахъ своихъ дѣтей, жены, родныхъ; не возводится ли это понемногу на степень обязанности отца семейства? Не распространяется ли, не овладѣваетъ ли умами эта новая мораль, неизвѣстная въ великія времена нашей исторіи, неизвѣстная въ началѣ нашей революціи? Спрашиваю ихъ объ этомъ?

„Что же это, какъ не глубокое и послѣдовательное паденіе, полное развращеніе общественныхъ нравовъ?“

Дошла очередь и до министерской скамьи. Токвиль согласился, что правительство Людовика-Филиппа, въ теченіи 18 лѣтъ своего существованія, расширило свою власть больше, чѣмъ этого можно было ожидать. Но какими средствами достигнутъ подобный результатъ? Какъ отразился онъ на общественной нравственности?

„Способъ, которымъ достигнутъ этотъ результатъ,—говорилъ Токвиль,—способъ окольный, до извѣстной степени подложный, нанесъ общественной нравственности гибельный ударъ. Присвоеніемъ старыхъ прерогативъ, которыя считались уничтоженными въ 1830 году; оживленіемъ старыхъ правъ, считавшихся отмѣненными; возстановленіемъ старыхъ законовъ; примѣненіемъ законовъ новыхъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были составлены — этими окольными путями, этимъ ученымъ и выдержаннымъ мастерствомъ (industrie), правительство расширило свое дѣйствіе и вліяніе болѣе, чѣмъ какое бы то ни было французское правительство.

„Вотъ, господа, что сдѣлало правительство и особенно

нынѣшнее министерство. Думаете ли вы, что этотъ путь, который я только-что назвалъ окольнымъ и подложнымъ, этотъ путь—пріобрѣтать власть по-немногу, захватывать ее неожиданно, пользуясь не-конституціонными средствами; думаете ли вы, что это странное зрѣлище ловкости и умѣнья обдѣлывать дѣла, представляемое публично въ теченіи многихъ лѣтъ, на обширномъ театрѣ цѣлой націи, смотрящей на васъ; думаете ли вы, что это зрѣлище способно улучшить нравы?"

Мы знаемъ, чѣмъ кончилось это великое „мастерство". Мы знаемъ даже больше. Намъ извѣстно, что февральская революція унесла актеровъ этой позорной драмы. Она выдвинула впередъ множество великихъ вопросовъ и принциповъ. Кому неизвѣстно, какимъ кукольнымъ и, въ то же время, кровавымъ образомъ разрѣшились эти вопросы. Какъ пользуясь тою же дряблостью общества, украдкою и насиліемъ утвердилось во Франціи позорнѣйшее изъ правительствъ, подъ которымъ глохла всякая мысль, всякое живое чувство.

„Франція 2 декабря,—писалъ Прудонъ,—не слѣдуетъ ни Евангелію, ни декларації правъ; это—ни монархія божественнаго права, ни демократія по революціи, ни правительство среднихъ классовъ съ равновѣсіемъ властей, какъ того желали хартіи 1814 и 1830 годовъ".

И въ этой странной Франціи человѣкъ палъ еще ниже. „Франція,—восклицаетъ тотъ же публицистъ, — утратила свои нравы... Скептицизмъ, опустошивъ религію и политику, опрокинулся на нравственность—въ этомъ состоитъ современное разложеніе. Подъ изсушающимъ дѣйствіемъ сомнѣнія, французская нравственность, въ ея внутреннемъ существѣ, разрушена. Ничто не устояло—разгромъ полный. Никакого понятія о справедливости, никакого уваженія къ свободѣ, никакой солидарности между гражданами. Нѣтъ учрежденія уважаемаго, нѣтъ принципа, который бы не былъ отрицаемъ и осмѣянъ. Намъ нечѣмъ и не о чемъ клясться. Наша клятва не имѣетъ смысла. Подозрѣніе, поражающее принципы, обращается и на людей: не вѣрятъ

больше ни въ неподкупность правосудія, ни въ честность власти.... Всеобщее направленіе, преданное эмпиризму; аристократія биржи, съ злобою „раздѣльщиковъ“ кидающаяся на общественное достояніе; средній классъ, умирающій отъ трусости и глупости; plebs, погрязшій въ нищетѣ и дурныхъ побужденіяхъ; женщина, воспламененная роскошью и мотовствомъ, безстыдное юношество, старческое дѣтство, духовенство, наконецъ, опозоренное скандаломъ и мщеніемъ, не вѣрящее само въ себя и чрезъ силу нарушающее общественное молчаніе мертво-рожденными догматами—таковъ профиль нашего вѣка“. И Седанъ доказалъ, насколько былъ правъ Прудонъ.

Въ другое время, столь же печальное, Ройе-Колларъ говаривалъ: „Общество обратилось въ прахъ; намъ остаются воспоминанія, сожалѣнія, утопіи, безумство и отчаяніе“.

Не свидѣтельствуетъ ли все это, что во всѣ времена возрожденія или упадка человѣческихъ обществъ, его преобразователи и даже просто изслѣдователи, обращали свое вниманіе на то, чѣмъ держатся всѣ учрежденія, безъ чего безсильны всѣ внѣшнія правила, самыя точныя и строгія—на складъ нравственныхъ убѣжденій человѣка?

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы убѣжденія не должны были выражаться въ опредѣленныхъ системахъ и принципахъ; чтобы эти системы и принципы не слѣдовало воплотить въ строѣ общественныхъ учрежденій. Хорошія учрежденія—великое воспитательное средство для общества. Во многихъ отношеніяхъ остаются справедливыми слова пиѳагорейца, цитированнаго Гегелемъ: „Хочешь ли сдѣлать своего сына хорошимъ человѣкомъ? Сдѣлай его гражданиномъ хорошаго государства“. Но весь вопросъ въ томъ, въ какомъ духѣ задуманы учрежденія, для какой цѣли совершенствуются внѣшнія условія. Если экономическія реформы задумываются съ тою только цѣлью, чтобы внѣшними способами увеличить матеріальное благосостояніе общества, если они разсчитаны только на стремленіе къ обогащенію, они никогда не достигнутъ цѣли. Они не будутъ полны и

никогда не будутъ полны потому, что творческою экономическою силою остается та же человѣческая личность, ея трудъ; а трудъ есть не только механическое дѣйствіе, но и нравственный актъ, нуждающійся въ нравственныхъ стимулахъ. Голая страсть къ наживѣ и къ матеріальнымъ наслажденіямъ способна породить спекуляцію, но не дастъ странѣ правильнаго и дѣйствительно производительнаго труда. Поэтому такія реформы не достигнутъ и своей цѣли. Цѣль дѣйствительной экономической реформы — увеличеніе суммы производства и правильное распредѣленіе богатствъ. Но безъ поднятія нравственнаго уровня общества трудъ всегда будетъ обращаться не на тяжкія, хотя и производительныя его отрасли, а на занятія легкія и въ данную минуту наиболѣе прибыльныя съ личной точки зрѣнія. Земледѣліе придетъ въ упадокъ, экстрактивная промышленность будетъ въ застоѣ, мануфактуры заглохнутъ, но процвѣтутъ мелкое торгашество, темныя банковыя операціи, синекуры въ желѣзно-дорожныхъ администраціяхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ. Въ результатѣ, вмѣсто типа трудовой личности, общество выработаетъ типъ хищника, обращающаго всѣ усилія общества въ свою пользу.

Для того, чтобы совершилось дѣйствительное экономическое обновленіе, необходимо, чтобы въ сознаніи каждаго вкоренилось убѣжденіе, что общество составляетъ одно цѣлое, солидарное въ своихъ интересахъ; что, поэтому, каждая отрасль труда, каждое частное занятіе имѣютъ не только индивидуальное, но и общественное значеніе. Когда каждый придетъ къ сознанію того, въ какой мѣрѣ интересы страны зависятъ оттого, какъ онъ будетъ дѣлать свое дѣло; когда онъ пойметъ, что его личный трудъ есть часть труда общественнаго, что его занятіе есть частица общей функціи цѣлаго общества,—тогда, говорю я, трудъ получитъ иное значеніе, иное направленіе и другую силу.

Подобное сознаніе, выработанное въ личности, отразится и на общественныхъ воззрѣніяхъ. То же сознаніе солидарности приведетъ общество къ тому, что каждый видъ и отрасль труда нуждаются въ одинаковомъ обще-

ственномъ попеченіи; что, слѣдовательно, и каждый классъ, каждая личность, посвятившая свои усилія опредѣленному занятію, имѣютъ право на общественную заботу. Установится твердое убѣжденіе, что образованіе, хорошія санитарныя условія, медицинская помощь и многое другое должны быть распространены на все общество, на всѣ его разряды и уголки. Въ такомъ смыслѣ можетъ установиться общественное равенство, но равенство прочное и дѣйствительное, а не навязанное силой, вслѣдствіе неожиданной катастрофы и потому неустойчивое и оскорбительное въ самомъ своемъ источникѣ.

Я остановился на одномъ примѣрѣ, показывающемъ, въ какомъ смыслѣ то, что́ я назвалъ идеаломъ, можетъ вліять на общественное развитіе. Эти примѣры можно бы увеличить до безконечности. Но это увеличило бы размѣры предположенной статьи. Не останавливаюсь на другихъ примѣрахъ еще потому, что мнѣ нужно, въ заключеніе, остановиться на одномъ возраженіи, повидимому, весьма сильномъ.

Наше время принято называть переходнымъ. Это слово для значительной части русскаго общества является источникомъ всяческихъ утѣшеній и, что̀ самое главное, средствомъ объясненія многихъ современныхъ явленій. Нужно ли объяснить путаницу понятій, отсутствіе строго-опредѣленной системы, упадокъ литературы, апатію, страсть къ матеріальнымъ утѣхамъ—объясненіе готово: мы живемъ въ переходное время. Старое, говорятъ намъ, отживаетъ свой вѣкъ, новое еще не окрѣпло и едва нарождается, и умъ колеблется между тѣмъ, что́ проходитъ, и другимъ, что еще виднѣется вдали. Негдѣ образоваться твердому убѣжденію, негдѣ сложиться непреклонному характеру.

Таково общее мнѣніе, скажемъ больше:—общій предразсудокъ. Возгласы о переходномъ времени уже столько лѣтъ въ ходу, что успѣли стать предразсудкомъ, общимъ мѣстомъ, принимаемымъ всѣми на вѣру, безъ размышленія и сомнѣнія. „Переходному времени“ приписывается все, на него сваливается все, такъ же, какъ недавно еще все

приписывалось вліянію „среды“, якобы „заѣдающей“ чадъ своихъ на подобіе Сатурна. Этотъ предразсудокъ необходимо изгнать. Это повелѣваетъ намъ долгъ совѣсти.

И вотъ почему на насъ лежитъ этотъ долгъ. Предразсудокъ, о которомъ мы говоримъ, не принадлежитъ къ числу невинныхъ повѣрій, въ родѣ „трехъ свѣчей“ или „тринадцати за столомъ“. Онъ гибельно дѣйствуетъ на весь ходъ нашей общественной жизни. Онъ парализуетъ умъ и волю нашего поколѣнія. Вѣрованіе во всемогущество переходнаго времени снимаетъ съ насъ отвѣтственность за все, что дѣлается вокругъ, какъ бы оно ни было странно и постыдно.

Но, успокоившись на этой формулѣ, мы готовы забыть, что наше время, какъ и всякое другое, имѣетъ свои опредѣленныя и неотложныя задачи, которыхъ некому выполнить, кромѣ насъ. Мы говоримъ: старое отживаетъ свой вѣкъ, а новое еще не окрѣпло и едва нарождается. Но на комъ же, спрашиваю я, лежитъ обязанность думать и заботится о томъ, чтобы старое въ самомъ дѣлѣ отжило и больше не возвращалось, а новое дѣйствительно взросло и окрѣпло? Что, если, благодаря намъ, старое вновь пуститъ ростки, а новое сдѣлается старымъ и отойдетъ въ вѣчность? Мы способны забыть, что нѣкоторыя задачи должны и могутъ быть разрѣшены именно теперь; что для будущаго онѣ могутъ сдѣлаться тяжкимъ бременемъ и источникомъ великихъ бѣдствій. Будемъ помнить еще, что каждое поколѣніе, независимо отъ своихъ обязанностей предъ потомствомъ, живетъ еще и для себя. Или мы собрались умирать завтра? Или въ нашихъ рукахъ готовъ уже ядъ или револьверъ для прекращенія нашего бѣдственнаго существованія въ „переходное время“? Мы сходимъ съ ума, мы топимся и стрѣляемся, мы по-просту складываемъ руки, превращаясь въ живыхъ мертвецовъ. Не настало ли время оглянуться на себя и провѣрить хоть часть своихъ предразсудковъ?... Оно настало!

Можно обсуждать послѣднее современное оживленіе нашего общества съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но вотъ что

кажется мнѣ несомнѣннымъ. Общество наше поняло, что восточный вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, къ которымъ можно относиться равнодушно, ссылаясь на „переходное время“. Такія тяжбы, какъ тяжба славянскаго міра съ міромъ мусульманскимъ, нельзя внести въ „очередной списокъ“. Они слушаются и рѣшаются безъ очереди. Исторія идетъ своимъ порядкомъ, и мы не можемъ остановить ее, какъ когда-то Іисусъ Навинъ остановилъ теченіе солнца. Вотъ первый симптомъ здраваго отношенія къ дѣлу. Стану ли я прибавлять къ этому изслѣдованіе мотивовъ, вызвавшихъ движеніе? Стану ли говорить объ этомъ взрывѣ всѣхъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ, о негодованіи на вѣковую неправду, о самоотверженіи, о крови нашихъ соотечественниковъ, пролитой въ защиту праваго дѣла, о добровольномъ налогѣ въ пользу славянъ, принятомъ на себя нашимъ обществомъ, о пожертвованіяхъ, гдѣ сотенныя бумажки богатыхъ сходились съ грошами крестьянскими, объ этомъ единодушіи, обратившемъ дѣло славянское въ русское, земское дѣло? Хвалить народовъ нельзя— они сами знаютъ себѣ цѣну. Но нельзя не придти къ убѣжденію, что въ этомъ движеніи — залогъ нашего внутренняго развитія. Кто разъ принималъ участіе въ великихъ національныхъ движеніяхъ, кто переживалъ великія минуты, тотъ возвратится къ своей „злобѣ дня“ не прежнимъ человѣкомъ, а человѣкомъ просвѣтленнымъ и нравственно-обновленнымъ.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ *).

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ умеръ; онъ умеръ въ Берлинѣ, возвращаясь изъ-за-границы, гдѣ только-что окончился печатаніемъ послѣдній выпускъ его „Окраинъ Россіи“. Въ этомъ фактѣ, можно сказать, вся исторія, весь смыслъ его жизни. Онъ умеръ, свершая свое служеніе Россіи, защищая тѣ начала, за которыя ему не разъ пришлось терпѣть невзгоду, но которымъ онъ всегда оставался вѣренъ. Будетъ ли онъ понятъ теперь, тотчасъ послѣ смерти? Въ этомъ мы сомнѣваемся. Что̀ такое былъ Самаринъ для массы общества? Для однихъ—блестящій ораторъ, умѣвшій говорить просто и занимательно; для другихъ—оригиналъ, съ разными „отсталыми“ идеями; для третьихъ—очень умный и образованный человѣкъ; для четвертыхъ—человѣкъ, нѣсколько „пикантный“, потому что писанія и рѣчи его

*) Эта небольшая статья появилась въ „Голосѣ“ чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти Ю. Ѳ. Мы рѣшились перепечатать ее и въ этой книгѣ, такъ какъ изъ нея отчасти видно, какого дѣятеля лишилась Россія въ самомъ началѣ послѣднихъ трудныхъ для нея лѣтъ. Кромѣ того, она объяснитъ посвященіе, предпосланное первой изъ напечатанныхъ здѣсь статей (значеніе идеала и т. д.). Эта статья написана подъ вліяніемъ личныхъ воспоминаній о Самаринѣ, которому авторъ многимъ и многимъ обязанъ. *А. Г.*

отличались так-называемых у насъ „оппозиціонныхъ“ духомъ.

Исторія объяснитъ его иначе и отведетъ ему иное мѣсто. Она распознаетъ въ немъ рѣдкій, даже странный типъ Русскаго гражданства. Удивительное, можетъ быть, непонятное для многихъ слово! Между тѣмъ, безъ него мы не поймемъ Самарина. Все, что было въ Юріѣ Ѳедоровичѣ—возвышенный и тонкій умъ, образованіе научное и философское, даръ слова, блестящій слогъ, сила характера,—все это было побочными только качествами, такъ-сказать служебными средствами для главнаго его дѣла, для основной черты этого замѣчательнаго типа.

Самаринъ былъ очень богатъ, имѣлъ большія связи въ высшемъ свѣтѣ: привлекательная наружность, даръ слова, отличное свѣтское образованіе обезпечивали ему успѣхъ и въ свѣтѣ, и на службѣ. Приманка—соблазнительная въ тѣ времена, когда всѣ шли въ службѣ едва ли не цѣль жизни. Юрій Ѳедоровичъ началъ служить, кажется, по настоянію родныхъ: но служба пошла особымъ порядкомъ. Очевидцы, познакомившіеся съ Самаринымъ въ первый пріѣздъ его въ Петербургъ, съ любопытствомъ смотрѣли на этого блестящаго юношу, спрашивали себя, что выйдетъ изъ него, разбираемаго нарасхватъ на всѣ вечера, во всѣ гостиные. Они ждали недолго. Самаринъ не остался въ министерствахъ: онъ уѣхалъ въ прибалтійскія губерніи съ генералъ-губернаторомъ Голокинымъ. При новомъ генералъ-губернаторѣ служба Самарина кончилась катастрофой...

Катастрофу нетрудно было предвидѣть тому, кто хоть немного зналъ коренныя убѣжденія молодого Самарина, ту среду, въ которой онъ выросъ. Юрій Ѳедоровичъ выросъ и воспитался среди людей, окрещенныхъ именемъ „славянофиловъ“. Здѣсь не мѣсто перебирать и оцѣнивать всѣ ихъ воззрѣнія. Въ данномъ случаѣ достаточно указать на одну отличительную черту этой школы: она первая у насъ оцѣнила и выдвинула впередъ значеніе народности, какъ нормальнаго основанія историческаго развитія каждаго народа. Въ то время, какъ Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковы ста

рались примѣнить свои начала къ вопросамъ чисто культурнымъ (религія, наука, искусство, философія), Самарину пришлось приложить ихъ къ вопросамъ политическимъ и, притомъ, не въ теоріи только, а на практикѣ.

Въ умѣ человѣка, усвоившаго себѣ начала народности, естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ относятся прибалтійскія губерніи къ Россіи? Составляютъ ли онѣ, должны ли онѣ составлять часть одного органическаго цѣлаго, или это особый край, отличный отъ Россіи, только связанный съ нею общимъ подчиненіемъ одной власти? Съ чисто чиновничьей точки зрѣнія, такой вопросъ представлялся, пожалуй, праздным. Не все ли равно, во имя чего русская администрація распоряжается въ краѣ? Не все ли равно, во имя чего жители края, въ данную минуту, повинуются администраціи? Но Самарину, усвоившему себѣ иныя воззрѣнія и знакомому съ исторіей „края", дѣло представлялось въ иномъ видѣ. Онъ зналъ, что элементъ административный самъ по себѣ неспособенъ слить въ одно цѣлое всѣ части государства; что прибалтійскія губерніи бывали подъ „властью" Швеціи и въ зависимости отъ Польши, но благополучно „отваливались" отъ нихъ въ благопріятную минуту. Единство политическое, т.-е. механическое, будетъ миражемъ безъ единства народнаго. Поэтому, задача каждой администраціи, дѣйствующей на окраинахъ— поднять и укрѣпить общественные элементы, дружественно расположенные къ основному населенію государства. Головинъ и его сподвижники хорошо видѣли эти элементы: латыши и эсты должны быть эмансипированы изъ подъ нѣмецкаго вліянія и воспитаны въ интересахъ Россіи. Но для этой цѣли необходимо было коснуться тѣхъ средневѣковыхъ привилегій, благодаря которымъ не только латышъ, но даже русскій, вступавшій на остзейскую почву, былъ безправенъ. Необходимо было измѣнить городское устройство, въ силу котораго никакой торговецъ, никакой ремесленникъ не былъ огражденъ въ своихъ интересахъ, если онъ не принадлежалъ къ привилегированной и чисто нѣмецкой корпораціи. Необходимо было подумать о положе-

ніи русскихъ элементовъ, русской церкви въ Прибалтійскомъ Краѣ; напрашивался вопросъ о крестьянахъ, „устроенныхъ“ въ 1819 году...

Старые принципы, скажутъ намъ: Divide et impera! Нѣтъ, не старые, а очень новые. Подивимся же этому юношѣ, который, при полномъ господствѣ крѣпостного права въ Россіи, понялъ естественный союзъ своей страны съ низшими классами населенія во всѣхъ окраинахъ; въ чиновникѣ рижскаго генералъ-губернатора проглядывалъ уже видный дѣятель по крестьянскому дѣлу въ Россіи. Мало того: во время полной административной опеки въ Россіи, когда народность понималась развѣ въ однѣхъ пѣсняхъ, молодой чиновникъ вдругъ заговорилъ объ интересахъ этой народности въ спеціально и особенно привилегированномъ краѣ.

Такіе голоса были слишкомъ новы, и дѣло должно было кончиться катастрофой. Нѣмцы поняли своего врага — это неудивительно и понятно. Администрація не могла еще понять своего истиннаго друга—это также неудивительно. Самаринъ написалъ нѣсколько писемъ объ истинномъ положеніи края. Письма были признаны неблагонамѣренными, и съ авторомъ поступили какъ съ человѣкомъ безпокойнымъ. Самъ Юрій Ѳедоровичъ относился къ катастрофѣ безъ всякой горечи. Онъ понималъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, съ нимъ было поступлено даже снисходительно. „Недавно опредѣлившійся на службу титулярный совѣтникъ—писалъ онъ—осмѣлившійся, не будучи къ тому призванъ своимъ начальствомъ, произнести осужденіе высшаго управленія, не могъ избѣгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ, искренность и намѣренія провинившагося остались незаподозрѣнными“. Это большое утѣшеніе. Имъ онъ обязанъ покойному Государю, который самъ разсматривалъ дѣло Юрія Ѳедоровича и призывалъ его къ себѣ для объясненія. „Едва ли нужно прибавлять — продолжаетъ Юрій Ѳедоровичъ—что я вспоминаю теперь (въ 1867 году) объ этомъ давно прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ, я очень благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго императора съ

глазу на глазъ, слышать прямодушную рѣчь его и унести изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія образъ историческаго лица, неожиданно передо мною явившагося въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія"...

Тѣмъ, кто зналъ Юрія Ѳедоровича, едва ли нужно доказывать, что приведенная нами выписка не есть риторическій оборотъ, театральная поза. Одно изъ замѣчательныхъ качествъ покойнаго—необыкновенная терпимость чужихъ мнѣній и умѣнье различать и цѣнить хорошее въ другихъ. Этимъ объясняется странное, повидимому, обстоятельство. Самаринъ, догматикъ и строгій хранитель славянофильской теоріи, лично могъ сближаться искренно и сердечно съ людьми иного образа мыслей. Онъ, представитель очень опредѣленной доктрины, никогда не былъ человѣкомъ кружка. Мнѣ часто приходилось слышать теплые отзывы его о Грановскомъ, Чаадаевѣ и другихъ, даже болѣе жаркихъ его противникахъ. До послѣдняго времени я любовался чувствомъ дружбы и уваженія, соединявшими Самарина — бойца славянофольской идеи, съ К. Д. Кавелинымъ, ветераномъ школы „родового быта". Смотрѣть на эти чистыя отношенія двухъ чистыхъ людей было для меня истиннымъ наслажденіемъ; они составятъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моей собственной жизни...

Итакъ, въ 1847 году Самаринъ принялъ свое крещеніе. Исторія увидитъ въ этомъ крещеніи не маловажный фактъ нашей общественной жизни. „Недавно поступившій на службу титулярный совѣтникъ", бесѣдующій съ императоромъ объ интересахъ Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ—явленіе для 1847 года немного новое, даже исключительное въ своемъ родѣ... Катастрофа кончилась благополучно. Чрезъ нѣсколько времени мы застаемъ Юрія Ѳедоровича правителемъ канцеляріи у кіевскаго генералъ-губернатора, Д. Г. Бибикова. Здѣсь для Самарина дѣла было больше. Д. Г. Бибиковъ, какъ извѣстно, энергически взялся за устройство южнорусскихъ крестьянъ и, при дѣятельномъ участіи Ю. Ѳ., сдѣлалъ для нихъ все, что было въ его силахъ по тому времени.

Наконецъ, послѣ новыхъ „катастрофъ“ для Самарина, настала пора и для отмѣны крѣпостного права въ Россіи. Юрій Ѳедоровичъ былъ призванъ къ участію въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, гдѣ онъ засѣдалъ въ административномъ и хозяйственномъ отдѣленіяхъ, вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ, княземъ В. А. Черкасскимъ, С. М. Жуковскимъ, Я. А. Соловьевымъ и другими. Нужно ли говорить, какъ отнесся онъ къ новымъ своимъ обязанностямъ? Отмѣна крѣпостного права была привѣтствована людьми всѣхъ направленій (не говоримъ о разныхъ уродствахъ). Но для Самарина и его друзей смыслъ освобожденія народа не исчерпывался провозглашеніемъ человѣческихъ правъ двадцатимильонной массы и обезпеченіемъ экономическаго ея быта. Для славянофиловъ крѣпостные не были только массой угнетенныхъ; они видѣли въ крестьянствѣ хранителя національныхъ преданій, русской „пошлины“. Въ крестьянскомъ „мірѣ“, въ общинѣ они видѣли нетронутые зачатки общественныхъ идеаловъ. Пустить народъ на волю, дать ему землю и самоуправленіе значило внести въ наше „администрированное“, такъ-сказать, общество новый элементъ— элементъ будущаго его земскаго перерожденія. Исторіи еще предстоитъ оцѣнить вліяніе славянофильскихъ идей въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій и выработанныхъ ею началъ крестьянскаго самоуправленія.

Самаринъ былъ призванъ въ коммиссію не въ качествѣ служащаго. По освобожденіи крестьянъ, онъ не занималъ никакого служебнаго положенія. Онъ снова попыталъ свои силы на поприщѣ литературномъ. Его мысли снова обратились къ вопросу объ окраинахъ Россіи. Раскрыть элементы, противодѣйствующіе русскимъ интересамъ, указать элементы намъ дружественные и уяснить ихъ значеніе — такова общая цѣль его публицистической дѣятельности. Для достиженія ея онъ обращался и къ исторіи, и къ современнымъ явленіямъ. Всѣ помнятъ его письма объ іезуитахъ; но скоро Самаринъ сталъ извѣстенъ, какъ авторъ знаменитыхъ „Окраинъ Россіи“, вполнѣ уяснившихъ его политическое міросозерцаніе. Намъ не удалось видѣть Юрія

Ѳедоровича послѣ закрытія рижскаго генералъ-губернаторства, этого мудраго и своевременнаго правительственнаго акта. Можетъ быть, въ письмахъ его найдутся отзывы объ этой мѣрѣ.

Не одна, однако, публицистика занимала его время. Свободный отъ службы, онъ посвящалъ себя дѣятельности общественной. Труды его раздѣлялись между народными школами, которыми онъ усердно занимался у себя въ деревнѣ, и занятіями по земскимъ и городскимъ дѣламъ въ Москвѣ. Городская дума и земское собраніе, вѣроятно, долго будутъ помнить этого усерднаго труженика, безъ устали работавшаго въ разныхъ коммиссіяхъ, тщательно изслѣдовавшаго самые спеціальные вопросы городского и земскаго хозяйства и благоустройства. Юрій Ѳедоровичъ не зналъ отдыха. Мысль его работала постоянно. Иногда онъ предавался видимому бездѣйствію, посѣщалъ общества, ораторствовалъ въ гостиныхъ. Но внимательный наблюдатель могъ всегда подсмотрѣть эту неустанную работу мысли, выражавшуюся въ замѣчательныхъ публицистическихъ трудахъ. И не въ одной публицистикѣ. Первоначальныя занятія философіей наложили на него свой отпечатокъ. Привычка къ отвлеченному мышленію не оставляла его до конца. „Васъ — писалъ ему Хомяковъ въ своемъ философскомъ письмѣ—я смѣло могу приглашать на крутыя высоты философскаго мышленія“. Недавно еще мы узнали о его полемикѣ съ К. Д. Кавелинымъ по поводу книги г. Кавелина „Задачи психологіи“. Хомяковъ могъ смѣло примѣнить къ нему слова Шеллинга: „Счастливы государства, гдѣ люди, зрѣлые и богатые положительными знаніями, постоянно возвращаются къ философіи, чтобъ освѣжать и обновлять духъ свой и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобъемлющими началами, которыя дѣйствительно управляютъ міромъ и связуютъ какъ бы неразрывными узами всѣ явленія природы и мысли человѣческой. Только отъ частаго обращенія души къ этимъ общимъ началамъ образуются мужи въ полномъ смыслѣ слова, способные всегда становиться передъ проломомъ и не пугаться никакого явле-

нія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружіе предъ мелочностью и невѣжествомъ даже тогда, когда, какъ нерѣдко бываетъ, многолѣтняя общественная вялость позволила крайне посредственнымъ людямъ возвыситься и крайне невѣжественнымъ сдѣлаться вожаками общества".

Таковъ дѣйствительно былъ Самаринъ, „мужъ" въ полномъ смыслѣ этого слова. Теперь невозможно оцѣнить всѣ его сочиненія, обнять всю его дѣятельность. Онъ нуждается въ подробной біографіи. Но, въ общихъ чертахъ, смыслъ его дѣятельности уже опредѣлился.

Самаринъ не былъ реформаторомъ, желавшимъ подчинить теченіе жизни какому-нибудь отвлеченному принципу. „Какъ русскій—писалъ онъ про себя—желающій служить моей родинѣ и въ мое время, я не принадлежу ни къ какой политической партіи, даже не признаю разумной причины къ образованію въ современной Россіи какихъ-либо партій свойства политическаго, въ серьезномъ значеніи этого слова. Я—не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не соціалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ". Онъ понималъ очень хорошо, что всѣ наши такъ-называемыя партіи суть отблескъ и отзвукъ иноземныхъ явленій; что идеи этихъ партій, понятныя на своей почвѣ, у насъ становятся безпощаднымъ и грубымъ „принципомъ" и, притомъ, отвлеченнымъ. Съ безпощадною ироніей осмѣялъ онъ нашихъ „охранителей" въ своемъ отвѣтѣ генералу Фадѣеву. Послѣ его аргументаціи поразительно ясна мысль, что все пресловутое „охраненіе" желаетъ идти путемъ революціоннымъ, т.-е. безпощадно ломая общественную жизнь во имя овлеченнаго принципа. „Для меня—говорилъ Самаринъ—все равно, откуда идетъ революція—съ улицы или изъ бель-этажей".

Противникъ ломки во имя идей, взятыхъ на прокатъ, Самаринъ былъ горячимъ адвокатомъ жизни. Онъ не касался ни принциповъ, ни правъ власти, но всѣми силами доказывалъ необходимость довѣрія между властью и обществомъ. „Неисправимый славянофилъ" (по его собственнымъ

словамъ), онъ глубоко вѣрилъ, что правительственное довѣріе къ обществу, выражавшееся въ современныхъ реформахъ, вызоветъ въ обществѣ всѣ силы, нужныя для обновленія родины. Самаринъ не былъ реформаторомъ, но онъ былъ человѣкомъ реформы, т.-е. горячимъ защитникомъ того, что пріобрѣтено обществомъ съ 1861 года. Какъ человѣкъ земскій, онъ видѣлъ въ „землѣ“, въ земскомъ самоуправленіи, въ зачаткахъ печатнаго слова, въ новомъ судѣ нетолько уступку принципамъ свободы, но условія, способныя поднять нашъ народный духъ, сообщить нашей политикѣ болѣе національный характеръ, стало быть, и разрѣшить вопросъ объ „окраинахъ“ въ пользу Россіи. Вотъ почему онъ возставалъ противъ нашей охранительной „пугачовщины“, т.-е. клики, поставившей себѣ цѣлью запугать правительство и подвигнуть его на ломку всего, созданнаго съ 1861 года. Всѣ эти „проекты“ производили на него болѣзненное ощущеніе. Ему казалось, что онъ присутствуетъ при совѣщаніи незванныхъ врачей, желающихъ насильственно сдѣлать операцію здоровому человѣку...

Не довѣряя никакимъ вывѣскамъ, какого бы онѣ ни были цвѣта, не вѣруя ни въ какое регламентированное благополучіе, онъ съ тѣмъ бо́льшимъ жаромъ отстаивалъ все, въ чемъ проявляется нравственная жизнь человѣка и общества.

Онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, старался устранить начало оффиціальности тамъ, гдѣ оно является началомъ нетолько безполезнымъ, но и мертвящимъ. Всѣ, вѣроятно, помнятъ его знаменитое предисловіе къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова. Вся сила его аргументаціи направлена къ уясненію истинныхъ отношеній вѣры къ политическому порядку, церкви къ государству. Изслѣдывая причины упадка вѣры, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно указывалъ, въ чемъ состоятъ условія обновленія церковной жизни и церковной проповѣди. Конечно, при жизни своей, онъ не имѣлъ многихъ утѣшеній. Но его предисловіе остается серьёзнымъ предостереженіемъ для всякаго, кому до́роги интересы церкви.

Не съ мѣньшею заботливостью относился онъ и къ тому, при помощи чего выражается внутренній міръ человѣка, его идеалы и стремленія, т.-е. къ слову. Вся дѣятельность Самарина была практическимъ примѣненіемъ формулы, высказанной К. Аксаковымъ: „правительству сила власти, народу сила мнѣнія“. Самаринъ глубоко вѣрилъ въ силу слова и желалъ для него возможно бо́льшаго простора. По своей природѣ, по своему широкому философскому образованію, онъ не могъ пугаться никакихъ мнѣній, самыхъ крайнихъ. Онъ сознавалъ пользу элемента недовольства, присущаго умамъ лучшихъ людей. „Въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ — говорилъ онъ — въ законахъ и пріемахъ правительства,—словомъ, въ томъ, что̀ обыкновенно подразумѣвается по̀дъ существующимъ порядкомъ вещей, всегда и вездѣ есть мѣсто для честной критики и законнаго осужденія. Пока люди, по̀дъ этимъ порядкомъ живущіе, дѣйствительно живутъ, развиваются и идутъ впередъ, лучшіе передовые люди никогда не находятъ въ немъ полнаго удовлетворенія всѣхъ, разумѣется, разумныхъ своихъ потребностей; въ этомъ неудовлетвореніи и въ исканіи лучшаго — начало политическаго, правильнаго прогреса“. Такъ далекъ былъ Юрій Ѳедоровичъ отъ „китайскаго самодовольства“, которое приписывалось ему и всей школѣ его противниками!

Вѣруя въ силу слова, Юрій Ѳедоровичъ пользовался этимъ орудіемъ съ большимъ достоинствомъ. Въ его писаніяхъ нельзя найти ни одной строчки, въ которой проглядывалъ бы духъ мелкой и рисующейся оппозиціи, желаніе уязвить противника, выставиться насчетъ другихъ. Онъ часто прибѣгалъ къ иронiи, но иронiи возвышенной, художественной, такъ-сказать, напоминающей иронію Паскаля. Читая и перечитывая его произведенія, нельзя не придти къ заключенію, что онъ относился къ слову, какъ человѣкъ свободный, считавшій своимъ правомъ и обязанностью говорить, когда того требовали насущные интересы родины.

Повторяемъ, Самаринъ нуждается въ біографіи. Она выяснитъ всѣ стороны его характера и дѣятельности. Ко-

нечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, откроются и нѣкоторые его недостатки. Но я твердо уяѣжденъ, что правдивая и подробная біографія, въ общемъ результатѣ, дастъ намъ типъ общественнаго дѣятеля, съ убѣжденіями твердыми и неподкупными, съ стремленіями чистыми и безкорыстными. Вотъ почему въ такой біографіи нуждается не столько покойный Юрій Ѳедоровичъ, сколько общество наше, гдѣ типы, подобные Самарину, должны имѣть высокое воспитательное значеніе.

Самаринъ скончался въ полномъ цвѣтѣ своихъ силъ. Ему было всего 58 лѣтъ. При сильной организаціи покойнаго, смерть его можетъ быть названа преждевременною. Почитатели и друзья поражены неожиданнымъ горемъ. Но дѣло, которому служилъ Юрій Ѳедоровичъ, не проиграетъ отъ этой кончины. Изъ рядовъ небольшого кружка настоящихъ охранителей русской земли, выбылъ еще одинъ сильный боецъ: нѣтъ Самарина живого: — остался Самаринъ умершій, но непережившій своей репутаціи, во всей прелести своего благороднаго характера, возвышенныхъ стремленій, своей истинно гражданской доблести. Воспоминаніе о немъ будетъ вдохновлять и давать силы многимъ и многимъ. Юрію Ѳедоровичу выпала счастливая доля: онъ скончался, но не отжилъ. Онъ продолжаетъ жить съ тѣми, для кого величіе Россіи, нравственное достоинство человѣка, вѣра въ силы и въ будущее родного народа—не пустыя слова. Нѣсколько десятковъ лѣтъ стоялъ Юрій Ѳедоровичъ на своемъ посту и ни разу не спустилъ флага, не уступилъ ни одной іоты изъ того, что́ онъ считалъ истиной. При жизни своей Самаринъ могъ примѣнить къ себѣ слова поэта:

Я все свершилъ. Мой образъ вылитъ.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ—
И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.

Рѣзецъ смерти совершилъ этотъ послѣдній взмахъ. Намъ остается бережно сохранить его память и передать ее нашимъ потомкамъ.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ *).

I.

Мнѣ приходится говорить о національномъ вопросѣ не въ первый разъ. Въ 1871 году, въ виду только-что завершившагося образованія германской имперіи, я затронулъ этотъ вопросъ въ публичныхъ лекціяхъ о Фихте-Старшемъ. Мнѣ хотѣлось найти нравственный зачатокъ этой сильной и воинствующей Германіи еще въ то время, когда главный ея оплотъ—Пруссія—была раздавлена подъ французскимъ владычествомъ. Мнѣ хотѣлось показать, какъ одинокій, но сильный духомъ философъ, въ минуту страшнаго упадка своего народа, не отчаялся въ его будущности. Не только не отчаялся: подъ угрозою французскихъ штыковъ, онъ предвозвѣстилъ его будущее величіе и міровое значеніе. Два года спустя, въ новомъ рядѣ публичныхъ лекцій, я возвратился къ этой темѣ. Но этотъ разъ я затронулъ его съ стороны, болѣе близкой къ нашему обществу. Рѣчь зашла о первыхъ славянофилахъ нашихъ—Хомяковѣ, Ки-

*) Статья эта составлена изъ трехъ публичныхъ лекцій автора (12, 14 и 17 декабря 1876 г., въ С.-Петербургѣ) и печатается въ томъ видѣ, въ какомъ были прочтены эти лекціи.

рѣевскихъ и К. Аксаковѣ. Мнѣ хотѣлось показать, какъ началась въ нашемъ сознаніи нѣкоторая реакція противъ крайнихъ выводовъ теоріи такъ-называемаго западничества. Теперь я снова рѣшаюсь обратить вниманіе нашего общества на этотъ предметъ.

Своевременно-ли? На это отвѣчаютъ, кажется, нынѣшнія событія. Года полтора тому назадъ горсть славянскихъ удальцовъ начала борьбу противъ турецкаго ига. Несмотря на всѣ усилія дипломатіи уладить дѣло мирнымъ путемъ и для сохраненія европейскаго мира—дѣло разрослось. За первымъ актомъ трагедіи послѣдовалъ второй: Черногорія и Сербія приняли участіе въ борьбѣ. Тысячи жертвъ пали съ обѣихъ сторонъ; десятки дипломатическихъ комбинацій смѣняли другъ друга, не разрѣшивъ дѣла. Начинается и третій актъ, гдѣ всѣ силы Европы готовятся быть въ игрѣ; мудрѣйшій изъ мудрыхъ не въ силахъ предвидѣть исхода дѣла. Невидимая рука ведетъ его отъ сложныхъ формъ къ другимъ, болѣе сложнымъ. Ружейные выстрѣлы Босняковъ и Герцеговинцевъ смѣнились болѣе внушительными залпами Сербскихъ и Черногорскихъ орудій, а за ними слышатся уже раскаты иной артиллеріи:

Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Мы инстинктивно сознаемъ, что движущее начало всей этой грозной борьбы есть національный вопросъ, права народностей, попранныхъ самымъ дикимъ и возмутительнымъ образомъ. Мы чувствуемъ, что въ данную минуту отъ насъ требуется напряженіе всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ. Мы не желали войны, но мы не отступимся предъ нею, если того потребуетъ наша честь. Не съ похвальбою и тщеславіемъ возьмемся мы за оружіе, а въ сознаніи многихъ и многихъ несовершенствъ нашихъ.

Таковы наши чувства; чувства, за которыя намъ нечего краснѣть предъ міромъ. Но однихъ чувствъ, одной вѣры въ правоту своего дѣла мало. Наше время двигается не одними чувствами, но и идеями. Для насъ недостаточно

сказать credo; мы хотимъ еще сказать знаю—и тогда убѣжденія наши укрѣпятся, силы наши удесятерятся. Мало сочувствовать борьбѣ за національную независимость; нужно еще знать, что національность, какъ всемірно-историческое явленіе, имѣетъ глубокія основанія въ законахъ историческаго развитія человѣческихъ обществъ. Въ противномъ случаѣ нашему чувству народности, нашему сочувствію къ народамъ единоплеменнымъ, грозятъ серьёзныя испытанія. Представимъ себѣ нѣкоторыя изъ нихъ.

Человѣкъ, вкусившій культуры, начавшій опредѣленную умственную жизнь, не можетъ уже жить одними инстинктивными стремленіями, наивною вѣрою въ извѣстное начало, какъ живетъ человѣкъ некультурный, непричастный къ жизни умственной. Человѣкъ цивилизованный доискивается разумныхъ основаній не только каждаго общественнаго явленія, но каждаго, непроизвольнаго даже движенія души своей. Все проходитъ предъ судомъ новаго и строгаго судьи—разума: любовь и ревность, патріотизмъ и самоотверженіе, война и миръ, церковь и государство. Все подвергается тщательной, иногда придирчивой критикѣ. Человѣкъ проходитъ чрезъ тяжелыя испытанія. Прощайте многіе золотые сны, сладкія надежды, наивныя, но утѣшительныя вѣрованія! Настаетъ пора сомнѣній, горькихъ разочарованій. Человѣкъ вкусилъ отъ древа познанія добра и зла—и изгоняется изъ первобытнаго рая. Всѣ его нравственныя силы должны выдержать борьбу съ разсудочностью. Не всѣ ее выдерживаютъ. Много слабыхъ натуръ останавливается на полдорогѣ. Зачатки разсудочности (рефлексіи) какъ бы раздвояютъ ихъ нравственное существо, парализируютъ ихъ волю. Подъ вліяніемъ полузнанія вырабатываются тѣ дряблыя натуры, которыя всѣмъ намъ знакомы изъ произведеній лучшихъ беллетристовъ нашихъ. Эти натуры стыдятся каждаго сильнаго и искренняго движенія своей души. Какъ огня боятся они настоящей любви, ёжатся при каждомъ сильномъ общественномъ движеніи, пугаются каждой смѣлой и оригинальной мысли. Золотая середина, „умѣренность и аккуратность“, выражаясь словами нашего знаме-

нитаго сатирика—единственный ихъ идеалъ. Фальшивое разочарованіе, напускной и ходульный скептицизмъ, дешевое отрицаніе—таковы отличительные признаки этихъ людей.

Но пусть люди не останавливаются предъ этою опасностію нравственной порчи. Пусть помнятъ они, что человѣкъ есть существо разумно-нравственное, что задача нашего развитія—полная гармонія всѣхъ нашихъ силъ, что наши инстинкты, стремленія могутъ сдѣлаться убѣжденіями только тогда, когда они овладѣютъ всѣмъ существомъ нашимъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливы слова Шеллинга, цитированныя покойнымъ Хомяковымъ:

„Только отъ частаго обращенія души къ общимъ началамъ, управляющимъ міромъ, образуются мужи въ полномъ смыслѣ слова, способные всегда становиться предъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружіе предъ невѣжествомъ и мелочностію“.

Счастлива страна, способная выработать такихъ мужей! Но первое для этого условіе — спокойное и свободное изслѣдованіе всѣхъ общественныхъ явленій. Мы нуждаемся въ этомъ спокойствіи и свободѣ духа для изслѣдованія занимающаго насъ вопроса. Современное движеніе въ пользу славянъ чрезвычайно сильно; оно охватило всѣ слои общества; оно оттѣснило на задній планъ всѣ другіе интересы. Можетъ быть, этого напряженія хватитъ для болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія балканскаго вопроса въ данную минуту. А потомъ? Потомъ, за временнымъ и сильнымъ напряженіемъ настанетъ періодъ усталости, даже разочарованія. Между тѣмъ славянскій вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть разрѣшены вдругъ въ полномъ объемѣ. Даже при наилучшихъ результатахъ нашихъ усилій въ данную минуту, намъ и дѣтямъ нашимъ останется страшно много дѣла—и для дѣла этого нужно постоянное напряженіе силъ, постоянное стремленіе къ одной цѣли, непрерывная, часто черная работа.

Что будетъ вдохновлять насъ для этой работы, если современныя стремленія наши впослѣдствіи подвергнутся

строгой критикѣ, если критика эта обратитъ неизбѣжное охлажденіе въ полное разочарованіе? Этотъ вопросъ слишкомъ серьёзенъ, и въ сознаніи такой важности, я рѣшился предпринять настоящій трудъ.

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какія испытанія ожидаютъ наши національныя и славянскія стремленія въ недалекомъ будущемъ. Для этого нѣтъ нужды прибѣгать къ предположеніямъ. Стóитъ только возобновить въ своей памяти то, чтó вообще говорилось противъ начала народности. Каждый слышалъ и читалъ это много разъ. Ограничимся общими чертами этихъ возраженій.

Началу народности, говорили намъ и будутъ говорить еще, есть начало противное интересамъ цивилизаціи. Культура едина; результаты ея вездѣ должны быть одни и тѣ же. Каждый народъ, хотя-бы своимъ путемъ, но долженъ придти къ одинаковымъ результатамъ. Если результаты должны быть общіе, то зачѣмъ хлопотать о различныхъ путяхъ? Не лучше-ли, не проще-ли усвоить себѣ учрежденія, методы и средства народовъ, дальше насъ ушедшихъ въ цивилизаціи? Къ чему напрягать умъ свой, когда другіе думали о томъ же предметѣ раньше и лучше насъ? Начало національности, льстящее нашему самолюбію, поведетъ насъ къ отчужденію отъ обще-культурнаго движенія цивилизованнаго человѣчества. Мы придемъ къ убѣжденію, что все наше, потому только что оно наше, безмѣрно выше всего чужого, потому только, что оно чужое. Самый источникъ чувства народности сомнителенъ. Не заключается-ли онъ въ затаенной враждѣ къ другимъ народностямъ? Цивилизація должна привести всѣ народы къ общенію и къ возможному единству. Цивилизація дастъ намъ всеобщій миръ, упрочитъ всеобщее благосостояніе. Чтó-же дѣлаетъ наше начало народности? Оно порождаетъ вражду и зависть между племенами, оно источникъ безконечныхъ войнъ, оно отвлекаетъ народы отъ производительной работы надъ своими внутренними задачами. Поданимъ въ себѣ эти чувства, приличныя развѣ племенамъ дикимъ. Изгонимъ его во имя высшихъ требованій культуры!

Таковы ходячія мнѣнія; таковы возраженія, которыя недавно еще можно было слышать на каждомъ шагу; мы услышимъ ихъ—будьте увѣрены!—въ недалекомъ будущемъ. Но не на эти только ходячія мнѣнія намѣренъ я возражать. Намъ необходимо дойти до корня дѣла, остановиться на томъ, что̀ даетъ душу этимъ ходячимъ мнѣніямъ, которыя являются только особымъ отзвукомъ, симптомами, такъ-сказать, болѣе глубокаго міросозерцанія. На этомъ міросозерцаніи, на этой системѣ понятій я и намѣренъ остановить ваше вниманіе, прежде чѣмъ позволю себѣ представить вамъ теорію народности.

Теорія народности есть дитя новаго времени. Этимъ объясняются и многія ея несовершенства, ея незаконченность. Система противоположная ей, которую я назову для удобства системою космополитическою, всечеловѣческою, гораздо старше и законченнѣе. Она ведетъ свое происхожденіе отъ древнегреческой философіи; она господствуетъ въ учебникахъ, въ политическихъ и историческихъ теоріяхъ. Она такъ близко знакома всѣмъ и каждому, что достаточно будетъ напомнить ее въ общихъ чертахъ.

Нечего напоминать, что она прежде всего зиждется на предположеніи единства всего человѣческаго рода. Основныя черты человѣка, его главныя потребности, страсти, формы мышленія вездѣ однѣ и тѣ-же. Различія между отдѣльными расами далеко не существенны и весьма измѣнчивы. Поэтому мы можемъ представить себѣ всемірную исторію, т.-е. ходъ всеобщаго развитія человѣчества, идущаго отъ одного и того-же источника, къ одной и той же цѣли. Отдѣльныя формы общественной жизни, черты нравовъ, отдѣльныя понятія въ одной странѣ могутъ отличать ее отъ другой. Но существо дѣла вездѣ остается одно и то-же. Понятно, какіе результаты получатся отъ приложенія этихъ взглядовъ къ общественной и политической теоріи. На чемъ зиждется фактъ общественности? Почему люди соединяются въ общество? Съ указанной выше точки зрѣнія, фактъ общежитія объясняется извѣстными побужденіями и нуждами человѣка вообще, одинаковыми

всѣми широтами и долготами. Человѣкъ имѣетъ извѣстныя потребности; онѣ развиваются непрерывно и онъ не можетъ удовлетворить ихъ своими силами. Вотъ почему онъ соединяется съ другими людьми. Въ сообществѣ съ другими, онъ пріобрѣтаетъ возможность защиты отъ враговъ и дикихъ звѣрей; въ общеніи съ другими онъ достигаетъ раздѣленія труда, совершенствуетъ и увеличиваетъ производство, накопляетъ большую массу богатствъ, получаетъ досугъ для умственной и нравственной жизни, кладетъ основаніе культурѣ и возможности дальнѣйшаго совершенствованія.

Основы общежитія сведены къ простымъ и яснымъ мотивамъ. Опираясь только на нихъ, мы дѣйствительно не можемъ не соединить въ одно цѣлое весь родъ человѣческій. Если потребности людей вездѣ одинаковы, если средства къ ихъ удовлетворенію также вездѣ должны быть одинаковы, то къ чему это различіе человѣческихъ обществъ, эти народности, составляющія притомъ особыя государства? Къ чему эти Англіи, Франціи, Италіи, Германіи — главное, къ чему эта Россія со всѣми ея особенностями? Не являются-ли эти національныя особенности оскорбленіемъ общечеловѣческой идеи, тормазомъ общаго хода культуры, препятствіемъ для сближенія, источникомъ предразсудковъ, безцѣльной вражды, особенно когда „предразсудки“ переносятся на политическую почву? Къ чему это множество и разнообразіе государствъ?

Общество, съ разсматриваемой точки зрѣнія, есть соединеніе людей, связанныхъ одинаковыми потребностями. Одною изъ такихъ потребностей является установленіе и охраненіе юридическаго порядка. Для осуществленія ея служитъ государство, во главѣ котораго поставлена опредѣленная верховная власть. Слѣдовательно, государство есть извѣстная масса лицъ, подчиненныхъ одной верховной власти, ради обезпеченія внѣшней безопасности и пользованія выгодами юридическаго порядка. Но какъ велика будетъ эта „масса лицъ?“ Изъ кого она составится? Это рѣшительно все равно. Турокъ и Сербъ, Черногорецъ и Мадьяръ, Англичанинъ и Французъ одинаково могутъ составить

политическое общество для „пользованія юридическимъ порядкомъ“. Если подобныхъ „общеній“ не составляется, или если, составившись, они ведутъ къ внутреннимъ смутамъ, это должно объяснить „національными предразсудками“, косностію массъ, невѣжествомъ, фанатизмомъ, всѣмъ, что̀ оскорбляетъ общечеловѣческое начало.

Цивилизованный, культурный человѣкъ долженъ стать выше этихъ предразсудковъ. Живя духовною, интеллектуальною жизнью, онъ не можетъ считать своимъ отечествомъ землю и воду данной страны, ея лѣса, поля и горы, съ населяющими ихъ косными и невѣжественными массами. Его отечество—весь цивилизованный міръ, а въ этомъ мірѣ онъ долженъ найти страну, стоящую въ данную минуту во главѣ цивилизаціи. Къ ней должны быть обращены его взоры, его помышленія. Отъ нея долженъ онъ ожидать указаній на то, что̀ дѣлать, въ какомъ направленіи идти. Конечно, онъ долженъ обращать свое вниманіе на породившую его страну. И его роль въ ней ясно опредѣлена. Онъ предназначенъ служить посредникомъ между нею и цивилизованнымъ міромъ. Оставаясь въ непрерывномъ общеніи съ источникомъ общечеловѣческой культуры, онъ долженъ вносить цивилизацію и въ окружающую его среду, прививать къ ней культурныя понятія, нравы и учрежденія. Счастливъ онъ, если усилія его увѣнчаются успѣхомъ! Если же нѣтъ, если родная страна не послушается его увѣщаній и назиданій, онъ будетъ знать что̀ дѣлать. Завернувшись горделиво въ свою мантію, онъ отвернется отъ общественнаго движенія и явится живымъ протестомъ противъ всего совершающагося мимо его воли. Если и этого будетъ мало, онъ уйдетъ окончательно въ себя, броситъ родину, удалится туда, гдѣ солнце цивилизаціи блещетъ ярче, гдѣ все понятно его уму и сердцу, гдѣ формы жизни вполнѣ соотвѣтствуютъ его душевному настроенію. Правда, онъ явится „туда“, какъ человѣкъ чужой, которому нечего дѣлать, на котораго каждый мѣстный житель смотритъ съ подозрительнымъ равнодушіемъ. Но у него явится досугъ мечтать о томъ времени, когда національныхъ перегородокъ между

странами уже не будетъ и каждый вездѣ найдетъ себѣ одинаковое дѣло.

Съ такимъ міросозерцаніемъ справиться не легко. Оно сложилось вѣками, оно ясно, оно построено безъ логическихъ противорѣчій и представляетъ множество другихъ удобствъ. Скажемъ больше: оно представляетъ многія вѣрныя стороны и, если я предпринялъ говорить о національномъ вопросѣ, то вовсе не съ тою цѣлью, чтобъ исключить начало общечеловѣческое изъ общественной и политической теоріи. Напротивъ: если я выступаю адвокатомъ народности, то именно потому, что въ ней я вижу одно изъ великихъ и непреложныхъ общечеловѣческихъ началъ, столь же великихъ, какъ и начало человѣческой личности. Мнѣ кажется даже, что послѣ признанія и торжества національнаго начала многіе общечеловѣческіе вопросы разрѣшатся полнѣе, лучше и справедливѣе, нежели при космополитическихъ взглядахъ.

Остановимся на одномъ изъ нихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній космополитической теоріи есть идея вѣчнаго мира. Вопросъ этотъ уже породилъ громадную литературу и въ ней встрѣчаются благороднѣйшіе умы человѣчества, начиная съ С.-Пьера и Канта. Но до сихъ поръ эта теорія остается мечтой; до сихъ поръ усилія лучшихъ умовъ не могутъ смягчить ужасовъ войны. И до сихъ поръ причину войны видятъ въ національномъ эгоизмѣ и предразсудкахъ. Это справедливо въ томъ только отношеніи, что дѣйствительно національное начало не получило должнаго примѣненія въ политической системѣ европейскихъ государствъ. Защитники вѣчнаго мира искали условій его не тамъ, гдѣ слѣдовало: они надѣялись на успѣхи однообразія культуры, т.-е. на успѣхи обезличенія народностей, между тѣмъ какъ его слѣдовало искать именно въ томъ, въ чемъ видѣли помѣху культуры: въ свободномъ развитіи національностей.

Есть еще одна сторона космополитическаго ученія, на которую я желалъ бы обратить вниманіе. Построенное на отвлеченномъ понятіи личности человѣческой, ученіе это

должно повидимому, дать широкое развитіе своему основному началу. Оно, повидимому, даетъ прочное основаніе для требованій свободы, равенства и братства всѣхъ людей; оно призываетъ все человѣчество на пиръ всеобщаго мира и всеобщей свободы. Но всеобщій миръ остается мечтою, а успѣхи политической и гражданской свободы и равенства, несомнѣнные въ различныхъ государствахъ Европы, какъ-то не даютъ должнаго удовлетворенія человѣческой личности, жаждущей иныхъ стремленій и цѣлей. Человѣческая личность не состоитъ изъ „свободы и равенства“, несмотря на всю важность этихъ условій, какъ внѣшнихъ средствъ правильнаго развитія человѣка въ обществѣ. Но всеобъемлющая общественная и политическая теорія, кромѣ формальныхъ условій человѣческаго бытія, должна думать еще о содержаніи личности, стало быть и о той средѣ, подъ вліяніемъ которой вырабатываются стремленія, идеалы и принципы личности. А эта сторона дѣла, сколько мнѣ кажется, упущена изъ вида теоріею космополитическою. Даже ходячее мнѣніе расходится въ этомъ отношеніи съ означенными воззрѣніями. На каждомъ шагу мы встрѣчаемся съ общимъ мѣстомъ, что каждый человѣкъ есть дитя своего народа и времени и, замѣтьте это, такой взглядъ на человѣка примѣняется главнымъ образомъ къ личностямъ выдающимся, коротко говоря—къ великимъ людямъ.

Вникнемъ въ смыслъ этой формулы, повидимому простой и ясной — каждый человѣкъ дитя своего народа и времени. Не значитъ-ли это, что каждый человѣкъ, независимо отъ элементарныхъ стремленій и свойствъ, присущихъ человѣку вообще, выражаетъ требованія своего времени, что въ немъ отражаются всѣ особенности его народа, особенности, сложившіяся вѣками и подъ вліяніемъ множества естественныхъ причинъ? Если такъ, то внутреннее развитіе личности не можетъ быть поставлено внѣ зависимости отъ народа, къ которому оно принадлежитъ. Непрерывное общеніе съ народомъ есть условіе ея развитія; отъ него получаетъ она міросозерцаніе, которымъ живетъ, идеалы, къ которымъ стремится, указанія на цѣли, кото-

рыя необходимо осуществить. Оторванная отъ народа, личность замыкается въ своемъ одиночествѣ, теряетъ творческую силу, обрекается на безплодіе и бездѣятельность. Она будетъ жить недосягаемыми принципами, безплодными порываніями, фантастическими стремленіями, но никогда она не дастъ народу чего-либо практически осуществимаго, насущнаго, такого, въ чемъ народъ призналъ бы свою нужду и свои идеалы.

Я замѣтилъ уже, что ходячее мнѣніе о тѣсной связи человѣка съ его народомъ примѣняется больше всего къ людямъ выдающимся и особенно къ великимъ. Въ самомъ дѣлѣ, великіе люди познаются именно потому, что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ стремленія, всѣ нужды ихъ народа и времени. Они, болѣе чѣмъ кто-бы то ни было, живутъ съ народомъ, отзываются на всѣ его радости и горести, идутъ на встрѣчу всѣмъ его требованіямъ, умѣютъ облечь въ плоть и кровь всѣ его стремленія и осуществить ихъ по мѣрѣ возможности. Поэтому они имѣютъ право дать эпохѣ свое имя. Мы понимаемъ, что значатъ выраженія: „время Петра Великаго, эпоха Лютера, Фридриха II“ и т. д. Наоборотъ, въ нихъ, болѣе чѣмъ въ комъ нибудь другомъ, отражаются всѣ особенности ихъ народа. Люди посредственные, мелкіе, вездѣ представляютъ одинъ и тотъ же типъ. Различія между англійскими, французскими, нѣмецкими и русскими посредственностями—чисто внѣшнія. Посѣтители салоновъ Парижа, Лондона и Петербурга представляютъ трогательное сходство. Но фигура великаго человѣка не укладывается въ общепринятыя формы. Лютера никакъ нельзя смѣшать съ Кальвиномъ; между Вашингтономъ и Лафайетомъ, Кантомъ и Адамомъ Смитомъ, Тюрго и Штейномъ нельзя не замѣтить глубокой разницы. Разница эта опредѣляется не временемъ — я сопоставляю современниковъ или почти современниковъ—, не различіемъ занятій—я сопоставляю людей, преслѣдовавшихъ одинакія цѣли, — даже не индивидуальными особенностями, а тѣмъ фактомъ, что каждое изъ названныхъ лицъ воплощало въ

себѣ особенности своего народа въ данную эпоху его исторической жизни.

Проиграли-ли отъ этого интересы человѣчества? Пострадало ли оно отъ этихъ особенностей, воплощавшихся въ лучшихъ представителяхъ отдѣльныхъ народностей? Напротивъ. Человѣчество всегда выигрывало и будетъ выигрывать отъ самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ народностей и представляющихъ ихъ личностей. Общій уровень культуры былъ поднятъ трудами Смитовъ, Локковъ, Кантовъ, Гегелей, Тюрго и другихъ, но каждый изъ нихъ могъ выработаться только на почвѣ своей народности. Гегель, въ самомъ дѣлѣ, былъ могущественнымъ выразителемъ нѣмецкой системы мышленія, но чрезъ его логику въ свое время прошли всѣ образованные европейцы. Кто не чувствуетъ, что теоріи Платона и Аристотеля выражали греческое міросозерцаніе, а развѣ не на нихъ воспитывалось европейское человѣчество? Развѣ наше юридическое образованіе основывается не на римскомъ правѣ? Развѣ англійскія политическія учрежденія не вліяютъ на континентъ Европы?

Исторія человѣчества не есть цѣльная и законченная система, задуманная по одному плану и проведенная съ безпощадною логикою. Ни одна личность не можетъ имѣть претензіи представить собою исчерпывающее воплощеніе цѣлаго человѣчества; не можетъ воплотить его въ себѣ и ни одна нація. Каждый народъ въ своей исторіи выражаетъ и доводитъ до опредѣленнаго результата только нѣкоторыя стороны всеобщаго содержанія человѣческаго духа. Общечеловѣческое начало есть начало, такъ-сказать, хоровое, въ которомъ каждому голосу, каждому звуку должно быть мѣсто, иначе мы съузимъ понятіе общечеловѣческаго до такихъ элементарныхъ и однообразныхъ рамокъ, что въ нихъ не будетъ уже мѣста личному творчеству. Если мы желаемъ сохранить личность, какъ начало творческое, какъ нравственное бытіе, то мы должны стремиться къ свободному развитію національностей, которыя однѣ даютъ основу и личному развитію.

Вотъ идеи, которыя я намѣренъ защищать въ предпри-

нятой мною работѣ. Есть основаніе думать, что онѣ найдутъ себѣ отзвукъ въ современномъ настроеніи нашего общества. Но я предпринялъ эту работу вовсе не съ цѣлью воспользоваться извѣстнымъ общественнымъ настроеніемъ и воздѣйствовать на чувства слушательницъ и слушателей. Я имѣлъ цѣлію представить результатъ моихъ научныхъ занятій и убѣжденій, слѣдовательно я обязанъ представить научныя доказательства моихъ воззрѣній. Конечно, я постараюсь представить эти доказательства въ формѣ наиболѣе доступной и понятной; но постараюсь сдѣлать это не въ ущербъ научному характеру статьи.

Еще одно замѣчаніе. При разсмотрѣніи занимающаго насъ предмета, я намѣренъ оставаться на почвѣ точныхъ и неоспоримыхъ фактовъ. Отвлеченныя размышленія бо́льшею частью недоказательны, особенно при изслѣдованіи такого культурно-историческаго явленія, какъ народность. Поэтому я позволю себѣ предложить вниманію публики историческое изслѣдованіе происхожденія національнаго вопроса. Мнѣ предстоитъ, другими словами, въ самомъ сжатомъ видѣ изложить весь ходъ европейской исторіи.

Задача трудная, но я надѣюсь выполнить его при помощи сочувствія публики. Провѣрка своихъ чувствованій и инстинктивныхъ стремленій путемъ научныхъ изслѣдованій; обращеніе своихъ стремленій въ сознательное убѣжденіе есть работа, къ которой призвано каждое общество, живущее историческою жизнью. Содѣйствовать, хоть сколько-нибудь, образованію такихъ убѣжденій, по вопросу чрезвычайной важности, по вопросу, изъ-за котораго уже льется кровь— такова моя задача; скажу больше: такова обязанность каждаго, у кого голова и сердце на мѣстѣ. Пусть пройдетъ безвозвратно то время, когда всякія отвлеченныя мысли, теоріи и системы ходили въ головѣ, нисколько не дѣйствуя на нравственныя чувства человѣка; когда, съ другой стороны, добрые порывы не находили опоры въ сознаніи. Мы вступаемъ въ одну изъ серьёзнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи. Намъ нужны цѣльные люди; люди, у которыхъ нѣтъ чувствъ непродуманныхъ и мыслей непрочувствованныхъ.

Съ такими людьми страна выполнитъ свои задачи, какъ бы онѣ ни были трудны!

II.

Если бы намъ пришлось бесѣдовать съ образованнымъ человѣкомъ XVIII столѣтія о происхожденіи человѣческихъ обществъ, мы услышали-бы много вещей, несовершенно понятныхъ нашему уму, воспитанному на знаніяхъ этнографическихъ, антропологическихъ, лингвистическихъ и историческихъ. Мы услышали бы, что образованію человѣческихъ обществъ и государствъ предшествовало такъ-называемое естественное состояніе, когда каждая личность была предоставлена себѣ самой и жила въ рѣшительномъ отчужденіи отъ другихъ. Такое состояніе представляло множество невыгодъ и человѣкъ вышелъ изъ него актомъ своей воли. Онъ вступилъ въ соглашеніе съ другими людьми, заключилъ съ ними договоръ и путемъ этого договора основалъ государство.

Конечно, первое возраженіе, которое можно бы сдѣлать человѣку XVIII ст., состоитъ въ томъ, что заключеніе государственнаго договора превышаетъ умственныя силы дикарей, только-что вышедшихъ изъ „естественнаго состоянія“. Дѣйствительно, какъ представить себѣ массу первобытныхъ людей, собравшихся для обсужденія слѣдующаго вопроса: „найти форму общества, покровительствующаго и защищающаго общею силою личность и имущество каждаго его члена, и въ которомъ каждый, соединяясь со всѣми, повиновался-бы однако только себѣ и оставался-бы столь же свободнымъ, какъ и прежде“. Между тѣмъ Руссо заставляетъ своихъ первобытныхъ людей разсуждать именно на эту тему.

Но человѣкъ XVIII вѣка не понялъ-бы нашего возраженія. Почему? Ясный и убѣдительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ разсмотрѣніе общества, съ которымъ имѣла дѣло эта политическая литература, преимущественно

общества французскаго, дававшаго тонъ всей Европѣ. Оно еще недавно анализировано Тэномъ въ его замѣчательномъ трудѣ: „Les origines de la France contemporaine“. Разбирая духъ и ученія французскаго общества XVIII ст. (а духъ и ученія этого общества давали тонъ всей Европѣ), Тэнъ говоритъ, что они опредѣлялись, между прочимъ, классическимъ направленіемъ и формою. Подъ именемъ классическаго направленія не должно разумѣть вліянія греческихъ и римскихъ писателей. Франція выработала свой классическій языкъ, свои академическія, такъ-сказать, формы рѣчи, господствовавшія въ ней въ теченіи двухъ столѣтій. Образованіе этихъ классическихъ формъ зависѣло прежде всего оттого, къ какой публикѣ обращались философы, поэты, ученые. Публика эта—дворъ и все, такъ или иначе прикосновенное къ придворнымъ сферамъ, къ блестящимъ гостинымъ, гдѣ собирались „благородные и благовоспитанные“ люди насладиться разговоромъ о всѣхъ возможныхъ предметахъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы литература XVIII вѣка не имѣла огромнаго вліянія на всю массу общества, чтобы она не была популярной. Я хочу сказать только, что тонъ, пріемы и языкъ писателей опредѣлялись главнымъ образомъ требованіями аристократическихъ сферъ. Французская аристократія, оттѣсненная королевскимъ абсолютизмомъ и бюрократіею отъ участія въ жизни политической, посвятила свой невольный досугъ обществу. Жизнь этого класса сосредоточилась въ гостиной. Надо отдать честь этимъ гостинымъ. Умственныя наслажденія, бесѣды о всѣхъ отрасляхъ знанія занимали здѣсь почетное мѣсто. Всякій выдающійся умъ, всякое открытіе обращало на себя вниманіе этихъ извѣстныхъ маркизъ и великосвѣтскихъ господъ. Вольтеры, Гельвеціи, Гольбахи, Кондильяки имѣли въ нихъ самыхъ внимательныхъ и понятливыхъ слушателей. Но даря философовъ и поэтовъ своимъ вниманіемъ, они предъявляли имъ и свои требованія. Каждый долженъ былъ принаравливаться къ требованіямъ аудиторіи. Въ чемъ же состояли эти требованія? Какъ отразились они на состояніи литературы?

Во-первыхъ, пусть философы и ученые не требуютъ отъ такой аудиторіи значительной подготовки, основанной на изученіи разныхъ источниковъ, философскихъ тонкостей и т. д. Философъ или ученый долженъ давать своимъ слушателямъ то, что́ доступно ихъ непосредственному пониманію, апеллировать не къ ихъ учености, а къ тому, что́ получало характеристическое названіе „здраваго смысла“, т.-е. извѣстной совокупности общихъ представленій и понятій, усвоенныхъ каждымъ во время его обращенія въ свѣтъ. Во-вторыхъ, всякія теоріи и мнѣнія должны быть изложены общедоступнымъ языкомъ. Всякія техническія названія, спеціальные термины тщательно изгоняются изъ салонной рѣчи. Мало того: всякіе образные и поэтическіе обороты, провинціализмы, пословицы, рѣзкія и откровенныя выраженія также исключаются изъ употребленія. Писатель, желающій быть понятъ и оцѣненъ своею взыскательною аудиторіею, долженъ излагать свои мысли въ общихъ выраженіяхъ. Языкъ упрощается и обезцвѣчивается до послѣдней степени. Онъ выигрываетъ въ легкости, точности, правильности, но проигрываетъ со стороны образности, разнообразія, силы. На такомъ языкѣ нельзя уже передать ни Библіи, ни Гомера, ни Данта, ни Шекспира. Знаменитый монологъ Гамлета въ переводѣ Вольтера является отвлеченною декламаціею. Сравните описаніе природы въ „Одиссеѣ“ Гомера и въ „Телемакѣ“ Фенелона. Тамъ неприкрашенныя, но правдивыя картины дѣйствительной природы, здѣсь все приведено въ систему и порядокъ, подобно версальскому саду, съ его подрѣзанными деревьями и симметрическими дорожками.

Понятно, что въ этихъ разсужденіяхъ исчезаютъ всѣ различія временъ, обстоятельствъ, расы, даже степени образованія. Въ драмахъ, поэмахъ, трагедіяхъ всѣ дѣйствующія лица говорятъ однимъ языкомъ, какъ всѣ благовоспитанныя люди того времени; авторы знаютъ, кто смотритъ пьесу и чего требуютъ отъ сочинителя. Нечего говорить, что всѣ дѣйствующія лица такихъ пьесъ не могутъ быть реальны. „Въ живомъ характерѣ, справедливо замѣчаетъ

Тэнъ, два рода чертъ. Однѣ—немногочисленныя—общи ему со всѣми лицами даннаго класса, и всякій зритель или читатель легко можетъ ихъ различить. Другія—весьма многочисленныя—принадлежатъ только ему,—этому живому характеру,—и ихъ нельзя уловить безъ нѣкотораго усилія. Классическое искусство обращаетъ вниманіе только на первыя черты. Оно беретъ не опредѣленнаго человѣка, а извѣстное его положеніе: на сцену выводятся цари, наперсники, принцы и принцессы, жрецы, военачальники и т. д. Этимъ личностямъ приписываются извѣстныя общія качества или стремленія—любовь, честолюбіе, коварство, вѣрность и т. д. Затѣмъ ихъ заставляютъ дѣйствовать сообразно этимъ общимъ положеніямъ и качествамъ. Для этихъ лицъ не нужно собственныхъ именъ. Оргоны, Дамисы, Доранты и т. п. совершенно достаточны для обозначенія общихъ свойствъ и общихъ положеній. Не нужно и различія временъ націй: Греки и Римляне, Турки и Арабы, Евреи и Негры, всѣ говорятъ одинаковымъ языкомъ—вѣжливымъ, выглаженнымъ, принаровленнымъ къ требованію салона. Греки временъ Эдипа говорятъ другъ другу вы, Madame, Seigneur. Негръ декламируетъ не хуже Гольбаха или Гельвеція.

Неудивительно, что, при этихъ условіяхъ, общественныя теоріи не были обязаны обращать вниманіе на особенности первобытныхъ людей, заключавшихъ между собою предполагаемый „договоръ“. Если „наперсникамъ“ древнихъ греческихъ царей приписывались идеи, свойственныя современникамъ Монтескьё, то почему-бы не вложить въ умы „естественныхъ“ людей и политическія теоріи XVIII вѣка?

Итакъ, аргументъ противъ договорной теоріи, приведенный выше, не былъ бы понятъ человѣкомъ XVIII вѣка. Попробуемъ предложить ему другой, болѣе затруднительный для него вопросъ: на какомъ языкѣ объяснялись между собою люди, сошедшіеся для заключенія договора, какъ формулировали они его статьи? Мы знаемъ, что общность языка въ настоящее время играетъ большое значеніе въ національномъ вопросѣ. Общность языка соединяетъ

опредѣленныя массы людей и выдѣляетъ ихъ изъ общей массы человѣчества. Самостоятельность языка есть одно изъ первыхъ условій самостоятельности національной культуры. За право пользоваться своимъ языкомъ многія народности ведутъ упорную борьбу и готовы на всякія жертвы.

Но и этотъ аргументъ остался бы непонятенъ человѣку XVIII вѣка. Въ его время законъ языковъ, ихъ классификація не были еще предметомъ дѣйствительно научныхъ изслѣдованій. Лингвистика не выдѣлилась еще изъ филологіи въ качествѣ науки естественной. Человѣкъ XVIII вѣка не зналъ еще многаго другого. Антропологія, критическое и сравнительное изслѣдованіе религій были еще въ зародышѣ. Самая исторія находилась въ дѣтствѣ, особенно по своимъ основнымъ точкамъ зрѣнія, средствамъ и методамъ изслѣдованія. Пытливые и неутомимые изслѣдователи не дотрогивались еще до того громаднаго матерьяла, въ которомъ можно найти основанія народныхъ особенностей — народныхъ обычаевъ, повѣрій, поэзіи, нравовъ. Время-ли было думать объ этомъ, когда всѣ низшіе классы разсматривались какъ безразличная, косная и темная масса, нуждавшаяся въ просвѣтителяхъ сверху?

Я остановился на понятіяхъ образованнаго человѣка XVIII вѣка не безъ цѣли. Я не остановился на міровоззрѣніяхъ ни XVI, ни XVII вѣковъ. Указаніе на политическую теорію ближайшаго къ намъ столѣтія имѣло цѣлію навести на мысль, что идея народностей есть идея новая, принадлежащая нашему столѣтію. Да, идея эта не есть старый предразсудокъ, завѣщанный намъ предками; она не есть старое преданіе, возродившееся въ наше просвѣщенное время, въ силу атавизма. Она есть наше достояніе, результатъ нашего просвѣщенія, несомнѣннаго прогресса въ области политическихъ и общественныхъ понятій. Не знаю, насколько эта мысль—хотя въ ней нѣтъ рѣшительно ничего новаго—согласна съ общепринятыми у насъ мнѣніями. Во всякомъ случаѣ, я считаю своею обязанностію доказать ея справедливость.

Если идея народности нова, если она принад

нашему столѣтію, то естественно спросить, почему она не возникала, почему она не могла возникнуть во времена предыдущія?

Для отвѣта на этотъ вопросъ, намъ необходимо обратиться къ ново-европейской исторіи и прослѣдить шагъ за шагомъ ея важнѣйшіе моменты, начиная съ первыхъ. Обратимся къ этимъ исходнымъ точкамъ западно-европейской исторіи и разсмотримъ, заключались-ли въ нихъ хотя какія-нибудь условія для появленія національной идеи. Но, для того, чтобы анализъ этихъ фактовъ былъ понятнѣе, я позволю себѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, обозначить самые существенные элементы народности. Я не намѣренъ пока давать опредѣленія народности. Такое опредѣленіе должно явиться результатомъ разсмотрѣнія историческаго происхожденія національной идеи. Поэтому я обращусь къ нему въ концѣ чтеній. Но мы можемъ теперь-же указать на существенные и ясные для всѣхъ элементы народности и ихъ коренныя свойства. Подъ элементами народности мы разумѣемъ такія условія, которыя, съ одной стороны, соединяютъ извѣстную массу людей въ одно цѣлое, а съ другой обособляютъ эту массу отъ другихъ человѣческихъ группъ. Слѣдовательно, элементы народности являются какъ-бы признаками, отличающими данное общество отъ другихъ. Одни изъ этихъ элементовъ даются намъ самою природою. Мы можемъ назвать ихъ естественными. Таковы: языкъ, нравственныя и умственныя особенности племени, вліяніе географическихъ и климатическихъ условій. Другія условія являются результатомъ исторической жизни, жизни каждаго народа. Но между этими историческими условіями должно различать двѣ группы. Одни изъ нихъ являются первоначальными основами національной исторіи, конкурируютъ, такъ-сказать, съ элементами естественными въ дѣлѣ образованія національной личности. Сюда относятся религія, въ смыслѣ положительнаго и опредѣленнаго культа, первоначальные идеалы народной поэзіи, складъ семейныхъ отношеній, первоначальные юридическіе обычаи и т. д. Вторая группа условій содержитъ въ себѣ совокупность тѣхъ

общественныхъ стремленій, симпатій и антипатій, идеаловъ, нравовъ, которыя выработались и окрѣпли въ народности, въ теченіи долгой исторической жизни и выразились въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ экономическомъ бытѣ страны, въ наукѣ, поэзіи, искусствѣ. Эта часть національныхъ элементовъ наиболѣе прогрессивна. Она даетъ смыслъ и содержаніе всѣмъ прочимъ. Каждое значительное явленіе въ области науки и искусствъ, каждый прогрессъ въ политической жизни, каждое международное столкновеніе, увеличиваютъ сумму національныхъ особенностей и уясняютъ идею каждой народности. Прогрессъ цивилизаціи тѣсно связанъ съ успѣхами національнаго начала. „Дикари, презрительно говаривалъ англичанинъ Джонсонъ, всѣ похожи другъ на друга“. Въ этихъ словахъ много правды. Типъ современнаго англичанина гораздо рѣзче отличается отъ типа современнаго француза, нежели типъ сакса пятаго столѣтія отъ типа франка того-же времени.

Изъ этого простого перечисленія элементовъ народности можно видѣть, что она есть результатъ долгаго историческаго процесса и многовѣковой культуры. Въ начальной европейской исторіи мы не только не находимъ народностей, но встрѣчаемся съ элементами, прямо препятствовавшими ихъ образованію. Правда, и въ тѣ отдаленныя времена были уже готовы естественныя основы будущихъ народностей. Съ географической и этнографической точекъ зрѣнія нынѣшнія Франціи, Англіи, Германіи и т. д. существовали уже въ зародышѣ. Но эти элементы будущихъ народностей были еще простымъ пассивнымъ матерьяломъ, безъ дѣятельной исторической роли. Что-же препятствовало развитію народностей?

Съ тѣхъ поръ, какъ элементы европейскихъ обществъ сколько-нибудь опредѣлились и уяснились послѣ хаотическаго времени великаго переселенія народовъ, три факта, одинаково важныхъ, вліяли на ихъ дальнѣйшее развитіе. Факты эти: завоеваніе однихъ племенъ другими, основавшими ново-европейскія государства, феодализмъ, какъ политическая и общественная форма быта, и католицизмъ

Понъ-де-Вейль и извѣстный д'Аламберъ, находившійся тогда на верху своей славы. Является новый посѣтитель—медикъ Фурнье. Изъ того, какъ онъ привѣтствовалъ хозяйку и гостей, видно было, какъ сословные оттѣнки были крѣпки въ его умѣ,—какъ въ умѣ каждаго француза. Г-жѣ Дюдефанъ онъ сказалъ: m-me, j'ai l'honneur de vous présenter mon très humble respect (сударыня, я имѣю честь представить вамъ мое нижайшее почтеніе); президенту Гено: m-r, j'ai bien l'honneur de vous saluer (имѣю честь вамъ кланяться); г. Понъ-де-Велю: m-r, je suis votre très-humble serviteur (я вашъ покорнѣйшій слуга);—а д'Аламберу досталось простое: „Bonjour, Monsieur" (здравствуйте, сударь). Маленькій медикъ поставилъ каждаго на свое мѣсто *).

Какъ встрѣтятся эти люди съ своими братьями въ 1789 г.? Исторія сохранила намъ извѣстіе объ одной выходкѣ Мирабо, страшномъ, несокрушимомъ ораторѣ третьяго сословія. Послѣ знаменитой ночи 4 августа, когда уничтожены были всѣ привилегіи, въ томъ числѣ и титулы, онъ возвращается домой, хватаетъ за ухо встрѣтившаго его камердинера и шутливо восклицаетъ: „Ну, дуракъ, надѣюсь, что для тебя я все-таки: ваше сіятельство!" **) Графъ не умеръ въ ораторѣ третьяго сословія.....

Остается католицизмъ. Католицизмъ, какъ отрасль христіанской религіи, естественно долженъ былъ отвергнуть всѣ національныя различія. Проповѣдь Христа и апостоловъ обращалась къ цѣлому міру, къ „обрѣзанію и необрѣзанію, эллину и іудею". Вселенскій характеръ христіанской проповѣди вытекалъ изъ существа новаго ученія. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы христіанство отрицало различіе народностей или требовало ихъ уничтоженія. Основатель „царства не отъ міра сего" относился равнодушно къ дѣламъ „міра сего". Онъ не вмѣшивался въ политику, но не отрицалъ государства; онъ призывалъ людей къ братству, но не требовалъ уничтоженія личности че-

*) Тэнъ, тамъ-же.
**) Тэнъ, тамъ-же.

ловѣческой въ искусственномъ и насильственномъ единствѣ: „милости хочу, а не жертвы“, сказалъ Онъ; „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка“. Защищая начало народности, мы нисколько не желаемъ сойти съ почвы ученія христіанскаго, какъ начала общечеловѣческаго, вселенскаго. Напротивъ, защищая національный принципъ, мы призываемъ народы къ братству, къ общенію вольному, хоровому, такъ-сказать, въ которомъ бы не пропадала личность народная, а, напротивъ, развивалась и укрѣплялась на пользу всего человѣчества.

Иначе повелъ дѣло католицизмъ. Вселенскій принципъ братства онъ истолковалъ и примѣнилъ въ смыслъ насильственнаго и искусственнаго единства вѣрующихъ путемъ безусловнаго подчиненія ихъ авторитету папъ. Нельзя отрицать, что между вѣрующими онъ установилъ чрезвычайно сильную связь. Среди всеобщаго раздробленія, разноязычія и разноплеменности средневѣковой Европы, католическая церковь была сильнымъ связующимъ началомъ. Таже месса, на томъ-же латинскомъ языкѣ слушалась одинаково и въ Римѣ и въ Лондонѣ, и въ отдаленныхъ уголкахъ Германіи и Скандинавіи. На этомъ языкѣ писались всѣ богословскія и ученыя сочиненія. Подъ вліяніемъ церкви, наука сдѣлалась общеевропейскимъ достояніемъ. Дунсъ-Скоттъ, Ѳома Аквинскій, Абеляръ писали для всей Европы, т.-е. для всѣхъ культурныхъ ея классовъ. Подъ вліяніемъ католицизма выросла и идея римско-нѣмецкаго императорства, впослѣдствіи вступившаго въ борьбу съ папствомъ, за первенство во вселенной.

Но чѣмъ сильнѣе было это единство, тѣмъ меньше въ немъ могло быть мѣста развитію народностей; даже сознанія народности врядъ-ли можно было ожидать. Правовѣрный католикъ-французъ сознавалъ свое братство съ католикомъ-нѣмцемъ или итальянцемъ, но французъ-еретикъ былъ въ его глазахъ чѣмъ-то отверженнымъ и презрѣннымъ. По зову римскаго престола сѣверъ Франціи поднялся на Альбигойцевъ и истребилъ ихъ такъ, какъ нѣкогда Израильтяне истребляли жителей Ханаана. Лоллардисты не знали

пощады въ Англіи. Костры инквизиціи опустошали цѣлые города. Въ тяжелую для Италіи минуту Макіавель послалъ проклятіе римскому престолу, какъ помѣхѣ къ обновленію родной страны.

„Такъ какъ нѣкоторыя лица, говоритъ Макіавель, утверждаютъ, что счастье Италіи зависитъ отъ римской церкви, я сошлюсь на нѣкоторые доводы противъ этой церкви, представляющіеся моему уму, и между которыми два чрезвычайно важны, такъ что противъ нихъ, по моему мнѣнію, нѣтъ возраженій. Во-первыхъ, преступные примѣры римскаго двора погасили въ этой странѣ всякое благочестіе и всякую религію, что влечетъ за собою множество неудобствъ и безпорядковъ. Слѣдовательно, церкви и священникамъ мы, итальянцы, обязаны отсутствіемъ нравовъ и религіи. Но мы обязаны имъ еще большимъ благомъ—источникомъ нашей гибели. Церковь всегда поддерживала и постоянно поддерживаетъ разъединеніе этой несчастной страны. Причина, по которой Италія не можетъ достигнуть единства и не подчинена одному правительству—монархическому или республиканскому—только церковь. Вкусивъ свѣтской власти, она не имѣла, однако, ни достаточно силы, ни довольно мужества, чтобы овладѣть остальною Италіею. Но, съ другой стороны, она никогда не была настолько слаба, чтобы не быть въ состояніи, изъ боязни утратить свою свѣтскую власть, призвать какого-нибудь государя на помощь противъ того, кто сдѣлался-бы опасенъ для остальной Италіи; прошлыя времена даютъ намъ многочисленные тому примѣры. Сначала, при помощи Карла Великаго, она изгнала лонгобардовъ, овладѣвшихъ уже почти всею Италіею; въ наше время она вырвала могущество изъ рукъ Венеціи при помощи французовъ, которыхъ потомъ она отразила при помощи швейцарцевъ. Такимъ образомъ церковь, не будучи сильна настолько, чтобы занять всю Италію, и не дозволяя другимъ овладѣть ею, является причиной, почему эта страна не могла соединиться подъ однимъ вождемъ и осталась порабощенною многимъ господамъ. Отсюда это раздѣленіе и эта слабость, сдѣлавшія ее добычею не только могуществен-

ныхъ варваровъ, но перваго, кто почтитъ ее нападеніемъ. Церкви обязана Италія этимъ одолженіемъ, а никому другому...“

Папство сыграло большую всемірную роль, но въ Италіи оно, конечно, никогда не играло роли національной. Если Италія объединилась, то именно въ противность вѣковымъ стремленіямъ папъ, и теперь папа щедро расточаетъ свои проклятія виновникамъ итальянскаго единства. Нужно-ли упоминать о клерикалахъ во Франціи, для которыхъ свобода и честь родной страны ничто въ сравненіи съ интересами римской куріи?

Таковы исходные факты западно-европейской исторіи. Они находятся въ прямомъ противорѣчіи съ началомъ народности. Дальнѣйшая исторія Европы убѣдитъ насъ въ томъ, что національная идея развилась въ видѣ реакціи противъ указанныхъ выше фактовъ. Останавливаясь на ходѣ этой реакціи, я долженъ предпослать разсмотрѣнію отдѣльныхъ ея моментовъ одно общее замѣчаніе.

Развитіе народностей, какъ легко замѣтить изъ предыдущаго, было задержано причинами двоякаго рода. Однѣ изъ нихъ поддерживали въ націяхъ искусственное раздѣленіе и раздробленіе, препятствуя ихъ внутреннему объединенію. Таковы послѣдствія завоеванія и феодальной системы. Напротивъ, католицизмъ, во многихъ отношеніяхъ, поддерживалъ искусственное и часто насильственное единство, содѣйствуя въ то же время и внутреннему раздѣленію народовъ. Отсюда понятно само собою, что силы, подготовившія образованіе европейскихъ народностей, должны были разрушить прежній порядокъ съ двухъ концовъ. Онѣ должны были устранить причины, препятствовавшія объединенію національностей; имъ предстояло также разбить искусственное католическое единство. Силы, подорвавшія прежній порядокъ и открывшія широкую дорогу новымъ стремленіямъ, можно раздѣлить также на два разряда. Однѣ можно назвать естественно-историческими; другія культурно-политическими. Къ первому разряду я отношу ассимиляцію (уподобленіе) племенъ и образованіе ново-европей

языковъ. Ко второму—движеніе общинъ, постепенную эманципацію низшихъ классовъ, усиленіе королевской власти, протестантизмъ и постепенное развитіе религіозной свободы. Къ этимъ условіямъ присоединялись и другія, о которыхъ я упомяну ниже.

Гизо, въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ", относитъ начало національно-объединительнаго движенія къ XV вѣку. Отличительнымъ характеромъ XV вѣка, говоритъ онъ, является стараніе создать общіе интересы, общія идеи, уничтожить кругъ замкнутости, мѣстности... образовать то, чего до тѣхъ поръ не существовало въ большихъ размѣрахъ—образовать „правительства и народы". Мнѣніе Гизо приблизительно вѣрно. Но вообще жизнь народовъ не укладывается въ рамки опредѣленныхъ столѣтій. Объединительное началось движеніе не во всѣхъ странахъ одновременно; нѣкоторые симптомы его даже повсемѣстно замѣчаются раньше; затѣмъ результаты его, по замѣчанію самого Гизо, обнаружились гораздо позже. Но основные моменты этого движенія вообще состоятъ въ слѣдующемъ.

Племенное раздѣленіе завоевателей и завоеванныхъ мало по малу утрачиваетъ свою силу подъ вліяніемъ взаимодѣйствія этихъ враждебныхъ элементовъ. Совмѣстное жительство, общіе труды, вліяніе массы завоеванныхъ на завоевателей и культуры послѣднихъ на массу оказывали свое дѣйствіе. Изъ бриттовъ, англо-саксовъ и норманновъ образовывались англичане, говорившіе уже языкомъ одинаковымъ для низшихъ и высшихъ слоевъ. Франки, бургунды, вестготы, вмѣстѣ съ романизированными галлами, сливаются въ единую французскую націю, и изъ прежняго многоязычія выступаетъ французскій языкъ, на которомъ будутъ гово-Рабле, Монтень, Боденъ, ораторы Лиги. Въ Италіи, многочисленные діалекты туземные и привнесенные, оставшіеся безъ центральнаго языка послѣ паденія Рима, вырабатываютъ ново-итальянскій языкъ, языкъ Боккачіо и Данта, Петрарки и Макіавели. Въ этомъ движеніи заключался уже протестъ противъ искусственнаго единства католическаго міра, протестъ не шумный, потому что онъ совершался

постепенно и незамѣтно, но протестъ дѣйствительный и прочный, потому что онъ былъ явленіемъ естественнымъ. Умственная жизнь страны свергла съ себя путы оффиціальнаго языка религіи и науки, т.-е. языка латинскаго. Наука, поэзія, политическая литература заговорили на родномъ языкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нимъ какъ-бы возвратилась оригинальность мысли, которую мы напрасно будемъ искать въ средневѣковой схоластикѣ. Переведите на этотъ языкъ библію, и вы увидите, какой пожаръ начнется въ зданіи римско-католической церкви!

Но не станемъ забѣгать впередъ. Остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ политической исторіи, сопровождавшихъ указанный выше естественный процессъ: онъ не былъ только естественнымъ, но состоялъ только въ скрещиваніи породъ. Сближеніе завоевателей и завоеванныхъ совершилось не только подъ вліяніемъ совмѣстнаго жительства и семейныхъ связей, но и потому, что завоеванные приблизились къ завоевателямъ политически.

Почти одновременно съ торжествомъ феодализма, въ нѣдрахъ феодальнаго общества зародился страшный врагъ, которому суждено было нанести ему смертельный ударъ. Это были городскія и отчасти сельскія общины. Движеніе общинъ можно назвать революціею въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. Оно не было простымъ возстаніемъ противъ злоупотребленій феодализма. Возстаніе исходило во имя самостоятельной идеи и шло противъ самаго принципа феодализма. Въ европейскихъ городахъ зародилось новое общество, новый классъ, съ весьма опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, — буржуазія, не отдѣлявшая себя еще отъ остальной массы населенія. Въ средѣ городскихъ общинъ практически и даже теоретически выработались новыя начала государственнаго управленія. Здѣсь, въ противоположность феодальному порядку, общій интересъ въ первый разъ выступаетъ на первый планъ. Власть впервые дѣлается отвѣтственною и общественною должностію. Оживленіе торговли и ремеслъ, образованіе, изученіе римскаго права, сложныя отношенія и новыя потребности, неизвѣстныя г

бытному „хозяйству“ феодала, повели къ уясненію новыхъ отраслей администраціи. Новыя организаціи суда, сложныя полицейскія установленія, мудрое финансовое управленіе— все это родилось въ городахъ. Движеніе общинъ подорвало вотчинное государство въ коренныхъ его основаніяхъ. Значеніе его въ исторіи народовъ велико еще потому, что оно дало твердую точку опоры для зарождавшейся королевской власти.

Освобожденіе общинъ имѣло двоякій смыслъ. Во-первыхъ, оно дало городамъ мѣстную самостоятельность, создало изъ нихъ полу-политическія единицы. Но эта сторона движенія имѣла временный характеръ. Муниципальныя вольности не устояли предъ потребностію національнаго объединенія. Затѣмъ общины, эманципируясь изъ подъ власти феодальныхъ владѣльцевъ, становились подъ непосредственную защиту власти центральной. Фактъ чрезвычайно важный! Въ феодальномъ обществѣ, король былъ только главою своего „вассальства“, на которое онъ имѣлъ весьма условныя и призрачныя права. Масса вассальства заслоняетъ отъ него народъ. Въ союзѣ съ общинами, король дѣлается главою націи, т.-е. государемъ, самостоятельнымъ элементомъ въ обществѣ, съ своимъ призваніемъ и идеею. Изъ среды третьяго сословія вышли тѣ легисты, администраторы, финансисты, судьи, которые шагъ за шагомъ утвердили всемогущество королевской власти и выковали имъ оружіе на враговъ. Опираясь на новую силу, короли утвердили и развили свою власть въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, они конфисковали политическія права феодальной аристократіи, вытѣснили ее даже изъ административной и судебной области, создали свой судъ и свою администрацію. Во-вторыхъ, они сломили притязанія папъ ко вмѣшательству въ политическія дѣла страны. Ихъ притязанію быть намѣстниками Бога на землѣ они противопоставили свое „Божіею милостіею“.

Королевская власть дѣлается символомъ національнаго единства и независимости. Правомъ короля на его территорію и народъ прикрывалось и защищалось право народа

на самостоятельное развитіе; подъ его защиту становилось всякое движеніе, обезпечивавшее впослѣдствіи національную независимость.

Такъ было и съ движеніемъ протестантскимъ. Протестантизмъ, въ существѣ своемъ, былъ ученіемъ, отрицавшимъ церковный авторитетъ папъ. Но при данныхъ историческихъ условіяхъ, онъ не могъ достигнуть этой цѣли иначе, какъ въ союзѣ и подъ покровомъ свѣтской власти. Первые вожди протестантизма въ Германіи и въ Англіи усиленно возвеличивали значеніе власти свѣтской; они добились признанія права каждаго государя допускать въ своихъ владѣніяхъ тѣ исповѣданія, какія онъ сочтетъ нужными. Въ смыслѣ національнаго движенія, эта мѣра была важнымъ шагомъ впередъ. Хотя протестантскія церкви во многихъ отношеніяхъ столь же мало были воодушевлены терпимостью къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ и католицизмъ, но ихъ нетерпимость никогда не доходила до такихъ результатовъ и притомъ она смягчалась съ каждымъ поколѣніемъ. Различіе религій не являлось уже помѣхою національному единству. Въ протестантскихъ земляхъ, нѣмецъ-католикъ могъ быть такимъ же добрымъ гражданиномъ своей страны, какъ и нѣмецъ-протестантъ. Но этимъ результатомъ не исчерпывалось національное значеніе протестантизма. Если Данты, Макіавели, Монтени и т. д. вытѣснили преобладающее значеніе латинскаго языка изъ области науки и литературы, то Лютеры, Кранмеры и другіе вытѣснили его изъ церкви. Они перевели библію и дали ее въ руки народу; народъ услышалъ богослуженіе на родномъ языкѣ; проповѣдь сдѣлалась ему понятною. Онъ пересталъ видѣть въ духовенствѣ лицъ, чуждыхъ ему, связанныхъ исключительно съ какимъ-то далекимъ престоломъ. Наоборотъ, само духовенство національзировалось, сдѣлалось неразрывною частью того общества, которому оно призвано было проповѣдывать слово Божіе. Самый католицизмъ съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ бо́льшее національное значеніе. Со времени реформаціи проводится рѣзкое различіе между міромъ протестантско-германскимъ съ одной стороны,

и католико-романскимъ съ другой. Если протестантское начало содѣйствовало развитію религіозной свободы внутри каждой страны, если различіе вѣроисповѣданій не препятствовало единенію всѣхъ членовъ одной народности, то въ дѣлѣ различій между цѣлыми народами протестантское движеніе было новымъ шагомъ впередъ. Начало индивидуальности, личной самостоятельности, таившееся въ мірѣ германскомъ, прорвалась наружу, выразилось въ формахъ церковной жизни, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ поэзіи и политикѣ. Народамъ латинскимъ, оставшимся вѣрными католицизму, суждено было развить другія стороны человѣческихъ воззрѣній.

Вотъ, какимъ вліяніямъ и силамъ обязана своимъ появленіемъ на свѣтъ идея народности, вѣрнѣе сказать — фактъ народностей. Это именно тѣ культурныя силы, которымъ вся Европа обязана своею цивилизаціею. Народность есть результатъ тѣхъ силъ, которыя могли залечить раны, нанесенныя завоеваніемъ, сломать феодализмъ, поколебать чрезмѣрный авторитетъ папскаго престола, положить твердыя основанія свободы совѣсти, выработать основныя начала новаго государственнаго устройства. Эти ли результаты мы не назовемъ культурными и обще-человѣческими, въ лучшемъ смыслѣ этого слова?

Но мы находимся еще въ первомъ моментѣ возникновенія національнаго вопроса. Мы присутствовали пока при накопленіи матерьяла, изъ котораго составились народности. Мы еще нигдѣ не видимъ національной идеи. Она вспыхиваетъ пока въ отдѣльныхъ эпизодахъ исторіи, во время вѣковой борьбы Англіи съ Франціею, въ образѣ орлеанской дѣвы, отчасти въ борьбѣ Нидерландовъ съ Испаніею и т. д., но нигдѣ еще она не формулирована въ видѣ самостоятельнаго политическаго принципа. Она сливается пока то съ интересами возставшей буржуазіи, то съ династическими интересами королей, то съ религіозными движеніями и стремленіями. Гдѣ найдетъ она самостоятельную точку опоры? Какъ она будетъ формулирована? Какъ опредѣлится ея существо? Мишле, одинъ изъ величайшихъ историковъ

Франціи, т.-е. страны, раньше другихъ развившей и укрѣпившей свое національное единство,—указываетъ на эпоху революціи, какъ на время, когда можно говорить о французской національности, въ точномъ смыслѣ этого слова.

„Идея французскаго отечества, говоритъ Мишле, темная въ XIII вѣкѣ и какъ бы затерянная въ католической всеобщности, растетъ, выясняясь; она возсіяла во время войны съ англичанами, преобразилась въ Іоаннѣ д'Аркъ. Она затемняется снова въ религіозныхъ войнахъ XVI вѣка; мы видимъ католиковъ, протестантовъ, но есть-ли уже французы?... Да, туманъ разсѣвается, есть, будетъ единая Франція. Національность утверждается съ необыкновенною силою; нація не есть болѣе собраніе разныхъ существъ; она есть организованное существо, даже болѣе—нравственная личность".

Да! Народность есть нравственная личность. Но, подобно тому, какъ дѣйствительное бытіе всякой нравственной личности опредѣляется ея сознаніемъ,—cogito-ergo sum,—такъ и бытіе народностей начнется съ того момента, когда она скажетъ свое cogito-ergo sum.

III.

Мы оставили народность въ періодѣ физическаго, такъ сказать, ея образованія. Она не выступала еще въ видѣ опредѣленнаго и самостоятельнаго принципа политической жизни народовъ. Напротивъ, она развивается подъ прикрытіемъ иныхъ принциповъ, далеко не тождественныхъ съ началомъ народности. Между всѣми этими принципами первое мѣсто занимаетъ начало верховенства и независимости государственной власти каждой страны. Изъ этого начала выводится право каждаго государства на самостоятельную жизнь. Нужно-ли доказывать, что ни одно чужое правительство не имѣетъ права указывать отечественной власти, какіе законы оно должно издавать для своихъ подданныхъ, какъ должны дѣйствовать ея административные

органы, какія религіи должны быть терпимы на ея территоріи и т. д.; достаточно сослаться на право верховной власти и не столько на право, сколько на логическіе признаки, содержащіеся въ понятіи верховенства. Анализируя логически понятіе верховенства, я нахожу въ немъ признакъ независимости, ибо власть, зависимая отъ другихъ, логически не будетъ уже верховною.

Но достаточно-ли этого логическаго и юридическаго понятія для утвержденія національнаго начала въ политикѣ? Тождественны-ли эти два принципа, взятые сами по себѣ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ пусть послужатъ несомнѣнные историческіе факты. Королевская власть, какъ ни различны были ея принципы отъ начала феодальнаго порядка, сохранила однако на себѣ слѣды старыхъ вотчинныхъ началъ. Они видоизмѣнили формы своего проявленія, но ихъ дѣйствіе и результаты въ значительной мѣрѣ напоминали старый порядокъ.

Старое вотчинное начало, въ смыслѣ соединенія политическихъ правъ съ землевладѣніемъ, было вытѣснено успѣхами королевской власти, но затѣмъ оно преобразилось въ начало династическое, во имя котораго счастливая династія могла соединять подъ своимъ владычествомъ самыя разнородныя страны. Внѣшняя и внутренняя политика опредѣлялась не насущными и дѣйствительными потребностями данной народности, а выгодами и честолюбивыми намѣреніями тѣхъ или другихъ династій. Исторія Европы наполнена примѣрами борьбы династій за первенство. Припомните соперничество французскихъ королей съ испанскимъ, потомъ съ австрійскимъ домомъ. Это соперничество проникаетъ, можно сказать, всѣ факты новоевропейской исторіи. Понятно, какъ съ этой точки зрѣнія мало имѣли значенія народные интересы. Въ борьбѣ за преобладаніе династій карта Европы передѣлывалась и мѣнялась ежечасно, соединяя въ одно государство народы, не имѣющіе между собою ничего общаго.

Такимъ образомъ завоевательное начало также не утратило своего значенія въ новое время, съ тою разни-

цею, что рѣчь шла не о завоеваніи одного племени другимъ, а о подчиненіи одного государства или его части другому. Затѣмъ не уничтожились также другіе, частногражданскіе способы пріобрѣтенія новыхъ территорій: купля-продажа, дача въ приданое и т. д. Стóитъ вспомнить сколько одинъ австрійскій домъ „примыслилъ“ новыхъ земель посредствомъ счастливыхъ брачныхъ союзовъ. Наконецъ не должно думать, чтобы и всѣ слѣды феодальнаго порядка были уничтожены успѣхами королевской власти. Королевская администрація очень ревниво охраняла свои политическія права, энергически конфисковала ихъ у вассаловъ, вытѣснила ихъ изъ области государственнаго управленія. Но затѣмъ она оставила имъ различныя общественныя преимущества, поскольку они не стѣсняли ея верховныхъ правъ. Феодализмъ, вымершій какъ политическое учрежденіе, сохранилъ свое значеніе, какъ явленіе соціальное. Изъятіе отъ повинностей, преимущества по службѣ, значительная доля вотчинной юрисдикціи, масса повинностей и сборовъ, отбывавшихся низшими классами въ пользу высшихъ,—все это поддерживало старый сословный строй, разъединеніе между элементами одного и того же народа, стало быть препятствовало внутреннему объединенію націй.

Таковы существенныя черты порядка вещей, непосредственно предшествовавшаго французской революціи. Теперь намъ предстоитъ оцѣнить значеніе этого важнаго событія въ его отношеніяхъ къ занимающему насъ вопросу.

Въ началѣ предыдущей главы, намъ пришлось указать на характеръ ученій, опредѣлившихъ, такъ сказать, теорію революціи, давшихъ ей нравственное знамя. По общему своему направленію ученія эти не могли возбудить національнаго вопроса и вовсе не имѣли этого въ виду. Существенная цѣль, поставленная себѣ революціею—эманципація человѣческой личности отъ стѣснительныхъ учрежденій стараго порядка и притомъ на основаніяхъ, равныхъ для всѣхъ членовъ общества. Свобода и равенство—таковы два ея лозунга, къ которымъ впослѣдствіи прибавился третій—братство. Но идея свободы утверждалась на понятіи

прирожденныхъ и неотчужденныхъ правъ человѣка вообще взятаго внѣ условій пространства и времени. Понятіе прирожденныхъ правъ одинаково для всѣхъ людей — отсюда требованіе равенства. Такимъ образомъ революціонная теорія явилась, такъ-сказать, вселенскою проповѣдью человѣческихъ правъ. Декларація 1789 года провозгласила эти права въ видѣ всемірной истины. Она объявила, что цѣль всякаго политическаго общества — сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Обращаясь къ человѣку вообще, революціонная теорія менѣе всего могла имѣть въ виду человѣка историческаго, т.-е. принадлежащаго къ опредѣленной націи, со всѣми ея естественными и историческими особенностями. Ко всему прошедшему вожаки революціи не могли относиться иначе, какъ отрицательно. Въ прошломъ они видѣли только забвеніе и поруганіе тѣхъ естественныхъ правъ, во имя которыхъ они начали борьбу.

Могла-ли подобная теорія вызвать къ жизни начало народности, основанное именно на сознаніи особенностей разныхъ націй? Но историческія судьбы народовъ и практическія послѣдствія извѣстныхъ началъ не зависятъ онъ намѣреній лицъ, ихъ провозгласившихъ. Историческое движеніе имѣетъ свои законы и практическое приложеніе извѣстныхъ началъ часто приводитъ къ неожиданнымъ результатамъ.

Философское движеніе XVIII столѣтія и затѣмъ французская революція имѣли несомнѣнное вліяніе на пробужденіе національной идеи уже по одному тому, что они довершили процессъ разложенія средневѣкового порядка. Во-первыхъ, такъ называемая просвѣтительная литература XVIII вѣка поколебала и даже подорвала множество понятій, уцѣлѣвшихъ отъ среднихъ вѣковъ. Гуманныя идеи, распространенныя французскою, главнымъ образомъ, литературою во всѣхъ частяхъ западной Европы произвели могущественную реакцію противъ завоевательнаго начала. Послѣ многихъ столѣтій безконечныхъ войнъ, рождается и устанавливается на раціональныхъ основаніяхъ вопросъ о за-

конности завоевательныхъ стремленій въ какой бы то ни было формѣ. Затронуть подобный вопросъ, значило затронуть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о самостоятельности искусственной системы европейскихъ государствъ, основанной именно на этомъ началѣ. Затѣмъ реакція противъ религіозной нетерпимости, противъ суровыхъ формъ уголовнаго судопроизводства, противъ привиллегій нѣкоторыхъ классовъ, тяжелымъ гнетомъ лежавшихъ на остальныхъ, пробужденіе въ обществѣ юридическаго сознанія, — все это вмѣстѣ взятое, конечно, возвысило значеніе личности, побудило ее искать лучшихъ формъ жизни и вызвало критическое отношеніе къ искусственнымъ перегородкамъ, раздѣлявшимъ каждую націю на замкнутыя сословія. Весь средневѣковый порядокъ теоретически былъ осужденъ навсегда. Онъ вымиралъ постепенно, терялъ подъ собою почву и какъ бы ждалъ рѣшительнаго удара, чтобы отойти въ вѣчность. Одряхлѣвшая французская монархія, омертвѣвшая Германская имперія, Италія съ ея странными „потентами“, съ гнетущимъ вліяніемъ римской куріи и иноземныхъ династій—все это находилось въ ожиданіи катастрофы.

Начало французской революціи породило множество надеждъ, часто преувеличенныхъ. Ожидали, что вожаки революціи произнесутъ то практическое слово, котораго всѣ жаждали послѣ столѣтія теоретической подготовки. Здѣсь не мѣсто разсматривать всѣ дѣйствія революціи и оцѣнивать ихъ съ нравственной, политической и другихъ точекъ зрѣнія. Наша задача гораздо уже. Мы должны разсмотрѣть результаты революціи относительно занимающаго насъ вопроса.

Революція представляетъ два періода. Первый изъ нихъ посвященъ провозглашенію и упроченію новаго порядка внутри страны и защитѣ его противъ европейской коаліціи. Второй можно назвать завоевательнымъ, когда торжествующая Франція выбросила въ Европу батальоны Наполеона I. И тотъ и другой періодъ имѣли большое вліяніе на пробужденіе національнаго чувства, хотя въ совершенно различныхъ отношеніяхъ.

Въ первомъ періодѣ, Франція представила континентальной Европѣ примѣръ страны, въ которой свободныя учрежденія сплотили народъ и правительство, въ которой старыя провинціальныя особенности уступили мѣсто однообразному департаментскому устройству, дѣленіе на сословія пало предъ началомъ гражданской равноправности, религіозная свобода уничтожила различіе между французомъ-католикомъ и французомъ-протестантомъ, общая опасность отъ коализаціи вызвала къ дѣлу могущественныя національныя силы, въ количествѣ 1.200,000 человѣкъ Другими словами, Франція явила примѣръ страны, говорившей, чувствовавшей и дѣйствовавшей какъ нація, и какъ нація крѣпко сплоченная и организованная. Такой примѣръ не могъ пройти безслѣдно, особенно если принять въ разсчетъ самую обстановку революціи, въ которой не было ничего обыденнаго. Акты высокаго патріотизма и героизма, перемѣшанные съ примѣрами чудовищныхъ звѣрствъ и возмутительнаго насилія; скромный и возвышенный патріотизмъ Гоша и бѣшеная ярость Карье или Марата; мужественная защита границъ полуодѣтыми и голодными „патріотами“ и сентябрскія убійства; философскій полетъ Кондорсе и гильотина; возвышенное краснорѣчіе Верньо и бѣшеная декламація Баррера—все это представляло такую драму, отъ которой способно было перевернуться все европейское общество.

Но пока Европа оставалась зрительницею вольною или невольною. Изъ Франціи долетали до нея отрывочные слухи то о пышныхъ принципахъ, то о безчеловѣчныхъ декретахъ комитета спасенія, то о великихъ подвигахъ, то объ звѣрскихъ убійствахъ. Коаліціи должны были уступать предъ натискомъ французскихъ батальоновъ. Наконецъ Франція совсѣмъ выступила изъ береговъ. На первый разъ она выступила и поступила „по декларації правъ“. Но потомъ война выродилась въ завоеваніе, со всѣми его аттрибутами.

Знаменитая итальянская кампанія Наполеона-Бонапарта опредѣлила окончательно характеръ этихъ войнъ, предпринятыхъ яко-бы ради освобожденія народовъ. Италія первая

испытала на себѣ силу этихъ освободительныхъ стремленій. Освобожденные народы должны были поплатиться громадными контрибуціями, расхищеніемъ музеевъ, картинныхъ галлерей, тяжкими повинностями на военныя нужды. Этого мало. Миръ, заключенный въ Кампо-Формію, доказалъ, что завоевательное начало всегда остается вѣрнымъ себѣ, что завоеватель смотритъ на территорію и народы какъ на безгласную добычу, которою можно располагать по своему усмотрѣнію. Наполеонъ не задумался отдать Австріи область венеціанской республики, которую онъ захватилъ, поправъ всѣ права нейтралитета. Съ этого времени, Европа могла уже знать, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и продолженіе было достойно начала. Воля французскаго завоевателя передѣлывала карту Европы, создавала эфемерныя республики, потомъ столь же эфемерныя королевства. Италія, Бельгія и Нидерланды, значительная часть Германіи подпали посредственному и непосредственному его владычеству. Пруссія была уменьшена на половину и поставлена подъ контроль французскаго правительства. Австрійскій дворъ сохранилъ номинальную независимость. Но вездѣ, во всѣхъ углахъ континента западной Европы, чувствовалась всесильная рука французскаго императора. Даже въ Италіи былъ поставленъ престолъ для его брата.

Только на двухъ противоположныхъ концахъ Европы, въ Англіи и Россіи, сохранились пока независимыя державы, о которыя сломилось могущество Наполеона. Въ Англіи проснулся старый духъ соперничества съ Франціею, старая вражда, двигавшая нѣкогда войско Эдуарда III и Генриха V, руководившая политикою Вильгельма Оранскаго; проснулось желаніе отмести за участіе Франціи въ войнѣ за независимость Сѣверной Америки; пробудились аристократическіе инстинкты, смущенные французскою демократіею; заговорили коммерческіе интересы, задѣтые континентальною системою. Англія издавна начала свою борьбу съ республикой и вела ее настойчиво, безъ устали, подбирая сухопутныхъ союзниковъ, сыпала деньги, не брезгала даже поддѣлкою французскихъ ассигнацій.

Безъ всякаго патріотическаго увлеченія, мы можемъ сказать, что цѣли Россіи были шире и человѣчнѣе. Борьба, начатая Александромъ I въ 1812 году, была истинною войною за независимость отечества и развилась въ борьбу за независимость Европы. Еще раньше Испанія подала примѣръ мужественнаго сопротивленія иноземному насилію. Но столкновеніе Наполеона съ Россіею имѣло общеевропейскія послѣдствія. Въ 1812 году цѣлость и независимость Россіи были спасены. Съ 1813 года отечество наше становится во главѣ европейской войны за независимость. Народы, дремавшіе подъ гегемоніею Наполеона, какъ прежде они дремали подъ отжившими учрежденіями германской имперіи, проснулись. Война за освобожденіе долго еще останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній германскаго народа, несмотря на всѣ новѣйшіе его успѣхи. Союзники достигли своей цѣли. Владычество завоевателя было свергнуто. Франція введена въ прежнія свои границы. Народы освобождены. Но какая судьба ожидаетъ ихъ? При опредѣленіи этой судьбы обнаружилось роковое раздвоеніе между элементами, одинаково принимавшими участіе въ борьбѣ противъ Наполеона. Остановимся нѣсколько на существѣ этихъ элементовъ, такъ какъ они уяснятъ намъ дальнѣйшее развитіе національнаго вопроса.

Часть европейскихъ обществъ, горячо привѣтствовавшихъ паденіе Наполеона, выступила противъ него вовсе не какъ представителя идей 1789 года. Напротивъ, она была воспитана на литературѣ XVIII вѣка; она съ надеждою смотрѣла на первые дни революціи; она относилась къ старому порядку съ такими же чувствами, какъ Лафайетъ или Мирабо. Широкое развитіе и обеспеченіе человѣческой личности чрезъ воспитаніе и хорошія политическія учрежденія составляло главную цѣль ихъ стремленій. Въ освобожденіи и организаціи національностей они видѣли залогъ лучшаго политическаго и общественнаго развитія Европы. Таковы были чувства и идеи, органомъ которыхъ въ Германіи явились Фихте, Арндтъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Штейнъ, Гарденбергъ и другіе. Прибавимъ къ этому, что

великое національное движеніе 1813—1814 годовъ породило множество свѣтлыхъ надеждъ; участіе въ великой борьбѣ возбудило въ европейскомъ обществѣ чувство самоуваженія, съ которымъ несовершенно ладили учрежденія стараго порядка.

Другая часть общества и, въ данную минуту, самая вліятельная, полагала, что вся суть борьбы съ Наполеономъ состоитъ въ реакціи противъ идей 1789 года, что цѣль ея есть возвращеніе къ старому порядку. Но возвратиться къ старому порядку значило утвердить политическую систему Европейскихъ государствъ на томъ началѣ, которое лежало въ основѣ прежней системы. Начало это, какъ мы видѣли, династическое, понимаемое въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, или начало легитимитета, какъ наименовалъ его Талейранъ, превратившійся изъ якобинца въ союзника реакціи. Съ этой точки зрѣнія, система государствъ могла быть скомбинирована по соображеніямъ чисто внѣшняго удобства, хотя-бы по соображеніямъ пресловутаго „политическаго равновѣсія“, о которомъ такъ хлопотала и хлопочетъ Англія—конечно не для другихъ. Но соображенія національныхъ различій, симпатій и антипатій остаются въ сторонѣ. Мало того: національныя стремленія представляются неблагонадежными съ полицейской точки зрѣнія. Стóитъ вспомнить, какъ неблагопріятно было въ началѣ встрѣчено возстаніе Греціи противъ Турецкаго владычества, какъ преобразователь Пруссіи — Штейнъ, кончилъ свою жизнь въ числѣ „подозрительныхъ“, какъ патріотъ Арндтъ былъ смѣщенъ съ каѳедры исторіи по неблагонадежности и т. д. Австрійскій императоръ Францъ выдалъ свой секретъ одному французскому дипломату. „Мои народы, сказалъ онъ, чужды другъ другу и тѣмъ лучше. Они не заболѣваютъ одновременно тою-же болѣзнью. Когда лихорадка начинается во Франціи, она охватываетъ всѣхъ васъ. Я-же ввожу венгровъ въ Италію, итальянцевъ въ Венгрію. Каждый стережетъ своего сосѣда; всѣ не понимаютъ и ненавидятъ другъ друга. Изъ ихъ антипатій рождается порядокъ, изъ ихъ ненависти—всеобщій миръ“.

Жаль, что французскій дипломатъ не предсказалъ Францу I, что настанетъ время, когда Итальянцы не будутъ сторожить венгровъ, когда Австрія развалится на двѣ половины,—Австрію и Венгрію,—когда взаимная вражда не будетъ уже рождать порядка,—когда венгерское юношество, въ припадкѣ бѣлой горячки, будетъ пѣть диѳирамбы звѣрствамъ турокъ въ Болгаріи....

Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, эти идеи, нашедшія себѣ могущественнаго истолкователя и исполнителя въ лицѣ австрійскаго министра Меттерниха, восторжествовали. Европа была раздѣлена, размежевана, уравновѣшена и укрѣплена нотаріальнымъ порядкомъ дипломатами вѣнскаго конгресса. Правда, „вводъ во владѣніе“ не вездѣ обошелся благополучно. Но эти отдѣльныя вспышки не нарушали общаго порядка. Около сорока лѣтъ наружное спокойствіе Европы сохранялось. Германія была заключена въ узкія формы страннаго союзнаго устройства. Италія — отдана на жертву иноземному преобладанію, раздробленію и клерикальному владычеству. Мало того. Идеѣ народности, возвѣщенной такими людьми, какъ Фихте, Штейнъ и другіе, была противопоставлена другая теорія, теорія такъ сказать оффиціальной народности. Эта теорія относится къ первой, какъ лицемѣріе къ истинному благочестію.

Но глухая работа незримо и постоянно подкапывала основаніе этого прочнаго, повидимому, зданія. Сильныя вспышки то здѣсь, то тамъ доказывали, что наружное спокойствіе не свидѣтельствуетъ еще о внутренней прочности системы. 1848 годъ разомъ потрясъ ее во всѣхъ основаніяхъ. На первый разъ движеніе было задержано. Но съ 1859 года оно дѣлаетъ быстрые и неудержимые успѣхи. Въ какія-нибудь двадцать лѣтъ Италія достигаетъ того, о чемъ не смѣли мечтать старые карбонаріи—полнаго единства и Рима, въ которомъ вѣковѣчный его владѣлецъ папа явится почетнымъ гостемъ. Нужно-ли говорить, чего въ то-же время достигла Германія? Нужно-ли изслѣдовать, что осталось отъ трактатовъ вѣнскаго конгресса?

Остановимся на этомъ моментѣ; дальнѣйшее обозрѣніе

фактовъ будетъ уже безполезно, ибо они относятся къ современной исторіи, достаточно извѣстной всякому. Но теперь мы можемъ позволить себѣ сдѣлать нѣкоторые выводы и общія замѣчанія относительно развитія и значенія идеи народности. Этимъ выводамъ и замѣчаніямъ необходимо однако предпослать небольшое объясненіе.

Почему мы остановились на развитіи національной идеи на западѣ Европы? Почему мы не обратились къ исторіи народовъ славянскихъ? Причинъ на это много и очень уважительныхъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Во-первыхъ, для значительнаго большинства нашего общества съ именемъ западной Европы соединяется — и совершенно правильно — представленіе о культурѣ и притомъ культурѣ общечеловѣческой. Слѣдовательно, показать, какъ идея народности выросла и укрѣпилась на почвѣ западной культуры, какъ она росла и укрѣплялась по мѣрѣ развитія этой культуры, показать это значитъ выполнить добрую долю задачи моихъ чтеній — доказать, что идея народности есть идея культурная и общечеловѣческая. Во-вторыхъ, если мы получимъ твердое убѣжденіе, что національная идея присуща европейской культурѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы найдемъ добрую точку опоры для критическаго сужденія о тѣхъ „культурныхъ“ народахъ, которые отказываютъ славянскимъ племенамъ въ томъ, за что они сами пролили много крови, что они сами считаютъ своимъ существеннымъ благомъ. Въ-третьихъ, наконецъ, намъ, строго говоря, нечего доказывать себѣ, т.-е. Россіи и славянскому міру, все значеніе національной идеи. Вся вѣковая исторія наша есть не что иное, какъ упорная борьба за цѣлость нашей народности. Въ то время, какъ западная Европа уже могла отдаться задачамъ внутренней культуры, мы должны были выдерживать натискъ монгольскихъ ордъ, смотрѣть во всѣ стороны, жить на военномъ положеніи, шагъ за шагомъ открывать себѣ доступъ къ морю, пробиваться къ Европѣ, по клочкамъ собирать землю, переживать и крѣпостное право, и крутую администрацію Москвы и еще болѣе крутую реформу Петра Великаго. Кто изъ насъ не пожелаетъ, что-

бы кончилась когда-нибудь эта страшная работа, чтобы намъ дано было больше времени для работы внутренней, для экономическаго обновленія нашего, для просвѣщенія массъ, въ которомъ мы нуждаемся не меньше, чѣмъ въ хлѣбѣ насущномъ, для разрѣшенія многихъ задачъ, еще ожидающихъ творческой руки преобразователя? Кто? Конечно, всѣ! Но это благодатное время настанетъ не прежде, чѣмъ когда мы разрѣшимъ вопросъ о положеніи славянскаго міра въ Европѣ, когда будетъ, наконецъ, признана и утверждена наша дѣйствительная равноправность съ прочими членами европейской семьи....

Что же такое національная идея? Повидимому, отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣленно вытекаетъ изъ разсмотрѣнія процесса образованія народностей. Внимательное изученіе этихъ событій показываетъ, что они совершались подъ вліяніемъ стремленій двоякаго рода: съ одной стороны, ими двигали стремленія, которыя чужды всякаго національнаго отпечатка, стремленія къ улучшенію формъ общественнаго и государственнаго быта; съ другой — люди двигались чувствомъ національной независимости, и это чувство было могущественною реакціею противъ искусственнаго созданія государствъ или системы государствъ, какими являлись, напримѣръ, старый германскій союзъ или раздробленная Италія.

Политическій и общественный прогрессъ сочетался съ національнымъ движеніемъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. И тамъ и здѣсь мы видимъ полное единство основанія. Основаніе это — постепенное развитіе и укрѣпленіе начала личной свободы и независимости. Чувство свободы, чувство цѣльное, недробимое и недѣлимое. Оно находитъ себѣ удовлетвореніе не въ какомъ-либо одномъ условіи, даже не въ одномъ разрядѣ условій, а въ цѣлой ихъ системѣ, обезпечивающей самобытное развитіе труда, мысли, вѣры, науки, искусствъ, области экономическихъ и нравственныхъ отношеній. Тѣ внѣшнія, формальныя условія свободнаго развитія личности, которыя могутъ быть названы общечеловѣческими, т.-е. могутъ и обыкновенно должны быть усвоены цѣлымъ кругомъ культурныхъ народовъ,—

условія эти не могутъ дать человѣку всей свободы. Судебныя гарантіи, право передвиженія, религіозная терпимость, свобода печати — чрезвычайно важныя условія для личнаго и общественнаго развитія, но условія только внѣшнія, безсильныя дать человѣку самостоятельное внутреннее содержаніе.

Послѣдняя цѣль, послѣднее слово человѣческаго развитія — творчество, какъ самостоятельный актъ нашей нравственной личности, какъ высочайшее проявленіе нашего разума, нашего воображенія, религіознаго чувства и т. д. Эта великая цѣль не можетъ быть достигнута и обезпечена одними внѣшними условіями. Для того, чтобы человѣческое слово могло сдѣлать свое дѣло, мало дать человѣку возможность говорить и писать, — нужно еще, чтобы у него было что̀ сказать, другими словами, чтобы у него было внутреннее содержаніе. Содержаніе это, въ свою очередь, должно быть самостоятельно, иначе вся духовная дѣятельность человѣка выродится въ подражаніе, въ пассивное усвоиваніе чужихъ мыслей, даже чужихъ чувствъ. Врядъ-ли такой результатъ желателенъ. Человѣческая культура, какъ совокупность воспитательныхъ средствъ личности, не должна по́ходить на іезуитскую коллегію, образовывавшую одинаково мыслящихъ, одинаково чувствующихъ и поступающихъ автоматовъ. Душа человѣческая, т.-е. ея нравственное содержаніе, ея идеалы, ея стремленія дороже цѣлаго міра, ибо что́ же будетъ для насъ этотъ міръ послѣ нашей нравственной смерти? „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но погубитъ свою душу?“

Гдѣ же и при какихъ условіяхъ можетъ выработаться это самостоятельное содержаніе личности? Здѣсь проявляется великое значеніе народности. Народность даетъ человѣку все, что́ можетъ сдѣлать его самостоятельною нравственною личностію. Она даетъ ему языкъ, какъ форму для выраженія его мыслей. И не форму только. Языкъ въ такой степени связанъ съ мыслію, что люди думаютъ словами. А слово не есть достояніе того или другого лица, изобрѣтенное имъ для собственнаго употребленія. Слово есть

выраженіе пережитаго представленія народа о предметахъ и отношеніяхъ видимаго и невидимаго міра. Въ языкѣ выражаются особенности народныхъ понятій, особенности, такъ сказать, порядка народнаго мышленія. Стóитъ вдуматься въ особенности языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и другихъ, чтобы убѣдиться, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ особенностямъ нравовъ, характера, міросозерцанія и т. д. тѣхъ народовъ, которые на нихъ говорятъ. Вотъ почему вполнѣ самобытнымъ, творческимъ, можетъ быть только писатель, овладѣвшій въ совершенствѣ языкомъ своего народа, знающій всѣ его изгибы, тонкости, всѣ формы. Заставьте его писать на другомъ языкѣ, и вы получите декламатора, способнаго красиво говорить общія мѣста, но не способнаго выразить дѣйствительно оригинальную мысль со всѣми ея оттѣнками.

Пойдемъ дальше. Народность поддерживаетъ и развиваетъ самобытность личности особенностями своей культуры. Каждый человѣкъ, взятый самъ по себѣ, принадлежитъ къ опредѣленной породѣ, къ одной изъ тѣхъ породъ, на которыя распадается родъ человѣческій. Но въ отдѣльномъ человѣкѣ, не тронутомъ еще культурою, особенности его породы находятся въ зачаточномъ, зоологическомъ, такъ-сказать, состояніи. Только въ исторической жизни народа они получаютъ опредѣленность и устойчивость, видимую форму въ учрежденіяхъ, нравахъ, литературѣ, вѣрованіяхъ. Они дѣлаются устойчивѣе, потому что только въ исторической жизни дѣлается возможнымъ постоянное вліяніе тѣхъ географическихъ, климатическихъ и другихъ внѣшнихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ живетъ цѣлый народъ; потому, далѣе, что только въ исторической жизни обнаруживаетъ свою силу начало преемственности, наслѣдственности, установляется масса опредѣленныхъ преданій. Особенности эти дѣлаются опредѣленнѣе, потому что облекаются въ видимую и осязательную форму нравовъ и учрежденій, выражаются въ поэзіи, начиная съ народныхъ пѣсенъ и былинъ и кончая произведеніями литературы, они облекаются въ плоть и кровь въ произведеніяхъ скульптуры и живопи-

си. Отдѣльная личность охватывается этими воплощеніями всенародной мысли, нравственности, фантазіи. Она наталкивается на нихъ каждую минуту, на каждомъ шагу. Въ типѣ семейной жизни и формѣ собственности, характерѣ сельскаго хозяйства и общественнаго управленія, въ пѣснѣ рабочаго и романѣ изъ національной жизни, складѣ церкви и характерѣ школьныхъ отношеній, вездѣ и во всемъ народность выдастъ ему свой типъ, свой нравственный и политическій складъ, воспитываетъ его въ извѣстномъ направленіи, служитъ для него обильнымъ источникомъ вдохновенія и разочарованія, радости и горя, гордости и униженія. Каждый невольно сознаетъ, что только въ общеніи съ своимъ народомъ онъ есть нѣчто, т.-е. самобытное и творческое. Попробуйте оторвать человѣка отъ его народа и вы увидите, какъ изсякнутъ самыя живыя силы, самое могущественное творчество!

Коротко говоря, народность дѣйствуетъ воспитательно на человѣческую личность потому, что она сама есть собирательная и нравственная личность. Подобно тому, какъ самобытное я каждой личности опредѣляется не тѣми свойствами и стремленіями, которыя общи ей со всѣми другими личностями, а именно ея особенностями, такъ и народная личность опредѣляется тѣми особенными условіями, которыя выражаются въ народномъ типѣ. Какъ образуется этотъ типъ? Подъ вліяніемъ какихъ условій образуется чувство и сознаніе народности? Это вопросъ крайне сложный и требующій соображеній болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, какія я могу здѣсь представить. Мы можемъ, однако, указать на нѣкоторыя общія черты этого процесса.

Прежде всего мы должны имѣть въ виду, что понятіе народности есть понятіе культурное, слѣдовательно, историческое. Простые физическіе, физіологическіе, такъ сказать, элементы, не составляютъ народности. Не должно смѣшивать народность съ племенемъ. Народность можетъ составиться изъ многихъ ассимилированныхъ племенъ. Огромное большинство европейскихъ народностей въ источникѣ своемъ разноплеменны. Мы можемъ указать только въ каж-

домъ народномъ типѣ преобладающія черты того или другого племени. Языкъ въ большинствѣ случаевъ является главнѣйшимъ признакомъ народности; по крайней мѣрѣ это вѣрно относительно главнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ народностей Европы. Но языкъ становится такимъ признакомъ только послѣ долгой исторической работы, послѣ того, какъ среди первоначальнаго разнообразія діалектовъ является центральный, такъ-сказать, языкъ съ своею національною литературою. Затѣмъ примѣръ Швейцаріи показываетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ можетъ образоваться разноязычная народность. Религія можетъ сдѣлаться признакомъ той или другой націи въ виду историческаго ея положенія среди другихъ. Историческое значеніе Англіи, Пруссіи, Швеціи долго опредѣлялось тѣмъ, что они государства протестантскія. Положеніе славянъ въ Турціи и нынѣшней ихъ борьбы главнымъ образомъ опредѣляется тѣмъ, что они націи христіанскія, въ противоположность мусульманской Турціи. Затѣмъ, отвлекаясь даже отъ религіозной борьбы народовъ, явленія крайне прискорбнаго, нельзя не замѣтить, что оттѣнки тѣхъ или другихъ религій, складъ церковной жизни той или другой страны отражаются на политическомъ и общественномъ складѣ народовъ. Вліяніе католицизма на Францію, протестантизма на Англію и С. Америку не подлежитъ сомнѣнію. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы нація не должна была терпѣть въ своихъ предѣлахъ разныхъ религій, чтобы она отвергла „невѣрныхъ“ своихъ соотечественниковъ. Напротивъ, мы указали выше, что образованіе національностей совпадаетъ именно съ разрушеніемъ искусственнаго католическаго единства, съ устраненіемъ религіозной нетерпимости. Здѣсь рѣчь идетъ объ естественномъ вліяніи религіи, исповѣдуемой большинствомъ народонаселенія, на его историческія судьбы.

Но мы должны бы представить еще длинный списокъ тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагаются народности. Если въ высшей степени трудно перечислить обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ каждаго отдѣльнаго человѣка, если мы должны будемъ воспроизвести

въ своемъ умѣ всѣ біографическія его подробности, всю физическую его обстановку со дня рожденія и по данный моментъ, то тѣмъ труднѣе сдѣлать это по отношенію къ цѣлому народу, исторія котораго длиннѣе біографіи отдѣльнаго лица, жизненная обстановка котораго сложнѣе условій отдѣльнаго человѣка.

„Національность, говоритъ извѣстный французскій мыслитель Бюше, есть результатъ общности вѣрованій, преданій, надеждъ, обязанностей, интересовъ, предразсудковъ, страстей, языка, и наконецъ, нравственныхъ, умственныхъ, даже физическихъ привычекъ, имѣвшихъ точкою отправленія общую цѣль, а центромъ опредѣленную и постоянную часть человѣческаго рода, преслѣдовавшую эту цѣль въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній". „Самая могущественная причина образованія національностей, говоритъ Милль,—тождество политическаго прошлаго, обладаніе національною исторіею, слѣдовательно общность воспоминаній, гордости и униженія, радостей и сожалѣній, соединенныхъ съ одинаковыми событіями въ прошломъ".

Слѣдовательно, національность не есть какое-нибудь отвлеченное начало, сразу раздѣлившее человѣческій родъ на части. Народъ заработываетъ, завоевываетъ ее, какъ отдѣльный человѣкъ борьбою и трудомъ достигаетъ самостоятельности и оригинальности. „Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой". Такъ, подъ вліяніемъ долгихъ историческихъ испытаній образуется національный типъ и въ этомъ типѣ воплощается одна какая-либо сторона общечеловѣческихъ стремленій, свойствъ ума или фантазіи. Для сохраненія этой самобытности, этого нравственнаго я, народъ способенъ на всѣ жертвы, лишенія, отчаянную борьбу. Съ этой точки зрѣнія, государство является средствомъ охраненія и укрѣпленія народности. Добиваясь своего государства, каждая нація въ сущности ищетъ средствъ обезпеченія своей самобытности; она понимаетъ, что безъ самостоятельности политической, она утратить возможность самостоятельной культуры, что она сдѣлается простымъ служебнымъ матеріаломъ для другой народности, что она должна будетъ усвоить чужую культуру, т.-е. утратить свою лич-

ность, или застыть въ старыхъ своихъ формахъ, т.-е. отказаться отъ всякаго историческаго развитія.

Провозглашеніе національнаго принципа есть дѣло вѣковой культуры, общей работы всѣхъ народовъ Европы. Оно провозглашено во имя цивилизаціи и для цивилизаціи. Провозгласить національный принципъ не значитъ сказать народамъ: „успокойтесь, засните въ своемъ самодовольствѣ, вамъ нечего заимствовать у другихъ, нечему учиться; оставайтесь такими, какимъ засталъ васъ первый день творенія!“

Напротивъ, провозглашеніе національнаго принципа налагаетъ на народъ новыя и серьезныя обязанности. Всѣ существенные результаты, добытые цивилизаціею другихъ народовъ, должны быть восприняты каждымъ культурнымъ народомъ. Но такое воспріятіе не можетъ состоять въ пассивномъ заимствованіи внѣшнихъ формъ чужой жизни. Воспріятіе общихъ результатовъ цивилизаціи имѣетъ цѣлію обогатить данный, національный культурный типъ. Просвѣщеніе (понимая подъ этимъ словомъ улучшеніе экономическихъ, умственныхъ и общественныхъ условій) должно вызвать въ народѣ его творческія силы, побудить его къ самостоятельной работѣ,—работѣ надъ самимъ собой. Тотъ, кто призываетъ народъ къ такой работѣ, не станетъ льстить народнымъ инстинктамъ, подхваливать народное самодовольство, убѣждать его, что все свое хорошо, потому что свое. Напротивъ, его уму постоянно будетъ представляться разница между тѣмъ, что народъ есть въ данную минуту и тѣмъ, чѣмъ онъ могъ бы быть по своимъ условіямъ и свойствамъ. Слово обличенія въ его устахъ будетъ могущественнымъ средствомъ народнаго пробужденія. Самая сатира сдѣлается возвышеннѣе и плодотворнѣе. Все будетъ направлено къ тому, чтобы поддержать въ народѣ живыя начала самодѣятельности и самосознанія.

Самосознаніе! Вотъ великое слово, въ которомъ нуждается нашъ славянскій міръ, разсѣянный и разсыпанный подобно песку морскому! Когда, наконецъ, проснется и зашевелится это великое тѣло, въ полномъ сознаніи своей солидарности?

ГРАФЪ КАВУРЪ *).

(Le comte de Cavour, par Charles de Mazade. Paris, 1877).

I.

Мы переживаемъ великую и тревожную эпоху. Каждый день приноситъ намъ извѣстія, заставляющія насъ то радоваться, то печалиться, то съ гордостью смотрѣть на будущее, то сомнѣваться въ немъ. Пора спокойствія и равнодушія миновала. Но и въ это тревожное время, когда каждый изъ насъ живетъ не вчерашнимъ, даже не нынѣшнимъ днемъ, а трепетно ждетъ утра съ его новостями, нельзя иногда не уйти мыслью въ прошедшее, особенно если въ этомъ прошедшемъ можно найти подобіе настоящему. Примѣръ другихъ народовъ и другихъ людей, переживавшихъ такія же тревоги, какъ и мы, освѣжаетъ мысль и укрѣпляетъ волю. Скажемъ больше: такіе примѣры необходимы. Переживая тревоги настоящаго, мы невольно приковываемъ наше вниманіе къ массѣ отдѣльныхъ событій, смѣняющихъ другъ друга, и рѣдко способны возвыситься до созерцанія идеи, двигающей событіями. Современные дѣятели представляются намъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ, съ ихъ будничъ-

*) Написана въ 1877 году, не задолго до взятія Плевны.

ною обстановкой. Для характеристики ихъ мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше „слуховъ“ и даже сплетенъ, чѣмъ крупныхъ и достовѣрныхъ фактовъ. Напротивъ, въ событіяхъ прошедшаго, подробности отступаютъ на второй планъ, идея выдвигается на первый. Въ дѣятеляхъ прошлаго стираются второстепенныя черты, но возстановляются общіе контуры, и фигура предстоитъ предъ потомствомъ подобно мраморному изваянію, воплощающему опредѣленную идею.

Національное движеніе, охватившее Европу съ 1848 г., выразилось въ различныхъ формахъ, совершилось при различныхъ условіяхъ и разными средствами, трудно повторимыми въ другихъ странахъ. Стоитъ сравнить процессъ объединенія Германіи съ такимъ же процессомъ въ Италіи, чтобъ убѣдиться, въ какой степени „время и мѣсто“ отражаются на характерѣ событій и на типахъ дѣятелей. Но, хотя бы въ интересахъ „сравнительной методы“, полезно останавливаться на этихъ различныхъ процессахъ и представителяхъ различныхъ политическихъ системъ. Какимъ образомъ маленькое, небогатое государство могло сдѣлаться центромъ соединенія для цѣлаго полуострова, сломить силу громадной Австрійской Имперіи и свѣтскую власть главы католическаго міра? Какимъ образомъ одинъ человѣкъ, располагавшій силами небольшого народа и однимъ только союзникомъ, да и то ненадежнымъ, успѣлъ осуществить то, чего не могли сдѣлать усилія цѣлыхъ поколѣній?

Книга г. Мазада въ этомъ отношеніи довольно интересна. Правда, она даетъ менѣе фактовъ, чѣмъ книга Массари. Она имѣетъ характеръ апологіи, написанной съ точки зрѣнія довольно узкаго круга идей. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ популярной біографіи Кавура, она смѣло можетъ быть рекомендована вниманію читающаго общества.

Не останавливаясь на дальнѣйшей оцѣнкѣ книги, обратимся къ событіямъ и къ человѣку, ихъ вызвавшему.

Идея національнаго единства Италіи и освобожденія ея отъ ига чужеземцевъ не принадлежала, конечно, Кавуру,

да и никому изъ его современниковъ. Зародышъ ея должно искать очень далеко. Восходя отъ столѣтія къ столѣтію, можно остановиться на Макіавели, въ твореніяхъ котораго эта мысль выражена съ поразительною ясностью и энергіей. Въ самомъ XIX столѣтіи она жила первоначально въ тайныхъ обществахъ, прорывалась въ литературныхъ и научныхъ произведеніяхъ. Но характеристическія черты Кавура и его политики опредѣляются условіями, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, и способами, при помощи которыхъ онъ достигъ своей цѣли.

Макіавели страстно любилъ Италію и все готовъ былъ принести въ жертву ея единству. Но онъ взывалъ къ деспотическому „государю“, самъ предложилъ ему теорію строгаго деспотизма и вѣроломной политики. Онъ разсчитывалъ прежде всего на внѣшнюю силу государственной власти и на ея политическое искусство. Кавуру пришлось разсчитывать на силу нравственнаго примѣра государства, къ управленію которымъ онъ былъ призванъ. Въ этомъ отношеніи онъ отличается, напримѣръ, отъ князя Бисмарка, дѣйствовавшаго при иныхъ условіяхъ. „Желѣзный канцлеръ“ отвѣчалъ въ свое время либераламъ прусскаго ландтага: „Германія смотритъ не на либерализмъ, а на могущество Пруссіи. Баварія и Баденъ могутъ потакать либерализму, но за то они и не призваны ни къ чему великому“. Кавуръ не могъ произнести этихъ словъ. Пьемонтъ былъ не больше Баваріи и бѣднѣе ея. Вліяніе его могло быть основано прежде всего на нравственныхъ силахъ, уважаемыхъ какъ въ Италіи, такъ и въ Европѣ. Бисмаркъ задавилъ своихъ противниковъ прежде всего въ Германіи, потомъ въ Европѣ. Кавуръ силою вещей долженъ былъ очаровывать либеральное большинство въ Италіи и европейскіе дворы. Фигура князя Бисмарка перейдетъ въ потомство въ видѣ бронзоваго изваянія со всѣми чертами грозной энергіи и несокрушимой силы воли. Въ фигурѣ Кавура гораздо больше граціи, добродушія и нѣкотораго лукавства. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ у этого итальянца, добродушно потирающаго руки и отпускающаго остроты, было меньше энер-

гіи, чѣмъ у знаменитаго канцлера. Бисмаркъ, обыкновенно, былъ хозяиномъ положенія вещей. Онъ шелъ впередъ и останавливался, когда считалъ это нужнымъ. Врядъ ли у него были такія трагическія минуты, какія пережилъ Кавуръ, напримѣръ, послѣ заключенія вилла-франкскаго перемирія, когда его почти безъ чувствъ вывели изъ комнаты Виктора-Эммануила. Князь Бисмаркъ могъ опираться, главнымъ образомъ, на силы Пруссіи; Кавуръ призывалъ къ участію силы постороннія и обыкновенно своекорыстныя. Тѣмъ затруднительнѣе было его положеніе, чѣмъ больше умѣнья „создавать обстоятельства“ требовалось отъ него.

Начало политическаго поприща Кавура относится къ самому тяжелому для Италіи и Пьемонта времени. Либеральное движеніе, охватившее Италію съ 1846 года, побудившее сардинскаго короля Карла-Альберта дать странѣ конституцію, стать во главѣ войска противъ Австріи, кончилось плачевно. Власть папы была возстановлена въ Римѣ французскими войсками; въ Верхней Италіи, Австрія, управившись съ венгерскою революціей, возстановляла „порядокъ“ и сокрушила слабый Пьемонтъ. Въ Неаполѣ кровавая реакція „отрезвляла“ людей, увлекшихся либеральными идеями. Во всей Европѣ торжество реакціи было несомнѣнно. Во Франціи іюньскіе дни подготовили диктатуру Наполеона; Въ Германіи Пруссія должна была расплатиться за кратковременное увлеченіе „національною идеей“ униженіемъ предъ Австріей. Притомъ, сама либеральная Германія подозрительно относилась къ итальянскому движенію, въ которомъ она видѣла угрозу для германскихъ интересовъ. Всякое движеніе въ Италіи было сдавлено съ двухъ сторонъ и во имя двухъ принциповъ. Во-первыхъ, во имя началъ реакціонныхъ, Австрія, какъ въ своихъ итальянскихъ провинціяхъ, такъ и чрезъ послушныхъ ей „потентатовъ“ Средней Италіи подавляла всякія мечты объ освобожденіи, увѣривъ, притомъ, Германію, что единство Италіи будетъ гибельно для нѣмецкихъ интересовъ. Во-вторыхъ, національное движеніе въ Италіи вызывало всеевропейскую па-

нику во имя интересовъ католицизма, тѣсно связанныхъ, будто бы, съ свѣтскою властью папы.

Самъ Пьемонтъ представлялъ зрѣлище мало утѣшительное. Новорожденной конституціи грозила серьёзная опасность. Разгромъ пьемонтской арміи подъ Наварой (23 марта 1849 года) повелъ къ дезорганизаціи страны, выдвинулъ впередъ самыя крайнія партіи. Въ то время, какъ реакціонеры кричали о необходимости возстановить старый порядокъ, Броферіо предлагалъ организовать всеобщую революцію, учредить „комитетъ общественнаго спасенія“, генуэзская демагогія произвела возстаніе, съ трудомъ подавленное Ламарморою.

Положеніе молодого короля Виктора-Эммануила было въ высшей степени затруднительно, и только его честной натурѣ Пьемонтъ обязанъ сохраненіемъ „статута“. Но статутъ не могъ оставаться буквою: нужны были еще люди, умѣющіе править по статуту. На первый разъ онъ собралъ вокругъ себя людей, способныхъ сохранить равновѣсіе. Таковы были Азеліо, Сиккарди, Палеокопа, Ламармора, Нигра. Но только въ 1850 году въ составъ министерства Азеліо вошелъ человѣкъ, способный не только къ равновѣсію, но и къ дѣйствію—Кавуръ.

Ему было въ это время сорокъ лѣтъ. Его характеръ и убѣжденія опредѣлились окончательно. На поприщѣ сельскаго хозяйства и разныхъ промышленныхъ предпріятій, въ качествѣ журналиста и члена парламента, онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность и укрѣпить связи съ либеральною партіей. Какія идеи внесъ этотъ человѣкъ въ правительство? Предоставимъ слово ему самому

Въ 1848 году онъ рѣзко отвернулся отъ мадзинизма съ его революціонною программою дѣйствій. Его смѣшали съ реакціонерами (codino) и забраковали на выборахъ 1849 года въ палату депутатовъ. Что же отдѣляло его отъ этой партіи и отъ практики „тайныхъ обществъ“? „Что всегда губило — говорилъ онъ — самыя лучшія и справедливѣйшія революціи? Страсть къ революціоннымъ средствамъ людей, мечтавшихъ освободиться отъ естественныхъ законовъ.

Учредительное французское собраніе, создающее ассигнаціи, вопреки природѣ и экономическимъ законамъ — революціонное средство, убившее кредитъ и породившее раззореніе! Конвентъ, думавшій потопить въ крови сопротивленіе своимъ честолюбивымъ замысламъ — революціонное средство, породившее директорію, консульство и имперію! Наполеонъ, все подчинявшій своему капризу и полагавшій, что „можно съ одинаковою легкостью побѣдить при Лоди и стереть одинъ изъ законовъ природы“ — революціонное средство, которое повело къ Ватерлоо и къ св. Еленѣ! Іюньскіе сектаторы (1848 года), стремившіеся навязать при помощи желѣза демократическую и соціальную республику — революціонное средство, породившее осадное положеніе въ Парижѣ и реакцію повсюду. Подождемъ еще минуту и мы увидимъ послѣднее дѣйствіе революціоннаго средства — Лудовика-Наполеона на престолѣ!“

Кавуръ не хотѣлъ этихъ „средствъ“, особенно въ виду того обстоятельства, что Пьемонту приходилось удерживать свой „статутъ“ и служить всей Италіи среди всеевропейской реакціи. Но рѣзкія черты отдѣляли его отъ „нравой стороны“. Его политическая точка опоры, его cogito, ergo sum, ясно выражено въ письмѣ къ Сальваньйоли, написанномъ послѣ бѣдствій 1848 года: „До тѣхъ поръ — писалъ онъ — пока свобода существуетъ въ одномъ углу Итальянскаго полуострова, не слѣдуетъ отчаяваться въ будущемъ! Пока Пьемонтъ сохранитъ свои учрежденія отъ деспотизма и анархіи, мы будемъ имѣть средство съ пользою трудиться надъ возрожденіемъ отечества“.

Слово „свобода“ означаетъ иногда очень многое, иногда пустую форму, пригодную для прикрытія разныхъ человѣческихъ глупостей. Поэтому, важно знать, что означало оно въ устахъ такого серьёзнаго и практическаго человѣка, какъ графъ Кавуръ. Вотъ что говорилъ онъ въ палатѣ, въ 1850 году, по поводу церковной реформы. „Реформы, произведенныя во время, не ослабляютъ власти — онѣ укрѣпляютъ ее и обезсиливаютъ революціонный духъ. Я говорю министрамъ: подражайте откровенно Уэллингтону, Грею, Пилю... идите

смѣло по пути реформъ, не страшась, что онѣ будутъ преждевременны. Не думайте, чтобъ тронъ отъ того поколебался; напротивъ, онъ укрѣпится, пуститъ въ нашей почвѣ такіе глубокіе корни, что въ тотъ день, когда революція поднимется вокругъ насъ, онъ будетъ не только въ состояніи владычествовать надъ нею, но соберетъ вокругъ себя всѣ живыя силы Италіи и поведетъ націю къ ожидающимъ ее судьбамъ".

Кавуръ какъ бы предсказалъ то, что случилось въ 1859 году: революціонныя силы пошли тогда на службу Виктору-Эммануилу. Интересно, что князь Бисмаркъ въ свое время высказалъ ту же мысль. Обращаясь, незадолго до войны 1866 года, къ германскимъ правительствамъ съ предложеніемъ реформы союзнаго устройства, ради предупрежденія революціи, онъ говорилъ: „силу революціонныхъ движеній составляютъ не крайнія идеи ея вожаковъ, а небольшая доля умѣренныхъ и законныхъ требованій, неосуществленныхъ въ свое время".

Два великіе политика и знатока человѣческаго сердца сказали одно и то же. Масса народа никогда не можетъ жить крайними и утопическими стремленіями „лѣвыхъ". Ведите ее по пути реформъ, выполняйте то, что всѣми признано за всеобщую и неотложную нужду, и вы навсегда отдѣлите ее отъ партіи ревоюціонной. Успѣхъ французской революціи зависѣлъ вовсе не отъ того, что масса народа хотѣла красной шапки, казни короля, религіи разума, террора и комитета общественнаго спасенія, а потому, что въ свое время Тюрго не могъ добиться необходимыхъ экономическихъ и общественныхъ реформъ.

Для Кавура такая теорія реформы имѣла оссобенное значеніе въ виду исключительнаго положенія Пьемонта. Маленькое королевство не имѣло ни сильной арміи, ни благоустроенныхъ финансовъ, ни могущественныхъ союзниковъ. Оно могло взять только нравственнымъ вліяніемъ на Европу и Италію. Вотъ почему Кавуръ говорилъ: „Правительство не можетъ вести національную, итальянскую политику по отношенію къ иностраннымъ державамъ, не будучи ли-

беральнымъ и преобразовательнымъ внутри; точно также намъ невозможно быть либеральными внутри, не будучи національными въ нашихъ внѣшнихъ сношеніяхъ".

Но успѣхъ такой политики требовалъ невѣроятныхъ усилій. Либеральный Кавуръ видѣлъ въ „статутѣ" не цѣль, а средство вызвать къ жизни всѣ нравственныя и экономическія силы своей родины, страшно истощенной и деморализованной послѣдними событіями. „Мы что-нибудь сдѣлаемъ", говорилъ онъ своему другу Манцони, лукаво потирая руки.

„Дѣлать" было, однако, трудно. Съ 1848 года долгъ Пьемонта возросъ съ 5 на 30 милліоновъ ренты; бюджетъ возросъ съ 80 на 189 милліоновъ (въ 1850 году). При этихъ условіяхъ Кавуръ сдѣлался, въ 1850 году, министромъ торговли, а въ 1852 году первымъ министромъ. Сознаніе тяжкаго бремени проглядываетъ въ его письмахъ. Въ 1853 году, онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Женеву:

„Политика запутывается все больше и больше; мы должны бороться съ неурожаемъ, съ новыми налогами, съ попами и ретроградами... Но я, все-таки, не отчаяваюсь..."

Послѣдуемъ за нимъ на это поприще. Кавуръ пріобрѣлъ себѣ наибольшую извѣстность своими дипломатическими способностями. Но дипломатія Кавура только увѣнчала усилія его внутренней политики, имѣвшей въ виду экономическое возрожденіе Пьемонта. Здѣсь особенно развернулась его энергія и огромныя способности финансиста и экономиста. Кавуръ не испугался тяжкаго бремени долговъ и налоговъ, уже лежавшаго на странѣ; онъ заставилъ ее пуститься въ трудныя финансовыя реформы, началъ рядъ общественныхъ сооруженій; принялся за преобразованіе арміи, за улучшеніе крѣпостей. Вмѣсто того, чтобъ замкнуться въ „строгую экономію", онъ призывалъ страну сдѣлать новыя усилія и развернуть свои производительныя силы. Страна слушала его неохотно. Ему приходилось дѣлать предъ палатою математическія выкладки, убѣждать ее, что если предполагаемыя затраты будутъ велики, то онѣ будутъ и производительно, что онѣ съ избыткомъ возвратятся странѣ.

Ему приходилось доказывать, что затрата двухъ милліоновъ на улучшеніе портовъ дастъ 500,000 годоваго дохода; что гарантія савойской желѣзной дороги привлечетъ въ эту страну отъ 40 до 50 милліоновъ капиталовъ, въ которыхъ она такъ нуждается, и т. д.

Но экономическія реформы Кавура имѣли въ виду и другую цѣль — главную цѣль его политики и всей его жизни. Построенныя на началахъ экономической свободы, онѣ должны были привлечь къ Пьемонту симпатіи двухъ сильнѣйшихъ державъ Запада — Англіи и Франціи. Недаромъ австрійскій министръ говорилъ, нахмурившись: „Кавуръ хочетъ купить поддержку Англіи своею торговою политикою". Такова, конечно, не была главная цѣль Кавара. Его торговая и экономическая политика казалась ему выгодною прежде всего для Пьемонта. Но онъ понималъ хорошо, что она полезна и для упроченія связи съ великими державами Запада. „Англія — говорилъ онъ (хотя невполнѣ вѣрно)—не выступаетъ больше въ качествѣ поборника абсолютизма на континентѣ, и англійскому министерству будетъ трудно соединиться съ Австріею для угнетенія Италіи". Заключая коммерческій трактатъ съ Франціею (1851 года), онъ прямо заявлялъ, что ищетъ поддержки этой страны въ виду грядущихъ событій. „Не можетъ ли — говорилъ онъ— произойти такой компликаціи между всѣми окружающими насъ народами, которая раздѣлила бы на два лагеря Востокъ и Западъ? И въ этомъ случаѣ не желали ли бы мы быть съ Франціею?" Нетрудно догадаться, какую „компликацію" предусматривалъ Кавуръ: восточная война 1853 года оправдала его.

Но пока мы дойдемъ до этого событія, которымъ такъ ловко воспользовался Кавуръ для своихъ цѣлей, нужно сказать нѣсколько словъ о церковной политикѣ Кавура. До полнаго рѣшенія этого труднаго вопроса онъ не дошелъ, потому что не дошелъ до Рима. Но законъ 1871 года, опредѣляющій отношеніе римской куріи къ государству, держится на идеяхъ Кавура, выраженныхъ въ его извѣстной формулѣ: Libera chiesa in libero stato (свободная цер-

ковь въ свободномъ государствѣ). Съ этими словами онъ умеръ, пожимая руку своему духовнику, фра-Джіакомо. Онъ проводилъ это начало въ отдѣльныхъ мѣрахъ и отстаивалъ его со всею энергіей. Эта идея не была общею формулою либерализма, потому что либерализмъ можетъ дойти и до иныхъ требованій, напримѣръ, до требованія строгаго государственнаго надзора въ дѣлахъ церковныхъ, ради обезпеченія интересовъ свѣтскаго общества. Формула Кавура вытекала изъ глубокаго пониманія взаимнаго отношенія церкви и государства именно въ Италіи. Здѣсь римская курія не является внѣшнимъ и постороннимъ установленіемъ для страны, какъ, напримѣръ, во Франціи. Она составляетъ одинъ изъ историческихъ элементовъ національной жизни Италіи. Были минуты, когда отъ папскаго престола, за неимѣніемъ другой точки опоры, надѣялись національнаго возрожденія Италіи. Не дальше, какъ въ 1846 году такія надежды были возложены на Пія IX-го. Надежды эти не оправдались, даже были посрамлены; но національная партія еще не видѣла иной точки опоры. Попытка Пьмонта кончилась наварскимъ разгромомъ. Странѣ нужно было начинать дѣло снова и завоевать себѣ почетное положеніе въ Италіи.

При такихъ условіяхъ, Кавуру необходимо было прежде всего денаціонализовать, такъ-сказать, римскую курію, устранить ее отъ всякаго вліянія на государственную и національную жизнь Италіи, обратить ее въ космополитическое учрежденіе, поставить ее во главѣ католическаго міра, но не Италіи. Добиться этого можно было только однимъ путемъ: полнымъ разграниченіемъ церковной и политической областей. Уничтоженіе свѣтской власти папы, освобожденіе свѣтскаго общества отъ опеки духовныхъ властей и каноническихъ правилъ — таковы были условія, необходимыя для свободы государственной власти въ ея національной политикѣ. Отмѣна старыхъ орудій государственнаго вмѣшательства въ дѣла церковныя, полная независимость папы, какъ главы католической церкви — таковы условія свободы церкви. Папѣ—весь католическій міръ, во всѣхъ

частяхъ свѣта; королю — Италія, въ ея національномъ единствѣ.

Таковы практическія и мѣстныя основанія знаменитой формулы: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ — формулы, получившей значеніе безсодержательнаго восклицанія въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи. Для Кавура она имѣла очень опредѣленное значеніе; но осуществить ее онъ могъ только въ отдаленномъ будущемъ.

Окончательное и откровенное соглашеніе съ римскимъ престоломъ въ данную минуту было невозможно. Римская курія являлась однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій къ объединенію Италіи, открыто стала на сторону всѣхъ реакціонныхъ элементовъ и враждебно относилась къ „вольнодумному“ Пьемонту. Поэтому, съ политической точки зрѣнія, было гораздо выгоднѣе оставить папство на этой дорогѣ. Шествуя свободно по пути реакціи, папскій престолъ дискредитировалъ себя въ національномъ отношеніи и увеличивалъ популярность Пьемонта. Такъ, въ 1855 году онъ заключилъ извѣстный конкордатъ съ Австріей, ясно доказавшій двѣ вещи: во-первыхъ, чего можно ожидать отъ папской власти въ смыслѣ общегосударственнаго развитія и, во-вторыхъ, что власть эта сблизилась со злѣйшимъ врагомъ Италіи — съ державою, наиболѣе заинтересованною раздробленіемъ этой страны.

Кавуръ зналъ, что́ дѣлалъ, уклоняясь отъ прямыхъ сношеній съ Римомъ. „Если мы вступимъ въ прямыя сношенія съ Римомъ — писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей — мы разрушимъ до основанія политическое зданіе, воздвигаемое нами съ такимъ трудомъ. Намъ будетъ невозможно сохранить наше вліяніе въ Италіи, если мы войдемъ въ соглашеніе съ первосвященникомъ. Пусть не заходятъ въ борьбѣ слишкомъ далеко; но пусть не дѣлаютъ ни одного шага назадъ! Вы знаете, что я не попоненавистникъ (prêtrophobe), что я расположенъ къ примиренію, что я хотѣлъ бы дать церкви бо́льшія вольности, чѣмъ тѣ, какими она пользуется нынѣ, что я былъ бы готовъ отказаться отъ exequatur, отъ университетской монополіи и т. д.; но въ

нынѣшнихъ обстоятельствахъ, я убѣжденъ, что всякая попытка къ соглашенію обратилась бы противъ насъ".

II.

Пятилѣтняя работа Кавура надъ „возрожденіемъ" Пьемонта дала извѣстные „нравственные" плоды. Въ Англіи и Франціи съ любопытствомъ и даже съ сочувствіемъ смотрѣли на маленькую страну, смѣло пускавшуюся на путь широкихъ внутреннихъ преобразованій и свободныхъ учрежденій. Но этихъ плодовъ было, конечно, мало для того, чтобъ Пьемонтъ могъ такъ или иначе поднять итальянскій вопросъ. Симпатіи къ Пьемонту и къ его „премьеру" ничего не говорили еще въ пользу Италіи. Италія, въ глазахъ большинства европейскаго общества, оставалась и должна была остаться „географическимъ терминомъ". Одни не хотѣли Италіи во имя католическихъ интересовъ, другіе во имя интересовъ „порядка", третьи во имя своихъ худо или слишкомъ широко понятыхъ національныхъ интересовъ. Кавуру нужно было нетолько „зарекомендовать" Пьемонтъ, но и помирить общественное мнѣніе Европы съ итальянскимъ вопросомъ. Этого онъ могъ достигнуть двумя путями: ему предстояло дать Пьемонту всеевропейское значеніе; онъ долженъ былъ заставить Европу признать итальянскій вопросъ за насущный и неотложный вопросъ общеевропейской политики. Задача нелегкая для министра небольшой державы.

Какимъ образомъ Пьемонтъ могъ съиграть роль „первоклассной" европейской державы, стать на ряду съ Англіей, Франціей, Россіей, Пруссіей и Австріей? Здѣсь намъ приходится говорить объ одномъ эпизодѣ изъ политики Кавура, съ виду неособенно пріятномъ для нашего національнаго самолюбія — именно объ участіи Пьемонта въ крымской войнѣ 1853—1856 годовъ и притомъ во враждебномъ къ намъ лагерѣ. Но событія 1859 года раскрыли истинные мотивы этого участія, и мы можемъ относиться къ нему

вполнѣ „объективно“, даже безучастно. Политика Кавура въ 1855 году была направлена не столько противъ Россіи, сколько противъ державы, враждебной намъ во время крымской войны—именно противъ Австріи.

Кавуру не былю особенной выгоды умалить могущество Россіи; но ему было важно стереть воспоминанія новарскаго погрома. Онъ хлопоталъ не столько о томъ, чтобъ выступить врагомъ Россіи, сколько о томъ, чтобъ явиться самостоятельнымъ союзникомъ Англіи и особенно Франціи. Разумѣется, въ ту минуту, когда Кавуръ замышлялъ такой союзъ, никто ни понималъ истинной его цѣли, кромѣ Австріи и нѣсколькихъ людей въ Пьемонтѣ. Въ самой палатѣ онъ долженъ былъ бороться съ могущественною оппозиціей, видѣвшей въ новомъ военномъ предпріятіи плодъ фантастическихъ стремленій весьма обременительныхъ для Пьемонта.

Но геніальный дипломатъ не хотѣхъ упустить удобнаго случая. Австрія, 2-го декабря 1854 года, заключила съ Англіей и Франціей довольно двусмысленный договоръ, ни къ чему ея необязывавшій. Она, очевидно, хотѣла продать свое участіе въ войнѣ за европейскую гарантію ея итальянскихъ владѣній. Въ эту минуту Кавуръ рѣшился прямо и открыто стать на сторону союзниковъ и тѣмъ опередить Австрію. Чрезъ мѣсяцъ послѣ заключенія австрійскаго договора, 10-го января 1855 года былъ подписанъ союзный трактатъ Пьемонта съ Англіей и Франціей. Прусскій уполномоченный, Узедомъ, назвалъ его „пистолетнымъ выстрѣломъ надъ ухомъ Австріи“.

Но оппозиція въ пьенмонтской палатѣ была иного мнѣнія. Пьемонтъ вмѣшивается въ дѣло, по которому ему придется идти вмѣстѣ съ Австріей! Развѣ это національно? Развѣ это либерально? Вожакъ лѣвой стороны, Броферіо, восклицалъ: „съ экономической точки зрѣнія, союзъ великое легкомысліе, съ военной — безуміе, съ политической — дурной поступокъ“. „Поклянемся — говорили другіе — сражаться только за единство Италіе и за народы, стремящіеся къ возстановленію своей національности“.

Восклицаніе, вполнѣ достойное сочувствія. Дѣйствитель-

но, роль Пьемонта, выступающаго въ роли защитника „правъ“ Турціи надъ угнетенными славянскими народностями, была неособенно красива, и некрасива именно съ точки зрѣнія главной цѣли пьемонтской политики: національной независимости Италіи. Гарибальди не заключилъ бы подобнаго союза. Нѣтъ сомнѣнія, что самъ Кавуръ, въ 1877 году, не разыгралъ бы роли г. Лайарда.

Но плохія времена кладутъ свой отпечатокъ на лучшихъ людей, особенно на политическихъ дѣятелей, принужденныхъ „сообразоваться съ обстоятельствами“. Къ чести Кавура должно сказать, что онъ не только не терялъ изъ вида своей главной цѣли, но, подписывая трактатъ 10-го января 1855 года, руководствовался именно ею. Вотъ какъ онъ оправдывалъ свой поступокъ предъ палатою:

„Мы вступили въ союзъ, не отказываясь ни отъ нашихъ внѣшнихъ симпатій, ни отъ нашихъ внутреннихъ принциповъ. Мы не скрыли нашей заботы о будущности Италіи и желанія улучшить ея участь. Но какъ, спросятъ меня, трактатъ можетъ служить дѣлу Италіи? Онъ послужитъ ему способомъ, единственно возможнымъ при нынѣшнемъ положеніи Европы. Опытъ послѣднихъ лѣтъ и вѣковъ показалъ, какъ мало пользы принесли Италіи тайныя общества, заговоры, революціи, безпорядочныя движенія. Они не только не улучшили ея положенія, но были однимъ изъ величайшихъ бѣдствій, постигшихъ эту прекрасную часть Европы, и это не только въ силу безчисленныхъ личныхъ несчастій, ими порожденныхъ, но потому, что эти вѣчные заговоры, эти возмущенія, эти безпорядки умалили уваженіе и симпатію другихъ народовъ къ Италіи... Теперь главное условіе улучшенія участи полуострова — поднять его репутацію... Для этого нужны двѣ вещи: намъ нужно доказать Европѣ, что Италія имѣетъ достаточно гражданской мудрости для свободныхъ учрежденій, что она въ состояніи выработать для себя наиболѣе совершенную форму правленія; во-вторыхъ, мы должны доказать, что ея военная доблесть такова, какова она была при нашихъ предкахъ. Въ теченіи семи лѣтъ вы много сдѣлали для Италіи.

Вы показали Европѣ, что итальянцы умѣютъ мудро управлять собою... Но вы должны сдѣлать больше. Наша страна должна снова показать, что ея сыны умѣютъ доблестно сражаться на поляхъ битвы. Повѣрьте, что слава, которую наши солдаты съумѣютъ принести съ береговъ Востока, сдѣлаетъ для будущности Италіи больше, чѣмъ всѣ возгласы".

Въ переводѣ на обыденный языкъ рѣчь эта означала, что Кавуръ смотрѣлъ на союзъ, какъ на средство ввести Пьемонтъ въ кругъ великихъ европейскихъ державъ въ качествѣ полноправнаго ихъ члена и здѣсь поднять итальянскій вопросъ. Поэтому, мы не станемъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлали солдаты Кавура въ Крыму. Союзники были ими довольны, и этого было для него достаточно. Важнѣйшій моментъ наступалъ съ открытіемъ переговоровъ о мирѣ. Въ эту минуту начало обрисовываться положеніе европейскихъ державъ, важное не для прошедшаго, а для будущаго—показался профиль войны 1859 года. Кавуръ понималъ то, чего никто не понялъ въ то время—что парижскій миръ будетъ горекъ для Россіи, но что болѣе всѣхъ проиграетъ отъ него Австрія, торжествовавшая въ 1856 году. Кавуръ понималъ, что для его страны нѣтъ выгоды въ униженіи Россіи, но что онъ долженъ въ эту минуту положить начало будущему разгрому Австріи. Австрія также хорошо понимала, что ловкій сардинскій министръ явится въ Парижъ вовсе не для „восточнаго вопроса", и потому рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобъ не допускать его на конгресъ.

Доводы Австріи заключались въ томъ, что европейскія дѣла должны быть, по старому обычаю, рѣшены великими державами, на сонмѣ которыхъ нечего дѣлать ничтожной Сардиніи. Она могла быть „припущена" къ войнѣ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ державы обязаны были дать ей голосъ на конгрессѣ. Доводы эти не подѣйствовали, однако, на великія державы. Франція, Англія и Россія настояли на допущеніи сардинскаго уполномоченнаго. Этимъ уполномоченнымъ былъ Кавуръ.

Онъ тотчасъ понялъ свое положеніе среди другихъ дипломатовъ. Въ сущности, онъ относился къ восточному вопросу, какъ человѣкъ чужой. Поэтому въ его лицѣ конгрессъ пріобрѣлъ нѣкоторую нейтральную силу, полезную для „соглашеній“ разныхъ интересовъ. На этомъ поприщѣ развернулись великія дипломатическія способности Кавура. Всѣ восхищались его любезностью, спокойствіемъ, здравымъ смысломъ и разнообразными свѣдѣніями. Если въ этомъ дипломатическомъ букетѣ и была нѣкоторая „игла“, то она готовилась не для Россіи.

Поведеніе двухъ уполномоченныхъ, австрійскаго и сардинскаго, относительно Россіи представляло странный контрастъ. Австрія, неучаствовавшая дѣятельно въ войнѣ, непролившая ни капли крови, напрягала всѣ свои усилія, чтобъ сдѣлать условія мира тягостными для Россіи; Кавуръ былъ на сторонѣ мягкихъ мѣръ и умѣлъ сблизиться съ графомъ Орловымъ. Старинный союзъ Россіи съ Австріей во имя „консервативныхъ интересовъ“, уже разстроенный крымскою войною, долженъ былъ рухнуть на парижскомъ конгрессѣ — вотъ что́ понималъ Кавуръ. Однажды австрійскій уполномоченный съ особенною силою говорилъ объ „исправленіи границъ“ со стороны Бессарабіи. Князь Орловъ, видимо раздраженный, сказалъ, обращаясь къ Кавуру: „Австрійскій посолъ не знаетъ, сколько слезъ и крови будетъ сто́итъ его отечеству это исправленіе границъ!“

Кавуръ не терялъ времени. Онъ успѣлъ завоевать себѣ расположеніе Наполеона, лордовъ Коулея и Кларендона и русскихъ уполномоченныхъ. При всемъ этомъ, ему трудно было найти предлогъ къ возбужденію итальянскаго вопроса на парижскомъ конгрессѣ. Конгрессъ этотъ имѣлъ спеціальную задачу: выработать условія мирнаго трактата между державами, воевавшими въ 1853—1856 годахъ. Но война, прекращаемая на одномъ концѣ Европы, не могла ли вспыхнуть на другомъ? Положеніе Италіи не представляло ли серьезныхъ поводовъ опасаться нарушенія европейскаго мира, въ ближайшемъ будущемъ? Ненормальность этого положенія доказывалась очевидными фактами. Что свѣтская власть папы

не держалась уже сама собою — это доказывалось присутствіемъ французскихъ войскъ въ Римѣ и австрійскихъ въ Болоньѣ. Въ Моденѣ, Пармѣ и въ Тосканѣ правительство держалось австрійскою поддержкой; въ Неаполѣ „порядокъ“ поддерживался страшными полицейскими преслѣдованіями. Все это, вмѣстѣ взятое, питало революціонныя стремленія, и Пьемонтъ не могъ отвѣчать ни за одинъ часъ спокойствія въ Италіи. Война могла вспыхнуть даже противъ его желанія.

Вотъ фундаментъ, на которомъ Кавуръ построилъ всю систему своихъ переговоровъ. Правда, оффиціально онъ не добился ничего, кромѣ нѣкотораго „обмѣна мыслей“ на дополнительномъ засѣданіи конгреса, 8-го апрѣля 1856 г. Но нравственная его побѣда была значительна. Вотъ какъ онъ самъ опредѣлялъ положеніе вещей: „Мы не достигли, правда, никакихъ положительныхъ результатовъ, но мы выиграли двѣ вещи: во-первыхъ, несчастное и ненормальное положеніе Италіи было заявлено Европѣ не демагогами, не пылкими революціонерами, не страстными журналистами, но представителями первоклассныхъ европейскихъ державъ, государственными людьми, управляющими величайшими націями, людьми, привыкшими слѣдовать внушенію разсудка больше, чѣмъ движенію сердца. Во-вторыхъ, эти державы объявили, что, въ интересахъ не-только Италіи, но и Европы, слѣдуетъ облегчить бѣдствія Италіи... Въ первый разъ въ теченіи нашей исторіи, итальянскій вопросъ былъ поднятъ и разсмотрѣнъ на европейскомъ конгресѣ не такъ, какъ нѣкогда въ Лайбахѣ и Веронѣ, ради усиленія бѣдствій Италіи, но въ ясно выраженномъ намѣреніи найти лекарство отъ болѣзни и заявить о симпатіи къ ней всѣхъ великихъ націй. Конгрессъ конченъ, и дѣло Италіи отдано теперь на судъ общественнаго мнѣнія. Быть можетъ, процессъ будетъ длиненъ, перипетіи многочисленны... Но мы ждемъ его исхода съ полнымъ довѣріемъ“.

Три года, однако, прошло до начала „процесса“. Но въ эти три года только Кавуръ могъ приготовить Пьемонту то положеніе, какое онъ занялъ въ 1859 году. Время

отъ 1856 до 1859 года было временемъ полной нравственной диктатуры Кавура въ Пьемонтѣ. Въ Туринѣ говорили: „Мы имѣемъ правительство, палаты и конституцію; все это называется Кавуръ“. Но рѣдко человѣкъ лучше пользовался своимъ вліяніемъ для болѣе великихъ цѣлей. Развернуть и увеличить, насколько это возможно, военныя силы Пьемонта и вооружить его крѣпости; дисциплинировать старую партію „движенія“ и заставить ее отказаться отъ революціонныхъ средствъ, приготовить Италіи могущественныхъ союзниковъ—вотъ что предстояло сдѣлать пьемонтскому министерству.

Для воинскихъ дѣлъ Кавуръ нашелъ солиднаго помощника въ лицѣ Ламарморы, и вообще это дѣло встрѣчало немного препятствій. Труднѣе было привлечь на свою сторону старую національную партію, воспитанную на практикѣ заговоровъ и другихъ неудобныхъ средствъ. Либеральная политика Пьемонта дѣлала свое дѣло. Съ каждымъ годомъ кредитъ старыхъ вожаковъ падалъ, и вскорѣ послѣ крымской войны возникло и быстро развилось новое общество подъ руководствомъ сицилійскаго эмигранта Ла-Фарина, „національное общество“, неимѣвшее ничего общаго съ мадзинизмомъ. На сторону Кавура сталъ и доблестный экс-диктаторъ Венеціи Даніилъ Манинъ, помогавшій ему изъ своего изгнанія въ Парижѣ. Любя „Италію больше республики“, онъ увѣщевалъ всѣхъ патріотовъ стать на сторону пьемонтской монархіи.

Но труднѣе всего было справиться съ европейскими союзниками. Кавуръ могъ разсчитывать на одну Францію, но и въ этой Франціи трудно было найти точку опоры. Французское общество ласкало Кавура, но врядъ ли было расположено къ войнѣ за Италію; министерство, особенно министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій, подозрительно относилось къ либеральному Пьемонту. Оставался Наполеонъ III. Мечты объ освобожденіи Италіи были грѣхомъ его молодости. Онъ самъ принималъ участіе въ болонскомъ возстаніи 1831 года. Затѣмъ, все, что клонилось къ отмѣнѣ трактатовъ 1815 года, было ему по душѣ. Но освобожде-

ніе Италіи подъ главенствомъ либеральнаго Пьемонта, образованіе сильнаго государства на границахъ Франціи не согласовалось съ общею политикою диктатора Франціи. Сверхъ того, полное единство Италіи съ Римомъ могло поссорить его съ клерикальною партіей, вызвать противодѣйствіе Германіи. Что происходило въ душѣ этого загадочнаго человѣка? Кавуръ понялъ его тайну и сообразилъ, что у императора, должно быть, двѣ политики—одна оффиціальная, органомъ которой былъ Валевскій, другая чисто личная, державшаяся пока въ секретѣ. На эту „вторую“ политику и направилъ Кавуръ всѣ свои усилія. Другой надежды на помощь Италіи не было.

Англія, представители которой говорили Кавуру столько любезностей въ Парижѣ, не была расположена ни къ какому серьёзному дѣйствію въ пользу Италіи. Напротивъ, Пальмерстонъ читалъ сардинскому посланнику въ Лондонѣ наставленія о необходимости „соглашенія“ и „совокупнаго дѣйствія“ Пьемонта съ Австріей по итальянскимъ дѣламъ. Сардинскій посланникъ (маркизъ Азеліо) легко могъ принять эти лекціи за насмѣшку. Онъ не упустилъ случая показать благородному лорду все бездушное суемудріе его словъ. „Вы забываете, милордъ — говорилъ онъ — что мы не добьемся согласія Австріи для улучшенія участи Италіи. Она имѣетъ за себя правительства, мы — народы. Она говоритъ правительствамъ: „Хотите моего покровительства? Я даю вамъ его; не забывайте, что я представляю абсолютизмъ, правительство меча и католическую нетерпимость“. Мы говоримъ народамъ: „Слѣдуйте за нами; въ нашихъ жилахъ течетъ итальянская кровь; мы высоко держимъ знамя независимости, вѣротерпимости, свободныхъ учрежденій, нравственнаго и матерьяльнаго прогресса“. Остается узнать, которую изъ двухъ политикъ Англія намѣрена поддерживать?“

Благородный лордъ увернулся отъ прямого отвѣта. Но его политика имѣла и свою закулисную сторону. „Одобряя“ либеральную политику Кавура, онъ косо смотрѣлъ на хорошія его отношенія къ русскому двору, на то, что онъ

содѣйствовалъ нѣкоторому сближенію Россіи съ Франціей, что́ уже совершенно было противно „британскимъ интересамъ“. Словомъ, единственною точкою опоры для Кавура оставалась „вторая“ политика Наполеона. Два года работалъ онъ на этомъ полѣ; но къ концу второго года, когда онъ могъ уже разсчитывать на полный успѣхъ, неожиданное „приключеніе“ едва не разстроило всѣхъ его плановъ. 14-го января 1858 года, группа заговорщиковъ произвела свое знаменитое покушеніе на жизнь императора. Заговорщики были итальянцы и между ними находился извѣстный Орсини. Кавуръ ахнулъ отъ ужаса: „первая“ политика Наполеона могла восторжествовать надъ „второю“...

Во всякомъ случаѣ, первыя недѣли послѣ покушенія были тяжелы для Кавура. Папскій нунцій немедленно доложилъ императору, что все дѣло идетъ изъ Пьемонта. Австрійскій посланникъ пояснилъ, что настало время для тѣснаго сближенія Франціи съ Австріей. Французское правительство потеряло голову. Начались укрощенія печати, высылка подозрительныхъ, Валевскій писалъ въ Лондонъ, въ Брюсель, въ Бернъ, въ Туринъ, требуя „мѣръ“ противъ политическихъ эмигрантовъ, противъ печати. Самъ Наполеонъ „переговорилъ“ довольно крупно съ сардинскимъ посланникомъ. Но Кавуръ рѣшился выждать нѣкоторое время и время принесло свои плоды.

Наполеонъ понемногу успокоился. Если въ одно ухо ему говорили, что всѣ заговоры идутъ отъ Кавура, то въ другое ему твердили, что „пока австрійцы будутъ въ Италіи, въ Парижѣ будутъ заговоры, что Кавуръ правъ и его должно поддерживать“. Кончилось тѣмъ, что императоръ написалъ успокоительное письмо къ Виктору-Эммануилу. Для „успокоенія“ французскаго двора, отъ Пьемонта добились нѣкоторыхъ „гарантій“: новаго закона относительно покушеній на жизнь иностранныхъ государей и апологіи политическихъ убійствъ и новыхъ правилъ о составѣ присяжныхъ по дѣламъ печати.

Возможность союза съ Франціей была спасена. Скоро наступило и время практическаго его осуществленія. Дѣло

ускорилъ, какъ предполагаютъ, самъ Орсини. Предъ казнью онъ написалъ свое знаменитое письмо къ императору, гдѣ предостерегалъ его, что пока Италія не свободна, Европа не будетъ имѣть спокойствія. Письмо оканчивалось заявленіемъ раскаянія въ покушеніи на жизнь императора и осужденіемъ политическихъ убійствъ. Дѣло, конечно, не въ содержаніи этого письма, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго, а въ употребленіи, сдѣланномъ изъ него и изъ прочихъ бумагъ Орсини.

Сардинскій посланникъ, г. Вилламарина, неожиданно получилъ, отъ уполномоченнаго императоромъ лица, письмо Орсини и всѣ его бумаги для передачи Кавуру. Письмо Орсини было уже напечатано въ „Монитерѣ“. Кавуръ отнесся къ этой мѣрѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Но когда онъ получилъ отъ Вилламарины еще болѣе странную „посылку“ отъ императора, недоумѣніе его прекратилось. Императоръ, очевидно, подавалъ ему нѣкоторый „сигналъ“.

Напечатаніе письма Орсини, во французскомъ „Монитерѣ“, и всѣхъ его бумагъ, въ оффиціальной туринской газетѣ, могло имѣть одинъ смыслъ: оправданіе „второй“ политики императора, объясненія всего, что онъ намѣревался сдѣлать для своего союзника. Послѣ этого переговоры между Парижемъ и Туриномъ продолжались съ особеннымъ оживленіемъ. Условія будущаго союза уже были въ общихъ чертахъ опредѣлены при свиданіи Наполеона съ Кавуромъ въ Пломбьерѣ (20-го іюля 1858 года). Здѣсь Кавуръ прикрѣпилъ императора къ его „второй“, т.-е. личной политикѣ. Въ концѣ 1858 года, Европа уже предчувствовала новую бурю. Италія была въ огнѣ...

III.

Событія войны 1859 года такъ извѣстны, что нѣтъ надобности передавать ихъ здѣсь. Предсказаніе Кавура исполнилось. Всѣ живыя силы Италіи сгруппировались подлѣ Виктора-Эммануила. Волонтеры стекались со всѣхъ сто-

[illegible] Между ними рѣзко выдѣлялись красныя ру[illegible]дійцевъ... Прокламація Наполеона возвѣща[illegible] что она должна быть свободна до Адріатиче[illegible] моря. Вся центральная Италія возстала и примкнула [illegible] Пьемонту. Властители Модены, Пармы и Тосканы были [illegible]чаны. Австрія была принуждена вывести свои войска [illegible] Романьи, которая также присоединилась къ движенію. Замѣтимъ, что особенно важно, движеніе это было организовано и поставлено подъ руководство Пьемонта. Министерство послало въ Парму графа Паньери, въ Модену—Фарини, во Флоренцію—Бонакомпаньи, въ Болонью—Массимо Азеліо. Кавуръ могъ, повидимому, сказать свое „нынѣ отпущаеши“.

Но ему пришлось пережить тяжелую, горькую минуту. Онъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать дипломатіей. Слабый Пьемонтъ заручился содѣйствіемъ Франціи, нейтралитетомъ Англіи и Россіи; Кавуръ „уединилъ“ Австрію такъ, какъ Бисмаркъ изолировалъ Францію въ 1870 году. Но великій политикъ, опиравшійся, главнымъ образомъ, на дипломатію, да еще на „вторую“, интимную и личную политику Наполеона, не могъ владѣть всѣми картами въ игрѣ. Притомъ, не всѣ карты были въ рукахъ Наполеона: Берлинъ выдвигался уже на первый планъ.

Пруссія, помнившая Шварценберга и Ольмюцъ, не могла выступить въ качествѣ дѣятельнаго союзника Австріи. Австрія агитировала между „малыми и средними“ германскими державами, побуждая ихъ ополчиться на защиту нѣмецкихъ интересовъ въ Италіи. Государства эти понемногу волновались. Но Берлинъ оставался холоденъ къ этимъ возгласамъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ тамъ уже понимали значеніе этой минуты. Только два человѣка, различнаго типа, понимали, что нужно бы сдѣлать — Бисмаркъ и Лассаль. Но Бисмаркъ былъ еще посланникомъ въ Петербургѣ, а Лассаль, конечно, не могъ имѣть вліянія на правительство. Но нейтралитетъ Пруссіи въ первое время войны казался обезпеченнымъ. Все перемѣнилось послѣ быстрыхъ успѣховъ франко-итальянской арміи. Послѣ битвы подъ [illegible]ерино до императора дошли слухи о мобилизаціи прус-

ской арміи. Война грозила принять новые и неожиданные размѣры. Не было недостатка и въ представленіяхъ со стороны французскаго министерства. Наполеонъ сразу оборвалъ войну; 11-го іюля уже были подписаны предварительныя условія мира въ Виллафранкѣ. Ломбардія отходила къ Пьемонту, но Венеція оставалась за Австріей; потомъ владѣтелей Тосканы, Модены и Пармы предполагалось „возвратить“ на мѣсто. Италія должна была образовать нѣкоторую федерацію подъ „почетнымъ“ предсѣдательствомъ папы. Такъ сбылось обѣщаніе Наполеона освободить Италію до „Адріатическаго моря!“

Викторъ-Эммануилъ былъ принужденъ подписать эти условія, придуманныя двумя императорами мимо его желанія и воли. По очень понятнымъ причинамъ, онъ не могъ взять на одного себя всю тяжесть войны съ Австріей. Но какъ сообщить объ этихъ „условіяхъ“ Кавуру, еще ничего незнавшему о сюрпризѣ въ Виллафранкѣ?

Король пріѣхалъ въ свою главную квартиру съ мрачнымъ выраженіемъ лица, сбросилъ мундиръ и, въ присутствіи Кавура, Ламарморы и двухъ другихъ лицъ, велѣлъ прочесть виллафранкскія условія. Южная натура проснулась въ Кавурѣ. Его гнѣвъ не зналъ предѣловъ. Король отдалъ его на попеченіе Ламарморы. Оставалось знать, что дѣлать дальше. Кавуръ не могъ подписать этихъ условій, не отказываясь отъ всей своей политики. Онъ не могъ закрѣпить своею подписью то, что противорѣчило всѣмъ его убѣжденіямъ, рѣчамъ и обѣщаніямъ. Онъ подалъ въ отставку и оставался не у дѣлъ до 20-го января 1860 года, когда ему суждено было нанести владычеству иноземцевъ новый и тяжкій ударъ.

Все ли было потеряно послѣ виллафранкскаго перемирія? Условія мира имѣли бы для Италіи роковое значеніе, еслибъ они были осуществимы. Но врядъ ли можно было разсчитывать на ихъ практическое значеніе. Въ условіяхъ значилось, что тосканскій, моденскій и пармскій владѣтели возвратятся въ свои владѣнія. Но какъ? Съ помощью французскихъ или австрійскихъ штыковъ? Но Наполеонъ не

былъ расположенъ сражаться за право этихъ лицъ и тѣмъ менѣе дозволилъ бы онъ сдѣлать это Австріи. Легатства предполагалось возвратить папѣ, но подъ условіемъ реформъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ времени. Согласится ли папа на такія „реформы?“ Затѣмъ, государи, договаривавшіеся въ Виллафранкѣ, какъ бы не приняли въ разсчетъ одного важнаго обстоятельства — народнаго движенія, окончательно организованнаго въ Тосканѣ, въ Моденѣ и въ Пармѣ, движенія, получившаго оффиціальное, такъ-сказать, признаніе, подъ руководствомъ уполномоченныхъ пьемонтскаго правительства. Объединеніе верхней и центральной Италіи могло совершиться само-собою, вопреки всякимъ мирнымъ условіямъ.

Кавуръ, оправившійся послѣ виллафранкскаго сюрприза, понималъ это. „Одинъ путь закрытъ — говорилъ онъ — но остались другіе“. Самъ Наполеонъ сдѣлалъ Виктору-Эммануилу тонкій намекъ при отъѣздѣ изъ Италіи: „Посмотримъ — сказалъ онъ — что́ итальянцы съумѣютъ сдѣлать одни“. Но итальянцы были не „одни“. Они остались подъ руководствомъ сильныхъ руководителей. Бывшіе „уполномоченные“ Пьемонта въ центральной Италіи остались на мѣстѣ, но уже не въ качествѣ уполномоченныхъ, а въ качествѣ диктаторовъ, опиравшихся на волю мѣстнаго населенія. Фарини сдѣлался диктаторомъ Модены и Пармы. Во Флоренціи мѣсто Бонакомпаньи занялъ энергическій и умный диктаторъ — баронъ Рикасоли. Въ Болоньѣ дѣйствовалъ Чипріани. Всѣ эти лица вовсе не были расположены уступать мѣсто папѣ и герцогамъ. Они, какъ и мѣстное населеніе, жили одною мыслью — „Италія и Викторъ-Эммануилъ!“

Съ такою почвою можно было сдѣлать много. Кавуръ „не у дѣла“ оставался опытнымъ [illegible] движенія. Его сношенія [illegible] министерствомъ съ [illegible] „тезисами“ отъ [illegible] разныхъ лицъ, [illegible] въ [illegible] [illegible] за Италію [illegible] Ламберти, Буонаи, Перуцци, Маццини.

Время отъ іюля 1859 до января 1860 года представляетъ двойственное движеніе. Въ то время, какъ оффиціальная дипломатія шествуетъ по пути, указанному виллафранкскими прелиминаріями, и старается закрѣпить ихъ мирными условіями въ Цюрихѣ, центральная Италія подготовляетъ свое возсоединеніе съ Пьемонтомъ. Которое изъ этихъ двухъ движеній восторжествуетъ?

Съ самаго начала оказалось, что почва дипломатіи крайне неустойчива. Въ Англіи торискій кабинетъ Дерби былъ свергнутъ и министерство снова досталось въ руки Пальмерстону и Джону Росселю. Въ то время, какъ Наполеонъ предоставлялъ Италію ея собственной судьбѣ, англійскій кабинетъ круто поворачивалъ на сторону Италіи. Конечно, онъ не обѣщалъ ничего, кромѣ „нравственной поддержки“. Но поддержка эта на этотъ разъ одобряла національную программу Италіи и спеціально мысль о присоединеніи центральныхъ государствъ къ Пьемонту. Самъ Наполеонъ долженъ былъ отступать шагъ за шагомъ. Послѣ виллафранкскаго перемирія, горячій представитель „первой“ политики Наполеона, Валевскій, заговорилъ громко. Онъ „изумлялся“, почему средняя Италія упорствуетъ и не желаетъ возвращенія герцоговъ, усматривалъ въ этомъ дѣлѣ руку и деньги Пьемонта, коварство Риказоли и т. д. Не разъ онъ дѣлалъ серьезныя внушенія сардинскому посланнику, заканчивая ихъ угрозами. Но Наполеонъ не могъ освободить себя отъ нравственной отвѣтственности за движеніе, имъ же поднятое въ Италіи, онъ не могъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать цюрихскій миръ. Онъ самъ „уронилъ“ одну фразу по поводу ходатайствъ г. Перуцци. Замѣтивъ, что оффиціально не можетъ сказать ничего, кромѣ того, что уже сказано, онъ прибавилъ: „Но пусть народонаселеніе вотируетъ, и когда будетъ доказано, что виллафранкскія условія не могутъ быть осуществлены безъ нарушенія народнаго права, отъ котораго я самъ получилъ власть, я могу измѣнить мнѣніе“.

Итальянцамъ открывался широкій путь. Кавуръ хорошо понималъ все значеніе плебисцита для Наполеона. Но приступить къ такому голосованію можно было только при

извѣстныхъ условіяхъ. Ихъ предстояло найти и опредѣлить. Въ ожиданіи, положеніе вещей было довольно неопредѣленно. Средняя Италія продолжала „упорствовать“ и понемногу организовалась; нравственная поддержка Англіи была достаточна для воздержанія Австріи отъ враждебныхъ дѣйствій; Наполеонъ понемногу отступалъ отъ виллафранкскихъ условій; Прусія оставалась холодна къ Австріи. Въ концѣ 1859 года дѣло созрѣло настолько, что одинъ энергическій шагъ могъ привести его къ концу.

Для этого шага и понадобился Кавуръ. Въ январѣ 1860 года, онъ снова сдѣлался первымъ министромъ. Онъ засталъ среднюю Италію готовою къ плебисциту, Англію расположенною къ присоединенію этихъ областей къ Пьемонту. Но главное препятствіе было, все-таки, во Франціи, и не столько въ Наполеонѣ, сколько въ общественномъ мнѣніи этой страны, съ опасеніемъ смотрѣвшемъ на ростъ Италіи. Франція нуждалась въ нѣкоторой уступкѣ, Италія— въ жертвѣ, Кавуръ понималъ, въ чемъ должна состоять эта жертва... Уже во время переговоровъ съ Наполеономъ въ Пломбьерѣ рѣчь шла объ уступкѣ Ниццы и Савойи Франціи въ обмѣнъ за свободу Италіи. Программа не была выполнена и виллафранкское перемиріе устраняло это условіе. Теперь Кавуръ, ради средней Италіи, самъ пошелъ на встрѣчу „жертвѣ“ съ крайне стѣсненнымъ сердцемъ, зная, какія нападки ожидаютъ его въ парламентѣ, но съ полнымъ сознаніемъ долга. Краснорѣчиво защищалъ онъ свою мѣру передъ палатою. Но истинныя его чувства выразились не въ пространной рѣчи, а въ короткой фразѣ, сказанной имъ французскому посланнику Талейрану. Предъ подписаніемъ тяжелаго условія, онъ задумчиво ходилъ по кабинету, слушая чтеніе трактата. Подписавъ его молча, онъ съ выразительною улыбкою сказалъ Талейрану: „Теперь вы наши сообщники!“

Дѣйствительно, послѣ этого Франція должна была молча смотрѣть на все совершавшееся въ Италіи. Ея долгъ предъ Италіей былъ уплаченъ не въ одной Флоренціи, но и въ Неаполѣ.

Условившись съ Франціей относительно Ниццы еще до подписанія трактата, Кавуръ наносилъ ударъ за ударомъ. 11-го марта послѣдовалъ плебисцитъ въ центральныхъ областяхъ, 18-го марта „возсоединеніе“ ихъ было утверждено декретомъ, 24-го марта былъ подписанъ трактатъ объ уступкѣ Савойи, 25-го марта уже происходили выборы въ первый итальянскій парламентъ. Предъ нимъ Кавуръ хотѣлъ дать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Сессія была бурная. Члены опозиціи, особенно Гверацци и Ратацци съ жаромъ напали на уступку Савойи, „колыбель династій“ и самого Пьемонта. Гверацци сравнивалъ Кавура съ англійскимъ министромъ Кларендономъ, продавшимъ Франціи Дюнкирхенъ, Ратацци говорилъ объ уклоненіи отъ національной программы. Кавуръ настаивалъ на необходимости уступки, въ виду болѣе тѣснаго союза съ Франціей, не какъ съ правительствомъ, а какъ съ народомъ. Во Франціи всѣ издавна были убѣждены, что Савойя принадлежитъ французамъ. Отказывать въ уступкѣ этой области значитъ отталкивать союзъ съ Франціей, необходимой для будущаго. „Истинная и единственная для насъ выгода отъ трактата—это утвержденіе союза не столько двухъ правительствъ, сколько двухъ народовъ. Вы, народъ итальянскій, не становитесь въ противорѣчіе съ французскими интересами. Если столкновенія и пререканія неизбѣжны—сбрасывайте ихъ на правительство. Если въ этомъ дѣлѣ есть что-нибудь неблаговидное, пусть это „неблаговидное“ падетъ на насъ, я согласенъ. Мы любимъ популярность, какъ никто, и часто я и мои товарищи пили изъ этой опьяняющей чаши. Но мы умѣемъ устранить ее, когда этого требуетъ долгъ. Подписывая трактатъ, мы знали, какая непопулярность ожидаетъ насъ, но мы знали также, что работаемъ для Италіи, для этой Италіи, которая не есть „здоровое тѣло“, какъ выразился одинъ депутатъ. Италія, Италія имѣетъ еще большія раны на тѣлѣ. Посмотрите въ сторону Минчіо, посмотрите за предѣлы Тосканы и скажите, находится ли Италія внѣ опасности?“

Кавуръ увлекъ палату; 229 голосовъ противъ 33-хъ

(23 депутата воздержались отъ подачи голоса) утвердили трактатъ. Дѣйствительно, Италіи скоро пришлось имѣть дѣло съ „вопросомъ“ поважнѣе Савойи съ Ниццею. Кавуру недолго пришлось безмятежно пить изъ „чаши популярности“. 5-го мая 1860 года, изъ виллы Кварто, близъ Генуи, отплыли два корабля „Piemonte“ и „Lombardo“. На нихъ находилась „дружина“ Гарибальди. Доблестный старецъ отправился „воевать“ королевство обѣихъ Сицилій и выгонять Бурбоновъ изъ ихъ послѣдняго убѣжища. Предпріятіе было задумано втайнѣ. Гарибальди отправился въ Сицилію, сильно раздраженный противъ Кавура за уступку французамъ Савойи и Ниццы — его родины. „Кавуръ сдѣлалъ меня иностранцемъ въ моемъ отечествѣ“, говорилъ онъ. Отъѣзжая, онъ написалъ къ королю письмо, въ которомъ сильно досталось Кавуру. Тѣмъ неменѣе, оба соперника должны были идти вмѣстѣ.

Этотъ послѣдній періодъ дѣятельности Кавура—можетъ быть, самый драматическій въ его жизни. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Мазада онъ воспроизведенъ въ видѣ нѣкоторой защитительной рѣчи въ пользу Кавура, слѣдовательно, съ значительнымъ предубѣжденіемъ противъ Гарибальди. Трагедія замаскирована всякими разсужденіями о дипломатическихъ удобствахъ, о политическомъ благоразуміи и т. д.

Трагизмъ положенія Кавура заключался именно въ томъ, что ему пришлось воспользоваться экспедиціей Гарибальди, организовать побѣду, устроить сліяніе Неаполитанскаго королевства съ сѣверною Италіей, минуя всякія подводные камни, устраняя возможность европейскаго вмѣшательства. Нѣтъ сомнѣнія, что́ Гарибальди и Кавуръ сдѣлали одно дѣло. Безъ Гарибальди Неаполитанское королевство не было бы завоевано — онъ далъ своему отечеству „совершившійся фактъ“. Но Кавуръ возвелъ фактъ на степень права. Мало того: свобода дѣйствія Гарибальди обезпечивалась покровительствомъ Кавура, который ловко парировалъ всѣ „протесты“ разныхъ европейскихъ дворовъ. Затѣмъ, благодаря его содѣйствію, отрядъ Гарибальди могъ пополняться новыми волонтерами, снабжаться всѣмъ необхо-

димымъ. Наконецъ, въ самую рѣшительную минуту, когда Гарибальди былъ уже въ Неаполѣ, когда Францискъ II-й съ остатками своей арміи заперся въ Гаэтѣ, когда все королевство находилось въ полномъ безначаліи и всѣ европейскіе дворы приняли угрожающее положеніе въ виду громко заявленнаго намѣренія Гарибальди идти въ Римъ и выгнать французовъ, Кавуръ быстро вмѣшался на дѣло, ввелъ войска сначала въ Мархію, потомъ въ Неаполитанскія владѣнія и тѣмъ ввелъ движеніе въ тѣ границы, какія оно могло имѣть въ 1861 году.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Гарибальди и Кавуръ, встрѣтились въ Неаполѣ, какъ два соперника, даже какъ два врага. Организація всякаго движенія предполагаетъ извѣстныя ограниченія, опредѣляемыя условіями времени. Пылкій темпераментъ Гарибальди не хотѣлъ считаться ни съ какими условіями. Народный герой представлялъ національное право во всей его чистотѣ, безъ всякихъ компромиссовъ. „Франція должна отдать намъ Римъ, потому что онъ итальянскій городъ“, говорилъ онъ лорду Элліоту въ Неаполѣ. Кавуръ понималъ, что пока Италія не организована, она не можетъ трогать ни римскаго, ни венеціанскаго вопросовъ. Вотъ почему онъ считалъ своимъ долгомъ сдержать Гарибальди. И два человѣка, одинаково любившіе Италію, одинаково хотѣвшіе всей Италіи, съ Римомъ и съ Венеціей, встрѣтились какъ два врага въ новомъ парламентѣ, составленномъ на этотъ разъ изъ представителей сѣвера и юга. Здѣсь произошла прискорбная для двухъ соперниковъ сцена 18-го апрѣля 1861 года, послѣ которой здоровье Кавура въ первый разъ пошатнулось.

Работа по организаціи новаго королевства превысила даже атлетическія силы Кавура. Ему приходилось держать „открытыми“ вопросы римскій и венеціанскій, не давая, однако, никакого повода къ вмѣшательству Франціи и Австріи. Приходилось вести переговоры съ папою, бороться противъ дефицита въ 500.000,000, хлопотать о займѣ, принимать мѣры противъ страшнаго общественнаго разложенія въ Неаполитанской области. 29-го мая 1861 года онъ по-

чувствовалъ первые приступы болѣзни, которая унесла его чрезъ нѣсколько дней. Но до послѣдней минуты жизни онъ думалъ только объ Италіи и остался вѣренъ себѣ.

Особенно безпокоили его безпорядки въ Неаполѣ. „Сѣверная Италія сдѣлана — говоритъ онъ — нѣтъ болѣе ломбардцевъ, пьемонтцевъ, тосканцевъ, романцевъ — мы всѣ итальянцы. Но есть еще неаполитанцы. О, въ ихъ странѣ много порчи! Это не ихъ вина—ими такъ дурно управляли... Нужно морализовать страну. Но ихъ нельзя исправить оскорбленіями. Прежде всего, не нужно осаднаго положенія, этого орудія деспотизма. Каждый съумѣетъ управлять при помощи осаднаго положенія. Я буду управлять ими при помощи свободы, и покажу, что могутъ сдѣлать изъ этой прекрасной страны десять лѣтъ свободы. Чрезъ двадцать лѣтъ—это будутъ самыя богатыя провинціи Италіи. Нѣтъ, не нужно осаднаго положенія, прошу васъ!“

Въ вечеръ на 6-е іюня 1861 года онъ потребовалъ священника. Фра-Джіакомо со слезами далъ ему послѣднее разрѣшеніе. Рано утромъ 6-го іюня ему пришлось услышать послѣднія слова умирающаго, пожимавшаго ему руку: „frate, frate, libera chiesa in libero stato“. Въ $6^3/_4$ часа утра Кавура не стало...

„Кто не видѣлъ Турина въ этотъ день—говоритъ Массари—тотъ не знаетъ, что такое народное горе“. Весь городъ одѣлся въ трауръ. И было отчего. Безчисленная толпа, провожавшая Кавура, знала, что она не только „отдаетъ послѣдній долгъ“ доблестному гражданину, „свершившему въ предѣлахъ земныхъ все земное“. Кавуръ былъ унесенъ смертью среди кипучей работы, которую онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, могъ довести до конца. Во всякомъ случаѣ онъ оставилъ своимъ преемникамъ государство съ 22.000,000 жителями и политическую программу, слѣдуя которой они дошли чрезъ нѣсколько лѣтъ и до Венеціи, и до Рима.

СОЦІАЛИЗМЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ И ВЪ РОССІИ.

Когда русскому человѣку приходится писать, говорить или просто думать о русскомъ соціализмѣ, онъ невольно чувствуетъ всю затруднительность своего положенія. Свѣдѣнія объ „ученіяхъ“ русскихъ соціалистовъ доходятъ до него отрывками. Онъ знакомится съ этими доктринами по большей части изъ отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ по политическимъ процессамъ, гдѣ эти ученія только затрогиваются, по-скольку они нужны для освѣщенія той или другой стороны обвинительнаго акта. Но такія отрывочныя свѣдѣнія нисколько не объясняютъ особенностей русскаго соціализма, причинъ его происхожденія, развитія и несомнѣнныхъ успѣховъ въ извѣстной части нашего общества. Мы не знаемъ даже насколько русскіе пропагандисты могутъ быть названы „соціалистами“ и насколько они заслуживаютъ другого названія.

Изъ изложенія русскаго соціализма и условій его возникновенія и роста возникаетъ другое явленіе, не менѣе характеристичное. Мы привыкли считать нашъ соціализмъ нѣкоторымъ отпрыскомъ соціализма западно-европейскаго и полагаемъ, что эти ученія могутъ быть низложены распространеніемъ здравыхъ экономическихъ понятій. Такъ, нѣкоторые писатели выступили съ критическими разборами

теоріи Карла Маркса, но едва-ли они достигли и могли достигнуть предположенной цѣли. Съ внѣшней стороны они, пожалуй, и правы. Въ самомъ дѣлѣ, наши соціалисты питаются твореніями Лассаля и Маркса, прислушиваются къ рѣчамъ и манифестамъ Бебеля и Либкнехта и составляютъ свои понятія о „рабочемъ вопросѣ“ по западно-европейскимъ книгамъ и брошюрамъ. Но едва-ли изъ этого можно заключить, что русскій соціализмъ есть только отпрыскъ извѣстныхъ западныхъ ученій. Тѣмъ менѣе можемъ мы думать, что эти доктрины могутъ быть изложены при помощи „политической экономіи“.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что русскій человѣкъ, задумавъ бороться съ соціализмомъ, возьмется за изученіе иностранныхъ книгъ по политической экономіи. Онъ начнетъ, конечно, съ Адама Смита, Рикардо, Сея, и, въ послѣдовательномъ порядкѣ, дойдетъ до новѣйшихъ трудовъ по политической экономіи, каковъ, напримѣръ, учебникъ Рау-Вагнера *). При такомъ послѣдовательномъ изученіи, онъ натолкнется, однако, на знаменательный фактъ. Онъ узнаетъ, что новые представители политической экономіи отступили отъ одного изъ главныхъ догматовъ старой школы, именно отъ догмата невмѣшательства государства въ области экономическихъ отношеній. Сэй разсматривалъ правительство, какъ несущественный органъ общества; въ учебникѣ Рау-Вагнера государству и „принудительному хозяйству“ отводится почетное мѣсто.

Кромѣ этого открытія, русскій читатель сдѣлаетъ еще и другое. Онъ найдетъ нѣкоторое соотношеніе между новѣйшими воззрѣніями на государство и идеями крупныхъ представителей западнаго соціализма, каковы Луи-Бланъ и Лассаль. Онъ услышитъ, что Лассаль громитъ буржуазію за ея враждебныя отношенія къ государственному вмѣшательству, а представители либеральной буржуазіи нападали на соціализмъ именно за его наклонность къ „принудительному хозяйству“.

Сообразивъ это явленіе, русскій читатель придетъ къ

*) Lehrbuch der Politischen Oekonomie. 1876 г.

тому заключенію, что нѣкоторые новѣйшіе экономисты, каковы Вагнеръ, Шмоллеръ, Брентано и другіе, сдѣлали уступку соціализму, и его выводъ подтвердится тѣмъ, что эти экономисты въ своемъ отечествѣ называются „соціалистами отъ кафедры“ (Kathedersocialisten). Тогда онъ рѣшается бросить эти новѣйшія книги и утвердиться на принципахъ прежней школы. Но для этого ему нужно преодолѣть нѣкоторыя затрудненія.

Вдумываясь въ творенія Адама Смита, Сэя, останавливаясь на дѣятельности Манчестерской лиги вообще и Кобдена въ особенности, перелистывая Бастіа и заглядывая въ Молинари, онъ почувствуетъ, что вся эта доктрина была выработана людьми, которые или подготовили либеральное движеніе нашего вѣка, или выросли подъ вліяніемъ этого движенія. Онъ увидитъ, что экономическій либерализмъ есть общій продуктъ либеральнаго движенія въ области политики, религіи, науки, искусства, — всего, въ чемъ проявляется жизнь человѣка. Экономическая формула „laissez faire, laissez passer“ выражаетъ тотъ же принципъ, что и формулы: вѣроисповѣданія свободны, наука свободна, мысль свободна; а всѣ эти формулы заключаются въ одной общей: — каждый человѣкъ имѣетъ право дѣлать все, что не вредитъ другому.

Предположимъ, что русскій читатель усвоитъ себѣ это міросозерцаніе и что во имя этихъ идей и формулъ онъ выступитъ на борьбу съ отечественнымъ соціализмомъ. Но здѣсь именно онъ наткнется на весьма существенныя недоразумѣнія. Надѣясь найти въ массѣ русскихъ соціалистовъ Лассалей, громящихъ „либеральную буржуазію“ и требующихъ государственнаго вмѣшательства, онъ горько ошибется. Напротивъ, онъ услышитъ рѣчи о необходимости разрушенія какъ государства, такъ и современнаго экономическаго строя. Онъ увидитъ странное сочетаніе идей Лассаля и соціальныхъ демократовъ съ идеями людей 1789 года, соединеніе требованій либеральной буржуазіи съ мечтами соціалистовъ, т.-е. соединеніе того, что на Западѣ не только разлучено, но и враждебно, непремиримо. Онъ найдетъ людей, сочувствующихъ „пропагандѣ“ и вовсе не сочувствую-

щихъ проектамъ раздѣла имуществъ и общности женъ. Онъ услышитъ, что современное соціалистическое движеніе есть движеніе либеральное не только въ смыслѣ „освободительномъ“ вообще, но и въ смыслѣ „принциповъ 1789 года“.

Правда, русскіе соціалисты отъ времени до времени торжественно заявляютъ, что цѣль ихъ — разрѣшеніе извѣстныхъ экономическихъ вопросовъ и что къ вопросамъ политическимъ они „равнодушны“. На дѣлѣ-же, ихъ „равнодушіе“ къ политическимъ вопросамъ подвержено сильному сомнѣнію. До сихъ поръ всѣ „пропаганды“ имѣли по преимуществу политическій характеръ, возбуждали политическія страсти, и убійства совершались не надъ „буржуа“, а надъ государственными должностными лицами.

Коротко говоря, русскій человѣкъ, изучившій западную экономію, встрѣтится на родинѣ съ такою путаницей понятій, съ такими соединеніями разнороднаго, что едва-ли онъ можетъ поставить себѣ цѣлію низлагать соціализмъ при помощи политической экономіи. Практика скоро приведетъ его къ иному выводу, который можетъ показаться парадоксальнымъ человѣку, незнакому съ дѣломъ. Именно онъ придетъ къ заключенію, что соціализмъ является въ Россіи знаменемъ, взятымъ изъ чужихъ рукъ и служащимъ для иныхъ, своеобразныхъ цѣлей. Вотъ почему это знамя соединяетъ вокругъ себя столько разнородныхъ элементовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго въ экономическихъ воззрѣніяхъ.

Выводъ кажется парадоксальнымъ, а потому доказательству его и посвящена эта статья. Конечно, она не преслѣдуетъ теоретическихъ цѣлей, ибо „теоретическій“ разборъ нашихъ „хитрыхъ механикъ“ слишкомъ легкое дѣло. Задача ея—показать бытовыя особенности нашего соціализма, бытовыя условія его возникновенія и практическія мѣры къ устраненію тѣхъ чувствъ недовольства, опасенія, переходящаго въ панику, подъ вліяніемъ которой зло не только не уменьшится, но выростетъ до серьезныхъ размѣровъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РАЗВИТІЕ РАБОЧАГО ВОПРОСА НА ЗАПАДѢ.

I.

Если бы мы пожелали излагать исторію соціалистическихъ ученій, то намъ пришлось бы шагнуть далеко въ глубь вѣковъ, ибо каждый вѣкъ имѣлъ своихъ богатыхъ и бѣдныхъ, предпринимателей и рабочихъ, высшихъ и низшихъ. Но современный соціализмъ есть порожденіе новыхъ условій промышленности, создавшихся по мѣрѣ паденія средневѣковыхъ формъ общества. Подъ вліяніемъ этихъ условій получилъ своеобразную постановку тотъ вопросъ, къ разрѣшенію котораго направлены усилія современныхъ соціалистовъ, именно рабочій вопросъ.

Что-же такое рабочій вопросъ на Западѣ? Съ точки зрѣнія лица, которое смотритъ на дѣло издалека, рабочее движеніе имѣетъ въ виду ниспроверженіе существующаго порядка вещей, истребленіе богатыхъ и раздѣлъ ихъ имущества. Такой взглядъ подтверждается, повидимому, закономъ противъ соціалистовъ, изданнымъ въ послѣднее время въ Германіи. Но есть нѣкоторое основаніе не вполнѣ довольствоваться такимъ взглядомъ. Именно лицо, предложившее этотъ законъ и руководящее его примѣненіемъ, — князь Бисмаркъ сказалъ въ рейхстагѣ, что онъ, преслѣдуя нѣкоторыя стремленія соціалистовъ, готовъ удовлетворить другимъ, признавая ихъ законность. Стало-быть, германскій канцлеръ смотритъ на рабочій вопросъ не трансцендентально, такъ-сказать, не съ той высоты, на которой пропадаютъ всѣ различія отдѣльныхъ моментовъ вопроса, а старается различить эти моменты, указать на законныя и незаконныя требованія труда.

Тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать такія различія въ статьѣ, посвященной какъ общему разъясненію вопроса

такъ и указанію разницы соціализма у насъ и на Западѣ. Но мы не можемъ этого сдѣлать, не указавъ предварительно на историческія основанія современнаго рабочаго вопроса.

Съ того времени, какъ промышленные классы начали свою самостоятельную жизнь на западѣ Европы, строй промышленности пережилъ три главныя эпохи: 1-е, эпоху самостоятельныхъ городскихъ корпорацій; 2-е, эпоху регламентированныхъ корпорацій; 3-е, эпоху экономической свободы. Эта послѣдняя эпоха началась въ концѣ XVIII столѣтія и длится до нашего времени. Всѣ три эпохи находятся между собою въ исторической связи и всѣ вмѣстѣ подготовили современный рабочій вопросъ. Опредѣлимъ здѣсь главные моменты этого процесса.

Городскіе классы вообще были тою силою, которая нанесла первый ударъ вотчинному государству феодальной эпохи, положила основаніе новому государственному порядку и создала промышленно-торговое богатство Запада. Но въ самой массѣ городского населенія существовали разнородные элементы, которые вели между собою неустанную борьбу, закончившуюся паденіемъ старой общественной организаціи.

Для того, чтобы понять процессъ этой борьбы, мы должны представить роль дѣйствовавшихъ въ ней силъ въ нѣкоторой сжатой формулѣ, на которую мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей, такъ какъ безъ нея не будетъ понятно все послѣдующее.

Каждый общественный строй предполагаетъ наличность извѣстной организующей силы, интересы и принципы которой опредѣляютъ организацію общества, даютъ ему тотъ или другой характеръ. Такою силою является или извѣстная преобладающая часть общества, или совокупность извѣстныхъ политическихъ учрежденій. Преобладающая роль ихъ опредѣляется интересами и условіями каждой эпохи. Пока эта организующая сила дѣйствительно связана съ условіями времени и выражаетъ его потребности, она имѣетъ право считать себя представительницею цѣлаго общества, и

послѣднее признаетъ ея главенство. Но, съ теченіемъ времени, интересы и условія общества измѣняются. Принципы прежней организаціи не удовлетворяютъ уже новымъ потребностямъ. Мало по малу, руководящія общественныя силы перестаютъ уже выражать идею своего общества, перестаютъ вести его по пути развитія. Онѣ замыкаются въ области своихъ частныхъ интересовъ, которые уже не могутъ быть отождествлены съ общими. Политика ихъ, силою вещей, становится эгоистическою, а не общественною. Новыя общественныя силы растутъ сами по себѣ, не имѣя еще никакихъ организаціонныхъ началъ. Поэтому въ первое время своего развитія онѣ являются силами разрушительными, въ томъ смыслѣ, что въ нихъ содержится отрицаніе стараго порядка. Но, какъ всякая дѣйствительная и нарождающаяся сила, онѣ группируютъ вокругъ себя все общество, кромѣ, конечно, отживающихъ элементовъ. Наконецъ, побѣда за ними. Старый порядокъ палъ и міръ ждетъ обновленія. Но обновленіе, въ смыслѣ общественномъ, можетъ быть произведено только новою организаціею общества. И вотъ, изъ смутныхъ и слитныхъ элементовъ разрушенія выдѣляется новый организаціонный элементъ, въ свое время руководившій разрушеніемъ, а теперь берущій на себя роль устроителя. Въ основаніе новаго зданія полагаются начала первенствующаго класса, который и остается „во главѣ“, пока его принципы могутъ считаться выраженіемъ общихъ нуждъ, пока изъ-подъ его ногъ не выростетъ новое общество со своими требованіями и, въ свою очередь, не сброситъ отжившій порядокъ. Это — старая и вѣчно новая исторія, хотя въ каждую эпоху люди думаютъ, что они дѣлаютъ что-то новое. Такъ было и съ феодализмомъ, и съ старою и съ новою буржуазіею на Западѣ.

II.

Когда закончилась эпоха великаго передвиженія народовъ, когда настало время подумать объ установленіи проч-

ной связи человѣка съ землей, о защитѣ этой земли отъ внѣшнихъ вторженій, объ обращеніи дикихъ бургундовъ, франковъ, саксовъ, аллемановъ, фризовъ и прочихъ приматовъ въ людей, имѣющихъ нравственныя понятія, двѣ силы выступили впередъ въ качествѣ организующихъ элементовъ зарождавшихся обществъ — военная аристократія и церковь. Послѣдняя, въ качествѣ духовнаго элемента, въ качествѣ власти надъ душами и понятіями, имѣла мало вліянія на внѣшнюю организацію общества. Напротивъ, она сама, въ значительной степени, подчинилась чужой, т.-е. феодальной организаціи. Послѣдняя покоилась на вотчинномъ принципѣ, на извѣстной системѣ поземельныхъ отношеній, и находила свое оправданіе въ военной защитѣ, въ нѣкоторыхъ элементахъ правосудія и администраціи, которые феодальный господинъ доставлялъ безпомощному населенію, лѣпившему свои хижины вокругъ неприступныхъ замковъ.

Но чрезъ нѣсколько времени подъ ногами свѣтскихъ и духовныхъ господъ выростаетъ новая сила, странная пока и невѣдомая — сила торгово-промышленная. Въ старыхъ городахъ, находившихся по бо́льшей части во владѣніи прелатовъ, и въ новыхъ, выросшихъ подлѣ замковъ, зарождается постепенно торговый классъ, который уже плохо ладитъ съ прежними условіями. Конечно, „господинъ“ съ своими дружинниками защищаетъ торговцевъ отъ враговъ; но не грабятъ ли эти дружинники своихъ купцовъ, не тѣснятъ ли горожанъ княжескіе слуги своими поборами, не давятъ ли торговлю стѣснительныя пошлины, защищена ли торговля хоть какими-нибудь правилами? Возстаніе городовъ противъ феодальныхъ владѣльцевъ имѣло двоякую цѣль: 1-е, освободить городское населеніе отъ вотчинной власти прежнихъ господъ; 2-е, организовать городское управленіе согласно интересамъ и цѣлямъ торгово-промышленнаго сословія.

При осуществленіи первой цѣли, все городское населеніе выступило какъ одинъ человѣкъ, какъ о́бщина, члены которой клялись другъ другу въ вѣчной вѣрности и любви. Но, при осуществленіи второй, оказалось, что „община“

далеко не слитное цѣлое, спаянное любовью. Руководящая роль въ „освободительной“ работѣ принадлежала нѣкотораго рода городской аристократіи, собственникамъ и торговцамъ, старожильцамъ, соединеннымъ въ гильдіи. За ними же осталась эта роль и въ организаціонной работѣ. Они мало по малу образовали ядро полноправнаго гражданства, выдѣлились изъ массы „общинниковъ“ въ качествѣ привилегированной и замкнутой наслѣдственной корпораціи и, по своимъ притязаніямъ, скоро сравнялись съ феодальною аристократіей. Между тѣмъ, подлѣ этой знати, этихъ патриціевъ, стояла масса промышленнаго люда, исключеннаго пока отъ пользованія политическими правами въ городѣ. „Мастерства“ играли плебейскую роль въ аристократизировавшихся муниципіяхъ. Между тѣмъ, они уже имѣли свою организацію и значительное число сочленовъ. Мастерства или цехи — происхожденія стариннаго. Лучшія изслѣдованія по этому предмету доказываютъ, что организація промысловъ относится еще къ эпохѣ вотчинной. Феодальные господа давали соотвѣтствующее устройство извѣстнымъ группамъ своихъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ тому или другому дѣлу по волѣ господина. Конечно, это не исключаетъ образованія цеховъ и между вольными людьми.

Въ эпоху возрожденія городовъ, а съ ними вмѣстѣ и промышленности, цехи играли видную и главную роль. Прежде всего, они были корпораціями, принаровленными для цѣли самозащиты. Но они имѣли и большое нравственное значеніе. Въ эпоху конкурренціи между трудомъ крѣпостнымъ и трудомъ вольнымъ, послѣдній могъ взять только высшимъ качествомъ продукта, точностію и честностью въ исполненіи заказовъ, нравственнымъ достоинствомъ мастеровъ. Поэтому цеховая организація явилась какъ бы школой промышленнаго труда. Каждый ремесленникъ долженъ былъ пройти чрезъ ученическіе годы, послужить подмастерьемъ и только послѣ извѣстнаго испытанія дѣлался мастеромъ. Отношенія между членами цеха, отношенія къ заказчикамъ, порядокъ исполненія работъ и т. д. опредѣлялись цеховымъ уставомъ, за исполненіемъ котораго наблю-

дало цеховое управленіе. Члены цеховъ были связаны между собою какъ бы круговою порукою въ нравственномъ смыслѣ. Цехъ имѣлъ свою честь, хранилъ свое достоинство и наблюдалъ за нравственностью своихъ сочленовъ.

Такая нравственная сила должна была съиграть свою роль въ жизни городовъ, она требовала для себя участія въ „гражданствѣ“ и, наконецъ, добилась его, сломивъ сопротивленіе городской знати. Эпоха торжества цеховъ совпадаетъ со временемъ процвѣтанія городовъ, роста ихъ промышленности и богатства. Къ сожалѣнію, это время было непродолжительно. Уже въ XIV столѣтіи показываются признаки новаго смущенія.

Въ героическую эпоху цеховъ, каждый изъ нихъ составлялъ слитное и крѣпкое цѣлое. Уставы не проводили юридическаго различія между учениками, подмастерьями и мастерами. Ученичество было необходимою стадіею для каждаго вступившаго въ цехъ и каждый ученикъ могъ, въ свое время, сдѣлаться мастеромъ. Но послѣ окончательнаго торжества цеховъ, мастера какъ бы выдѣляются изъ нихъ, требуя для себя особыхъ преимуществъ. Они одни становятся полноправными членами цеха и съ великимъ трудомъ открываютъ доступъ къ этому званію другимъ. Доступъ къ мастерству сопряженъ съ такими же препятствіями, какія преодолѣваетъ въ сказкахъ какой-нибудь принцъ для полученія руки своей возлюбленной. Долгіе ученическіе годы, годы странствованія подмастерьевъ по разнымъ городамъ Германіи или Франціи, пробныя работы, громадныя издержки при пріемѣ въ цехъ — все это ожидало юношу, не имѣвшаго связей въ средѣ мастеровъ. Но сынъ мастера или подмастерье, женившійся на дочери или вдовѣ мастера, освобождался отъ этихъ мытарствъ. Не удивительно, что мастерство сдѣлалось фактически наслѣдственнымъ въ довольно тѣсномъ кругѣ лицъ, примкнувшихъ къ старой гильдейской знати.

Низшіе слои цехового населенія отдѣлились отъ мастеровъ. Между ними образовались уже новыя товарищества; уже накоплялись элементы недовольства. Неизвѣстно, что

было бы дальше, ибо самостоятельная жизнь городовъ начала замирать подъ вліяніемъ новой силы, вступавшей въ свои права — подъ вліяніемъ королевской власти, принявшей. форму абсолютной монархіи и внесшей въ экономическую жизнь новый элементъ: административную регламентацію.

Королевская власть, подобно промышленному классу, возвысилась на счетъ феодализма. Мало того: въ борьбѣ съ феодальною аристократіей она дѣйствовала въ союзѣ съ городскими классами. Но не должно забывать, что городскія общины, являясь разрушительнымъ элементомъ въ средѣ феодальнаго общества, по организаціи своей остались, однако, частью этого общества, какъ это видно изъ характера гильдейскаго и цехового устройства. Между тѣмъ, короли и ихъ администрація являлись - носителями новой идеи—идеи государства въ современномъ смыслѣ. Понятно само собою, что, добивая остатки феодализма, они не могли оставить его и въ городахъ. Средневѣковое городское самоуправленіе уступило мѣсто государственной опекѣ. Королевская администрація сдѣлалась организующимъ элементомъ новаго общества, общества XVI и слѣдующихъ вѣковъ, т.-е. до нашего столѣтія.

Система административной опеки имѣла серьезныя историческія основанія. Во-первыхъ, антагонизмъ между знатнымъ и полноправнымъ гражданствомъ — съ одной, и низшими городскими классами — съ другой, злоупотребленія городскихъ властей и жалобы низшихъ — давали всѣ поводы къ вмѣшательству королевской администраціи. Во-вторыхъ, развитіе новаго государства предполагало больше единства въ правѣ, въ направленіи администраціи, въ охраненіи общихъ государственныхъ интересовъ, какихъ не знали прежнія времена. Между тѣмъ, суверенныя „общины“ являлись такими же элементами „розни“ и политическаго раздробленія, какъ и феодальныя вотчины. Въ-третьихъ, наконецъ, примѣнительно къ промышленной жизни, государственная опека являлась необходимою реакціею противъ застоя въ промышленности, порожденнаго цеховыми моно-

поліями, косностію мастеровъ и полнымъ отсутствіемъ личной предпріимчивости.

Между тѣмъ, новыя государственныя потребности, промышленная борьба уже не между отдѣльными городами, а цѣлыми націями, — требовала великаго напряженія народныхъ силъ, хотя бы при помощи внѣшняго толчка. Къ этой цѣли направилась государственная опека, открывая новыя отрасли производства, установляя образцы для промышленности, подчиняя дѣятельность мастеровыхъ строгому надзору, опредѣляя ихъ отношенія къ ученикамъ и рабочимъ.

Но, конечно, такая политика представляла и свою опасную сторону. Новый „организующій элементъ“ былъ великимъ орудіемъ въ рукахъ такихъ людей, какъ Кольберъ, и сдѣлался орудіемъ злоупотребленій въ рукахъ другихъ. Впрочемъ, эти злоупотребленія не были случайными явленіями. Они тѣсно связаны съ общими условіями стараго порядка, разрушеннаго движеніемъ либеральныхъ идей.

Во-первыхъ, королевскій абсолютизмъ сломилъ прежнія политическія силы настолько, насколько это нужно было въ интересахъ единства власти. Но онъ не тронулъ общественныхъ преимуществъ прежней аристократіи — дворянства, духовенства и буржуазіи. Феодализмъ, сломленный какъ политическая сила, продолжалъ существовать какъ общественное установленіе, находя себѣ опору въ юридическихъ различіяхъ отдѣльныхъ классовъ общества. Феодальная знать, т.-е. первыя два сословія, утратила свои верховныя права, конфискованныя теперь центральною властью. Но она сохранила за собою право на множество поборовъ и повинностей, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на крестьянской землѣ и на личномъ трудѣ крестьянина. Моро-де-Жоннесъ высчитываетъ, что сумма феодальныхъ и церковныхъ поборовъ превышала сумму государственныхъ налоговъ. Послѣдніе были распредѣлены между сословіями до такой степени неравномѣрно, что главная ихъ тяжестъ лежала на тѣхъ же низшихъ классахъ. Въ городахъ, абсолютизмъ, сломивъ суверенное гражданство, подчинивъ городское хозяйство, торговлю и промыслы государственной опекѣ, не

только не тронулъ корпоративныхъ привилегій и монополій, но сдѣлалъ изъ цеховъ фискальное орудіе, служившее казеннымъ интересамъ. Право труда, объявленное регальнымъ правомъ, концессіонировалось, т.-е. просто продавалось государственною администраціею, и цеховыя монополіи утвердились на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что объ нихъ сломилась вся энергія Тюрго.

Во-вторыхъ, дѣйствіе государственнаго абсолютизма не было ограничено предѣлами какихъ бы то ни было правъ частныхъ лицъ и обществъ, которыя государство обязывало бы уважать. Личная и домашняя безопасность, неприкосновенность имуществъ, не говоря уже о такихъ предметахъ, какъ свобода совѣсти, слова и тому подобное, погибли въ этой системѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, давало право приписывать всѣ бѣдствія существующему политическому строю, а послѣдній, какъ мы видѣли, заключалъ въ себѣ два главные признака—абсолютизмъ и привилегіи. Ограничить одинъ и отмѣнить другія—такова была задача революціонной философіи XVIII столѣтія, основавшей свои требованія на принципахъ такъ-называемаго естественнаго права.

III.

Среди этого общества, учрежденія котораго представляли рядъ историческихъ наслоеній, наслоеній временъ феодализма въ тѣсномъ смыслѣ, феодализма, видоизмѣненнаго движеніемъ городскихъ общинъ, временъ постепеннаго роста и торжества королевской власти,—т.-е. среди общества, жившаго въ учрежденіяхъ 12-ти вѣковой организаціи, вдругъ раздалась проповѣдь, требовавшая пересмотра всѣхъ этихъ учрежденій съ точки зрѣнія естественныхъ правъ человѣка.

Школа естественнаго права заставила одряхлѣвшее общество возвратиться мысленно на лоно природы, посмотрѣть на человѣка въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца. Здѣсь, на этомъ лонѣ природы, мы видимъ чело-

[illegible] существомъ свободнымъ и равнымъ со всѣми подобными ему существами. Онъ одаренъ разумомъ и инстинктами, руководясь которыми онъ достигнетъ благосостоянія, если его свобода будетъ обезпечена, если другое лицо не захватитъ его въ свою власть. Какимъ же образомъ случилось, что человѣкъ, первоначально свободный, попалъ подъ гнетъ деспотизма? первоначально равный со всѣми другими, страдаетъ отъ тяжкаго неравенства?

Если бы „школа“ стояла на почвѣ исторической, она увидѣла бы причины возникновенія феодализма, городскихъ корпорацій, королевской власти. Не оправдывая тогдашняго строя, она, по крайней мѣрѣ, объяснила бы его; а гдѣ есть объясненіе, тамъ открыта возможность соглашенія и реформы. Но съ догматической точки зрѣнія естественнаго права, весь старый порядокъ не могъ быть объясненъ: онъ былъ только нелѣпъ, противенъ всѣмъ требованіямъ разума и природы, а потому насильственъ. Нельзя не замѣтить, что, съ другой стороны, и представители старыхъ партій стояли на такой же догматической почвѣ, не допускавшей никакихъ сдѣлокъ съ новыми требованіями и условіями. Привилегія есть вѣчное и принципіальное нарушеніе естественнаго права, — говорили „философы“. Привилегія есть вѣчное изъятіе изъ общаго права, и потому не можетъ быть отмѣнена, — говорили сторонники стараго порядка. Привилегія есть насиліе, — говорили одни; отмѣна привилегіи есть беззаконіе — говорили другіе. Боссюэтовское: „нѣтъ права противъ права“ — составляло существо аргументаціи той и другой стороны. Естественное право священно и неотчуждаемо; всякое отступленіе отъ него есть безправіе, — слышалось съ одной стороны; всякое существующее и законно пріобрѣтенное право священно и неотчуждаемо, — слышалось — съ другой. И вотъ, предъ началомъ новой эры, лицомъ къ лицу встрѣтились двѣ абсолютныя идеи, не допускавшія никакихъ сдѣлокъ и уступокъ. Началась величайшая изъ когда-либо бывшихъ трагедій, и міръ услышалъ новыя заповѣди, изложенныя въ 17-ти статьяхъ декларацiи правъ гражданина.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ изложить здѣсь этой трагедіи. Мы должны уловить только главныя руководящія идеи этого движенія и опредѣлить главные его результаты.

Силы, дѣйствовавшія во французской революціи, были направлены, какъ мы сказали, противъ двухъ установленій стараго порядка — противъ абсолютизма и привилегій. Коротко говоря, двигатели революціи видѣли причину всѣхъ бѣдствій въ ненормальномъ политическомъ строѣ и думали разрѣшить всѣ вопросы въ томъ числѣ и вопросы экономическіе, при помощи политическихъ реформъ.

Вотъ что гласитъ введеніе въ знаменитую декларацію: „Представители французскаго народа, соединенные въ національное собраніе, принимая во вниманіе, что невѣдѣніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ, рѣшились изложить, въ формѣ торжественнаго объявленія, естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка".

Для своего времени, даже съ экономической точки зрѣнія, они были правы. Трудъ, сдавленный монополіями, феодальными повинностями, внутренними заставами и административными регламентами, стремился ближайшимъ образомъ и въ общей своей массѣ къ юридическому и политическому освобожденію. Таковъ былъ и завѣтъ великихъ экономистовъ XVIII вѣка, отъ Кене до Адама Смита, основателя новой политической экономіи. Отмѣните общественное неравенство, монополіи, заставы, феодальныя повинности, и вы увидите, на что способна человѣческая личность, свободно располагающая своими силами, руководимая разумно понятымъ личнымъ интересомъ и обезпеченная въ своихъ правахъ! Laissez faire, laissez passer!

Но для послѣдующихъ судебъ Европы было важно, что, подъ вліяніемъ этихъ условій стараго порядка, сложилось общее политическое и экономическое міросозерцаніе новой школы. Человѣкъ вступаетъ въ общество съ суммою извѣстныхъ готовыхъ правъ — свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію. Назначеніе государства со-

стоитъ въ охраненіи этихъ правъ, т.-е. оно обезпечиваетъ каждому свободное распоряженіе его личными силами и плодами его трудовъ. Отсюда вытекаетъ то послѣдствіе, что все неимѣющее отношенія къ цѣлямъ права, т.-е. къ опредѣленію „мѣры свободы“, стоитъ внѣ политической сферы, слѣдовательно, и внѣ дѣйствія государственной власти. Къ числу этихъ внѣ стоящихъ сферъ относится и область экономическихъ отношеній.

Слѣдуетъ-ли изъ этого, что экономическія отношенія должны стоять внѣ всякихъ законовъ, слѣдовательно, представлять анархію? Экономисты были далеки отъ подобной мысли. Они утверждали, напротивъ, что экономическія явленія управляются болѣе точными и болѣе разумными законами, чѣмъ всякія нормы, изобрѣтенныя государствомъ— именно законами естественными. Экономическая жизнь имѣетъ своею исходною точкою личную дѣятельность каждаго человѣка, руководимую его личнымъ интересомъ. Но движеніе личныхъ интересовъ всѣхъ этихъ атомовъ общественнаго тѣла не рождаетъ хаоса и безсмысленной борьбы, гдѣ одинъ поѣдаетъ другого. Экономическое производство, обмѣнъ, распредѣленіе—принимаютъ правильную форму подъ вліяніемъ условій спроса и предложенія, конкурренціи и т. д. Борьба личныхъ интересовъ, являющаяся въ глазахъ неопытнаго наблюдателя борьбою бездушныхъ эгоистовъ, при ближайшемъ изслѣдованіи приводитъ къ гармоніи интересовъ и къ осуществленію общаго блага.

Вся экономическая жизнь представляется, такимъ образомъ, рядомъ отношеній отдѣльныхъ производителей, которыхъ интересы приводятся къ гармоніи естественными экономическими законами. Поэтому государство, какъ представитель и охранитель права, должно имѣть въ виду только исходную точку этого процесса, т.-е. свободную человѣческую личность, которую оно и должно обезпечить въ ея юридическихъ правахъ. Другими словами — государство должно разсматривать весь строй экономическихъ отношеній какъ рядъ частно-гражданскихъ сдѣлокъ, возникающихъ на почвѣ свободно-осуществляемыхъ частныхъ

интересовъ. Поэтому либеральная школа требуетъ отъ государства только гражданскаго права (jus privatum); но всякая тѣнь права публичнаго (jus publicum) изгоняется изъ этой области естественной свободы.

Естественная свобода была возвращена милліонамъ человѣческихъ существъ, и идеи 1789 года постепенно распространялись во всѣхъ концахъ западной Европы вплоть до 1848 года, когда съ политическою революціей столкнулась революція соціальная, и Ледрю-Ролленъ неожиданно не понялъ Луи-Блана. Что произошло въ теченіе этого періода? Повидимому, весь народъ принималъ участіе въ революціонныхъ движеніяхъ 1789 года и считалъ своими всѣхъ главныхъ вожаковъ революціи. Вся масса прониклась формулами декларацій правъ, разрушала замки, гнала дворянство и духовенство, разрывала пергаменты, на коихъ изображены были „привилегіи“, отмѣняла корпораціи и монополіи. Послѣ всей этой операціи, въ каждой странѣ оказывалось, что вся масса народонаселенія обращалась въ равныхъ и свободныхъ гражданъ, подчиненныхъ государству только въ отношеніи опредѣленій „мѣры свободы“, и „естественнымъ законамъ“ во всемъ остальномъ. Что-же такое произошло? Какимъ образомъ этотъ великій народный океанъ, поглотившій всѣ старыя сословія, вдругъ снова оказался раздѣленнымъ на два враждебные элемента — на буржуазію и рабочій классъ?

Произошло то, что уже происходило давно. Въ минуту разрушенія всѣ элементы казались слитными и нераздѣльными. Но въ эпоху организаціи новаго общества выступила и новая сила, сила, отрѣшенная отъ всякихъ юридическихъ и политическихъ условій и дѣйствующая по „естественнымъ законамъ“—сила капитала, на которую оперлась преобразованная буржуазія.

Такъ какъ намъ много придется говорить о преобразованной буржуазіи, то здѣсь не безполезно сказать нѣсколько словъ о значеніи этого термина. Мы встрѣчались съ буржуазіею, съ бюргерами, и въ средніе вѣка. Но старая буржуазія была совокупностію привилегированныхъ

городскихъ корпорацій, общественное значеніе которыхъ опиралось на юридическія ихъ преимущества. Экономическое преобладаніе старой буржуазіи было послѣдствіемъ, главнымъ образомъ, извѣстнаго юридическаго порядка. Такая буржуазія была разрушена революціоннымъ движеніемъ, ея привилегіи были отмѣнены и корпораціи уничтожены. Современный буржуа самъ горячо ратуетъ противъ юридическихъ привилегій, противъ цеховыхъ монополій, противъ регламентаціи труда. Онъ хочетъ жить по естественнымъ экономическимъ законамъ, первое слово которыхъ есть свобода, а послѣднее — гармонія.

Мы не можемъ говорить о современной буржуазіи какъ о сословіи, отличенномъ отъ другихъ корпоративными правами и обязанностями. Современная буржуазія есть классъ общества, отличающійся отъ другихъ классовъ же количественно, а не качественно. Она опирается на фактическія преимущества капитала. Но это вліяніе есть также фактъ, а не привилегія въ юридическомъ смыслѣ. Затѣмъ и современный юридическій порядокъ есть послѣдствіе и выраженіе извѣстныхъ экономическихъ условій. Вотъ почему современный соціализмъ обращаетъ свои усилія на экономическую реформу, говоря о политикѣ на столько, на сколько это нужно для его главной цѣли.

Съ другой стороны, современный рабочій не есть средневѣковой ученикъ или подмастерье. Онъ не связанъ съ своимъ патрономъ ни корпоративными связями, ни цеховыми іерархическими отношеніями. Современный рабочій — свободный человѣкъ, обмѣнивающійся съ патронами экономическими услугами, по свободному договору и притомъ въ условіяхъ спроса, предложенія, конкурренціи и т. д. Одно и то же гражданское право защищаетъ какъ патрона, такъ и рабочаго въ ихъ „естественной свободѣ“. Даже политическія привилегіи капитала падаютъ быстро. Рабочій участвуетъ въ Германіи и въ Франціи во всеобщей подачѣ голосовъ, вотируетъ за своихъ кандидатовъ и можетъ провести ихъ въ парламентъ.

Итакъ, рабочій, въ политическомъ и юридическомъ

смыслѣ, есть свободный человѣкъ, обмѣнивающійся услугами съ другимъ, такимъ же свободнымъ человѣкомъ, т.-е. съ патрономъ. Но гдѣ же черта, раздѣляющая буржуазію и рабочій классъ на два враждебные лагеря? Прежде она была такъ рѣзко обрисована, что каждый могъ сказать — вотъ она! и могъ прибавить: сотрите эту черту и вы получите массу благоденствующаго народа. Но теперь эту черту нельзя уже открыть невооруженнымъ глазомъ.

Мы можемъ, правда, сказать, что различіе между буржуазіею и рабочими классами есть различіе между богатыми и бѣдными. Но такое различіе существовало во всѣ времена, во времена Хеопса такъ же, какъ и при Гамбеттѣ съ Ласкеромъ. Въ сущности, это объясненіе ничего не объясняетъ. Существо дѣла лежитъ именно въ объясненіи причинъ такого различія, а причины эти объяснялись разно въ различныя времена. Въ 1789 году говорили, что причина этого различія заключается въ сословныхъ привилегіяхъ и абсолютизмѣ. Что скажутъ теперь, когда нѣтъ ни привилегій, ни абсолютизма, когда всѣ призваны одинаково къ достиженію своего благосостоянія?

Очевидно, что теперь причина неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ и зависимости низшихъ классовъ отъ высшихъ могла быть открыта только въ области экономическихъ отношеній, въ совокупности тѣхъ условій, при которыхъ рабочій предлагаетъ свой трудъ хозяину, а послѣдній пользуется этимъ трудомъ.

Съ юридической точки зрѣнія, отношеніе между свободнымъ рабочимъ и его свободнымъ нанимателемъ опредѣляется какъ отношеніе договорное — do ut facias. Съ точки зрѣнія либеральной экономіи, трудъ рабочаго является нѣкоторымъ товаромъ, предлагаемымъ на общественномъ рынкѣ и подчиненнымъ только естественнымъ условіямъ спроса-предложенія и конкурренціи.

Что можетъ быть проще подобнаго объясненія? Но мы увидимъ, что на дѣлѣ оно не такъ просто, что, напротивъ, рабочій вопросъ заключаетъ въ себѣ много „моментовъ“ простыхъ и сложныхъ, вызывающихъ законодатель-

ное вмѣшательство, приводящихъ къ столкновеніямъ и наталкивающихъ на революціонныя попытки.

Подобно тому, какъ политическое движеніе прежняго времени представляло нѣсколько партій—консервативныхъ, умѣренныхъ и крайнихъ, — такъ и въ рабочемъ движеніи мы видимъ рядъ оттѣнковъ между Шульце-Деличемъ и Геделемъ съ Нобилингомъ. Мы разсмотримъ эти элементы рабочаго вопроса въ слѣдующей главѣ. Теперь, въ заключеніе, должно указать на нѣкоторыя условія, осложнившія этотъ вопросъ.

IV.

Экономическій строй современной Европы явился результатомъ попытки оставить экономическую жизнь безъ юридической организаціи ея участниковъ. Прежняя корпоративная связь между мастерами, обратившимися въ патроновъ, и подмастерьями съ прочимъ рабочимъ людомъ— пала. Воспоминанія о старомъ порядкѣ, только что-разрушенномъ, были такъ живы, что даже революціонное правительство во Франціи строго преслѣдовало образованіе всякихъ товариществъ между рабочими, усматривая въ этихъ товариществахъ воспроизведеніе „феодальныхъ“ корпорацій. Между тѣмъ, либеральное законодательство было безсильно противъ реальныхъ условій экономической жизни, которыя привели къ обособленію рабочихъ классовъ и вызвали въ нихъ стремленіе къ новой организаціи.

Во-первыхъ, нельзя не обратить вниманія на то, что масса рабочаго населенія значительно увеличилась какъ вслѣдствіе возраставшаго преобладанія крупной собственности во всѣхъ главныхъ государствахъ Европы и обезземеленія массы народонаселенія, такъ и вслѣдствіе быстраго роста промышленныхъ предпріятій. Въ царствующей странѣ промышленнаго міра, въ Англіи, количество городского населенія переросло количество сельскаго; во Франціи и въ Пруссіи промышленное народонаселеніе достигло уже свыше

30% народонаселенія земледѣльческаго и приростъ продолжается въ большихъ пропорціяхъ. Далѣе, нельзя не видѣть того важнаго обстоятельства, что новыя условія производства содѣйствуютъ централизаціи промышленности, уменьшая число мелкихъ предпріятій и привлекая массы рабочихъ въ фабричные центры.

Изобрѣтеніе и быстрое усовершенствованіе машинъ сдѣлало весьма труднымъ мелкія предпріятія въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности. Съ одной стороны, предварительныя затраты по устройству фабрикъ или заводовъ недоступны мелкимъ капиталистамъ; съ другой — крупное и машинное производство, удешевляя продукты, дѣлаетъ невозможнымъ конкурренцію съ нимъ мелкой промышленности. Отсюда всеобщее явленіе: — мелкіе промышленники уступаютъ мѣсто крупнымъ „домамъ“; дома, въ свою очередь, принуждены сливаться въ еще крупнѣйшія общества; наконецъ, нѣкоторыя изъ современныхъ предпріятій недоступны мелкимъ капиталистамъ и по громадности предварительныхъ затратъ (желѣзныя дороги, газовое освѣщеніе, водоснабженіе и т. д.).

Вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ фабричнаго производства, въ фабричные центры потянулись массы рабочихъ, оторванныя отъ дома вслѣдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, вслѣдствіе централизаціи производства, онѣ могутъ получить работу только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; во-вторыхъ, вслѣдствіе замѣны ручного труда машинными операціями, рабочіе не могутъ производить пряжу, ткать и т. д. по домамъ, какъ они это дѣлали прежде по заказу патрона. Они должны проводить свой рабочій день при машинахъ, т.-е. на фабрикѣ. Множество рабочаго люда, прежде разбросаннаго и занятаго въ многочисленныхъ мѣстностяхъ, теперь собирается въ компактныя массы, связанныя общими интересами и, какъ мы увидимъ ниже, готовыя повиноваться сигналу своихъ вожаковъ. Фабрики и заводы обращаются въ порядочныя казармы и даже въ военныя поселенія съ 4-мя, 5-ю и даже 10-ю тысячами человѣкъ промышленной арміи.

Въ Англіи, напримѣръ, по одному фабричному произ-

водству, не считая другихъ промысловъ, въ 1870 году имѣлось 6,811 фабрикъ, состоявшихъ подъ наблюденіемъ правительства. На этихъ фабрикахъ дѣйствовало 41.051,079 веретенъ, 610,010 паровыхъ станковъ, въ 478,484 лошадиныя силы и 907,249 рабочихъ. Стало быть, на каждую фабрику среднимъ числомъ приходилось слишкомъ 133 рабочихъ.

Въ Пруссіи, по исчисленію 1875 года, сообщенному докторомъ Энгелемъ, имѣлось по всѣмъ отраслямъ промышленности 1.799,601 предпріятіе. Изъ нихъ на мелкую промышленность (т.-е. на предпріятія съ пятью и меньшимъ числомъ рабочихъ и служащаго персонала) приходилось предпринимателей 1.301,421 мужского и 329,067 женскаго пола, помощниковъ, рабочихъ и учениковъ 2.246,959; на крупныя предпріятія (свыше пяти рабочихъ и проч. служащихъ), общимъ числомъ приходилось 43,513 предпринимателей, 48,633 м. п. и 1,576 ж. п., и 1.378,959 рабочихъ и прочихъ служащихъ. Такимъ образомъ, общее число рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ промыслахъ, было меньше занятыхъ въ мелкихъ. Но, во-первыхъ, процентное отношеніе предпринимателей къ рабочимъ въ тѣхъ и другихъ значительно разнится. Между тѣмъ какъ въ первомъ разрядѣ приходится менѣе чѣмъ два рабочихъ на предпринимателя, во второмъ ихъ приходится среднимъ числомъ около 27½. Но это среднее число не даетъ еще понятія о конкретномъ, такъ-сказать, распредѣленіи рабочихъ по фабрикамъ. Именно, изъ 43,513 предпріятій пользовались

Число предпріятій.	Число рабочихъ.
17,685	отъ 6— 10
20,474	„ 11— 50
1,362	„ 51— 200
905	„ 201—1000
87	свыше 1000.

Во-вторыхъ, должно обратить вниманіе, что въ крупныхъ предпріятіяхъ, кромѣ постоянныхъ рабочихъ, было занято еще временно въ теченіе 1875 года 1.407,447 лицъ,

что́ значительно увеличитъ массу, съ которою приходится имѣть дѣло предпринимателямъ.

Итакъ, подобно тому, какъ во времена феодализма рыцарскіе замки группировали подлѣ себя промышленный и земледѣльческій людъ, какъ во время регламентированныхъ монополій „привиллегированныя“ корпораціи собирали подъ свое крыло учениковъ, подмастерьевъ и рабочихъ, — такъ теперь фабрика или заводъ являются „организаціоннымъ“ элементомъ новаго промышленнаго общества. Изъ общей массы свободныхъ и равноправныхъ атомовъ общественнаго тѣла выдѣлились болѣе сильные атомы, съ необыкновенною силою притяженія, и потянули къ себѣ легковѣсную мелкоту. Притомъ это притяженіе теперь отличается особыми свойствами. И прежде рядомъ съ центростремительными силами дѣйствовали силы центробѣжныя. И прежде вмѣстѣ съ притяженіемъ къ феодальнымъ замкамъ развивались чувства „противоположенія“, питавшія городской классъ и породившія возстаніе общинъ. Но прежде центровъ было множество, а потому и центробѣжныя и центростремительныя силы дѣйствовали на множествѣ разныхъ мѣстъ и въ довольно ограниченномъ пространствѣ. Теперь всѣ эти вотчины и общины собраны въ громадныя политическія тѣла, съ десятками милліоновъ народонаселенія, сознающихъ свое политическое единство. Поэтому теперь „раздѣляются“ уже не тысячи жителей какого-нибудь Амьена или Нюренберга, а милліоны, населяющіе Францію, Англію или Германію. Теперь противопоставлены другъ другу вся буржуазія — съ одной, и весь рабочій классъ — съ другой стороны, сотни тысячъ — противъ милліоновъ.

Но особенно характеристичнымъ является то обстоятельство, что ни эти сотни тысячъ предпринимателей, ни эти милліоны рабочихъ, въ классическіе годы „экономической свободы“ не имѣли общественной организаціи. Въ каждомъ предпріятіи одинъ имѣлъ дѣло съ однимъ же, взятымъ въ одиночку, и эти одиночныя отношенія должны были регулироваться только общими постановленіями гражданскаго права, нормирующаго именно дѣятельность одиночнаго

вѣка, и естественными экономическими законами. Въ какой мѣрѣ эти условія были практически примѣнимы, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЭЛЕМЕНТЫ РАБОЧАГО ВОПРОСА.

I.

Мы уже замѣтили, что рабочій вопросъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ нѣкоторое слитное понятіе, не допускающее подраздѣленій и оттѣнковъ. Умъ, не способный къ анализу, понимаетъ подъ рабочимъ вопросомъ такое соотношеніе двухъ враждебныхъ сословій, при которомъ рабочіе, вооружась пистолетами, кинжалами и факелами, желаютъ раздѣлить собственность буржуазіи, а послѣдняя принуждена заряжать пушки для защиты своей жизни и собственности. Къ сожалѣнію, должно сказать, что тѣ понятія о „соціальномъ вопросѣ“, какія можно получить изъ русской привозной литературы, способны утвердить въ такомъ взглядѣ. Мы увидимъ, однако, впослѣдствіи, какое мѣсто занимаетъ „русское соціальное ученіе“ въ общемъ ходѣ соціальнаго движенія. Но для того, чтобы понять существо нашего соціализма, мы должны разложить, съ безпристрастіемъ спокойнаго наблюдателя, рабочій вопросъ на его составные элементы, понять, въ чемъ состоятъ законныя и осуществимыя требованія труда и гдѣ начинаются опасныя стремленія его — опасныя не только для существующаго порядка вещей, но и для элементарныхъ условій человѣческаго общежитія, какова бы ни была его форма. Кромѣ того, мы должны указать и на различные способы рѣшенія рабочаго вопроса, ибо этотъ вопросъ есть практическая задача, надъ рѣшеніемъ которой трудится много силъ и партій. Соціализмъ далеко не есть самъ рабочій вопросъ:

онъ отличается отъ него такъ, какъ вообще задача отличается отъ способовъ ея рѣшенія. Берлинскій конгрессъ рѣшилъ восточный вопросъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такое рѣшеніе было наилучшее и чтобы чрезъ нѣсколько времени не понадобилось иного.

Поэтому не мѣшаетъ, по многимъ причинамъ, предостеречь отъ отождествленія рабочаго вопроса съ соціализмомъ. Вообще говоря, каждый человѣкъ, принимающій близко къ сердцу судьбу низшихъ классовъ населенія и интересы рабочаго люда въ его отношеніи къ предпринимателямъ, часто безцеремоннымъ, можетъ заслужить названіе соціалиста. Когда русскій публицистъ негодуетъ на обращеніе съ русскими погонцами въ Румыніи, то сторонники недобросовѣстныхъ подрядчиковъ легко могутъ обвинить его въ соціализмѣ. Въ этомъ смыслѣ, названіе соціалиста можетъ быть примѣнено даже къ тому лицу, который началъ теперь отчаянную борьбу противъ нѣмецкой соціальной демократіи, именно къ князю Бисмарку.

Именно въ 1865 году, когда прусская нижняя палата была занята вопросомъ о рабочихъ сообществахъ (coalitionen), министерство, вмѣстѣ съ консерваторами, желало разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу рабочихъ, при сильнѣйшемъ сопротивленіи со стороны либераловъ и прогрессистовъ. Тогда же, либералъ и позитивистъ Твестенъ воскликнулъ, что „консервативная партія покровительствуетъ коммунистической агитаціи и желала бы соединиться съ крайней лѣвой, чтобы подавить либераловъ“. „Мы можемъ, — сказалъ онъ дальше, — помочь нѣсколькимъ рабочимъ, но не сословію“. Но еще характеристичнѣе другой эпизодъ изъ той же борьбы. Бисмаркъ допустилъ къ королю депутацію рабочихъ съ фабрики Рейхенгейма, либерала, и король пожаловалъ имъ нѣкоторую сумму денегъ для основанія ассоціаціи. Это вызвало страшную бурю въ либеральномъ лагерѣ, и воинственный Рейхенгеймъ обозвалъ рабочихъ „лжецами“, а Бисмарка устроителемъ „политическихъ пуффовъ“. Нечего говорить, что Бисмаркъ не остался въ долгу и обрушился на Рейхенгейма всею си-

лою своею краснорѣчія. Его рѣчь *) замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, но мы ограничимся однимъ мѣстомъ, именно отвѣтомъ на упрекъ за допущеніе депутаціи къ королю.

„По какому праву, спрашиваю я, преградилъ бы я этимъ людямъ путь къ трону? Изъ того, что́ я слышалъ изъ вчерашнято заявленія г. депутата (Рейхенгейма), мнѣ почти кажется, что корона нуждается въ оправданіи предъ нимъ, когда она преклоняетъ ухо къ голосу бѣдности. Но прусскіе короли никогда не были предпочтительно королями богатыхъ. Уже Фридрихъ II, будучи кронпринцемъ, сказалъ: Quand je serai roi, je serai un vrai roi de gueux, королемъ неимущихъ, — и онъ принялъ на себя защиту бѣдности. Это начало практиковалось нашими королями и впослѣдствіи. У ихъ трона всегда были выслушиваемы и находили прибѣжище страданія, рождавшіяся при такихъ условіяхъ, гдѣ писанный законъ становился въ противорѣчіе съ естественнымъ человѣческимъ правомъ. Наши короли осуществили освобожденіе крѣпостныхъ, они создали цвѣтущее крестьянское сословіе. Можетъ быть, имъ удастся — серьезныя стремленія къ тому на лицо — помочь улучшенію быта рабочихъ. Но заграждать жалобамъ рабочихъ доступъ къ трону, по моему мнѣнію — путь неправильный и я не имѣю къ тому призванія. Можно было бы предложить вопросъ: какъ богата должна быть депутація, чтобы пріемъ ея королемъ не произвелъ на г. Рейхенгейма впечатлѣнія „пуффа?“

Послѣ такой рѣчи легко можно спросить: какимъ образомъ тотъ же Бисмаркъ сталъ на путь преслѣдованія соціальной демократіи? Мы найдемъ этотъ отвѣтъ ниже и не желаемъ забѣгать впередъ. Теперь достаточно указать, что Бисмаркъ признавалъ извѣстныя законныя требованія рабочихъ классовъ и, какъ показываетъ его рѣчь по поводу новаго закона противъ соціальной демократіи, признаетъ ихъ и теперь. Но въ отдѣленіи этого „законнаго“

*) Reden, изд. 1870, I, стр. 117 и слѣд.

отъ „незаконнаго“ состоитъ труднѣйшая обязанность науки и политики, и мы никогда не разрѣшимъ вопроса, если будемъ стоять на какой-нибудь исключительной точкѣ зрѣнія: на точкѣ ли зрѣнія „священныхъ правъ труда“, или „священныхъ правъ капитала“. Всякое право, если оно дѣйствительно право,—священно и перестаетъ быть таковымъ, переступая свою границу. А всякое право обращается въ безправіе, когда охраняемый имъ интересъ претендуетъ на исключительное господство.

Приступая къ подробному анализу элементовъ рабочаго вопроса и соціальнаго движенія, мы предпошлемъ ему краткую классификацію, въ рубрики которой могутъ быть уложены всѣ элементы вопроса съ точки зрѣнія объема требованій рабочаго класса и его руководителей изъ лагеря соціалистовъ.

Во-первыхъ, рабочій вопросъ представляетъ извѣстную совокупность требованій, которыя могутъ и должны быть разрѣшены при совокупномъ дѣйствіи государства, рабочаго класса и самихъ предпринимателей путемъ мирнымъ, безъ насильственныхъ дѣйствій и безъ измѣненія государственнаго порядка, въ широкомъ смыслѣ этого слова (ибо частныя измѣненія формъ правленія въ томъ или другомъ государствѣ не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ и не свидѣтельствуютъ о ниспроверженіи государственности. Такъ, установленіе республики во Франціи вмѣсто императорскаго режима не только не повело къ торжеству соціализма, а скорѣе содѣйствовало ослабленію этого движенія).

Во-вторыхъ, рабочіе классы и ихъ руководители предъявляютъ такія требованія, осуществленіе которыхъ предполагаетъ рядъ насильственныхъ измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ и насильственныхъ политическихъ переворотовъ, хотя и не ведутъ къ ниспроверженію государства вообще, какъ извѣстной исторической формы человѣческаго общежитія. Существенный признакъ этихъ требованій, опредѣляющій вмѣстѣ съ тѣмъ насильственность ихъ осуществленія, состоитъ въ томъ, что организующимъ интересомъ новаго общества и государства предполагаютъ сдѣ-

лать исключительно трудъ, въ томъ видѣ, какъ его понимаютъ рабочіе классы и ихъ руководители.

Третій, наконецъ, разрядъ требованій можетъ осуществиться только подъ условіемъ совершеннаго отрѣшенія отъ всякихъ формъ государственности и организаціи общества на коммунистическихъ началахъ.

Понятно само собою, что только два послѣдніе разряда могутъ быть подведены подъ понятіе соціальной революціи. Понятно также, что развитіе перваго и двухъ послѣднихъ разрядовъ находятся въ обратномъ отношеніи. Чѣмъ больше дѣлается на почвѣ законныхъ требованій, тѣмъ больше съуживается почва „соціальной революціи“ и соціальной утопіи. Наглядным тому примѣромъ служитъ Англія. Повидимому, нигдѣ нѣтъ такой почвы для развитія соціалистическаго движенія, какъ тамъ; нигдѣ промышленность не достигла такого развитія и поземельная собственность не сосредоточилась въ столь немногихъ рукахъ, какъ тамъ. Между тѣмъ соціализмъ въ Англіи держится главнымъ образомъ на практической почвѣ, и событія парижской коммуны немыслимы въ Лондонѣ.

Представленная выше классификація послужитъ намъ руководствомъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ элементовъ рабочаго вопроса и требованій соціальныхъ партій. Съ точки зрѣнія практической, эти требованія могутъ быть подведены подъ двѣ главныя рубрики: требованія политическія и требованія экономическія.

Политическія требованія сводятся прежде всего къ требованію участія рабочихъ въ политической жизни, коротко говоря, — къ расширенію избирательнаго права. Нельзя не признать законность этого требованія. Можно спорить о томъ — должно или не должно общество участвовать въ законодательствѣ и вліять на государственное управленіе. Но когда европейскія конституціи рѣшили этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, изъятіе рабочихъ классовъ отъ избирательнаго права принципіально явилось несправедливостію. Благодаря этому исключенію, посредствомъ высокаго избирательнаго ценза, страна раскололась на два

класса: политически полноправное меньшинство и политически безправное большинство, — и меньшинство явилось политическою властью надъ массою народонаселенія.

Но этотъ упрекъ, для главныхъ государствъ Европы не имѣетъ уже мѣста или вовсе, или въ прежнемъ объемѣ. Во Франціи и Германіи восторжествовала система всеобщей подачи голосовъ. Въ Англіи, закономъ 1867 г., избирательное право чрезвычайно расширено, Италія находится наканунѣ всеобщаго голосованія. Поэтому преобладающее значеніе имѣютъ теперь вопросы экономическіе.

Объектомъ экономическаго движенія является трудъ рабочаго, поставленнаго въ извѣстныя отношенія къ предпринимателю или вообще къ хозяйственнымъ предпріятіямъ. Стало быть, рѣчь идетъ объ извѣстной массѣ лицъ, которыя могутъ предлагать на общественномъ рынкѣ только свой личный трудъ, слѣдовательно, не имѣютъ опоры въ собственномъ хозяйствѣ или въ собственномъ предпріятіи, но привлекаются къ чужому хозяйству и предпріятію, въ качествѣ одного изъ элементовъ производства. Какъ опредѣлить отношеніе этой массы къ другой массѣ, дающей ей занятіе? Мы видѣли, что, съ отвлеченной точки либеральной экономіи, это отношеніе опредѣлялось просто. Юридически, отношеніе между предпринимателемъ и рабочимъ опредѣлялось свободно заключеннымъ договоромъ. Экономически, трудъ рабочаго является товаромъ, предлагаемымъ на рынкѣ, въ общихъ экономическихъ условіяхъ спроса-предложенія и конкурренціи.

Но ежедневный опытъ и внимательный анализъ условій труда показалъ, что эти отношенія не такъ „просты“. Послѣ долголѣтняго изслѣдованія обнаружились нѣкоторые отличительные признаки этого „товара“, отдѣляющіе его отъ булокъ, „предлагаемыхъ“ хлѣбопекомъ, сукна, „предлагаемаго“ купцомъ, и т. д. Эти отличительные признаки могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ, практическое и историческое значеніе которыхъ мы увидимъ ниже.

1. Трудъ рабочаго не можетъ быть отдѣленъ отъ его личности, въ томъ смыслѣ, что размѣръ его труда (число

рабочихъ часовъ), условія труда (ночная работа, тѣсное помѣщеніе, дурная пища и т. д.) неотразимо вліяютъ на физическое, нравственное и умственное развитіе какъ самого рабочаго, такъ и его потомства. Безконтрольное „предложеніе труда“ можетъ привести къ тому результату, что въ государствѣ начнется вырожденіе цѣлыхъ классовъ народонаселенія (Брентано).

2. Трудъ рабочаго является единственнымъ средствомъ его существованія, а потому нуждается въ постоянномъ помѣщеніи. Трудъ, не „помѣщенный“ сегодня, пропадаетъ даромъ и не можетъ быть вознагражденъ ничѣмъ. Непомѣщенный рабочій день вычеркивается безслѣдно (Торнтонъ). Правда, трудъ раздѣляетъ это свойство съ нѣкоторыми другими „предметами“. Такъ, домохозяинъ, не сдавшій одну изъ квартиръ, терпитъ чистый убытокъ. Но свойство труда получаетъ особенное значеніе въ рабочемъ вопросѣ, именно въ предположеніи, что рабочій получаетъ средства къ жизни только отъ своего дневного труда.

3. Трудъ рабочаго поставленъ въ своеобразныя условія относительно опредѣленія способовъ его вознагражденія. Общее экономическое положеніе рабочаго видоизмѣняетъ фактическія условія формальной свободы опредѣленія размѣра платы за его трудъ и ставитъ его въ зависимость отъ многихъ внѣшнихъ фактовъ, имѣющихъ своимъ послѣдствіемъ низкій размѣръ задѣльной платы и ея колебаніе.

4. Трудъ привлекается къ производству въ качествѣ одного изъ элементовъ послѣдняго. Вся совокупность цѣнностей, вышедшихъ изъ извѣстнаго предпріятія, создана при его участіи. Отсюда самъ собою возникаетъ вопросъ о степени его участія въ прибыли предпріятія. Долженъ-ли онъ довольствоваться одною задѣльною платою, т.-е. вознагражденіемъ за извѣстное число механическихъ движеній при машинахъ, или требовать себѣ опредѣленной доли въ барышѣ? Вотъ, конечно, самый жгучій, самый трудный изъ вопросовъ современнаго рабочаго движенія. Вопросъ жгучій—потому что онъ подаетъ поводъ къ самымъ неумѣрен-

нымъ требованіямъ. Трудный—потому что выдѣлить изъ общаго барыша справедливую долю рабочаго затруднительно, и потому что съ нимъ связанъ вопросъ о предпринимательномъ рискѣ.

Таковы главные пункты рабочаго вопроса, которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, послужили мотивомъ къ сложнымъ явленіямъ и дѣйствіямъ въ практической жизни.

II.

Начала либеральнаго производства получили свое примѣненіе фактически раньше французской революціи — особенно въ Англіи. Замѣчательно, что новыя фабрики, въ современномъ смыслѣ этого слова, основывались внѣ городовъ и, во всякомъ случаѣ, внѣ городовъ, подчиненныхъ дѣйствіямъ старыхъ цеховыхъ уставовъ.

Это и не удивительно. Развитіе фабрично-машиннаго производства, требовавшаго бо̀льшаго количества рабочихъ рукъ и большей свободы отношеній предпринимателей къ рабочимъ, не могло имѣть мѣста въ старыхъ городахъ. Тамъ каждый предприниматель подчинялся строгимъ правиламъ устава, опредѣлявшимъ число учениковъ и подмастерьевъ, которое онъ могъ держать, и число рабочихъ часовъ, которымъ онъ могъ пользоваться; тамъ наемная плата опредѣлялась таксой, установляемой или городскимъ начальствомъ, какъ въ Германіи, или мировымъ судьей, какъ въ Англіи. Таксы эти были обыкновенно стѣснительны, какъ для предпринимателей, такъ и для рабочихъ. Иное дѣло — внѣ города. Здѣсь предпріимчивости данъ полный просторъ. Предприниматель властенъ привлекать къ себѣ неограниченное число рабочихъ и опредѣлять свои отношенія къ нимъ по свободному соглашенію. Дѣйствительно, крупные промышленные центры въ Англіи возникли по большей части изъ незначительныхъ поселковъ и выросли до громадныхъ размѣровъ по количеству промышленнаго люда. „Промышленность“ ждала отмѣны законовъ объ ученичествѣ (утверж-

денныхъ Елисаветою), чтобы распространить свои нравы повсемѣстно (1814 г.).

То же видимъ мы и во Франціи. „На востокѣ, сѣверѣ и въ центрѣ Франціи,—говоритъ Леруа-Болье, — имѣются значительныя аггломераціи, образовавшіяся вокругъ нѣсколькихъ большихъ установленій. Въ этихъ мѣстностяхъ буржуазія, такъ-сказать, отсутствуетъ. Нѣтъ ни трибуналовъ, ни должностныхъ лицъ, ни богатыхъ собственниковъ, ни старыхъ зажиточныхъ семействъ, которыя пріобрѣли бы себѣ неоспоримый авторитетъ своею честностью и вѣковымъ трудомъ. Тысячи рабочихъ, нѣсколько сотенъ мелкихъ торговцевъ, удовлетворяющихъ привычкамъ, часто непочтеннымъ, директоры и служебный персоналъ заводовъ—вотъ все, что заключаютъ въ себѣ эти новые города". Дѣйствительно „новый міръ!"

Новый міръ предполагаетъ и новыя явленія. Конечно, въ числѣ этихъ новостей должно назвать неимовѣрное развитіе промышленности и вывозной торговли, а слѣдовательно, и возвышеніе общей цифры національнаго богатства. Но рядомъ съ этимъ возникли и другія отношенія, породившія тревогу какъ въ промышленномъ мірѣ, такъ и въ цѣломъ государствѣ.

Трудъ сталъ стекаться въ новые центры въ большихъ размѣрахъ. Но способы пользованія этимъ трудомъ и отношенія его къ предпринимателямъ не были приведены въ ясность.

Во-первыхъ, въ трудовой массѣ, привлекаемой на фабрики, иногда не добровольно, оказалась значительная доля женскаго и дѣтскаго труда, а такъ какъ пользованіе трудомъ означаетъ въ то же время и пользованіе трудовою личностію, то „общество" скоро увидѣло какъ фабричный трудъ вообще дѣйствуетъ на дѣтей, а извѣстные виды этого труда—и на женщинъ. Общество увидѣло, какъ на этихъ фабрикахъ растутъ поколѣнія, притупляемыя механическимъ трудомъ, какъ разрушается здоровье молодыхъ существъ, какъ, „сростаясь" съ машинами, подобно тому, какъ Квазимодо сросся съ своимъ любимымъ колоколомъ на церкви

Парижской Богоматери, они растутъ безъ всякихъ понятій объ окружающемъ человѣка мірѣ. Оно увидѣло, какъ разрушается семейный бытъ рабочаго, когда вслѣдъ за нимъ пошла на фабричную работу его жена и мать его дѣтей, какъ надрывалось здоровье этой матери, рождавшей худосочныхъ дѣтей и бросавшей ихъ на произволъ судьбы, пока они или не умрутъ или не подростутъ для „фабричной“ работы, которая также заморитъ ихъ въ юномъ возрастѣ.

Не станемъ приводить здѣсь фактовъ, обрисовывающихъ положеніе этихъ двухъ видовъ труда. Они достаточно описаны и переописаны, чтобы намъ нужно было прерывать наше теоретическое изложеніе фактическими разсказами. Но характеристическая особенность этихъ „трудовъ“ состояла въ томъ, что къ нимъ не примѣнялся принципъ „свободнаго соглашенія“. Особенно это должно сказать относительно труда дѣтскаго. Первоначально дѣти какъ бы покупались англійскими фабрикантами у приходовъ, у коихъ они находились на попеченіи въ качествѣ „бѣдныхъ“. Потомъ „свободный договоръ“ вступилъ въ свои права, но онъ заключался, разумѣется, съ родителями, отдававшими своихъ дѣтей на фабрику. Ясно само собою, что женскій и дѣтскій трудъ могъ быть регулированъ только государственными законами, берущими подъ свое покровительство тѣхъ, кто не можетъ самъ оказать себѣ защиты и состоитъ подъ чужою властью.

Но и въ положеніи взрослыхъ рабочихъ имѣлись извѣстныя черныя точки, также требовавшія извѣстныхъ нормъ. Въ данномъ случаѣ опять не слѣдуетъ забывать, что пользованіе личнымъ трудомъ человѣка является неизбѣжно пользованіемъ самою его личностію; что, слѣдовательно, этимъ путемъ установляется извѣстная власть хозяина надъ рабочимъ и извѣстная зависимость послѣдняго отъ перваго. Этотъ простой и неизбѣжный фактъ влечетъ за собою много послѣдствій прямыхъ и косвенныхъ. Во-первыхъ, современный рабочій трудъ совершается на фабрикахъ, т.-е. въ извѣстныхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ. Ясно само собою, что рабочій долженъ провести опредѣленное число часовъ

въ опредѣленной атмосферѣ, дышать воздухомъ, составъ котораго отъ него не зависитъ, подвергаться дѣйствію вредныхъ испареній, что неизбѣжно въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, и т. д. Коротко говоря, жизнь и здоровье рабочаго поставляются въ зависимость отъ суммы извѣстныхъ гигіеническихъ условій на данной фабрикѣ, которой онъ предложилъ свой трудъ. Этого мало. При современныхъ условіяхъ труда, рабочій долженъ проводить всю жизнь свою при фабрикѣ, т.-е. не только работать въ фабричномъ помѣщеніи, но и свободное свое время, свою домашнюю жизнь устроить при заведеніи. Мы знаемъ, что большія фабричныя учрежденія устраивались, да и теперь устраиваются, внѣ городовъ, а потому жилье для рабочихъ устраивалось при этихъ мѣстахъ. Какъ будетъ помѣщенъ рабочій, и не только онъ самъ, но и его семья? Какимъ количествомъ воздуха будетъ онъ располагать, какое количество свѣта проникнетъ въ его покои, будетъ-ли его помѣщеніе сухо или оно сдѣлается гнѣздомъ лихорадокъ и тифовъ? — вопросы не безразличные, особенно послѣ того времени, какъ промышленные центры разрослись въ громадные города, а промышленность наводнила и города старые.

Что происходило въ этихъ „центрахъ промышленности“ до того времени, какъ англійское законодательство взялось за санитарную часть, свидѣтельствуетъ Леонъ Фоше. Въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ средняя продолжительность человѣческой жизни понизилась до 17-ти лѣтъ. Это обстоятельство находится въ тѣсной связи съ помѣщеніемъ рабочихъ. „Рабочіе живутъ въ тѣсныхъ дворахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ высокими зданіями, наполненными всякою нечистотою, гдѣ воздухъ, никогда не перемѣняющійся, зараженъ вредными испареніями; часто—въ подвалахъ. Подвалы эти такъ низки, что человѣкъ не можетъ въ нихъ стоять прямо; въ нихъ нѣтъ ни оконъ, ни половъ, такъ что здѣсь господствуютъ мракъ, сырость и зловоніе“.

Въ 1843 была учреждена королевская слѣдственная коммиссія для изученія этого вопроса. Она пришла къ слѣдующимъ неутѣшительнымъ результатамъ. „Города не пред-

ставляютъ хорошихъ санитарныхъ условій, ибо: 1-е, они не обладаютъ дренажами для осушенія домовъ и улицъ; 2-е, улицы, площади и проходы плохо вымощены; 3-е, нечистоты и вредные предметы не вычищаются; 4-е, вездѣ чувствуется недостатокъ хорошей воды; 5-е, дома устроены вообще дурно и не обладаютъ вентиляціею".

Вотъ новый рядъ „условій", не устранимыхъ безъ законодательнаго вмѣшательства. Затѣмъ рабочій, получающій задѣльную плату, можетъ быть поставленъ въ такія условія, что вознагражденіе это будетъ сведено къ ничтожнымъ размѣрамъ. Предположимъ, что хозяинъ принялъ на себя обязанность снабженія рабочихъ своей фабрики или своего завода разными предметами для ихъ домашняго обихода, и для этой цѣли открылъ лавку. Чего лучше? Но горькій опытъ показалъ, къ чему ведутъ подобныя предпріятія. Оказывается, что рабочіе обыкновенно обязаны обращаться къ хозяйской лавкѣ, не смѣя обращаться къ постороннимъ торговцамъ. Этимъ путемъ рабочіе „снабжаются" и худшимъ, и болѣе дорогимъ товаромъ къ явному ихъ ущербу. Сверхъ того, рабочіе, не имѣя наличныхъ денегъ, обыкновенно кредитуются въ хозяйской лавкѣ, а этотъ „кредитъ" приводитъ къ тому, что рабочіе, къ концу мѣсяца, не только ничего не получаютъ изъ своей задѣльной платы, но еще оказываются должными хозяину. Но „лавки" — невинное предпріятіе сравнительно съ „питейными заведеніями", открываемыми хозяевами. Здѣсь рабочіе спаиваются, спаиваются „въ кредитъ", оставляя Бахусу, въ видѣ хозяина, не только задѣльную плату, но и пожитки свои.

Этихъ примѣровъ достаточно для указанія той почвы, на которой должно было развиться и развилось государственное законодательство, касающееся положенія рабочаго класса. Во главѣ различныхъ законодательствъ находится, конечно, англійское. Здѣсь уже выработана опредѣленная система, съ извѣстными руководящими принципами. Именно, англійское законодательство полагаетъ различіе между трудомъ лицъ несамостоятельныхъ (дѣти, женщины) и тру-

домъ лицъ самостоятельныхъ и взрослыхъ. Первая категорія лицъ взята государствомъ подъ его непосредственную защиту. Интересы второй категоріи ограждаются мѣрами косвенными, устраняющими извѣстныя злоупотребленія.

Женскій и дѣтскій трудъ регламентированы закономъ. Опредѣленъ возрастъ, съ котораго дѣти могутъ быть отдаваемы на фабрику, опредѣлены роды работъ, на которыя не могутъ быть употребляемы дѣти и женщины, ограничено число рабочихъ часовъ, воспрещена ночная работа, приняты мѣры для доставленія элементарнаго образованія дѣтямъ школьнаго возраста, и т. д. Для интересовъ взрослыхъ рабочихъ служатъ: образцовое санитарное законодательство и воспрещеніе такихъ хозяйскихъ предпріятій, которыя открываютъ путь къ злоупотребленіямъ, приняты мѣры и для огражденія разсчетовъ рабочаго съ хозяиномъ.

Прочія европейскія законодательства, уступая англійскому, идутъ, однако, по той же дорогѣ, совершенствуясь съ каждымъ поколѣніемъ. Мѣры эти, встрѣченныя первоначально съ великимъ недовѣріемъ, какъ вторженіе въ сферу свободныхъ экономическихъ отношеній, получили теперь полное право гражданства. Ни одна европейская держава не можетъ себѣ представить промышленности безъ фабричнаго и заводскаго законодательства, безъ извѣстной совокупности нормъ, касающихся такихъ условій, гдѣ человѣкъ не можетъ быть предоставленъ самому себѣ, гдѣ провозглашеніе „личной свободы“ было бы насмѣшкою надъ человѣческимъ достоинствомъ, надъ обществомъ и надъ элементарными нравственными понятіями.

Но всѣ указанные вопросы суть только преддверіе къ болѣе жгучимъ пунктамъ рабочаго вопроса. Къ указанію на эти пункты мы теперь и переходимъ.

III.

Рабочій можетъ быть поставленъ въ сносныя гигіеническія условія, можетъ быть обезпеченъ отъ злоупотребленій патроновъ и пользоваться содѣйствіемъ государства для

воспитанія своихъ дѣтей и, не смотря на это, чувствовать всю необезпеченность своего положенія. Его средства существованія обезпечиваются единственно задѣльною платою. Надъ этимъ простымъ элементомъ умъ рабочаго трудится съ такимъ же вниманіемъ, какъ трудъ дипломата надъ рѣшеніемъ сложнаго политическаго вопроса. Въ дѣйствительности, это простое, повидимому, явленіе — задѣльная плата — содержитъ въ себѣ много затруднительныхъ пунктовъ.

Рабочій вознаграждается задѣльною платою потому, что онъ, какъ говорятъ, не участвуетъ въ предпріятіи съ его рискомъ, а приглашается къ исполненію извѣстныхъ механическихъ операцій надъ сырьемъ, при помощи машинъ, находящихся въ распоряженіи предпринимателя. Стало быть, онъ вознаграждается за механическую работу, производимую имъ въ теченіе опредѣленнаго числа часовъ. Остановимся пока на этомъ положеніи и разсмотримъ его послѣдствія.

Задѣльная плата есть опредѣленная и постоянная величина вознагражденія, за которое рабочій можетъ помѣщать свой трудъ. Но, во-первыхъ, возможность помѣщенія труда не обезпечивается и не можетъ быть обезпечена рабочему. Тутъ необходимо указать на полную несостоятельность того „права на трудъ“, которое такъ шумно было провозглашено въ 1848 году, съ учрежденіемъ пресловутыхъ „національныхъ мастерскихъ“. Предполагая, что государство обратило всѣ существующія фабрики въ „національныя мастерскія“ или что оно, выгнавъ настоящихъ ихъ владѣльцевъ, отдало ихъ въ распоряженіе рабочихъ, мы нисколько не разрѣшимъ вопроса. Ни одна страна не можетъ занять бо́льшаго количества рабочихъ рукъ, чѣмъ этого требуютъ потребности ея производства, т.-е. возможность сбыта ея продуктовъ. Искусственное увеличеніе размѣровъ производства, съ цѣлью занятія наибольшаго количества рабочихъ рукъ, приведетъ къ излишку производства, т.-е. къ работѣ въ ничью, къ непроизводительному — вознаграждаемому, однако, изъ общественнаго дос

Какая-же страна въ мірѣ выдержитъ не производительное производство съ обязательнымъ вознагражденіемъ труда?

За всѣмъ тѣмъ вопросъ о непомѣщенномъ трудѣ имѣетъ чрезвычайное значеніе какъ для рабочаго класса, такъ и для всего государства. Непомѣщенный трудъ — это прежде всего лишенія, потомъ нужда, наконецъ, нищета цѣлыхъ массъ. Непомѣщенный трудъ ничѣмъ не можетъ быть вознагражденъ. Если я, получая средства къ существованію отъ своего дневного труда, вознаграждаемаго задѣльною платой, остался безъ работы сегодня, то я не вознагражу себя тѣмъ, что получу ее завтра. День пропалъ и я долженъ покрыть вчерашнія издержки сегодняшнимъ заработкомъ, т.-е. раздѣлить свою дневную плату на два дня. Но „непомѣщеніе“ можетъ продолжаться и дольше. Я могу, по болѣзни или по другимъ причинамъ, просидѣть безъ работы нѣсколько недѣль. Тогда мое существованіе можетъ быть обезпечено или предшествующими сбереженіями, если они есть, или чужою помощью, если ихъ нѣтъ. Возможность-же сбереженій зависитъ прежде всего отъ того, какая доля задѣльной платы можетъ быть отдѣлена отъ издержекъ, необходимыхъ для дневнаго пропитанія, слѣдовательно, прежде всего, отъ высоты задѣльной платы, получаемой рабочимъ въ то время, когда его трудъ „помѣщенъ“ *).

Отъ труда непомѣщеннаго, мы переходимъ, слѣдовательно, къ условіямъ труда помѣщеннаго. Чѣмъ опредѣляется размѣръ задѣльной платы, вознаграждающей помѣщенный трудъ? Съ формальной точки зрѣнія — свободнымъ соглашеніемъ предпринимателя съ рабочимъ. Но „свободное соглашеніе“ характеризуетъ только послѣдній актъ сдѣлки, форму, при которой оно получаетъ юридическій характеръ. Сказать, что отношенія между людьми опредѣляются договоромъ, значитъ опредѣлить, при какихъ условіяхъ сдѣлка считается законною, съ формально-юридической точки

*) Мы не останавливаемся здѣсь на помощи, оказываемой неимущимъ отъ государства (общественное призрѣніе). Здѣсь идетъ рѣчь объ условіяхъ самостоятельнаго дѣйствія рабочихъ классовъ. Государство выступаетъ только въ случаяхъ совершенной безпомощности лица, постоянной или временной.

зрѣнія. Но терминомъ „свободное соглашеніе“ нисколько не характеризуется фактическій процессъ возникновенія договора, а этотъ процессъ можетъ въ значительной мѣрѣ ограничить значеніе свободнаго соглашенія. Такъ, одна изъ договаривающихся сторонъ можетъ быть фактически поставлена въ возможность предписывать свои условія, а другая, по своему положенію, должна ихъ принять, за неимѣніемъ другого выбора. Такимъ образомъ это фактически несвободное соглашеніе облечется въ форму свободнаго договора.

Нечего говорить, что въ первое время свободы промышленности размѣръ задѣльной платы опредѣлялся одностороннею волею предпринимателя, и въ рабочей средѣ возникали сожалѣнія о томъ времени, когда трудъ вознаграждался по таксѣ, установленной мѣстными властями.

Наконецъ, трудъ помѣщенъ, и рабочій можетъ разсчитывать на задѣльную плату. Обезпечено-ли его положеніе, даже если оставить въ сторонѣ случайныя несчастія, какъ, напримѣръ, болѣзнь? Оно было-бы обезпечено при извѣстной устойчивости предпріятія, при извѣстной правильности веденія дѣла, дающей возможность предусматривать вѣроятные его результаты. Но кто можетъ сказать, что эти условія дѣйствительно существуютъ и, въ особенности, существовали въ золотые годы промышленной свободы?

Предпріятія возникали въ неограниченномъ размѣрѣ, подгоняемыя духомъ спекуляціи, безъ серьезнаго разсчета, и лопались какъ мыльные пузыри; иногда предпріятія задумывались въ слишкомъ широкомъ размѣрѣ и предприниматель вынуждался къ „сокращенію“ производства; иногда онъ вовсе оставлялъ предпріятіе, какъ невыгодное, или прекращалъ его, желая отдохнуть отъ трудовъ. Легко понять, что всякое сокращенное, прекращенное или лопнувшее предпріятіе оставляло за собой тысячи рабочихъ рукъ, лишенныхъ труда. Въ 1875 году, напримѣръ, извѣстный заводъ Крупна, дававшій до тѣхъ поръ работу 16,000 рабочихъ, сократилъ свое производство и далъ отставку 8,000 лицъ. Кромѣ этихъ случаевъ, когда часть рабочихъ совер-

шенно остается безъ дѣла, можно указать на рядъ другихъ, когда предприниматель вынужденъ прибѣгнуть къ уменьшенію задѣльной платы. Предприниматель запутывается въ дѣлахъ, не можетъ свести концовъ съ концами — онъ долженъ уменьшить задѣльную плату; внѣшнія обстоятельства ограничиваютъ сбытъ произведеній, въ странѣ оказывается излишекъ продуктовъ — новое уменьшеніе задѣльной платы; неурожай или другія обстоятельства повышаютъ цѣну на сырье и это повышеніе отзывается на той-же задѣльной платѣ.

Итакъ, прекращеніе работы или колебанія задѣльной платы — таковы двѣ опасности, постоянно грозящія „помѣщенному“ труду. Легко также замѣтить, что, во всѣхъ этихъ случаяхъ, рабочій, не принимая участія въ предпріятіи и не имѣя надъ нимъ никакого контроля, не можетъ предусмотрѣть опасности, а тѣмъ болѣе предупредить ее. Какъ снѣгъ на голову, являются эти банкротства, эти прекращенія и сокращенія производства, это „несведеніе концовъ съ концами“, это возвышеніе цѣнъ на сырье и т. д. Всѣ эти казусы въ промышленномъ мірѣ имѣютъ характеръ какихъ-то физическихъ бѣдствій, въ родѣ наводненія, градобитія и т. п.

Здѣсь мы приходимъ къ другому вопросу, имѣющему нѣкоторую связь съ предыдущимъ, именно къ вопросу о степени участія рабочихъ въ производствѣ и ихъ правѣ на участіе въ прибыли отъ предпріятія. Мы видѣли, что задѣльная плата, какъ форма вознагражденія рабочаго труда, установилась въ слѣдующемъ предположеніи: рабочій избавленъ и долженъ быть избавленъ отъ предпринимательнаго риска, а потому долженъ получать постоянное и опредѣленное вознагражденіе. Съ этой точки зрѣнія, задѣльная плата является прямымъ послѣдствіемъ раздѣленія труда въ области производства. Три элемента дѣйствуютъ во всякомъ предпріятіи: капиталъ, умственный трудъ, руководящій предпріятіемъ, и трудъ физическій. Эти три элемента могутъ быть соединены, и въ эпоху мелкой промышленности соединялись въ одномъ лицѣ. Мелкій промышленникъ,

на свои сбереженія, основывалъ предпріятіе, самъ велъ его, и самъ представлялъ весь физическій трудъ предпріятія (обыкновенно съ своею семью).

Но въ наше время крупныхъ предпріятій, товариществъ и акціонерныхъ компаній, „три элемента“ раздѣлились, и каждый изъ нихъ играетъ свою роль въ производствѣ. Въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, основанныхъ акціонерными компаніями, различаются: капиталисты, вложившіе въ предпріятіе свой капиталъ, дирекція предпріятія и физическіе работники. Конечно, соединеніе капиталиста и предпринимателя (умственный трудъ) дѣло обыкновенное. Только физическій трудъ отдѣленъ отъ другихъ элементовъ рѣзкою гранью. Соотношеніе ихъ относительно участія въ прибыли опредѣляется, повидимому, чисто и ясно участіемъ въ рискѣ.

Капиталистъ-предприниматель, вкладывая въ предпріятіе свой капиталъ, участвуетъ въ рискѣ и имѣетъ, слѣдовательно, право на прибыль. Рабочій, ограничивающійся механическими операціями и участвующій въ предпріятіи только этими операціями, не рискуетъ. Худо или хорошо пойдетъ предпріятіе, получитъ-ли предприниматель свою прибыль или понесетъ убытки, рабочій, все равно, получитъ свою задѣльную плату. Не неся риска, онъ не имѣетъ права и на прибыль.

Это разсужденіе вѣрно только въ одномъ отношеніи. Именно, вознагражденіе рабочаго, какъ физическаго работника, за его механическій трудъ, должно быть опредѣленно и постоянно [1]). Со стороны самихъ рабочихъ было бы величайшимъ неразумiемъ связать судьбу этого

[1]) См. развитіе этой темы у Леруа-Больё, La question ouvrière au XIX Siècle, P. 1872 г., стр. 173 и слѣд. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что сама задѣльная плата не только способна къ видоизмѣненіямъ, но и видоизмѣняется въ современныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Именно, въ массѣ предпріятій она опредѣляется не общимъ количествомъ рабочихъ часовъ, а поштучно, что значительно возвышаетъ ея размѣръ, поощряя дѣятельность рабочаго. Кромѣ того, въ современныхъ фабрикахъ выработалась система премій или прогрессивной задѣльной платы. Но во всѣхъ этихъ системахъ вознагражденіе рабочаго остается постояннымъ, т.-е. рабочій получаетъ и плату и премію независимо отъ прибыли или убытка предпріятія.

[illegible] съ рискомъ предпріятія. Но изъ этого [illegible] рабочіе не несли на себѣ риска пред- [illegible] никакого права на прибыль.

[illegible] до какой степени судьба рабочаго связана [illegible] предпріятія, до какой степени на задѣльной [illegible] всѣ судьбы промышленности со всѣми ея [illegible] рабочій терпитъ отъ дурного веденія дѣлъ [illegible] слишкомъ „спекулятивнаго“ предпріятія, [illegible] обращенія или частнаго прекращенія произ- [illegible] не знаемъ, какого еще участія „въ рискѣ“ [illegible] человѣка. Связывая свою судьбу съ предпрія- [illegible] такъ же „рискуетъ“, какъ и другіе элементы [illegible]

[illegible] при всей наглядности раздѣленія трехъ выше- [illegible] элементовъ производства, никакъ нельзя ска- [illegible] только нѣкоторые изъ нихъ рождали то, что [illegible] прибылью отъ предпріятія. Производитель- [illegible] фабрики или завода зависитъ, конечно, отъ того, [illegible] мѣрѣ она будетъ снабжена всѣми орудіями про- [illegible], въ какой степени она будетъ обезпечена свое- [illegible] и выгодно закупленнымъ сырьемъ, насколько обра- [illegible] сырья будетъ правильно распредѣлена между рабо- [illegible] силами, насколько оборотный капиталъ заведенія бу- [illegible] расходоваться разумно и производительно. Нѣтъ ника- [illegible] сомнѣнія, что сила капитала и предпринимательское [illegible] руководство создаютъ возможность прибыли. Но не соз- [illegible] дается-ли она также и дѣятельностію рабочаго, умѣло обра- [illegible] щающагося съ машинами, дающаго возможность экономи- [illegible] зировать расходы на топливо и на другіе текущіе расходы, [illegible] не задерживающаго правильнаго теченія и обмѣна всѣхъ [illegible] рабочихъ операцій, а потому экономизирующаго время, [illegible] обезпечивающаго возможность срочнаго исполненія заказовъ [illegible] своевременнаго сбыта продуктовъ?

Вотъ почему вознагражденіе рабочаго не можетъ быть [illegible] сматриваемо только какъ вознагражденіе извѣстной сово- [illegible] сти исключительно „механическихъ операцій“. Напро- [illegible] въ этихъ механическихъ операціяхъ имѣется громад-

ная доля чисто нравственныхъ и умственныхъ качествъ, требующихся отъ работника, чтобы промышленное дѣло шло хорошо. Честность, трезвость, прилежаніе, разсудительность, точность — все это требуется для того, чтобы машины не портились или не стояли даромъ, чтобы рабочіе, занятые одною операціей, не ждали другихъ, чтобы каменный уголь или дрова не жглись по-пусту, чтобы сырье какъ слѣдуетъ обращалось въ продуктъ и своевременно поступало въ продажу. И все это, вмѣстѣ взятое, на ряду съ силою капитала и руководящимъ трудомъ предпринимателя, создаетъ прибыль.

Истина эта до такой степени очевидна, что въ современномъ предпринимательскомъ мірѣ возникло и укрѣпилось движеніе, имѣющее въ виду дать рабочимъ извѣстное участіе въ прибыли. Именно, предприниматели сказали себѣ, что они не желаютъ имѣть дѣла съ рабочими, какъ съ физическою только силою, безучастно относящеюся къ предпріятію. Напротивъ, они захотѣли привязать рабочую силу къ предпріятію, вызвать въ ней ту энергію, ту умственную работу, тѣ нравственныя силы, которыя однѣ способны дать предпріятію настоящую производительность. Такимъ побудительнымъ средствомъ и явилось участіе въ прибыли (независимо отъ задѣльной платы), въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, не приведенныхъ еще къ одной общей системѣ. Вообще эти формы могутъ быть подведены, какъ это дѣлаетъ Бёмертъ [1]), подъ двѣ главныя категоріи: участіе въ прибыли съ участіемъ въ предпріятіи [2]) и участіе въ прибыли безъ участія въ предпріятіи [3]).

---

[1]) Die Gewinnbetheiligung, 1878 года. Спеціальное и основательное изслѣдованіе этого труднаго вопроса. Ср. также Леруа-Больё, тамъ же. Послѣдній экономистъ является, впрочемъ, противникомъ участія въ прибыли.

[2]) Такова система, принятая на каменноугольныхъ копяхъ гг. Бриггсовъ въ Англіи, на латунномъ заводѣ б. Борхерта въ Берлинѣ, на машинной фабрикѣ Моллеровъ въ Вестфаліи и т. д.

[3]) Послѣдняя система, имѣющая много разнообразныхъ формъ, служитъ къ возвышенію платы, получаемой рабочимъ. Изъ множества примѣровъ возьмемъ одинъ — систему, принятую на фортепіанной фабрикѣ Борда въ Г

Таковы главные движущіе мотивы рабочаго вопроса. Его можно выразить въ двухъ словахъ: обезпеченіе своего существованія въ настоящемъ и улучшеніе своего положенія въ будущемъ при помощи видоизмѣненія существовавшихъ отношеній рабочаго класса къ предпринимателямъ. Исходною точкою явился вопросъ о задѣльной платѣ, конечною цѣлью—участіе въ предпріятіи и его прибыляхъ. Правильная постановка вопроса о задѣльной платѣ, какъ средство обезпеченія физическаго работника въ его существованіи; участіе въ прибыли и въ предпріятіи, какъ средство возвышенія рабочаго класса надъ настоящимъ его уровнемъ, обращеніе „физическихъ“ рабочихъ въ самостоятельный экономическій классъ съ обезпеченною будущностью, съ возможностію нравственнаго и умственнаго совершенствованія—вотъ предѣлы, въ которыхъ вращается рабочее движеніе, принимая самыя разнообразныя формы, возбуждая надежды, опасенія, сочувствіе и отвращеніе, то поражая правильностію своего развитія, то угрожая страшнымъ революціоннымъ взрывомъ.

Мы видѣли, что часть вопросовъ, возбужденныхъ положеніемъ рабочаго класса, подпала разрѣшенію законодательной власти. Но прочіе вопросы вызвали движеніе самаго рабочаго класса, были поводомъ къ образованію рабочихъ ассоціацій, принимавшихъ различныя формы и преслѣдовавшихъ разнообразныя цѣли.

Когда мы произносимъ слово: ассоціація рабочихъ, въ умѣ многихъ читателей рождается представленіе о противозаконномъ сообществѣ, о нѣкоторомъ грозномъ военномъ средствѣ рабочаго класса противъ предпринимателей. Само законодательство западно-европейскихъ державъ долгое время смотрѣло на такія ассоціаціи съ этой точки зрѣнія, вос-

---

1865 г. рабочіе были допущены къ участію въ прибыли и вознагражденіе ихъ возвысилось въ процентахъ:

1865—10%	1869—13%	1873—20%
1866—17 »	1870—15 »	1874—22 »
1867—13 »	1871—15 »	1875—20 »
1868—20 »	1872—20 »	1876—17 »

прещая ихъ подъ страхомъ наказанія. Кромѣ того, извѣстные виды ассоціацій дѣйствительно были военнымъ средствомъ противъ предпринимателей. Такова, между прочимъ, дѣятельность англійскихъ ассоціацій, извѣстныхъ подъ именемъ trades-unions. Эта дѣятельность находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о способахъ опредѣленія размѣра задѣльной платы и количествѣ рабочихъ часовъ.

Послѣ отмѣны старыхъ ремесленныхъ законовъ, установленіе нормъ задѣльной платы сдѣлалось предметомъ „свободнаго соглашенія“. Но фактически оно сосредоточилось въ рукахъ предпринимателей, благодаря ихъ матеріальной обезпеченности и зависимому положенію каждаго отдѣльнаго рабочаго. Отсюда возникло стремленіе найти для рабочаго точку опоры для всѣхъ его соглашеній съ предпринимателемъ. Такою точкою опоры явились союзы, какъ средство коллективнаго воздѣйствія на хозяевъ ради возвышенія задѣльной платы и уменьшенія числа рабочихъ часовъ. Орудіемъ борьбы явились такъ-называемыя забастовки, т.-е. коллективные отказы отъ работы до тѣхъ поръ, пока хозяева не согласятся исполнить требованія рабочихъ. Но забастовка могла быть дѣйствительнымъ орудіемъ только при томъ условіи, чтобы союзъ располагалъ средствами содержать рабочихъ во все время „прекращенія работъ“. Средства эти составлялись изъ взносовъ, дѣлаемыхъ рабочими въ союзную кассу. Но не всегда средства отдѣльнаго союза были достаточны для подобной цѣли. Это вынуждало союзы вступать въ соглашеніе между собою, ассоціація росла, рабочіе каждой отрасли производства сплачивались въ одну армію, отдѣльные корпусы которой поддерживали другъ друга въ промышленной битвѣ. Забастовки назначались и производились по указанію центральнаго или областного совѣта, какъ назначаются сраженія по планамъ главной квартиры или начальника отдѣльной части. Гдѣ нужнѣе поразить врага? Какая мѣстность имѣетъ болѣе важное стратегическое значеніе? Изъ какой битвы можно извлечь наибольшую выгоду для „комбаттантовъ?“ Эти тактическіе и стратегическіе вопросы разрѣшались

...данному сигналу забастовка начиналась ... сопровождаясь нерѣдко насильственными ... противозаконными угрозами.

...ства первой половины XIX столѣтія отно... постановленію сообществъ, имѣвшихъ цѣлію возвы... платы и уменьшеніе числа рабочихъ ча... къ преступкамъ, подлежавшимъ наказанію. Воспре... сообществъ (coalitions), особенно если они сопровож... стачками и забастовками (grèves), продержались осо... на континентѣ Европы. Въ Англіи, карательные законы по этому предмету были отмѣнены еще въ ... г., и съ тѣхъ поръ англійское законодательство раз... въ иномъ смыслѣ. Принципы, усвоенные этимъ за... ствомъ, состоятъ въ томъ, что сообщества дозво... какъ рабочимъ, такъ и предпринимателямъ, съ ... возвышенія или пониженія задѣльной платы, съ тѣмъ, ... они не сопровождались никакими насильственными ... и угрозами. Эти принципы воспроизведены въ ... французскомъ (1864), въ германскомъ промысло... уставѣ (1869) и въ австрійскомъ законѣ (1870).

Но законодательства признали эти „сообщества“ уже ... когда цѣли ассоціацій расширились, формы ихъ сдѣ... разнообразнѣе и польза „военныхъ средствъ“ под... сильному сомнѣнію въ средѣ самихъ рабочихъ ... классовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое забастовки рабочихъ ... противозабастовки хозяевъ? Средство заставить подчи... требованіямъ одной изъ сторонъ подъ угрозой раз... ренія или даже голодной смерти. Въ иныхъ случаяхъ ра... чіе одолѣвали хозяевъ, въ другихъ — хозяева рабочихъ, ... каждая изъ забастовокъ стоила страшно дорого и осо... для рабочихъ. Вотъ почему съ расширѣніемъ цѣлей ... ассоціацій и образованія значительныхъ капиталовъ, кото... располагаютъ теперь союзы, послѣдніе прибѣгаютъ ... забастовкамъ какъ къ крайнему и всегда опасному сред... Они не хотятъ рисковать своимъ достояніемъ для до... ...мнительныхъ результатовъ. Забастовки — един... ...янное средство зарождавшихся рабочихъ

ассоціацій и союзовъ — переходятъ въ область крайнихъ мѣръ въ средѣ ассоціацій развившихся.

Развитая система ассоціацій имѣетъ въ виду не частную побѣду надъ нѣсколькими фабрикантами, которая обыкновенно дорого стóитъ самому побѣдителю, а улучшеніе общихъ условій положенія рабочихъ. Мало того. Хотя рабочіе союзы имѣютъ своею исходною точкой экономическія цѣли рабочаго класса, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи они теряютъ характеръ чисто-экономическихъ ассоціацій. Интересы, связывающіе членовъ ассоціаціи, и цѣли, которыя они преслѣдуютъ, такъ разнообразны, въ такой мѣрѣ касаются всѣхъ сторонъ человѣческой жизни, что въ нихъ нельзя не видѣть зародыша новой организаціи общества, раздробленнаго индивидуалистическимъ либерализмомъ въ порошокъ, въ которомъ роль порошинокъ играла отдѣльная человѣческая личность, безъ всякой точки опоры въ организованной общественной силѣ. Современная ассоціація открываетъ рабочему возможность помѣщенія своихъ сбереженій, приходитъ къ нему на помощь въ случаѣ болѣзни или старости, принимаетъ мѣры къ отысканію ему работы, если онъ ея не имѣетъ или лишился, изыскиваетъ способы къ удешевленію средствъ къ жизни, устраиваетъ сравнительно дешевыя и удобныя помѣщенія, трудится надъ постепеннымъ соединеніемъ предпринимательскаго и рабочаго элемента въ производительныхъ ассоціаціяхъ, направляетъ свои усилія къ умственному развитію и къ поднятію нравственнаго уровня рабочихъ массъ. Организація обществъ трезвости, народныхъ читаленъ, устройство чтеній по математикѣ, механикѣ, политической экономіи, къ которымъ приглашаются лучшіе профессора страны, попеченіе объ элементарномъ образованіи дѣтей — таковы цѣли, осуществляемыя теперь на средства рабочихъ классовъ, составившіеся изъ ихъ взносовъ и сбереженій, и на этой почвѣ они встрѣчаются какъ съ дѣятельностію государства, такъ и съ заботами лучшихъ изъ предпринимателей и капиталистовъ. Попеченія, повторяемъ, направились теперь не на одну сторону экономическихъ отношеній, а н[illegible]

ловѣка, съ его экономическими и духовными потребностями. Въ этомъ смыслѣ Брентано назвалъ современныя ассоціаціи „рабочими гильдіями“, т.-е. воспроизведеніемъ старыхъ корпорацій, но на болѣе широкихъ основаніяхъ.

Поэтому совокупность всѣхъ усилій направляется теперь не только къ тому, чтобы охранить, такъ-сказать, извѣстный уровень благосостоянія рабочихъ классовъ, но и къ тому, чтобы открыть рабочему возможность возвышенія надъ этимъ уровнемъ возможность приближенія къ другимъ классамъ общества. Если бы эти усилія и мѣры были направлены только къ гарантированію „задѣльной платы“, то рабочій классъ остался бы классомъ навсегда отдѣленнымъ отъ прочихъ слоевъ и экономически, и умственно.

Но когда рѣчь заходитъ объ участіи труда въ прибыли, то здѣсь видно уже стремленіе стереть черту, раздѣляющую предпринимателя отъ рабочаго, стремленіе къ сліянію различныхъ элементовъ предпріятія и возвышенію труда надъ современною его ролью. Когда затѣмъ умъ рабочаго просвѣщается, нравственное сознаніе его возвышается, духовныя стремленія поддерживаются и питаются, то въ этомъ нельзя не видѣть стремленія сдѣлать изъ рабочихъ классовъ культурную силу, отличную отъ той „стихіи“, какою явились рабочіе въ XIX вѣкѣ.

Благодаря бо́льшей организаціи, большимъ матеріальнымъ средствамъ союзовъ, высшему умственному и нравственному уровню рабочихъ, наконецъ, бо́льшей свободѣ всякихъ сообществъ, открывается возможность мирнаго соглашенія между двумя сторонами, не знавшими прежде никакихъ средствъ, кромѣ забастовокъ и контръ-забастовокъ, съ насиліями, угрозами, кордонами, съ ломаньемъ машинъ, похищеніемъ инструментовъ, даже съ увѣчьями и убійствомъ. Теперь, въ прежней классической странѣ забастовокъ, въ Англіи, нельзя скомандовать стачку по усмотрѣнію и безъ объясненія мотивовъ. Морализированный рабочій чувствуетъ, что его „военныя мѣры“ нуждаются въ оправданіи предъ великою нравственною силою, которую онъ выучился понимать и уважать—предъ общественнымъ мнѣніемъ. По-

слѣднее, благодаря бо́льшей свободѣ ассоціацій и гласности ихъ дѣйствій, получило возможность зорко слѣдить за всѣми важными явленіями промышленнаго міра. Каждая стачка и вызвавшіе ее мотивы подробно обсуждаются въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ; общественное мнѣніе произноситъ свой судъ надъ требованіями и дѣйствіями заинтересованныхъ сторонъ, и нерѣдко неправая сторона принуждена бываетъ или уступить или умѣрить свои требованія.

Кромѣ того, сама практика выработала серьезныя средства для мирнаго разрѣшенія недоразумѣній, между предпринимателями и рабочими. Таково давнее уже учрежденіе французскихъ прюдомовъ (Conseils de Prud'hommes), нашедшихъ себѣ подражаніе и въ другихъ странахъ, и воспроизведенныхъ, mutatis mutandis, въ посредническихъ палатахъ Мунделлы и Кетля, въ англійскомъ законѣ 15-го августа 1867 года и т. д.

Конечно, всѣ эти усилія и мѣры еще далеки отъ предположенной цѣли. Но мы и не думаемъ, чтобы рабочій вопросъ могъ быть разрѣшенъ однимъ взмахомъ и однообразнымъ порядкомъ. Условія каждой отрасли производства до такой степени различны, нравы, привычки и требованія каждаго отдѣла промышленнаго населенія такъ разнообразны, даже каждая отдѣльная фабрика или заводъ представляетъ столько индивидуальныхъ особенностей,—что подчинить всю эту пеструю массу „общему регламенту“ было бы предпріятіемъ рискованнымъ. Даже теперь, когда системы прогрессивной задѣльной платы и участія въ прибыли только зарождаются, когда онѣ примѣняются въ сравнительно небольшомъ числѣ предпріятій, формы ихъ весьма разнообразны и никто не рѣшится сказать — которая изъ нихъ лучше. Только послѣ долгаго опыта, необходимаго въ такомъ чисто практическомъ дѣлѣ, могутъ выработаться общіе типы, пригодные для отдѣльныхъ отраслей промышленности, но не для всей промышленности, въ общемъ ея объемѣ. Только время можетъ привести къ тому, что новыя формы, являющіяся пока исключеніями, сдѣлаются

общимъ правиломъ, и никакая сила не можетъ убѣдить людей, что такой-то планъ есть единственно вѣрное средство отъ всѣхъ золъ.

Мы можемъ сказать только, что, съ точки зрѣнія указанныхъ выше фактовъ и отношеній, западная Европа переживаетъ процессъ преобразованія, и въ этомъ смыслѣ рабочее движеніе не можетъ быть названо болѣзнью нашего вѣка, а является симптомомъ здороваго и развивающагося организма. Нѣтъ сомнѣнія также, что соціалистическія ученія играли свою роль въ этомъ процессѣ, въ качествѣ научной системы, служившей противовѣсомъ „манчестерской" экономіи. Но органическій процессъ получаетъ совершенно иной видъ, если мы предположимъ, что въ основаніе новаго общественнаго устройства будутъ положены исключительно принципы, выработанные соціализмомъ, къ чему именно и стремится соціальная революція. Къ разсмотрѣнію этого движенія мы обратимся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

Рабочій вопросъ есть практическая задача, надъ рѣшеніемъ которой работаютъ люди различныхъ партій и которая открываетъ возможность различныхъ способовъ ея рѣшенія.

Въ прошлой главѣ мы старались показать, что въ европейскомъ обществѣ и въ массѣ рабочихъ классовъ содержится много условій для рѣшенія этого вопроса путемъ новой организаціи рабочихъ классовъ, оставшихся въ атомистическомъ и безпомощномъ состояніи въ концѣ XVIII вѣка. Теперь намъ предстоитъ говорить о другомъ способѣ

„немедленнаго и радикальнаго“ рѣшенія этого вопроса, именно о соціальной революціи.

Можетъ быть, Европѣ вообще и Германіи въ частности фактически и предстоитъ пройти чрезъ подобное испытаніе. Но это не исключаетъ вопроса о степени пригодности такого пути.

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны составить себѣ ясное понятіе о свойствахъ революціонныхъ движеній вообще. Существеннымъ признакомъ революціи считается насильственное ниспроверженіе существующаго порядка. Но насиліе есть только послѣдствіе и орудіе революціоннаго движенія. Существо дѣла лежитъ именно въ цѣляхъ революціонной партіи; этимъ революція отличается отъ реформы, а не тѣмъ, что реформа совершается „мирно“, а революція съ насиліемъ и рѣзней.

Для уясненія этого качества цѣлей революціоннаго движенія, необходимо принять въ разсчетъ слѣдующія соображенія. Каждая форма общества представляетъ извѣстный рядъ учрежденій, выражающихъ интересы и идеи, такъ сказать, общечеловѣческія или присущія цѣлому кругу культурныхъ народовъ; другой рядъ учрежденій выражаетъ идеи, присущія данному народу, т.-е. выработанныя его исторіей и вошедшія въ его плоть и кровь. Наконецъ, третій рядъ установленій удовлетворяетъ потребностямъ даннаго времени, живетъ и отживаетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Несовершенства установленій каждой эпохи зависятъ оттого, что они невѣрно выражаютъ общія культурныя идеи, пониманіе которыхъ расширяется съ каждымъ поколѣніемъ, неполно выражаютъ національныя стремленія и, наконецъ, въ томъ, что учрежденія, составляющія ея особенность, отживаютъ свой вѣкъ. Поэтому, преобразованіе можетъ коснуться всѣхъ учрежденій, но въ различной степени и разнымъ способомъ. Реформа преобразуетъ учрежденія общечеловѣческія, не только не изгоняя живущихъ въ нихъ общихъ идей, но давая послѣднимъ болѣе широкое и осмысленное выраженіе; она преобразуетъ особенныя [illegible]чія своей народности, не только не отрекаясь о[illegible]

воплощая традиціонныя идеи въ новомъ фазисѣ ихъ развитія. Наконецъ, она отмѣняетъ явно отжившія установленія данной эпохи. Съ этой точки зрѣнія, нѣкоторыя движенія, по формѣ своей революціонныя, по существу были преобразовательными. Таковы политическія движенія въ Англіи. Страна эта пережила много внутреннихъ бурь, но никогда она не отрекалась ни отъ основаній общеевропейской культуры, ни отъ исходныхъ точекъ своего національнаго развитія. Но за то она умѣла во время отмѣнить хлѣбные законы и измѣнить отжившую систему народнаго представительства.

Революціонныя движенія отличаются именно тѣмъ, что они исходятъ изъ міросозерцанія, начала котораго діаметрально противоположны не только принципамъ существующаго порядка, но и всей совокупности идей, воплотившихся въ учрежденіяхъ страны. Почему у революціонеровъ складывается такое міросозерцаніе—довольно понятно. Недовольство видимымъ выраженіемъ извѣстныхъ идей, недовольство, доходящее при извѣстныхъ условіяхъ до фанатизма, заставляетъ ихъ переносить свою ненависть съ „выраженія“ на самую идею, утверждать, что эта идея и неспособна породить ничего, кромѣ такого-то ненавистнаго учрежденія. Французскіе атеисты XVIII столѣтія серьезно полагали, что христіанство ничего не способно породить кромѣ развращеннаго духовенства, инквизиціи, духовной цензуры и отупленія массъ. Революція декретировала уничтоженіе христіанской религіи и установила культъ Разума. Но христіанинъ, взросшій и окрѣпшій въ теченіе вѣковъ, не могъ быть уничтоженъ декретомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, папа Пій VII, прибывшій въ Парижъ для коронаціи Наполеона I, былъ встрѣченъ колѣнопреклоннымъ народомъ...

„Пій VII,—говоритъ Тьеръ,—нѣсколько разъ показывался на тюльерійскомъ балконѣ, сопровождаемый всякій разъ Наполеономъ, привѣтствуемый громкими кликами, и видѣлъ народъ Парижа, народъ, совершившій 10-е августа и обожавшій богиню Разума, ожидающимъ на колѣняхъ благословенія первосвященника. Замѣчательное непостоянство

людей и народовъ, доказывающее, что слѣдуетъ прилѣпляться къ великимъ истинамъ, на которыхъ покоится человѣческое общество, и утверждаться на нихъ: ибо нѣтъ ни достоинства, ни покоя въ этихъ капризахъ дня, принимаемыхъ и оставляемыхъ съ изумительною поспѣшностію".

Нельзя отрицать, что міровоззрѣніе, противоположное системѣ господствующихъ понятій, имѣетъ свое серьезное значеніе. Оно является точкою опоры для цѣльной критики существующихъ установленій не только въ ихъ частностяхъ, но въ общей сложности, именно какъ системы. Оно является и полезнымъ противовѣсомъ иному порядку идей, который принято называть консервативнымъ, но который вѣрнѣе бы характеризовать именемъ застоя. Если революціонеры переносятъ свою ненависть съ учрежденій, въ данной ихъ формѣ, на общія идеи, воплощенныя въ нихъ, то люди иного порядка переносятъ свою „любовь" къ извѣстнымъ идеямъ на учрежденія, выражающія ихъ въ данную минуту. Съ точки зрѣнія послѣдовательнаго и историческаго развитія общества (а иного развитія не бываетъ) оба направленія стоятъ на ложной почвѣ и оба требуютъ насилія. Когда человѣкъ застоя утверждаетъ, что весь запасъ общечеловѣческихъ и національныхъ идей уже воплотился въ данныхъ учрежденіяхъ, что общественная исторія уже сказала свое послѣднее слово, онъ логически приходитъ къ поддержанію данныхъ установленій силою, въ противность всѣмъ новымъ понятіямъ и требованіямъ общества. Когда революціонеръ утверждаетъ, что всѣ общія идеи, лежащія въ основаніи общественнаго строя — ложны, что общество должно отказаться отъ нихъ и съизнова начать свою исторію, онъ логически приходитъ къ необходимости не только разрушенія существующихъ формъ общества, но и къ насильственному проведенію неизвѣданныхъ принциповъ общественнаго устройства.

Но исторія показываетъ тщету усилій какъ того, такъ и другого направленія. Она заставляетъ революціонные и консервативные элементы служить цѣлямъ общаго развитія, но вовсе не въ смыслѣ революціи или застоя. Консерва-

тивные элементы утилизируются въ исторіи не въ смыслѣ удержанія всякихъ существующихъ учрежденій, а въ смыслѣ удержанія основныхъ началъ общечеловѣческой и національной культуры. Революціонные элементы имѣютъ свою роль въ исторіи, но не въ революціонномъ смыслѣ, не для насажденія совершенно новыхъ „началъ“, а для видоизмѣненія формъ, въ которыхъ выражаются общія стремленія и понятія общества. Консерватизмъ можетъ служить культурѣ не своимъ желаніемъ сохранить во что бы то ни стало данныя формы семьи, собственности, договоровъ, администраціи, суда, законодательства и т. д., а тѣмъ, что онъ поддерживаетъ извѣстную систему экономическихъ, нравственныхъ и юридическихъ понятій, которыя непремѣнно найдутъ себѣ выраженіе въ институтахъ права, какова бы ни была форма послѣднихъ. Революціонныя движенія имѣютъ практическій успѣхъ на столько, на сколько они содѣйствуютъ устраненію отжившихъ формъ и всегда терпятъ крушеніе въ попыткахъ „радикальнаго“ пересозданія общественнаго порядка. Великая французская революція успѣла въ своемъ предпріятіи, поскольку она разрушила старыя формы общества и открыла возможность новой общественной и государственной организаціи. Но ея система обязательнаго атеизма и „цивизма“, террористическая система Робеспьера и Сенъ-Жюста, ея экономическія и финансовыя операціи,—разбились не о „старыя преданія“, а объ элементарныя требованія человѣческой природы. Исторія не замыкаетъ жизнь общества въ такія-то формы и не заставляетъ его начинать свое развитіе съизнова — она преобразуетъ человѣческія учрежденія, въ которыхъ общія понятія, стремленія и потребности человѣка находятъ болѣе полное и вѣрное выраженіе. Историческій духъ есть духъ преобразовательный по самому своему существу и только тѣ дѣятели оставляютъ прочный слѣдъ въ исторіи, которые являются выраженіемъ и воплощеніемъ этого духа. Ихъ имена связываются со всею національною исторіей, ибо ихъ дѣла связаны со всѣми преданіями страны и ими будутъ жить грядущія поколѣнія. Таковы имена Пилей,

Штейновъ, Кавуровъ. Имена же людей застоя или „чистой революціи“ связываются только съ ихъ эпохой, безъ всякой органической связи съ прошедшимъ и будущимъ. Таковы имена герцога Альбы, Филиппа II, Франца I и Меттерниха, Марата и членовъ комитета „общественнаго спасенія“.

II.

Соціальная революція имѣетъ всѣ черты сходства съ революціонными движеніями, которыя пережила Европа и въ особенности съ великою французскою революціей 1789 года. Сходство это выражается какъ во внѣшнихъ пріемахъ, такъ въ содержаніи новыхъ революціонныхъ идей. Оно проявляется въ мелочахъ и въ вещахъ крупныхъ одинаково. Вездѣ, въ мелкой полемикѣ и въ общемъ міросозерцаніи, выражается старая и унаслѣдованная ненависть классовъ; буржуазія продолжаетъ кичиться тѣмъ, что она нѣкогда сломила дворянство и духовенство; соціальная партія претендуетъ на уничтоженіе буржуазіи. Начнемъ съ мелкихъ примѣровъ.

Сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго романиста Густава Фрейтага подали поводъ къ интересному замѣчанію „Аугсбургской Всеобщей Газеты“ и къ не менѣе интересной репликѣ газеты „Соціаль-демократъ“.

Вотъ что писала „Аугсбурская Газета“: „Въ романахъ Фрейтага видѣнъ тріумфъ бюргерства надъ разваливающеюся аристократіей, въ нихъ слышатся трубные звуки этого сословія, этого избраннаго класса народа, предъ которымъ падаютъ стѣны предразсудковъ. Когда поземельная аристократія увлекается въ одномъ мѣстѣ современными стремленіями промышленности и начинаетъ спекулировать, то это столь же мало служитъ ей на пользу, какъ въ другомъ мѣстѣ государямъ и придворной аристократіи, когда они предаются наукамъ, которыя могутъ только выродиться въ ихъ средѣ. Пропасть не можетъ быть засыпана, и въ общественномъ ульѣ неизбѣжна война между тру[illegible]а-

[illegible] пчелами, которымъ однимъ принадлежитъ скипетръ будущаго".

Итакъ, по мнѣнію „Аугсбургской Газеты", трутни суть государи, придворная и поземельная аристократія. Одно только бюргерство имѣетъ право называться рабочими пчелами. Посмотримъ что́ на это возразилъ „Соціаль-демократъ". Вотъ его слова:

„Справедливо говорите вы о трутняхъ и рабочихъ пчелахъ. Но пчелы мы, а не вы. Вы — общественные трутни не меньше чѣмъ старые юнкеры и попы! Вы не нація, но опять-таки отдѣльный, своекорыстный классъ и ваше управленіе есть не что иное, какъ владычество одного класса для ограбленія другихъ. Противъ васъ должно призвать народъ, дабы онъ сбросилъ величайшій изъ олигархическихъ деспотизмовъ, когда-либо существовавшихъ. Каковы бы ни были ваши заслуги въ томъ, что вы сломили самостоятельную мощь духовенства и аристократіи, но теперь вы сами стали на мѣсто этихъ сословій и относитесь къ народной партіи не дружественнѣе, но, можетъ быть, враждебнѣе, чѣмъ они".

Въ этомъ маленькомъ случаѣ отражается цѣлое міровоззрѣніе двухъ партій, со всѣмъ ихъ прошлымъ. Революція 1789 года наложила свои формы на современную Европу.

Французская революція противопоставила права „третьяго сословія", которому присвоено было названіе „народа", привиллегіямъ высшихъ классовъ, подлежавшихъ усѣченію отъ народнаго тѣла.

Соціальная революція противопоставляетъ „четвертое сословіе", т.-е. рабочій классъ, третьему, унаслѣдовавшему, какъ говорятъ, привиллегіи старой аристократіи. При этомъ за „четвертымъ" сословіемъ признано исключительное право называться „народомъ", т.-е. цѣлымъ, по отношенію къ другимъ классамъ общества.

Французская революція противопоставила „естественное право" человѣка, какъ единственную норму всѣхъ человѣческихъ отношеній, историческому различію сословій. Съ

точки зрѣнія естественнаго права, историческія привиллегіи не находили себѣ оправданія и объясненія; они являлись плодомъ насилія и обмана. Духовенство выдумывало разные догматы, обманывало воображеніе массъ и при помощи этого обмана создало свои привиллегіи. Дворянство происходитъ отъ завоевателей, подчинившихъ себѣ народныя массы и насиліемъ утвердившихъ свое первенство въ государствѣ. Общество должно уничтожить этихъ „трутней“ и признать первенство „рабочихъ пчелъ“.

Соціальная революція противопоставляетъ „естественное право“ рабочаго класса фактическимъ преимуществамъ буржуазіи, опирающейся на силу капитала. Подобно тому, какъ привиллегіи старой аристократіи объяснялись исключительно насиліемъ и обманомъ, такъ и происхожденіе капитала объясняется исключительно обманомъ и эксплуатаціей, процессъ которой такъ картинно изображенъ въ произведеніяхъ Лассаля и Маркса. Предки нынѣшней буржуазіи обвиняли духовенство въ томъ, что оно обманывало „народъ“ при помощи библіи и таинствъ. Нынѣшняя буржуазія обвиняется въ томъ, что она обманываетъ народъ при помощи политической экономіи и хитростей капиталистическаго производства.

Но есть и существенная разница между этими направленіями. Французская революція поразила старое общество въ его отжившихъ политическихъ и юридическихъ учрежденіяхъ, не коснувшись (въ общемъ своемъ движеніи) основныхъ элементовъ человѣческаго общества: государственности, семьи, собственности. Напротивъ, государство, семья и собственность вышли обновленными и укрѣпленными изъ этого страшнаго процесса. Соціальная революція не имѣетъ уже дѣла съ политическими и юридическими неравенствами. Она совершается среди обществъ, гдѣ всѣ классы пользуются равными политическими правами и равной защитой закона. Поэтому она направляетъ свои усилія противъ элементарныхъ и простѣйшихъ, такъ-сказать, принциповъ современной цивилизаціи. Рѣчь заходитъ не только о томъ, какую форму приметъ собственность, но о томъ, будетъ-ли

существовать собственность вообще; говорятъ не о томъ, какая форма государства соотвѣтствуетъ требованіямъ рабочаго класса, а о томъ, не слѣдуетъ ли замѣнить его иною формою общежитія, напримѣръ, союзомъ „производительныхъ ассоціацій“ и т. д.

Слѣдовательно, человѣческимъ обществамъ предлагаются иныя начала организаціи, которыя не только не могутъ быть осуществлены безъ насильственнаго и страшнаго переворота, но и не могутъ держаться безъ постояннаго насилія надъ человѣческою личностію. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ человѣческія общества, элементарная и общая цѣль ихъ организаціи состояла въ томъ, чтобы обезпечить возможность совмѣстнаго существованія людей, путемъ обезпеченія ихъ гражданскихъ правъ, ихъ личной неприкосновенности, ихъ имущественной независимости, ихъ безпрепятственнаго проявленія въ области мысли, вѣры, искусства — словомъ, человѣческой свободы *).

Эта цѣль осуществлялась въ разное время дурно, неполно, въ ущербъ однимъ, въ барышъ другимъ, доводилась до минимума или переходила за всѣ предѣлы. Въ иныхъ мѣстахъ абсолютизмъ оставлялъ за подданными свободу только въ частногражданскихъ отношеніяхъ, въ другихъ вырабатывались „суверенныя“ личности привиллегированнаго класса, какъ, напримѣръ, въ польскомъ шляхетствѣ съ его liberum veto; въ одномъ государствѣ свобода и самостоятельность обезпечивались только однимъ классамъ, а другіе были обречены на рабство, какъ въ республикахъ классическаго міра; въ другомъ свобода дѣлается общимъ достояніемъ, какъ въ Америкѣ. Скажемъ больше: въ самомъ феодальномъ обществѣ „привиллегіи“ были выраженіемъ, односторонним и фальшивымъ, той же свободы. Опираясь на свои привиллегіи, вассалы отстаивали свою личную и иму-

*) Обращаемъ вниманіе читателей на то, что мы говоримъ о принципахъ организаціи государствъ, а не о принципахъ ихъ дѣятельности. Ошибка индивидуалистической школы состоитъ именно въ томъ, что она ограничиваетъ дѣятельность государства охраненіемъ правъ личной свободы, а не въ томъ, что она признаетъ личную свободу элементарнымъ условіемъ общественнаго устройства.

щественную неприкосновенность противъ несправедливыхъ притязаній сюзерена; опираясь на свои привиллегіи, города отстаивали свою промышленную и торговую свободу противъ феодальныхъ господъ. Въ этомъ смыслѣ „привиллегіи“ не умерли: они отжили вѣкъ въ своей исключительной формѣ, но заключавшаяся въ нихъ общая идея выдѣлилась и была возведена на степень общаго права.

Какъ бы ни была мала доля свободы, какъ бы ни было мало число людей, ею пользующихся, но общество живетъ этою долею и дѣлами этихъ людей, какъ Аѳины жили своимъ демосомъ, Римъ—своимъ гражданствомъ, средневѣковыя общества — своимъ рыцарствомъ, прелатами и городскими корпораціями. Назначеніе обществъ состоитъ именно въ томъ, чтобы распространять это благо въ наибольшей массѣ людей, воспитывать ихъ въ сознаніи права и собственнаго достоинства, вызывать къ дѣятельности личную предпріимчивость и всю творческую силу, таящуюся въ человѣкѣ, открыть имъ широкую возможность наполнять новымъ и болѣе богатымъ содержаніемъ формулы права и нравственности. Если лучшіе умы въ Европѣ сочувственно относятся къ развитію рабочихъ ассоціацій, то причину этого должно искать какъ въ сознанной потребности организаціи промышленныхъ классовъ, такъ и въ томъ, что люди эти видятъ въ ассоціаціи новую форму свободнаго общенія людей, болѣе свободнаго и плодотворнаго, чѣмъ всѣ средневѣковыя „общенія“ въ гильдіяхъ и цехахъ. И вотъ почему, какъ ни странно это покажется, рабочія ассоціаціи, по существу своему, стоятъ гораздо ближе къ учрежденіямъ „стараго міра“, чѣмъ къ „международной ассоціаціи рабочихъ“. Вотъ почему эта „международная ассоціація“ и „соціальная демократія“, съ одной, а рабочіе союзы — съ другой стороны, не суть понятія тождественныя и другъ друга покрывающія. Напротивъ, большинство рабочихъ союзовъ не входитъ въ „интернаціональ“. Не впадая въ преувеличеніе, можно сказать, что значительнѣйшая, лучшая и здоровая часть рабочаго класса остается въ своихъ союзахъ, а солдаты арміи,

подъ главнымъ начальствомъ Маркса, набираются изъ наименѣе здоровой части рабочаго класса. Пассаменте, посягающій на жизнь короля Гумберта, и рабочіе союзы, устраивающіе овація сыну Виктора Эммануила — хорошая иллюстрація этой мысли. Рабочіе, въ истинномъ смыслѣ этого слова, крѣпко связаны съ своею родиной, они любятъ въ Савойскомъ домѣ національную династію, символъ національнаго единства и политической свободы. Пассаменте освободилъ себя отъ всѣхъ этихъ воспоминаній, чувствъ и симпатій и остался при одномъ „желудочномъ“ космополитизмѣ, гдѣ уже пропадаетъ всякая народность, всякіе національные и политическіе идеалы.

Но развитіе свободной организаціи общества возможно только при томъ условіи, чтобы человѣкъ имѣлъ опредѣленную точку опоры въ своей индивидуальной обстановкѣ; чтобы онъ находилъ ее въ своемъ имуществѣ, въ своей семьѣ, въ общемъ строѣ своихъ убѣжденій, имъ выработанныхъ, а не пассивно усвоенныхъ. Конечно, это широкое развитіе индивидуальности можетъ дойти до крайнихъ предѣловъ, до такого состоянія, когда личность отвергнетъ весь стоящій подъ нимъ объективный порядокъ общественныхъ нравовъ и государственныхъ учрежденій и поставитъ свою индивидуальную волю выше общественныхъ требованій. Индивидуализмъ имѣетъ свой подводный камень — анархію, гдѣ о совмѣстномъ существованіи людей не можетъ уже быть рѣчи и гдѣ индивидуальная сила рѣшаетъ суверенно всѣ вопросы права и нравственности. Мы видѣли уже образчики такой анархіи въ той экономической безурядицѣ, которая наступила въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Но соціализмъ также имѣетъ свой подводный камень, и камень этотъ — коммунизмъ, къ которому приводитъ крайнее развитіе соціалистическихъ идей.

III.

Система коммунизма предполагаетъ уничтоженіе всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыми обусловливается самостоятель-

ное существованіе и самобытное развитіе человѣческой личности: собственности, семьи и семейнаго воспитанія, и государства—какъ нейтральной силы, охраняющей права каждаго. Частныя имущества исчезаютъ въ общности имуществъ; частныя хозяйства сливаются въ хозяйство общее съ равнымъ распредѣленіемъ продуктовъ; брачный союзъ замѣняется вольными и преходящими отношеніями; дѣти становятся достояніемъ общества чуть не съ самаго момента ихъ рожденія; оно даетъ имъ однообразное воспитаніе и образованіе; самый человѣкъ дѣлается нѣкоторымъ аттрибутомъ обществъ, нумеромъ въ общемъ числѣ „рабочихъ пчелъ“, безъ собственной иниціативы, безъ права выбора занятій, безъ права распоряженія своимъ временемъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о коммунизмѣ является не только вопросомъ экономическимъ, но касается всѣхъ условій человѣческаго существованія. Дѣло не только въ томъ, что коммунизмъ грозитъ богатымъ расхищеніемъ ихъ имущества; не въ томъ также, что, какъ утверждаютъ экономисты, коммунистически устроенное общество будетъ производить меньше и хуже, чѣмъ общество, допускающее промышленную свободу. Пусть оно производитъ лучше и больше, насыщая своихъ сочленовъ такъ, какъ не насыщался ни одинъ человѣческій желудокъ въ мірѣ, со временъ Вителія или Геліогабала. Пусть богатые согласятся отдать свое достояніе въ общее владѣніе. Остается еще вопросъ о малоимущихъ, полу-сытыхъ, т.-е. о массѣ общества; остается узнать, существуютъ-ли мотивы для привлеченія ихъ въ коммунистическую общину?

Я имѣю мало, мнѣ нечего дѣлить съ моими „братьями“; проникнутый чувствами любви къ ближнему, я готовъ отдать свою послѣднюю рубашку въ „общее“ пользованіе. Но есть одна вещь, которую я не могу, не пожелаю сдѣлать общимъ достояніемъ до тѣхъ поръ, пока считаю себя человѣкомъ, и этотъ предметъ—моя собственная личность.

Коммунизмъ стремится, повидимому, къ обезпеченію [illegible]ной личной свободы всѣхъ и каждаго, къ уст

лѣйшей тѣни превосходства человѣка надъ человѣкомъ и средствомъ для этого избираетъ общность имущества съ общностію производства и потребленія. Повидимому, вопросъ разрѣшается категорически и радикально: имущество и трудъ будутъ общіе, личности будутъ свободны. Вѣрно-ли это? Нѣтъ-ли въ этомъ „принципѣ“ какого нибудь ужасающаго софизма?

Увы! Присмотритесь внимательно къ условіямъ этой „общности“ и вы легко откроете первородный грѣхъ коммунизма; софизмъ, лежащій въ основаніи этой системы, бьетъ въ глаза. Подумайте немного—и вы увидите, что нельзя сдѣлать имущество и трудъ общими, не сдѣлавъ въ тоже время общею личность каждаго человѣка. Одна „общность“ обусловливаетъ всѣ другія.

Полемика Прудона, бившаго направо и налѣво, поражавшаго и правовѣрную экономію и соціалистическую утопію, ударила и на этотъ софизмъ. Въ „системѣ экономическихъ противорѣчій“ (т. II, стр. 277 и слѣд.), обращаясь къ „своему другу, Вильгарделю, коммунисту“, Прудонъ говоритъ слѣдующее:

„Общность, говорите вы, обращается на вещи, но не на лица. Позвольте вамъ сказать, что это передержка. Общность или общеніе лицъ совершается чрезъ посредство вещей: предполагая, что люди не ѣдятъ другъ друга, общность устанавливается между ними чрезъ пользованіе одними и тѣми же предметами. Такимъ образомъ, общность моей комнаты, моей постели, моей одежды, добытая мимо моей воли, дѣлаетъ мою личность общею, т.-е., говоря языкомъ библіи, оскверняетъ и порабощаетъ ее. То же должно сказать относительно всего, что касается моего труда, моихъ наклонностей и удовольствій. Я тѣмъ чище, свободнѣе и неприкосновеннѣе, чѣмъ отдаленнѣе эта прикосновенность при моемъ общеніи съ мнѣ подобными, примѣромъ чему можетъ служить общность солнца, отечества и языка. Наоборотъ, я чувствую себя тѣмъ болѣе униженнымъ и профанированнымъ, чѣмъ ближе, при подобномъ общеніи, мое непосредственное соприкосновеніе съ людьми,

какъ, напримѣръ, при общеніи по способу Платона. Въ любви, замѣтьте это хорошенько, обоюдное согласіе необходимо: на этомъ началѣ зиждется общеніе супруговъ. Итакъ, если эта женщина, моя жена, сообщается даже добровольно съ другимъ; если, предаваясь разврату, она въ то же время раздѣляетъ мое ложе и спитъ на моей груди, не правда-ли, что она меня предаетъ позору и безчестью! Foeda lupanaris tulit ad pulvinar odorem *). Только смерть виновной можетъ смыть такое оскорбленіе, и если оно „разрѣшается“ общиной, я возстану противъ общины. Дыханіе человѣка,— говоритъ де-Местръ,— смертельно для подобныхъ ему, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ смыслѣ; такъ, общность женщинъ есть организація чумы. Прочь отъ меня, коммунисты! Для меня ваше присутствіе—зловоніе и вашъ видъ производитъ во мнѣ отвращеніе!“

Изъ чьей груди вырвался этотъ крикъ? Изъ груди экономиста манчестерской школы? Нѣтъ, Прудонъ цитируется этими экономистами въ числѣ соціалистовъ. Онъ вышелъ изъ сердца человѣка, сказавшаго, что „равновѣсіе свободы должно придти не извнѣ, а изнутри“ **), что въ основаніи нравственныхъ наукъ должно лечь понятіе человѣческаго достоинства, принципъ самоуваженія, имѣющій своимъ послѣдствіемъ и уваженіе къ другимъ ***). Этотъ принципъ вдохновлялъ его цѣлую жизнь,—жизнь, исполненную тяжкихъ трудовъ и страданій. Во имя этого принципа онъ возсталъ противъ свободы „безъ противовѣса“ (манчестерство) и противъ внѣшнихъ, насильственныхъ „противовѣсовъ“, убивающихъ человѣческое достоинство. Его сильная душа возмущалась противъ всякихъ проектовъ человѣческаго благосостоянія, предполагающихъ диктатуру или иной способъ приниженія личности. Пусть вспомнятъ его грозную филиппику противъ сенсимонизма и „положительной религіи“ А. Конта; пусть вспомнятъ, какую бурю вызвала

*) „Загаженная, приносила она вонь публичнаго дома на брачное ложе“ (VI сатира Ювенала, стихъ 131).

**) De la Justice, etc. II étude, p. 33.

***) Тамъ же, стр. 4 и слѣд.

въ его душѣ идея сенсимонистскаго „отца“, съ его правомъ „воздавать каждому по способностямъ и каждой способности по ея дѣламъ“. Вотъ небольшое мѣсто изъ этой филиппики.

„Пусть я буду бѣденъ, вслѣдствіе необходимости, или случайности, или по волѣ Божіей: я могу покориться, разсудивъ, что это касается, въ концѣ-концовъ, только внѣшности моего существа, поверхности моей личности. Покоряясь, я чувствую, что, чрезъ мою покорность и преданность, я стою самаго добродѣтельнаго изъ моихъ братьевъ“.

„Но когда „первосвященникъ“, г. Анфантенъ и его супруга, г. Ламберъ или всякій другой — люди, которыхъ я готовъ уважать, пока имъ угодно будетъ оставаться людьми—позволятъ себѣ таксировать мои способности, опредѣлять мое мѣсто подъ солнцемъ, назначать мнѣ порцію, присуждая себѣ милліоны, я признаюсь, что это меня возмущаетъ, и если-бы я имѣлъ честь жить въ церкви Сенъ-Симона, мое первое движеніе было бы надавать пощечинъ первосвященнику“ *).

Таковъ крикъ неимущаго Прудона, и онъ останется крикомъ всякаго человѣка, сознающаго свое достоинство. Съ какой бы стороны мы ни подошли къ коммунизму, выводъ не измѣнится. Съ какого бы конца мы ни начали разрушать человѣческую личность, результатъ будетъ тотъ же. Коммунизмъ подбирается къ этому человѣческому „я“ со стороны экономической, увѣряя, впрочемъ, что онъ не дойдетъ до конца. Посмотримъ, насколько онъ можетъ сдержать слово.

Имущество дѣлается общимъ. Но имущество есть ни что иное, какъ плодъ и основаніе труда. Человѣкъ производитъ цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ нуждается въ извѣстной матеріальной основѣ своего хозяйства. Сдѣлать имущество общимъ, оставивъ трудъ раздѣльнымъ, было бы вопіющимъ противорѣчіемъ. Какой смыслъ имѣлъ бы раздѣльный трудъ, если бы человѣкъ не имѣлъ самостоятельной хозяйственной основы и права на плоды своихъ трудовъ? До

*) Тамъ же, стр. 46.

сихъ норъ коммунизмъ вполнѣ логиченъ. Но почему онъ не хочетъ сказать послѣдняго слова, лучше сказать, почему онъ н видитъ логическаго послѣдствія первыхъ двухъ посылокъ? Если общность имущества влечетъ са собою общность труда, то послѣдняя приводитъ къ общности лицъ. Не говорятъ-ли сами соціалисты, что трудъ не можетъ быть отдѣленъ отъ личности работника; не требуютъ-ли они государственной и ассоціаціонной защиты рабочаго именно во имя этого факта? Почему-же этотъ фактъ, естественный и неизбѣжный, вдругъ измѣнится въ коммунистической системѣ? Кто пользуется трудомъ рабочаго, тотъ неизбѣжно пользуется и его личностью. Разница только въ пользующемся субъектѣ.

Теперь личностью работника пользуется предприниматель, и противъ нѣкоторыхъ вредныхъ послѣдствій такого пользованія вооружается фабричное законодательство и борятся ассоціаціи. Тогда — человѣческая личность поступитъ въ распоряженіе общины и кто въ состояніи будетъ бороться противъ ея всемогущества?

Каждый членъ такой общины долженъ будетъ принадлежать ей безраздѣльно, „всѣмъ помышленіемъ своимъ и всею крѣпостью своею“. Внѣ ея онъ не будетъ и не долженъ будетъ имѣть никакой точки опоры, какъ опирается онъ теперь на государство и на свою ассоціацію противъ „фабрики“. Онъ не въ состояніи будетъ вознестись надъ общиною, вступить въ какую нибудь высшую сферу жизни, въ силу своихъ умственныхъ и эстетическихъ стремленій. Подобно Богу въ Апокалипсисѣ, община скажетъ про себя: „Я начало, середина и конецъ“. Я — все! Внѣ меня нѣтъ семьи, потому что я — семья; внѣ меня нѣтъ труда, потому что каждый трудъ, не посвященный непосредственно мнѣ, есть преступленіе и оскорбленіе моего величества. Каждый долженъ трудиться какъ всѣ. Но первый удѣлъ и первая обязанность всѣхъ членовъ общины — трудъ физическій, потому что только онъ необходимъ общинѣ. Труды умственный и эстетическій не суть труды, а забава, развлеченіе. Эти виды труда не воспрещаются, но постольку

поскольку они могутъ быть согласованы съ исполненіемъ первѣйшей обязанности человѣка — съ трудомъ физическимъ. Леверье, Фирховы, Гауссы, Моммзены, Ренаны и т. д. могутъ заниматься своими глупостями, но послѣ того, какъ они накололи и наносили дровъ, вспахали извѣстное количество земли, наносили воды, словомъ — послѣ того, какъ они послужили „міру“.

Кто не видитъ и кто не чувствуетъ, что вся эта „система“ предполагаетъ невиданное „общеніе“ лицъ, что мое я дѣлается общимъ достояніемъ, подобно проѣзжимъ дорогамъ, тротуарамъ, улицамъ и площадямъ? Кто не видитъ, что это человѣческое я дѣлается безсильною принадлежностью всемогущей общины? Найдите же человѣка, который, сознавая свое я, подчинится порядку, при которомъ онъ никогда не будетъ работать на себя и вѣчно станетъ служить другимъ, при которомъ онъ никогда не будетъ имѣть ничего своего, даже своей собственной мысли.

Золотой вѣкъ, счастливое время, когда всякій будетъ вставать, работать, ѣсть, ложиться и опять вставать по звонку; когда каждое его движеніе, каждое его слово, каждый его поступокъ будутъ „контролироваться“ и обсуждаться „міромъ“; когда этотъ назойливый „міръ“ будетъ проникать въ тайники его души, касаться своими безцеремонными руками его святѣйшихъ чувствъ; когда отъ этого „міра“ некуда будетъ уйти, ибо, съ наступленіемъ золотого коммунистическаго вѣка, вся вселенная распадется на такіе же „міры“.

Есть одно чудное мѣсто въ „Мертвомъ домѣ“ Ѳ. М. Достоевскаго. Отчего болѣзненно сжалось сердце заключеннаго при первомъ вступленіи въ „Мертвый домъ“? „Я никогда уже не буду одинъ“, — думалось ему. Вотъ что страшно! Всегда, при всякомъ случаѣ, тогда ли, когда человѣку взгрустнулось, или когда онъ хочетъ задать себѣ „праздникъ мысли“, какъ говорятъ нѣмцы, или когда, въ порывѣ веселья, ему хочется затянуть пѣсню, или въ припадкѣ горя уткнуть голову въ подушку — предъ нимъ стоятъ одинъ или нѣсколько „братьевъ“, готовыхъ на разспросы, на тол-

ки, пересуды и совѣты. Что же дѣлать! Вѣдь они „братья“, а у братьевъ все общее, и радость и горе; кто таитъ свои мысли, тотъ „обособляется“, тотъ извлекаетъ изъ „общаго достоянія“ извѣстный запасъ мыслей и чувствъ; онъ низкій эгоистъ, готовый, пожалуй, возстановить собственность. Не думаетъ ли онъ объ этомъ? Не извѣстить ли міръ о подозрительномъ поведеніи „брата“? Не повѣсить ли его, въ назиданіе другимъ?

Вотъ почему бѣднѣйшій человѣкъ, живущій въ сыромъ, но своемъ углѣ, возстанетъ противъ коммунизма всѣми силами своей души.

Одно изъ двухъ. Или соціализмъ говоритъ объ освобожденіи рабочаго, т.-е. о воспитаніи его къ матеріальной и нравственной свободѣ; тогда онъ долженъ идти по пути, проложенному вѣковою культурою Европы, и на этомъ пути онъ встрѣтится и встрѣтился уже съ лучшими силами того стараго міра, который онъ проклинаетъ. Или онъ хочетъ „общности“, испытанной уже въ католическихъ монастыряхъ и въ острогахъ, но тогда пусть онъ не профанируетъ имени свободы.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Къ чему такъ много говорить о коммунизмѣ, который, повидимому, не грозитъ Европѣ? Но, во-первыхъ, хотятъ или не хотятъ того „соціальные революціонеры“, а ихъ программы и системы фатально тяготѣютъ къ этому подводному камню; а Бебели и Либкнехты тяготѣютъ къ нему даже не фатально, а по доброй волѣ. Во-вторыхъ, и для меня это самое важное, наши программы соціальной революціи суть не что иное, какъ программы чистаго коммунизма, освобожденнаго отъ всѣхъ „предразсудковъ“ западной Европы. Въ виду такихъ программъ и даже иныхъ „поступковъ“ и написаны эти строки.

IV.

Въ соціальномъ движеніи на западѣ Европы есть коммунистическіе элементы. Но было бы ошибоч[illegible]ъ

всѣ соціалистическія ученія съ коммунизмомъ. Напротивъ, мы увидимъ ниже, что русскіе пропагандисты и революціонеры упрекаютъ Маркса и Лассаля за то, что они остаются въ нѣкоторыхъ старыхъ рамкахъ (хотя Марксъ близко подходитъ къ коммунистамъ).

Тѣмъ не менѣе соціалистическіе планы рѣшенія рабочаго вопроса исходятъ изъ принциповъ, прямо противоположныхъ началамъ существующей организаціи, и имѣютъ въ виду цѣли, осуществленіе которыхъ немыслимо безъ полнаго разрушенія существующей общественной системы.

Мы уже замѣтили выше, что это противоположеніе соціалистическихъ принциповъ началамъ либеральнаго экономизма, какъ орудіе теоретической критики извѣстной системы экономическихъ отношеній, имѣло и имѣетъ свое историческое значеніе. Соціализмъ, какъ теорія, явился противовѣсомъ и „поправкою“ къ одностороннимъ выводамъ Манчестерской школы. Послѣдняя дѣлала рычагомъ всего экономическаго оборота личный интересъ; соціализмъ съ особенною силою указывалъ на принципъ общественной солидарности. Манчестерская школа видѣла въ экономической жизни систему организованныхъ „своекорыстій“ и оставляла въ сторонѣ нравственные принципы общественной организаціи; соціализмъ настаивалъ на подчиненіи экономическихъ отношеній общимъ нравственнымъ принципамъ. Экономизмъ полагался на дѣйствіе „естественныхъ законовъ“ и доводилъ до минимума вмѣшательство государства въ ихъ сферу; соціализмъ превозносилъ роль государства въ дѣлѣ регулированія экономическихъ отношеній. Экономизмъ съ гордостью указывалъ на громадное развитіе производства и увеличеніе общей массы богатствъ, какъ на послѣдствіе его принциповъ; соціализмъ указывалъ на бѣдственное положеніе рабочихъ массъ и доказывалъ, что кромѣ вопроса объ увеличеніи производства имѣется еще вопросъ о правильномъ распредѣленіи богатствъ и т. д.

Въ этомъ видѣ соціализмъ давалъ серьёзныя точки опоры для критики экономическихъ отношеній; онъ обогатилъ экономическую науку, въ общемъ ея объемѣ, новыми и

плодотворными положеніями; онъ далъ толчокъ многимъ полезнымъ практическимъ мѣрамъ. Такъ, рабочее движеніе въ Англіи и ростъ фабричнаго законодательства въ этой странѣ, конечно, связаны съ именемъ Р. Оуэна.

Но не должно забывать, что принципы соціализма столь же односторонни, какъ и положенія манчестерской школы; что Бебель есть, такъ-сказать, Бастіа соціализма, какъ Карлъ Марксъ является соціалистическимъ Адамомъ Смитомъ. Иное дѣло видѣть въ соціализмѣ теорію, дополняющую и исправляющую недостатки другой, и иное — утверждать, что его принципы должны быть исключительными началами общественнаго устройства. Одно дѣло — утверждать, вмѣстѣ съ соціалистами, что рабочій имѣетъ право на извѣстную долю прибыли отъ предпріятія и стараться, чтобы эта доля опредѣлялась наиболѣе справедливо; другое дѣло — доказывать, что рабочимъ принадлежитъ вся прибыль предпріятія и требовать, чтобы общество было устроено такъ, чтобы за рабочими обезпечивалась эта „вся“ прибыль.

Между тѣмъ, знаменитая „международная ассоціація рабочихъ“, руководимая Карломъ Марксомъ, выставляетъ именно такія требованія отъ „новой“ общественной организаціи. Такъ, на конгрессѣ 1868 года (Брюссель) былъ заявленъ и принятъ слѣдующій принципъ:

„Машины и коллективная сила, существующія теперь исключительно для выгоды капиталистовъ, на будущее время должны приносить выгоду единственно (uniquement) рабочему и для этого нужно, чтобы всякая промышленность, гдѣ необходимы эти двѣ экономическія силы, была отправляема группами (рабочихъ), освобожденными отъ условій задѣльной платы“.

Итакъ, интересъ рабочихъ дѣлается исключительнымъ и единственнымъ предметомъ попеченія общества. Но какъ достигнуть этой цѣли? Она, очевидно, не будетъ достигнута, если капиталы и орудія крупнаго производства останутся въ рукахъ нынѣшнихъ собственниковъ. Еще въ первомъ статутѣ М. А. Р. *), принятомъ Женевскимъ конгрессомъ

*) М. А. Р.—международная ассоціація рабочихъ.

(1866 г.), было заявлено, что „экономическое подчиненіе рабочаго собственнику сырья и орудій труда (машинъ) есть источникъ рабства во всѣхъ его формахъ: общественной нищеты, умственнаго упадка и политическаго подчиненія“.

Отсюда можно сдѣлать только одинъ выводъ: частная собственность должна быть отмѣнена и всѣ объекты собственности войти въ общественное достояніе. Такой выводъ и былъ сдѣланъ М. А. Р. въ рядѣ резолюцій, касающихся каменноугольныхъ и другихъ копей, желѣзныхъ дорогъ, сельской собственности, лѣсовъ, собственности вообще и наслѣдственности имуществъ въ частности *).

Въ чьихъ рукахъ сосредоточится, однако, эта собственность? Въ рукахъ государства, какъ представителя соціальной „общности“, а оно уже будетъ концессіонировать всѣ предпріятія отдѣльнымъ ассоціаціямъ рабочихъ. Но для того, чтобы государство выполняло эту задачу, оно само должно быть „возрождено“ въ соціальномъ смыслѣ **). Эта идея „возрожденнаго“ государства особенно усердно разработана германскими „соціаль-демократами“ и выражена въ извѣстной ихъ программѣ ***).

Экономическія цѣли соціальной революціи указаны здѣсь согласно общимъ принципамъ М. А. Р. Первою цѣлью является предоставленіе рабочимъ всей прибыли ****). Существенное отступленіе отъ программъ М. А. Р. состоитъ въ признаніи необходимости государственнаго кредита для основанія производительныхъ ассоціацій, какъ это предлагалъ Лассаль. Но важнѣйшая сторона „соціаль-демократической“ программы есть сторона политическая. Принимая общія экономическія цѣли революціоннаго соціализма, соціальные демократы заявляютъ, что эти цѣли могутъ быть осуществлены только въ демократическомъ или въ „свободно-народномъ“ государствѣ *****).

*) Резолюція конгрессовъ Брюссельскаго и Базельскаго.

**) Резолюція Брюссельскаго конгресса: «l'État régénéré et soumis lui-même à la loi de justice».

***) R. Meyer, «Der Emancipationskamf des Vierten Standes», I, 236, и слѣд.

****) «Den vollen Arbeitsertrag für jeden Arbeiter».

*****) Der freie Volksstaat.

Существенными признаками такого государства „соціаль-демократы“ считаютъ: 1-е, распространеніе избирательнаго права (съ прямою и тайною подачею голосовъ) на всѣхъ лицъ мужскаго пола, достигшихъ 20-ти лѣтъ, и опредѣленіе содержанія депутатамъ *); 2-е, введеніе прямаго законодательства, т.-е. перенесеніе права иниціативы и санкціи законовъ на народъ **), 3-е, уничтоженіе всѣхъ привилегій, пріобрѣтаемыхъ рожденіемъ, принадлежностью къ извѣстному сословію или вѣроисповѣданію; 4-е, учрежденіе народнаго ополченія вмѣсто постоянной арміи; 5-е, отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви; 6-е, обязательное элементарное обученіе и даровое обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; 7-е, полная независимость судовъ, расширеніе института присяжныхъ, устное и гласное судопроизводство, безвозмездность правосудія и учрежденіе спеціальныхъ судовъ, для промышленныхъ отношеній (Fachgewerbegerichte); 8-е, отмѣна всѣхъ законовъ о печати, собраніяхъ и ассоціаціяхъ; 9-е, установленіе нормальнаго рабочаго дня; ограниченіе женской и воспрещеніе дѣтской работы; устраненіе конкурренціи свободной работѣ, представляемой рабочими и смирительными домами; 10-е, уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и введеніе одной прямой и прогрессивной подати съ доходовъ и съ наслѣдствъ; 11-е, государственное поощреніе ассоціацій и государственный кредитъ для свободныхъ производительныхъ ассоціацій подъ демократическою гарантіею“.

Конечно, и въ этой „политической“ программѣ требованія политическія перепутаны съ экономическими: нормальный рабочій день съ выборнымъ правомъ, женскій и дѣтскій трудъ съ судомъ присяжныхъ. Но, выдѣляя чисто политическія начала, мы получимъ совокупность такихъ требованій, которыя противорѣчатъ принципамъ не только мо-

*) Въ настоящее время депутаты нѣмецкаго рейхстага не получаютъ содержанія, чѣмъ косвенно ограничивается пассивное избирательное право для неимущихъ кандидатовъ.

**) Намекъ на такъ-называемые „референдумъ“ и „иниціативу“, существующіе въ Швейцаріи, хотя здѣсь они вовсе не равносильны „прямому законодательству“.

нархической части германскаго общества, но и конституціонной партіи демократическаго характера. Въ республиканской Америкѣ нѣтъ рѣчи о „непосредственномъ“ законодательствѣ. Тамъ свободная масса народа избираетъ изъ своей среды законодательную власть, которой и принадлежитъ какъ иниціатива, такъ и принятіе законопроектовъ. Такими требованіями, конечно, и объясняется возможность жестокой борьбы между партіями, которая уже началась въ Германіи. Дѣйствительны ли мѣры, избранныя для такой борьбы, это другой вопросъ, на который едва-ли можно отвѣтить утвердительно.

Но насъ интересуетъ не эта борьба, а самая идея такого „непосредственнаго законодательства, такой милиціи и всего, что́ содержится въ программѣ соціальной демократіи“. „Возрожденное государство“, очевидно, должно служить средствомъ для проведенія извѣстныхъ экономическихъ цѣлей, а цѣли эти тождественны съ принципами М. А. Р., отдѣломъ которой признала себя соціальная демократія. Провозгласить принципы и избрать внѣшнее орудіе для ихъ проведенія не значитъ еще найти практическія мѣры къ ихъ практическому осуществленію.

Что́ скажетъ народъ, вооруженный правомъ „непосредственнаго“ законодательства и собранный въ свои „комиціи“? Для того, чтобы „законодательствовать“, мало сознавать свое всемогущество и имѣть въ своей головѣ нѣсколько общихъ „принциповъ“. Лучшіе съ перваго взгляда принципы могутъ оказаться пустѣйшими фантазіями, если не имѣется практическихъ и справедливыхъ мѣръ къ ихъ осуществленію. М. Бакунинъ, въ своей „Государственности и анархіи“, разсуждая о необходимости уничтожить привилегированное положеніе приморскихъ націй, ведетъ разсчетъ на грядущіе успѣхи воздухоплаванія. Не окажется ли и „народъ“ въ положеніи „воздухоплавателя“, если въ его головѣ ничего не будетъ, кромѣ общихъ принциповъ?

Вся прибыль должна принадлежать рабочему,—гласитъ первый и существенный изъ этихъ принциповъ. Но гдѣ способы организовать производство такъ, чтобы эта при-

быль въ самомъ дѣлѣ доставалась рабочему? При существующей раздѣльности элементовъ производства, мы можемъ говорить только объ извѣстной долѣ этой прибыли, приходящейся рабочему. Стало быть, для присужденія ему всей прибыли, необходимо предположить, что капиталистъ, предприниматель и рабочій соединились въ одномъ лицѣ, именно въ лицѣ нынѣшняго рабочаго. Но какъ достигнуть такого соединенія?

Соціальная демократія ведетъ, повидимому, главный разсчетъ на производительныя ассоціаціи рабочихъ, основанныя при помощи государственнаго кредита (Лассаль). Но государство, открывая „кредитъ", должно имѣть свободные капиталы. Государственные же капиталы составляются исключительно изъ налоговъ, взимаемыхъ имъ съ общества. Но въ демократическомъ государствѣ всѣ налоги отмѣняются, за исключеніемъ прямаго и прогрессивнаго налога съ доходовъ и съ наслѣдствъ, стало быть, налога, падающаго почти исключительно на зажиточные классы. Не явится ли, такимъ образомъ, государственный „кредитъ" средствомъ легальнаго обиранія однихъ классовъ общества въ пользу другихъ? Если въ настоящее время Карлъ Марксъ написалъ изслѣдованіе о процедурѣ обиранія рабочихъ капиталистами, то не явится ли въ грядущемъ „государствѣ" публицистъ, который столь же остроумно изобразитъ процессъ обиранія высшихъ классовъ низшими, и едва ли онъ назоветъ такое государство „un État régénéré et soumis lui même á la loi de justice". Система эксплуатаціи не измѣнится отъ того, что несправедливость будетъ совершаться массою, вмѣсто небольшого круга лицъ. Или мы додумались до того, что несправедливость, совершаемая массами и потому выгодная для „большинства", въ силу этого становится справедливостью?

Манифесты М. А. Р. рѣшаютъ вопросъ радикальнѣе, предлагая „возвращеніе" объектовъ частной собственности въ общее достояніе. На какихъ условіяхъ совершится это „возвращеніе"? Существующій и „отжившій" юридическій міръ знаетъ только одинъ способъ отчужденія частно[illegible]

ственности на общественное употребленіе — экспропріацію, подъ условіемъ предварительнаго и справедливаго вознагражденія. „Отжившій“ міръ выработалъ этотъ способъ и занесъ его въ декларацію правъ 1789 года по слѣдующему соображенію, довольно основательному. Государство, отчуждая частную собственность, должно относиться къ праву собственника именно какъ къ праву, законно пріобрѣтенному, и котораго собственникъ не можетъ быть лишенъ. Государство, при экспропріаціи, не лишаетъ собственника этого права; напротивъ, оно признаетъ его и потому считаетъ себя обязаннымъ дать собственнику извѣстный эквивалентъ за отчуждаемый объектъ его права.

Останется ли „непосредственно“ законодательствующій народъ въ кругу тѣхъ же идей? Если да, то какими средствами должно располагать государство, чтобы произвести экспропріацію всей недвижимой собственности въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, съ ея милліардами годового дохода! Какія финансовыя способности нужны для преодолѣнія такой операціи! Какія тягости долженъ будетъ взять на себя каждый плательщикъ, чтобы покрыть расходы по „справедливому и предварительному вознагражденію собственниковъ!“

Но если нѣтъ? Если народъ, собранный въ свои „комиціи“, рѣшитъ, что вознагражденія не требуется, что экспропріація должна совершиться безвозмездно, стало быть, обратиться въ конфискацію? Тогда... но пусть уже самъ читатель судитъ о томъ, что будетъ тогда. Мы не имѣемъ охоты дѣйствовать на воображеніе читателя и рисовать ему картины съ потоками крови и трупами. Мы думаемъ, что, къ чести человѣчества, сцены въ родѣ Варѳоломеевской ночи и сентябрьскихъ убійствъ перешли въ область исторіи и напоминаютъ о себѣ только операми и романами, написанными на эти сюжеты.

Конечно, фактически, соціальная революція возможна, и она вѣроятна, если ее не предупредятъ совокупныя усилія всѣхъ здоровыхъ силъ общества и правительства, усилія, направленныя къ тому чтобы воспитать рабочія

массы въ духѣ права и свободы, чтобы удовлетворить всѣмъ законнымъ требованіямъ труда. Мы расчитываемъ, въ этомъ отношеніи, гораздо больше на положительныя, чѣмъ на отрицательныя мѣры, ибо всякая отрицательная мѣра равносильна оставленію вопроса „безъ разсмотрѣнія“ и фактической передачѣ дѣла въ другія руки, обыкновенно враждебныя.

Во всякомъ случаѣ исходъ такой революціи, если ей суждено осуществиться, никто предвидѣть не можетъ. Еще меньше можно утверждать, что результатъ ея будетъ торжество соціалистическихъ идей. Нынѣшніе вожаки революціонной партіи могутъ сдѣлать одно: вызвать взрывъ стихійныхъ силъ націи, тѣхъ силъ, что́ но разсуждаютъ и съ которыми никто разсуждать не можетъ. Ни Марксъ, ни Бебель, ни Либкнехтъ не могутъ поручиться, что послѣ того какъ шлюзы будутъ открыты, плотины прорваны и народный океанъ затопитъ „существующій порядокъ“, имъ не придется быть организаторами порядка новаго, какъ не пришлось быть такими организаторами Марату, Дантону и Робеспьеру. Нѣтъ большей загадки какъ „народъ“, а особенно тогда, когда онъ обращенъ въ стихію. Что выброситъ онъ на поверхность? Кого поставитъ во главу угла? Этого не знаетъ онъ самъ. Кто въ 1793 году могъ предугадать, что народъ, разрушившій вѣковую монархію, склонится сначала предъ m-me Кабарюсъ, а потомъ воздвигнетъ тронъ Наполеону? Кто могъ прозрѣть въ ярыхъ якобинцахъ будущихъ архиканцлеровъ и министровъ полиціи побѣдоноснаго императора? Между тѣмъ, все это случилось, какъ будто въ назиданіе будущимъ временамъ, если бы „времена“ способны были назидаться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РУССКІЙ СОЦІАЛИЗМЪ.

I.

Соціально-революціонная партія на западѣ Европы есть, несмотря на всѣ свои „крайности“, извѣстная сторона и элементъ опредѣленнаго общественнаго процесса, т.-е. рабочаго движенія. Она имѣетъ тамъ твердую почву, она выработана извѣстными условіями, и эти обстоятельства даютъ ея ученіямъ самостоятельное и довольно богатое содержаніе. Отъ этого она всегда выиграетъ въ сравненіи съ соціальною партіею въ Россіи. Это видно будетъ изъ самаго бѣглаго сравненія условій соціализма здѣсь и тамъ. Тамъ— организованная и многочисленная соціальная партія, пользующаяся всѣми средствами современнаго политическаго строя Европы: всеобщею подачею голосовъ, правомъ сходокъ и ассоціацій, свободою печати. Здѣсь — горсть людей, пребывающихъ въ мѣстахъ скрытныхъ или на чужбинѣ. Тамъ — движеніе располагаетъ силами значительныхъ массъ народа, исторически подготовленныхъ къ воспріятію „идеи четвертаго сословія“. Здѣсь — нѣсколько сотъ пропагандистовъ стараются разогрѣть восьмидесятимилліонную массу, въ противность всей русской исторіи. Тамъ — соціализмъ, долгою работою выдающихся умовъ и великихъ талантовъ, возведенъ на степень особой науки, поэзіи и религіи. Съ словомъ соціализмъ соединяются представленія о грандіозной фантазіи С. Симона и Фурье, мистическомъ экстазѣ Пьера Леру, бурномъ краснорѣчіи Лассаля и грузной учености Карла Маркса. Здѣсь — нѣсколько плохихъ брошюръ, странныхъ прокламацій и снотворныхъ журналовъ. Тамъ— соціальная идея, пропущенная, такъ-сказать, чрезъ всѣ историческія и бытовыя условія, чрезъ всѣ слои общества,

преломилась и разложилась въ разные цвѣта, начиная съ консервативныхъ соціалистовъ, продолжая соціальными демократами, соціалистами христіанскими, соціалистами-государственниками, соціалистами католическими, соціалистами отъ каѳедры, и т. д. Здѣсь все выкрашено въ одну краску, хотя г. Лавровъ и ссорится съ г. Ткачевымъ, а „Земля и Воля“ чурается отъ „Набата“. Тамъ соціальное движеніе имѣетъ всѣ признаки движенія историческаго: практическія условія, теорію и программу. Здѣсь — приходится довольствоваться одною нехитрою программой. Читая программы западно-европейскихъ соціалистовъ, невольно чувствуешь, что каждая ихъ статья содержитъ въ себѣ практическое требованіе, осуществимое или неосуществимое — это другой вопросъ, но соотвѣтствующее извѣстному реальному условію и выведенное изъ опредѣленной теоріи. Здѣсь — всякая программа производитъ впечатлѣніе заимствованія, приправленнаго фантастическими соображеніями о русской исторіи. Заимствованіе дѣлается изъ программъ самыхъ крайнихъ партій, а историческія основы розыскиваются въ идеализированныхъ „движеніяхъ“ Стеньки Разина и Емельяна Пугачева, этихъ великихъ русскихъ „соціалистовъ“, по завѣренію „Земли и Воли“.

Оторванная отъ всякихъ практическихъ условій, „освобожденная“ отъ всякой теоріи, „программа“, несмотря на это или, вѣрнѣе, именно потому, предъявляетъ такія требованія, которыхъ, вѣроятно, не признала бы своими нѣмецкая соціальная демократія. Послѣдняя относится къ государству и къ современной культурѣ какъ къ фактическимъ силамъ. Рѣчь идетъ именно о томъ, чтобы воспользоваться этими силами на пользу рабочихъ классовъ и для такой цѣли перестроить государство и существующія экономическія отношенія. У насъ дѣло идетъ не о чемъ другомъ, какъ о разрушеніи всего „стараго“ міра и созданіи міра новаго, неимѣющаго ничего общаго со всѣмъ, еже есть сущаго. Всѣ наши программы и програмки суть не что иное, какъ варіаціи на общую тему Бакунина:

„Разрушеніе всѣхъ государствъ, уничтоженіе буржуаз-

ной цивилизаціи, вольная организація снизу вверхъ посредствомъ вольныхъ союзовъ — организація разнузданной чернорабочей черни всего освобожденнаго человѣчества, созданіе новаго общечеловѣческаго міра“ *).

Бакунинъ зналъ, что говорилъ. Онъ выносилъ эту „идею“ и твердилъ о ней за долго до появленія его „Анархіи и Государственности“. Въ 1869 году намъ пришлось читать прокламацію его, озаглавленную „Нѣсколько словъ молодымъ друзьямъ въ Россіи“, написанную по поводу студенческихъ волненій въ Петербургѣ (мартъ 1869 года). Она весьма замѣчательна и въ теоретическомъ, и въ историческомъ отношеніи. Въ историческомъ — потому, что она собственно дала сигналъ къ движенію „въ народъ“. Въ теоретическомъ — потому, что заключала въ себѣ короткую программу дѣйствій, впослѣдствіи развитую въ книгѣ того же Бакунина „Анархія и Государственность“. Въ числѣ афоризмовъ, которыми изобиловала прокламація, тамъ находился и такой: „Студенческія движенія — говорилъ Бакунинъ, — думаютъ объяснить польскими вліяніями. Но это вздоръ (съ этимъ и мы согласны). Идеалы поляковъ не могутъ имѣть, — продолжалъ онъ, — ничего общаго съ идеалами русскихъ революціонеровъ. Послѣдніе сочувствуютъ полякамъ только въ ихъ стремленіи разрушить „всероссійское государство“. Но затѣмъ идеалы двухъ партій расходятся. Поляки хотятъ возстановить свое польское государство; русскіе юноши должны стремиться къ разрушенію государства въ цѣломъ мірѣ“.

И въ самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ ничего общаго. Революціонеръ-полякъ мечтаетъ о своей старой „Рѣчи-Посполитой“ — значитъ, на немъ лежитъ клеймо государственности.

Гарибальди всю жизнь бился за свою единую Италію. Правда, онъ демократъ и даже былъ подстрѣленъ войсками Ратацци... но онъ живетъ Италіею, бился за нее противъ иноземцевъ, отдалъ ее Савойскому дому — слѣдовательно,

*) „Анархія и Государственность“, стр. 302.

на немъ лежитъ позоръ государственности и народности.

Гамбетта демократъ и радикалъ. Но онъ дышетъ своею belle France, онъ плакалъ надъ несчастіями отечества въ 1870 году, онъ сурово отнесся къ сепаративнымъ стремленіямъ южныхъ департаментовъ. Стало быть, онъ запачканъ государственностью, національностью и централизаціею.

Бакунинскіе люди должны жить по другому катехизису. Кто не читалъ Бакунинскаго катехизиса, тотъ не имѣетъ понятія о томъ, чѣмъ долженъ быть „революціонеръ“ и какъ онъ долженъ относиться ко всему, что его окружаетъ: къ государству, обществу, семьѣ, друзьямъ.

„Революціонеръ, — говоритъ Бакунинъ, — человѣкъ, принявшій постригъ. Въ глубинѣ своего существа, — и не на словахъ, а на дѣлѣ, — онъ разорвалъ съ гражданскимъ порядкомъ, со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, съ признанными въ этомъ мірѣ законами, нравами, моралью и обычаями. Онъ ихъ непримиримый врагъ, и если онъ продолжаетъ жить въ этомъ мірѣ, то для того, чтобы вѣрнѣе его разрушить. Революціонеръ ненавидитъ всякое доктринерство и отрекается отъ нынѣшней науки, которую онъ предоставляетъ будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку — разрушеніе. Для этой, и только для этой цѣли изучаетъ онъ механику, физику, химію и, пожалуй, медицину (!). Для этой же цѣли изучаетъ онъ, день и ночь, живую науку — людей, характеры и отношенія... Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ существующую общественную мораль во всѣхъ ея мотивахъ и проявленіяхъ. Для него нравственно все, что содѣйствуетъ торжеству революціи, безнравственно и преступно все, что тому препятствуетъ“.

Далѣе говорится, что революціонеръ долженъ освободить себя отъ всякихъ чувствъ дружбы, любви, родственныхъ привязанностей и т. д. Да не подумаютъ, впрочемъ, что это привлекательное существо должно выдавать себя за то, что оно есть на самомъ дѣлѣ. О, совершен-

тивъ! Но даромъ „революціонная мораль“ разрѣшаетъ всѣ средства для благой цѣли. Ради успѣшнаго „разрушенія“, революціонеръ „можетъ, а часто долженъ жить въ обществѣ и дѣлать видъ, что онъ совсѣмъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ. Онъ долженъ открыть себѣ доступъ всюду: въ высшее общество и въ среднее сословіе, въ купеческія лавки и въ церковь, въ аристократическія палаты, въ бюрократическій, военный и литературный міры, въ тайную полицію и даже во дворцы государей“.

Здѣсь онъ „сортируетъ“ людей и составляетъ списки лицъ, подлежащихъ уничтоженію. Все „общество“, подлежащее уничтоженію, дѣлится на пять категорій, согласно постепенности ихъ „истребленія“ (женщины составляютъ особую категорію съ тремя подраздѣленіями). Одни должны быть истребляемы немедленно; другихъ приберегаютъ до лучшихъ дней; съ третьими наружно вступаютъ въ союзъ, для послѣдующаго уничтоженія (либералы); съ четвертыми живутъ въ нѣжной дружбѣ, подготовляя и имъ погибель (политическіе революціонеры).

Чѣмъ же, однако, руководствуется разрушитель? Что должно выдти изъ разрушенія? Благо народа,—отвѣчаетъ главнокомандующій революціи. Но процессъ осуществленія этого „блага“ представляетъ такія оригинальныя черты, что мы должны остановиться на нихъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

„Революціонная ассоціація, — говоритъ Бакунинъ, — не имѣетъ другой цѣли, какъ полное освобожденіе и благо народа, т.-е. чернорабочаго люда. Но, признавая, что эта эманципація и это благо могутъ быть осуществлены только всеразрушающею народною революціей, ассоціація приложитъ всѣ силы и средства къ увеличенію золъ и народныхъ страданій, чтобы, наконецъ, истощить народное терпѣніе и возжечь возстаніе массъ“.

Стало-быть, „революціонеры“ должны постараться, чтобы въ данную минуту народу стало какъ можно хуже. Этимъ объясняется помѣщенное въ другомъ мѣстѣ правило, по которому революціонеры должны беречь вредныхъ, т.-е. злыхъ, безнравственныхъ и хищныхъ государственныхъ людей, ибо

они ухудшаютъ положеніе вещей и увеличиваютъ всеобщее недовольство. Наконецъ, народное возстаніе началось. Что скажутъ народу революціонеры, сдѣлавшіеся всесильными вожаками? Да ничего. Стихійная сила будетъ предоставлена себѣ самой, безъ всякой идеи, безъ всякаго плана. Бакунинъ съ отвращеніемъ говоритъ о западно-европейскихъ революціяхъ, останавливавшихся предъ всякими глупыми преданіями и предразсудками. Его революціонная ассоціація не имѣетъ намѣренія навязать народу какую бы то ни было ассоціацію (слава Богу!). Будущая организація, безъ сомнѣнія, выйдетъ изъ движенія и жизни народа, но это дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло—страшное, полное, безпощадное и всеобщее разрушеніе.

Но вотъ самая оригинальная „черта“ программы. Восклицая о „благѣ“ народа и о сближеніи съ нимъ, Бакунинъ относится, однако, къ этому нарооу безъ особеннаго довѣрія. Его нужно „поднять“—это правда. Но непосредственный разсчетъ ведется вовсе не на народныя силы, а на кое-что другое. Это „другое“ объясняетъ намъ самъ Бакунинъ. „Мы должны, — говоритъ онъ, — вступать въ союзъ съ тѣми народными элементами, которые, съ самаго основанія Московскаго государства, непрестанно—и не на словахъ только, а на дѣлѣ — протестовали противъ всего, что прямо или косвенно было связано съ государствомъ“.

Какіе же это элементы? Съ кѣмъ это нужно заключить „союзъ“?

„Мы должны, — восклицаетъ патріархъ русской революціи,—соединиться съ міромъ разбойниковъ, единственныхъ и дѣйствительныхъ русскихъ революціонеровъ“ [1]).

Мы остановились на идеяхъ Бакунина не потому, чтобы его „труды“ исчерпывали всю нашу революціонную литературу, но потому, что они выражаютъ наши революціонные принципы въ энциклопедической полнотѣ и краткости. Кромѣ того, Бакунинъ, безъ сомнѣнія, былъ самою крупною личностью въ нашемъ соціально-революціонномъ лагерѣ. Онъ выработалъ свое революціонное міросозерцаніе

[1]) R. Meyer, назв. соч., т. II, стр. 391—395.

еще въ крѣпостной и до-реформенной Россіи и проявилъ его, участвуя во множествѣ западно-европейскихъ революцій, со всѣмъ пыломъ своей страстной, необузданной натуры. На Западѣ пріобрѣлъ онъ репутацію человѣка, драгоцѣннаго наканунѣ революціи, но подлежащаго повѣшенію на другой день. Вездѣ Бакунинъ стоялъ на сторонѣ самыхъ крайнихъ элементовъ, какъ человѣкъ „разрушенія“ по преимуществу. Въ немъ—слова не расходились съ дѣломъ, и его личность будетъ чрезвычайно важна для опредѣленія характера нашего „соціальнаго движенія“, въ отличіе отъ западно-европейскаго.

Вотъ почему Бакунинъ наложилъ свою печать на всѣ произведенія нашей революціонной литературы, какъ заграничныя, такъ и издающіяся въ Россіи. Конечно, въ этой литературѣ воинствуютъ различныя направленія. Такъ, партія журнала „Впередъ“ (нынѣ „Община“) настаиваетъ на необходимости предварительнаго воспитанія народа въ революціонныхъ понятіяхъ и не отвергаетъ необходимости „ученія“ для вожаковъ революціи. Г. Ткачевъ рѣзко отвернулся отъ редакціи „Впередъ“, доказывая, что ея „революція съ подготовкой“ есть не что иное, какъ реформа, что, слѣдовательно, г. Лавровъ повиненъ въ шулерствѣ, подставляя одно понятіе вмѣсто другого и обманывая тѣмъ революціонную молодежь. Революціи,—говорилъ г. Ткачевъ,—совершаются именно меньшинствомъ, достигшимъ сознанія несостоятельности существующаго порядка, не дожидаясь страдающаго, но несознательнаго большинства. Во имя этихъ „идей“ и былъ основанъ „Набатъ“. Отсюда различіе между „пропагандистами“ въ собственномъ смыслѣ, посвящающими себя „революціи съ подготовкой“, и „бунтарями“, выходящими на площади для революціи „безъ подготовки“ и т. д.; всѣхъ „оттѣнковъ“ довольно много, хотя во всѣхъ звучитъ одна и та же нота.

Несмотря на это различіе во взглядахъ на процессъ революціи, обѣ главныя партіи не имѣютъ двухъ взглядовъ на ея цѣль. Такъ, въ одномъ изъ нумеровъ журнала „Впередъ“ (въ книгѣ) была помѣщена статья, посвященная

параллели американской войны за независимость и пугачевщины (по поводу столѣтія американской войны). Оказывается, что Вашингтонъ и его сподвижники были, конечно, люди почтенные, но ихъ идеалы были въ прошломъ. Бойцы за политическую только свободу, они повторяли зады и идеи ихъ отжили свой вѣкъ. Напротивъ, Пугачевъ положилъ начало будущему. Онъ одинъ изъ первыхъ и великихъ пророковъ „новаго міра“. Его дѣянія показываютъ, что нужно дѣлать для полнаго освобожденія страждущаго человѣчества. Затѣмъ, то же изданіе (какъ газета) настаивало на томъ, что Гарибальди и даже Феликсъ Піа — отсталые дѣятели. Даже парижская коммуна не вполнѣ удовлетворила пророковъ будущаго. Правда, она дала страшный урокъ старому міру, показавъ, что общество не нуждается въ спеціалистахъ по части управленія, суда и т. д., и что каждый „гражданинъ“ можетъ браться за всякое дѣло. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ образчикѣ „новаго міра“ имѣются зловредные признаки государственности. И въ самомъ дѣлѣ, что общаго между этими людьми „гнилого старья“, какъ выражается „Впередъ“, и тѣми людьми, предъ усиліями которыхъ, по выраженію того же изданія, должна пасть троица нашего времени: религія, собственность и государство?

Разинъ и Пугачевъ—вотъ альфа и омега нашей соціальной революціи. Въ теченіе десяти лѣтъ революціонная партія не выработала ничего другого. Недавно вышелъ первый нумеръ тайнаго изданія „Земля и Воля“. Здѣсь (стр. 3 и слѣд.) помѣщена программа соціальной пропаганды. Она замѣчательна особенно потому, что редакція „Земли и Воли“ отрицается отъ „Набата“ и заявляетъ сочувствіе „Общинѣ“, т.-е. „революціи съ подготовкой“. Но подготовка должна имѣть въ виду слѣдующіе принципы:

„Отобраніе всей земли у помѣщиковъ и бояръ; поголовное изгнаніе, а мѣстами и истребленіе начальства и всѣхъ представителей государства; образованіе „казачьихъ круговъ“, т.-е. вольныхъ автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли—такова, говоритъ „Земля и Воля“, была всегда

неизмѣнная программа народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ, Разина и Пугачева. Такова же, безъ сомнѣнія (а если нѣтъ?), остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа". Поэтому ее принимаемъ и мы, „революціонеры-народники", гордо заявляетъ „редакція". Затѣмъ, исходя изъ того убѣжденія, что революціонеры сильны только тогда, когда они являются представителями народныхъ массъ (что совершенно справедливо), „Земля и Воля" проповѣдуетъ не только совлеченіе одеждъ, чуждыхъ народу, но и отреченіе отъ идей и языка, ему непонятныхъ. Поэтому революціонеръ долженъ окунуться въ народъ, чтобы пропитаться его вѣковыми стремленіями, думать и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ. Прочь всякіе учебники и катехизисы! Бросайте науку и бросайтесь въ народный океанъ! Такимъ вразумительнымъ воззваніемъ кончается программа.

Да, есть маленькое различіе между этими людьми и Лассалемъ, который съ гордостью говорилъ про себя: „я не написалъ ни одной строки, не будучи вооруженъ всѣмъ знаніемъ моего вѣка": Но за то онъ и попалъ въ „отсталые".

Въ этой программѣ ясно и удобоисполнимо одно: бросанье учебниковъ и катехизисовъ. Впрочемъ, они никогда и не держались крѣпко въ рукахъ просвѣтителей народа. Чѣмъ другимъ, а научными предразсудками мы не богаты, и не они, конечно, станутъ поперекъ нашей соціальной революціи.

Затѣмъ, объ остальной части программы едва ли возможно „теоретическое" разсужденіе и едва ли она можетъ дать ему пищу для серьзной полемики. Такія вещи опровергаются простымъ фактомъ ихъ напечатанія, свидѣтельствуя о томъ, до чего можно додуматься и договориться. Теоретическое же опроверженіе этихъ воззрѣній безполезно уже потому, что, несмотря на завѣреніе „Земли и Воли", остается недоказаннымъ, что народъ исповѣдуетъ вѣру Стеньки Разина и Пугачева. Напротивъ, есть основаніе думать, что онъ держится иной вѣры, опираясь на которую, государство било Разиныхъ и Пугачевыхъ. Иначе не было бы нужды въ „соціальной пропагандѣ".

II.

Прочитавъ всѣ эти программы и катехизисы, читателю, можетъ быть, придетъ охота махнуть рукой и сказать — „родная дичь!“ О, еслибы всѣ вопросы рѣшались такъ легко и исцѣленіе всѣхъ бѣдствій зависѣло бы отъ маханья руками! Но, подъ покровомъ всеобщаго равнодушія и поголовнаго маханья руками, программы распространяются быстро, катехизисы выучиваются наизусть, становятся настоящимъ исповѣданіемъ вѣры, ради которой гибнутъ десятки и сотни юношей. Вспышки, то здѣсь, то тамъ, вызываютъ строгія мѣры; суды гражданскіе и военные произносятъ приговоры; полиція пользуется своими полномочіями—и глухая, неслышная борьба, отъ времени до времени, нарушаетъ „общественное спокойствіе“. Развѣ еще мало процесса съ 200 подсудимыхъ, длившагося нѣсколько мѣсяцевъ?

Дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы доказывать обществу несостоятельность такихъ „ученій“. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, стать въ ораторскую позу и доказывать, что планъ отобранія всей земли у „помѣщиковъ и бояръ“ нелѣпъ, что поголовное истребленіе всѣхъ представителей государства не будетъ допущено, что обращеніе русскаго государства въ федерацію „казацкихъ круговъ“ будетъ актомъ народнаго самоубійства. Но почему же такое ученіе распространяется, находитъ горячихъ поклонниковъ, вдохновляетъ проповѣдниковъ? Почему ни одинъ отецъ не можетъ быть увѣренъ, что его сынъ не попадетъ, такъ или иначе, въ какую-нибудь „двойку“ или „тройку“, а тамъ и на скамью подсудимыхъ? Почему самое общество присутствуетъ при этомъ зрѣлищѣ въ качествѣ равнодушнаго зрителя, которому, повидимому, нѣтъ дѣла до всѣхъ этихъ происшествій?

На эти довольно существенные вопросы мы не имѣемъ отвѣта до настоящаго времени. А они заслуживаютъ вполнѣ. Произведенія нашей соціалистической литера

и ихъ успѣшное распространеніе обращаютъ на себя вниманіе не сами по себѣ, а какъ симптомъ извѣстнаго общественнаго состоянія, какъ нумеръ градусника, показывающій, до какого кипѣнія достигла извѣстная часть нашего общества, какою атмосферою дышатъ молодые люди, бросающіе семьи, школьныя скамьи и идущіе въ „народъ“.

Молодежь „увлекается“,—говорятъ одни. Но молодость увлекалась съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ въ мірѣ молодость и молодое чувство. Почему же, однако, наша молодежь увлекается именно этими предметами, а не другими? Почему она не увлекается спиритизмомъ, лордомъ Редстокомъ, биржевою игрой и т. п. предметами „увлеченія“, только не молодого поколѣнія? Молодежь не учится,—говорятъ другіе. Но, въ данномъ случаѣ, мы не имѣемъ дѣла съ юношами „неучащимися“, въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. предающимися праздности по лѣни и поставившими себѣ цѣлью получить дипломъ по оригинально понятому экономическому правилу: достиженіе наибольшихъ результатовъ съ наименьшими усиліями. Эти господа сидятъ въ учебныхъ заведеніяхъ, предаются невиннымъ упражненіямъ на зеленомъ полѣ и по части эротической, а если и говорятъ о какихъ-нибудь „правахъ“, то развѣ о правѣ на лѣнь. Напротивъ, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ лицами, бросающими ученіе по принципу, ради извѣстныхъ цѣлей, съ которыми, по ихъ мнѣнію, не ладитъ ученіе. „Молодежь начиталась разныхъ соціалистическихъ книжекъ“,—говорятъ третьи. Но почему же именно эти, а не другія „книжки“ волнуютъ молодежь, почему на нихъ является великій запросъ и онѣ однѣ фигурируютъ въ библіотекахъ „новыхъ людей?“

Здѣсь уже прекращаются средства поверхностнаго объясненія занимающаго насъ явленія. Оно останется непонятнымъ, если мы не обратимся къ болѣе глубокимъ причинамъ. Одно, что́ мы можемъ объяснить, такъ сказать, на глазомѣръ, это форму нашихъ соціалистическихъ доктринъ. Рѣдкая соціалистическая программа на западѣ Европы представляетъ такой широкій, безшабашный, такъ-сказать,

размахъ, какъ наши. Нигдѣ дѣянія людей, подобныхъ Стенькѣ Разину и Пугачеву, не возведены на такую идеальную высоту. Но причины такой удачи заключаются именно въ томъ, что нашъ соціализмъ развивался и развивается въ чисто теоретической области, гдѣ изъ каждой посылки могутъ быть сдѣланы всѣ логическіе выводы, безъ всякаго соображенія о практической ихъ пригодности. На Западѣ выставляются иногда самые крайніе принципы, но практическое примѣненіе „выводовъ“ встрѣчается съ серьезными препятствіями въ лицѣ преданій, привычекъ, историческаго опыта и т. д. Съ этими вещами нельзя не считаться, особенно съ тѣхъ поръ, какъ соціализмъ изъ области умозрѣнія перешелъ на практическую почву. Въ Россіи крайность его практическихъ выводовъ опредѣляется именно его теоретическимъ характеромъ. Разъ въ „теоріи“ признано, что „капиталистическое производство“ служитъ на пагубу рабочимъ, то, говоря теоретически, почему же не „отобрать“ всѣхъ фабрикъ у хозяевъ и не разрѣшить, такимъ образъ, рабочаго вопроса радикально и разомъ?

Но гораздо затруднительнѣе объяснить то, что̀ даетъ содержаніе этимъ программамъ, т.-е. соціалистическое направленіе извѣстной части нашей молодежи. Рѣшеніе этого вопроса трудно въ особенности потому, что самаго движенія нашей революціонной молодежи мы не можемъ считать продуктомъ нашихъ соціальныхъ условій.

Серьезный общественный дѣятель и серьезная печать должны судить о значеніи каждой партіи не потому только, что̀ „заявляютъ“ и проповѣдуютъ ея представители, но потому, главнымъ образомъ, что́ она представляетъ на самомъ дѣлѣ, какими реальными условіями она порождена. Съ этой точки зрѣнія, къ великому сожалѣнію, еще никто не разсматривалъ нашего соціальнаго движенія. Всѣ безмолвно соглашались съ названіемъ, даннымъ себѣ „новыми людьми“. Они называютъ себя соціалистами, они пишутъ соціальныя программы—стало быть, они въ самомъ дѣлѣ соціалисты. А если нѣтъ? Если соціалистическимъ знаменемъ прикрывается нѣчто другое? Весь вопросъ, повторяемъ, име

характерѣ условій, породившихъ движеніе. Если мы не найдемъ у насъ условій для соціальнаго движенія, то намъ нужно будетъ поискать другихъ его причинъ. Посмотримъ въ чемъ дѣло.

На западѣ Европы соціализмъ засталъ уже двѣ раздѣленныя силы: землевладѣльческій и капиталистическій классъ—съ одной, и обезземеленное рабочее населеніе—съ другой стороны. Первый изъ этихъ классовъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, богатъ и вліятеленъ не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ парламентскія мѣста, высшую и мѣстную администрацію; онъ, опираясь на свою землю и на свои капиталы, сдѣлалъ государственную власть орудіемъ своихъ цѣлей. Тамъ понятна была вражда и борьба классовъ; тамъ рабочій имѣлъ основаніе искать причины своего угнетеннаго состоянія въ эгоистической политикѣ высшихъ классовъ.

Но когда рѣчь заходитъ о борьбѣ классовъ въ Россіи, мы прежде всего ищемъ вокругъ себя этихъ классовъ. Мы можемъ еще говорить о различіяхъ сословныхъ, т.-е. вытекающихъ изъ различія юридическаго положенія тѣхъ или иныхъ группъ, но не найдемъ условій для той глубокой экономической розни, изъ которой рождались бы и политическія страсти. Можно утверждать, что общее экономическое состояніе Россіи неудовлетворительно (и противъ этого едва ли кто будетъ возражать), но оно неудовлетворительно для всѣхъ.

Гдѣ это крупное и гордое землевладѣніе, являющееся дѣйствительною силою въ государствѣ, держащее въ своихъ рукахъ власть и повелѣвающее всей страной? Увы! У насъ довольно много толкуютъ о бѣдственномъ положеніи крестьянскаго хозяйства и не мы, конечно, станемъ доказывать противное. Но еще меньше можемъ мы толковать о „независимомъ“ землевладѣніи. Если крестьяне оставляютъ мѣстами свои надѣлы и предаются „отхожимъ промысламъ“, то тѣ же „промыслы“ существуютъ и для землевладѣльцевъ, только въ иной формѣ. Крестьянинъ идетъ на покосы въ южныя степи, землевладѣлецъ добивается мѣстечка

въ департаментѣ или въ банкѣ. Крестьянинъ идетъ на фабрику, землевладѣлецъ—въ желѣзно-дорожную администрацію. Крестьянинъ закладываетъ свои пожитки ростовщику, землевладѣлецъ закабаляетъ свое имѣніе въ банкъ. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ возможности говорить о землевладѣніи могущественномъ и повелѣвающемъ. Скорѣе есть основаніе удивляться другому явленію. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, нигдѣ не было видно такого безсильнаго землевладѣнія, такого нуля въ политическомъ и въ соціальномъ отношеніи, какъ землевладѣніе русское.

Не станемъ говорить, чье положеніе хуже: невыгода останется, конечно, на сторонѣ крестьянина. Но она вовсе не вытекаетъ изъ отношеній двухъ классовъ: землевладѣльческаго и крестьянскаго. Она есть плодъ многихъ другихъ условій, которыя вообще понизили значеніе „землевладѣнія“,—условій, благодаря которымъ земледѣліе наше не только не повысилось въ послѣднія двадцать лѣтъ, но даже пришло въ упадокъ.

Въ Англіи, Франціи и Германіи земледѣліе поставлено на коммерческую ногу, принаровлено къ потребностямъ промышленнаго производства, увеличиваетъ всѣ предметы отпускной торговли, участвуетъ въ возвышеніи національнаго богатства — и само есть богатство, растущее съ каждымъ годомъ. Мы же какъ сѣяли пшеницу, такъ и сѣемъ ее до сихъ поръ; какъ пасли овецъ, такъ и пасемъ ихъ донынѣ, и рады когда эта „земля“ обезпечитъ наше пропитаніе, что она не всегда желаетъ дѣлать. Гдѣ, въ какой части Европы, земледѣльцы и землевладѣльцы пришли къ тому рѣдкостному заключенію, что земледѣліе становится невыгодно, что земля нерѣдко является бременемъ, которое необходимо или заложить или продать на сносныхъ условіяхъ? И это совершается въ той странѣ, гдѣ до сихъ поръ живутъ убѣжденіемъ, что земледѣліе „основа“ нашего національнаго богатства!

Да, оно было бы и основою и источникомъ богатства, если бы его роль не ограничивалась доставленіемъ „средствъ пропитанія“ и нѣкотораго количества „сырья“ для вы

а имѣло бы въ виду промышленныя цѣли, если бы промышленность явилась дѣятельнымъ подспорьемъ земледѣлію. Но гдѣ наша промышленность? Гдѣ классы, опирающіеся на промышленное богатство, передающіе изъ рода въ родъ власть, почесть и вліяніе?

Съ другой стороны, гдѣ это фабричное населеніе, тѣснящееся въ громадныхъ фабричныхъ центрахъ, прикованное къ фабрикамъ, живущее отъ машинъ и незнающее деревенскаго воздуха. Правда, такое народонаселеніе зарождается въ Россіи, какъ зарождаются промышленные центры, и мы увидимъ ниже, что законодательству нашему не слѣдуетъ пренебрегать этими явленіями, какъ оно это дѣлало до сихъ поръ. Но говорить о русскихъ Манчестерахъ, Лидсахъ и Шеффильдахъ можно развѣ въ томъ смыслѣ, какъ Сумароковъ называлъ себя „россійскимъ господиномъ Вольтеромъ“.

Въ этомъ сознаются даже русскіе революціонеры-соціалисты, по крайней мѣрѣ ихъ новый органъ—„Земля и Воля“. Редакція этой газеты заявляетъ, что она „выдвигаетъ на первый планъ вопросъ аграрный“. Вопросъ же фабричный,—продолжаетъ она,—„мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому, что исторія, поставившая на первый планъ въ западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ“.

А не извѣстно-ли редакціи, почему это „исторія“ выдвинула въ Европѣ на первый планъ вопросъ фабричный? Подумавъ немного объ этомъ предметѣ, она пришла бы къ заключенію, что фабричный вопросъ былъ главнымъ двигателемъ соціализма, ибо здѣсь, въ этихъ фабричныхъ центрахъ, скучилось громадное число обезземеленнаго рабочаго люда, люда неорганизованнаго, поставленнаго въ условія „спроса-предложенія“; здѣсь выяснились со всею ихъ рѣзкостью отношенія труда къ капиталу, здѣсь послышались громкіе вопли на задѣльную плату. Этимъ и объясняется, что соціалистическое движеніе, развившись и укрѣпившись

въ промышленныхъ центрахъ, проникло въ массы сельскихъ рабочихъ только въ послѣднее время. И такой промышленной почвы для соціализма не замѣнитъ „аграрный“ вопросъ.

Каково значеніе и численное развитіе нашихъ „промышленныхъ“ сословій, лучше всего доказываетъ слѣдующій фактъ. На Западѣ города обязаны своимъ развитіемъ сильному промышленному и торговому движенію, и понятіе о городскихъ классахъ изстари связано тамъ съ понятіемъ промышленности и торговли. У насъ громадное большинство городовъ явилось на свѣтъ Божій вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, повелѣвавшихъ тѣмъ или другимъ „поселеніямъ“ именоваться городами. Но, разумѣется, такія „распоряженія“ не въ силахъ были обратить означенныя поселенія въ промышленные центры, хотя, въ противность всѣмъ естественнымъ и историческимъ законамъ, правительство и принимало мѣры „къ очищенію городовъ отъ всего имъ несвойственнаго“, какъ выражались указы. А такимъ „несвойственнымъ“ правительство считало занятіе земледѣліемъ, которому предавались городскіе обыватели, не смотря на желаніе законодательства сдѣлать ихъ исключительно промышленнымъ населеніемъ.

Здѣсь источникъ нѣкоторыхъ поразительныхъ явленій, немыслимыхъ на западѣ Европы ни въ какую эпоху ея развитія. Главною мѣрою, подъ вліяніемъ которой жители вновь созданнаго „города“ должны были оставить земледѣліе и обратиться къ „промысламъ“, было отобраніе у нихъ земли, что́ сопровождалось прискорбными происшествіями. „Такъ какъ обращеніе крестьянъ въ мѣщанское званіе,—говоритъ одинъ оффиціальный источникъ—бо́льшею частью сдѣлалось безъ ихъ на то согласія, то эта мѣра правительства иногда встрѣчала открытое сопротивленіе со стороны крестьянъ, которые и приводились въ повиновеніе посредствомъ военной команды: какъ это случилось, напримѣръ, въ 1836 году, при обращеніи слободы Царевки въ уѣздный городъ, тогда Саратовской, а нынѣ Астраханской губерніи“.

Но „промышленность“, даже подгоняемая воинскими командами, не являлась въ города. Не смотря на переименованіе крестьянъ въ „мѣщанъ“, послѣдніе продолжали заниматься хлѣбопашествомъ на наемныхъ земляхъ. Когда въ 1862 году повелѣно было приступить къ преобразованію общественнаго управленія городовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сочло необходимымъ ознакомиться прежде всего съ дѣйствительнымъ состояніемъ городскихъ поселеній. Подробныя свѣдѣнія о 595 поселеніяхъ дали слѣдующіе результаты:

„Въ общемъ числѣ 595 городскихъ поселеній, находится едва шестая часть такихъ, которыя по занятіямъ ихъ жителей имѣютъ, въ бо́льшей или меньшей степени, значеніе исключительно промышленныхъ пунктовъ. Затѣмъ, около 1/3 поселеній носитъ характеръ частью промышленный, частью-же земледѣльческій; а во всѣхъ остальныхъ жители или исключительно занимаются земледѣліемъ, или, если по недостатку земли занимаются имъ въ ограниченныхъ размѣрахъ, то снискиваютъ себѣ пропитаніе разными мелкими промыслами, преимущественно на сторонѣ“.

Характеристична также и величина населенія этихъ городовъ (кромѣ двухъ столицъ и Одессы). Указанныя выше свѣдѣнія дали слѣдующій результатъ:

Число поселеній.		От		До
27	. . . . .	—	—	1,000
74	. . . . .	1,000	—	2,000
194	. . . . .	2,000	—	5,000
179	. . . . .	5,000	—	10,000
55	. . . . .	10,000	—	15,000
35	. . . . .	15,000	—	25,000
23	. . . . .	25,000	—	50,000
8	. . . . .	50,000	—	и выше

Эти цифры даютъ уже намъ опредѣленное понятіе о значеніи нашихъ городскихъ поселеній и городскихъ классовъ.

Но значеніе это опредѣлится еще лучше, если мы остановимся на % отношеніи городского населенія къ сель-

скому. По даннымъ „Военно-статистическаго сборника“, въ Европейской Россіи *) приходилось 6.087,070 городскихъ жителей на 54.822,239, слѣдовательно 9,99% на общее число жителей. Въ Англіи на городскія поселенія приходится болѣе ½ всего народонаселенія. Во Франціи и Германіи свыше 30%. Но наша скромная цифра становится еще скромнѣе, если мы разсмотримъ распредѣленіе нашего городского населенія по губерніямъ.

Именно въ одной губерніи (С.-Петербургской) городское населеніе значительнѣе сельскаго (54,4% на 45,6). Въ Московской и Херсонской оно свыше 25%. Затѣмъ, въ трехъ свыше 15, въ 14 свыше 10, въ 23 отъ 5 до 9, въ 7 менѣе 5%.

По новѣйшимъ даннымъ, представленнымъ г-мъ Янсономъ **), число народонаселенія, помѣщающагося въ большихъ поселеніяхъ вообще (какъ городскихъ, такъ и не-городскихъ), т.-е. съ числомъ жителей свыше 20,000, представляетъ слѣдующее процентное отношеніе по государствамъ:

Въ Великобританіи	37,5
„ Франціи	15,6
„ Германіи	12,9
„ Австріи	7,6
„ Венгріи	6,7
„ Европ. Россіи	5,0

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что принадлежность къ „городскому населенію въ Россіи вовсе не предполагаетъ промышленныхъ занятій. Для полноты картины слѣдовало бы воспроизвести сравнительныя данныя о числѣ нашего дѣйствительно промышленнаго населенія, къ чему, къ сожалѣнію, у насъ мало средствъ.

Но данныя для другихъ государствъ отчасти уяснятъ намъ истинную „почву“ рабочаго вопроса. По англійской переписи 1871 года, все народонаселеніе распредѣлено по слѣдующимъ рубрикамъ:

*) Безъ Царства Польскаго, В. К. Финляндскаго, Кавказа и Сибири

**) Сравнительная статистика, т. I, 1878 г.

1) Профессіональный классъ *) . . .	684,102
2) Домашній классъ **)	5.905,171
3) Торговый	815,424
4) Земледѣльческій	1 657,137
5) Промышленный	5.137,725
6) Неопредѣленный ***)	8.512,706

Здѣсь особенно любопытно соотношеніе земледѣльческаго класса къ промышленному, который превышаетъ первый почти въ пять разъ.

Во Франціи, по иному способу исчисленія (1872 г.), къ земледѣльческому населенію отнесено 18.513,325 жит. съ женщинами, дѣтьми и прислугой, т.-е. 52,71% всего народонаселенія, а къ промышленному 8.451,344, т.-е. 24,06%, и къ торговому 2.960,342, т.-е. 8,43%. Остальная часть приходится на прочія занятія.

Для Россіи мы не имѣемъ подобныхъ точныхъ свѣдѣній, и должны довольствоваться приблизительными данными, почерпнутыми изъ свѣдѣній нашего центральнаго статистическаго комитета. По исчисленію 1866 года, въ предѣлахъ имперіи числилось 84,944 мануфактурныхъ заведенія по всѣмъ отраслямъ производства ****) съ 919,025 рабочими. Эти данныя сообщаются „Военно-статистическимъ сборникомъ“. Но нельзя не имѣть въ виду, что „сборникъ“ сообщаетъ данныя для всей Россіи, съ Царствомъ Польскимъ, Финляндіею, Кавказомъ и Сибирью, а это обстоятельство значительно измѣняетъ значеніе приведенныхъ общихъ цифръ для Европейской Россіи. Такъ, для обработки волокнистыхъ веществъ въ Европейской Россіи названо 3,666 фабрикъ

*) Чиновники, войско, ученые, духовные, врачи и т. д.

**) Женщины, занятыя дома (4.271,657), и прислуга.

***) Сюда относятся: а) лица съ неопредѣленными занятіями 802,303; б) лица, живущія своими доходами, 168,895, и в) школьники и дѣти безъ производительныхъ занятій 7.541,508.

****) Именно распредѣленныхъ по 9 группамъ: 1) фабрики и заводы по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, 2) по обработкѣ дерева, 3) животныхъ продуктовъ, 4) минеральныхъ продуктовъ, 5) металловъ, 6) химическихъ веществъ, 7) табаку, 8) питательныхъ продуктовъ, 9) предметовъ, не подходящихъ подъ предыдущія группы.

съ 294,866 рабочихъ, а для Царства Польскаго 4,997 фабрикъ съ 252,532 рабочихъ.

Г. Янсонъ, имѣя въ виду данныя для Европейской Россіи, полагаетъ число рабочаго населенія въ 575,000 рабочихъ въ крупной промышленности, не считая заводовъ горныхъ и всей горнозаводской промышленности. Эта приблизительная цифра признается имъ ниже дѣйствительной, но при этомъ должно принять въ разсчетъ то обстоятельство, что для огромнаго большинства рабочихъ „фабричный трудъ“ является однимъ изъ видовъ „отхожихъ промысловъ“, имѣющихъ значеніе зимою, а не лѣтомъ. Большинство рабочаго люда имѣетъ еще свою осѣдлость въ деревнѣ, и только въ рѣдкихъ мѣстностяхъ образовался фабричный людъ, въ собственномъ, европейскомъ смыслѣ, оторванный отъ „деревни“ и прилѣпленный къ фабрикѣ. Немногія мѣстности Россіи переработываютъ человѣка деревенскаго въ фабричнаго — таковы: Петербургъ, Москва, Нарва, Ивановъ-Вознесенскъ и нѣкоторыя другія. Въ нихъ зарождается „промышленная“ Россія, можетъ зародиться и „соціальный вопросъ“ при извѣстныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ. Но до сихъ поръ промышленность наша слишкомъ слаба, чтобы быть самостоятельнымъ источникомъ соціальнаго движенія.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что положеніе рабочихъ на нашихъ фабрикахъ хорошо;—по всей вѣроятности, оно хуже положенія англійскаго рабочаго. Мы не отрицаемъ массы злоупотребленій въ отношеніяхъ предпринимателей къ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ предпріятій. Но мы утверждаемъ, что неудовлетворительное положеніе нашего крестьянскаго и рабочаго класса не есть результатъ извѣстныхъ отношеній класса къ классу, а коренится въ другомъ порядкѣ условій.

Россія не прошла еще того процесса, который пережила западная Европа. Огромная масса народонаселенія имѣетъ еще твердую точку опоры въ собственной осѣдлости и въ собственномъ надѣлѣ. Болѣе половины (55 2/3%) всѣхъ удобныхъ земель въ государствѣ находится въ

крестьянства. Затѣмъ — и это весьма важно — крестьянство не представляется въ видѣ неорганизованной массы, въ видѣ простого собранія „недѣлимыхъ“, какимъ явился рабочій классъ на западѣ Европы. Нашему крестьянину не приходится искать новыхъ формъ для своей организаціи, вырабатывать невѣроятными усиліями союзы и ассоціаціи, какъ это пришлось дѣлать рабочимъ классамъ на Западѣ. Русское крестьянство имѣетъ свою вѣковую и прочную организацію. Его „міры“ являются союзами готовыми, приноровленными и къ экономическимъ, и къ другимъ нуждамъ крестьянства. Они, по выраженію Брентано, обнимаютъ „всего человѣка“; на міру рѣшаются всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ быту хозяйственному, къ мѣстному благоустройству, благочинію, и даже къ семейнымъ отношеніямъ.

Коротко говоря — крестьянство организовано, и нашему законодательству предстоитъ только улучшать эту организацію, устраняя изъ нея тѣ элементы, которые явились въ ней въ качествѣ продукта старой финансовой политики государства или устарѣлыхъ полицейскихъ соображеній. Со стороны организаціи силъ и возможности коллективнаго дѣйствія крестьянская масса поставлена въ сравнительно лучшія условія, чѣмъ тотъ жиденькій кисель (да простятъ намъ это выраженіе), который называется у насъ „высшими слоями“ и изъ которыхъ набираются притомъ ревностные послѣдователи соціальныхъ программъ.

Пойдемъ дальше. Народъ обремененъ податями и всякими повинностями, скажутъ намъ. Противъ этого факта мы, конечно, возражать не станемъ. Онъ подтверждается всѣми данными неоффиціальными, оффиціальными, полуоффиціальными, и мы возвратимся къ нему впослѣдствіи. Но въ данномъ случаѣ насъ занимаетъ существенная черта различія между положеніемъ дѣлъ у насъ и въ западной Европѣ. Извѣстно, что въ числѣ грѣховъ, которые Лассаль ставилъ на счетъ буржуазіи и ея эгоистической политики, была именно система косвенныхъ налоговъ, посредствомъ которыхъ буржуазное государство эксплуатируетъ „рабочіе

классы". Въ числѣ требованій соціально-демократической партіи поставлена отмѣна всѣхъ налоговъ, кромѣ прямого и прогрессивнаго налога съ имуществъ и наслѣдствъ. У насъ же самымъ непопулярнымъ и отсталымъ во всѣхъ отношеніяхъ налогомъ является именно налогъ прямой—т.-е. подушная подать. Не есть-ли и онъ произведеніе „русской буржуазіи"? Почитайте, подумайте!

Россія, повторяемъ, не пережила той эпохи, когда классъ (въ соціальномъ смыслѣ) владычествуетъ надъ классомъ, даетъ ему законы, устраиваетъ страну въ своихъ интересахъ, кладетъ на все государственное устройство свой отпечатокъ. Россія пережила эпоху сословій, какъ государственныхъ установленій, и эпоху крѣпостного права. Съ отмѣною послѣдняго вся сословная организація пошатнулась и распадается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ актомъ законодательной власти. Затѣмъ организація классовъ въ русскомъ обществѣ есть дѣло будущаго, и организація эта зависитъ отъ того, какое направленіе примутъ русская промышленность, торговля и земледѣліе, т.-е. три загадки, которыя никто не можетъ разрѣшить въ настоящее время. До сихъ поръ мы живемъ остатками старыхъ временъ, т.-е. эпохи сословной и крѣпостной. Мы находимся въ процессѣ перерожденія, совершающемся чрезвычайно медленно, съ многочисленными задержками естественными и искусственными, переносящими желаемое „будущее" съ насъ на нашихъ дѣтей. Но говорить о вліяніи классовъ, о борьбѣ съ ними, значитъ говорить о борьбѣ съ несуществующимъ и вліяніи ненародившагося.

Положимъ, это и такъ, скажутъ намъ. Но неужели ждать той блаженной эпохи, когда земля выйдетъ изъ крестьянскихъ рукъ, когда въ угоду нашимъ охранителямъ разовьется крупная собственность, образуются „промышленные центры" съ десятками тысячъ бездомныхъ рабочихъ, когда Россія продѣлаетъ все капиталистическое производство и „аграрный вопросъ" западной Европы?

Если такъ, то вопросъ получаетъ иную постановку и иное содержаніе. Онъ становится слѣдующимъ о

должна-ли Россія, сбросившая съ себя формы стараго сословнаго общества, идти экономически по тому пути, по которому шла Европа, и придти къ тѣмъ промышленнымъ формамъ, которыя дали рабочій вопросъ, или она должна выбрать для себя другую дорогу, которая приведетъ ее къ благосостоянію массъ?

Въ такой формѣ вопросъ имѣетъ очень опредѣленный и почтенный смыслъ. Дѣйствительно, мы не должны желать, чтобы экономическое состояніе нашего отечества уподобилось состоянію западно-европейскихъ государствъ съ чрезвычайно высокою цифрою общаго національнаго богатства, но съ бѣдностію низшихъ классовъ. Мы должны крѣпко держаться за имѣющіяся еще у насъ условія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства и улучшать эти условія. Мы должны помнить, что никакія политическія реформы не дадутъ намъ счастія (какъ народу), если рядомъ съ ними не будетъ развиваться попеченіе объ экономическомъ бытѣ народа.

Но для того, чтобы усвоить и проводить эти простыя и безспорныя понятія, не нужно быть соціаль-демократомъ. И не только не нужно, но и не слѣдуетъ. Къ чему выхватывать соціально-революціонное знамя изъ рукъ чужихъ людей, борющихся при совершенно иныхъ условіяхъ, при сложившихся классахъ, опредѣлившихся интересахъ? Этимъ путемъ можно только испортить дѣло; набросить соціалистическую окраску на дѣло, не имѣющее съ соціализмомъ ничего общаго; заранѣе подкосить усилія человѣка, который сталъ бы говорить объ облегченіи народныхъ нуждъ, объ устройствѣ крестьянскихъ переселеній, о развитіи артельнаго начала въ промышленномъ производствѣ, объ улучшеніи условій общиннаго землевладѣнія, обо всемъ, что на Западѣ, при данныхъ условіяхъ, является „соціалистическимъ“ требованіемъ, а у насъ будетъ вытекать изъ условій нашего народнаго быта.

Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говоримъ, что „соціальное движеніе“ не имѣетъ пока у насъ самостоятельныхъ источниковъ и самая соціальная партія наша не выражаетъ со-

бою (въ смыслѣ соціализма) ничего, кромѣ собственной своей программы.

На этомъ, кажется, и можно бы успокоиться. Если соціализмъ не имѣетъ у насъ почвы, то къ чему же дѣлать его предметомъ изслѣдованія, разсужденія? Да по очень простой причинѣ. Несмотря на то, что соціализмъ въ собственномъ смыслѣ пока не имѣетъ у насъ „почвы“, что программа нашихъ соціалистовъ явно несостоятельна, что длинныя теоретическія ихъ разсужденія суть варіаціи на европейскія темы и по европейскимъ матеріаламъ,—ученіе это распространяется быстро, овладѣваетъ массою молодыхъ умовъ, порождаетъ энтузіастовъ, пропагандистовъ, фанатиковъ. Стало быть, въ немъ есть жизнь, и мы не прекратимъ этой жизни, доказавъ, что въ Россіи нѣтъ условій для соціальнаго движенія. Мы „докажемъ“ этимъ только, что наше „движеніе“ не есть, въ существѣ своемъ (т.-е. по мотивамъ и условіямъ, его вызвавшимъ), движеніе соціальное. Но это только отрицательная сторона работы. Остается еще и положительная: разсмотрѣть, какими другими причинами вызвано это движеніе, выкинувшее соціалистическое знамя, и что̀ оно есть въ самомъ своемъ существѣ?

Этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ до настоящаго времени, несмотря на то, что многія практическія явленія заставляютъ предполагать, что онъ изслѣдованъ и рѣшенъ. Наши „пропагандисты“ дѣйствуютъ такъ, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ соціалисты и живутъ въ отечествѣ Бебеля и Газенклевера. Противъ нихъ принимаются мѣры, заставляющія думать, что Россія въ самомъ дѣлѣ идетъ по пути соціальной революціи.

Но нѣтъ ли здѣсь оптическаго обмана? Не стрѣляютъ ли съ той и другой стороны въ пустое пространство? Не тратятъ-ли силъ, необходимыхъ на настоящее, практическое дѣло? Надъ этими вопросами сто́итъ подумать хотя бы по слѣдующему соображенію. Всѣ наши „программы“ суть продуктъ сравнительно небольшого круга лицъ, предписывающихъ, направляющихъ и „посылающихъ“. Объ

лицахъ и ихъ программахъ не стоило бы говорить, ибо въ каждомъ обществѣ найдется нѣкоторое количество людей, тратящихъ по-пусту свое время. Но затѣмъ остается гораздо бо́льшее число лицъ увлекаемыхъ, „посылаемыхъ“ и уплачивающихъ каждую букву преподанной имъ программы наличною валютой. Если полемика съ лицами первой категоріи представляется незанимательной и даже безполезной, если разборъ ихъ программъ, изобрѣтаемыхъ на досугѣ и въ безопасности на берегахъ Темзы или Женевскаго озера, явится безплоднымъ упражненіемъ, то всякая попытка объясненія истиннаго положенія тѣхъ, которые увлекаются программами у насъ дома, и настоящихъ причинъ ихъ увлеченій — будетъ весьма полезна и для увлекающихся, а также и для тѣхъ, кто имѣетъ съ ними дѣло.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛѢДСТВІЯ.

I.

Русскій соціализмъ разсматривается обыкновенно какъ новая болѣзнь, въ родѣ трихинозиса или какъ неожиданное бѣдствіе, въ родѣ колорадскаго жука. Затѣмъ эта новая болѣзнь признается „мѣстнымъ“ недугомъ, поразившимъ извѣстную часть нашего общества, именно учащуюся молодежь. Этотъ несложный діагнозъ наводитъ и на простѣйшіе пріемы леченія. Обнести зараженную мѣстность карантиномъ, — установить строжайшій надзоръ за „больными“ — и развитіе болѣзни остановится само собою. Но произведенные уже опыты заставляютъ думать, что пріемы врачеванія не совершенно удачны, и это наводитъ на мысль, что и діагнозъ поставленъ неправильно.

На самомъ дѣлѣ, русскій соціализмъ, по существу своему не есть что то новое, и если онъ долженъ быть

признанъ за недугъ, то никакъ не за мѣстный. Вѣрнѣе сказать, нашъ соціализмъ не есть самъ по себѣ недугъ, но въ немъ должно видѣть симптомъ недуга общаго.

Укажемъ, для доказательства нашей мысли, на одинъ поразительный фактъ. Соціалисты и пропагандисты выходятъ изъ рядовъ интеллигентныхъ классовъ нашего общества; каждый изъ нихъ имѣетъ, въ средѣ этого „взрослаго“ и „развитаго“ общества, отцовъ, матерей, дядей, старшихъ братьевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти „взрослые“ не смотрятъ и не могутъ смотрѣть равнодушно, какъ ихъ потомство увлекается „опасными“ ученіями, попадаетъ въ мѣста предварительнаго заключенія и поселяется на восточныхъ окраинахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это взрослое общество, изъ простой человѣческой любви къ своимъ дѣтямъ, готово употребить всѣ усилія, чтобы удержать ихъ отъ „необдуманныхъ поступковъ“. Нѣтъ, наконецъ, сомнѣнія, что оно не сочувствуетъ программѣ нашей соціальной революціи съ ея Пугачевыми и „казачьими кругами“. Между тѣмъ оно оказывается безсильнымъ. Происходитъ-ли это отъ недостатка доброй воли, отъ неразумія, невѣжества? Конечно, нѣтъ. Взрослая часть общества, конечно, разсудительнѣе, опытнѣе, привычнѣе къ дѣлу и образованнѣе подростающаго и учащагося поколѣнія. Отчего же зависитъ это загадочное явленіе? На нашъ взглядъ—отъ двухъ причинъ, далеко не новыхъ: отцы и дѣти говорятъ на разныхъ языкахъ; общественныя учрежденія не имѣютъ пока самостоятельнаго воспитательнаго значенія.

Нигдѣ не существуетъ такого разрыва между поколѣніями, т.-е. такого отсутствія преемственности, какъ въ интеллигентныхъ классахъ Россіи. Двадцатилѣтній сынъ смотритъ на своего пятидесятилѣтняго отца какъ на человѣка не только иного поколѣнія, но и другого вѣка, а этотъ отецъ, вѣроятно, также относился къ своему родителю. Причина этого явленія довольно наглядна. Она кроется прежде всего въ характерѣ нашего умственнаго образованія.

Наука въ Россіи вообще молода, и теоретическія на-

правленія въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ являются результатомъ нашихъ домашнихъ условій и еще рѣже провѣряются данными русской жизни. Общимъ источникомъ всѣхъ нашихъ теоретическихъ направленій остается до сихъ поръ западная Европа. Что выработано тамъ, что тамъ считается за послѣднее выраженіе мысли, то и къ намъ является въ качествѣ послѣдняго и безапелляціоннаго слова науки и жизни, изъ котораго мы уже дѣлаемъ своеобразные „выводы".

Судьба этихъ господствующихъ направленій довольно оригинальна: онѣ быстро распространяются, господствуютъ деспотически, но затѣмъ бросаются такъ же легко, какъ и были усвоены. Это вполнѣ понятно: система не пережитая, а заимствованная всегда оставляется такъ же легко, какъ и получается. Если мой отецъ кланялся Канту, то почему мнѣ не бросить Канта и не поклониться Гегелю, въ ожиданіи, что мой сынъ низвергнетъ Гегеля и падетъ ницъ предъ О. Контомъ? На Западѣ также существуютъ разныя „системы", но вотъ въ чемъ разница: тамъ поклонникъ Милля знаетъ, что его учитель шелъ отъ Бентама, а Бентамъ чрезъ рядъ мыслителей XVIII вѣка связанъ съ Локкомъ, а Локкъ, чрезъ другихъ философовъ, соприкасается съ Бекономъ. Стало быть, Милль имѣетъ тамъ и отца, и дѣда, и прадѣда. Онъ занимаетъ мѣсто, уготованное ему предками и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно уготовано. Рядомъ съ нимъ и другія школы, развивавшіяся столь-же преемственно, занимаютъ свое мѣсто и стоятъ на немъ твердо. У насъ же Канты, Шеллинги, Гегели, Милли и Конты являются безъ отцовъ, какъ не помнящія родства, потому и умираютъ безпотомственно.

Но за то въ періодъ своего кратковременнаго владычества, они царятъ безраздѣльно, диктаторски, повелѣваютъ умами и душами подобно тому, кто сказалъ: „Азъ есмь сый". Кто поражается тѣмъ, что въ настоящее время никто не смѣетъ возвысить голоса противъ Карла Маркса, не навлекши на себя гнѣва его юныхъ поклонниковъ, тотъ пусть вспомнитъ, что болѣе взрослые люди такъ же ревниво

охраняли честь Милля, а еще старѣйшіе не могли вынести возраженій противъ теоріи „свободы торговли“. Затѣмъ нечего удивляться тому, что Аркадій Кирсановъ вынулъ изъ рукъ своего отца „устарѣлаго“ Пушкина; порывшись въ собственныхъ воспоминаніяхъ, старикъ Кирсановъ припомнилъ бы, что онъ самъ косо смотрѣлъ на своего отца, читавшаго „Бѣдную Лизу“ Карамзина.

Вотъ первая и важная „причина“: поколѣнія говорятъ на разныхъ языкахъ и не понимаютъ другъ друга. У насъ нѣтъ духовныхъ отцовъ и не будетъ духовныхъ дѣтей, чувствующихъ свою неразрывную связь съ нами, пока не установится преемственности въ нашемъ умственномъ развитіи, пока мы будемъ жить послѣдними словами чужой науки и пока каждое поколѣніе будетъ начинать свое умственное развитіе съизнова, „творяй изъ ничего“.

Къ этой причинѣ присоединяется еще и другая. Не смотря на то, что разныя теоретическія направленія усвоиваются и бросаются съ необыкновенною легкостью, т.-е., въ сущности, имѣютъ довольно мало значенія для нашего нравственнаго существа, они являются, однако, главнымъ источникомъ нашего нравственнаго воспитанія. Въ нихъ мы ищемъ отвѣтовъ не только на вопросы знанія, но и на всѣ проблемы общественной и государственной жизни.

На Западѣ человѣкъ не воспитывается одною теоріею, хотя она и играетъ важную роль въ воспитаніи. Но характеръ человѣка образуется тамъ дѣйствіемъ крѣпкихъ государственныхъ и общественныхъ установленій, давленіемъ общественнаго мнѣнія, участіемъ въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ общественной жизни, и жизнь эта кладетъ печать на самую науку. Тамъ ни одинъ мыслитель не понятенъ безъ общественной обстановки, которая его произвела. Для того, чтобы понять теорію экономической свободы въ Англіи, нужно воспроизвести всю промышленную, торговую, общественную и политическую исторію этой страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякая теорія можетъ имѣть тамъ вліяніе постольку, поскольку она согласна съ жизненными условіями. Роберту Оуэну не удалось осуществить сво[illegible]

листическіе планы, но онъ имѣлъ несомнѣнное и серьезное вліяніе на разрѣшеніе рабочаго вопроса. Оттого каждая серьезная теорія въ извѣстной мѣрѣ входитъ тамъ въ содержаніе жизни, обогащая нравственный и умственный капиталъ страны, и каждое серьезное жизненное явленіе даетъ толчокъ теоретическому развитію. Оттого, наконецъ, при взаимнодѣйствіи теоріи и жизни, тамъ образуются характеры, являются люди цѣльные, съ прочувствованными мыслями и продуманными чувствами.

У насъ трудно еще указать на учрежденія, которыябы могли дѣйствовать воспитательно, образуя характеръ и направляя самые теоретическіе помыслы человѣка. Вслѣдствіе этого, вліяніе „теоріи“ на молодые умы особенно велико у насъ, въ Россіи. Нравственный складъ юноши, не воспитываемаго жизнью и обстановкою общественныхъ учрежденій, образуется подъ вліяніемъ теоретическихъ началъ. А при такихъ условіяхъ не образуются характеры, способные трудомъ упорнымъ, изо дня въ день, проводить въ практику извѣстныя начала и передавать ихъ своему потомству для дальнѣйшаго и преемственнаго развитія. Увлеченіе теоріей способно въ лучшемъ случаѣ породить энтузіаста, человѣка внѣ пространства и времени и не пригоднаго ни для какого времени и пространства. Энтузіастъ съ ужасомъ помышляетъ о томъ времени, когда ему придется войти въ практическую жизнь, и это не удивительно. При томъ глубокомъ разрывѣ, какой существуетъ между „теоріею“ и „практикой“, вступленіе въ жизнь требуетъ отъ юноши отреченія отъ того, что онъ такъ или иначе усвоилъ въ качествѣ нравственнаго идеала, а это не легко, даже при той легкости, съ какою усваиваются у насъ разныя системы, и совершенно не нормально. Въ иныхъ мѣстахъ вступленіе въ „жизнь“ считается радостнымъ днемъ, котораго жадно ждетъ юноша, набравшійся силъ и знанія и рвущійся на живое дѣло. У насъ же „практическая жизнь“ для „теоретически“ подготовленнаго юноши представляется какимъ-то монастыремъ или тюрьмой, при входѣ въ которую нужно забыть то, оста-

вить это, отречься отъ третьяго, махнуть рукой на четвертое. Голосъ „практическаго человѣка“ кажется ему голосомъ искусителя, проповѣдью Молчалина, поучавшаго Чацкаго житейской мудрости.

Вотъ почему „теоретическая“ молодежь всегда относилась къ жизни въ качествѣ протестующаго элемента и всегда разсматривалась какъ элементъ не совсѣмъ „надежный“. Явленіе не новое, а, напротивъ, очень старое. Мотивы и знамена „протестовъ“ были различны, но сущность дѣла не измѣнялась. Третьяго дня протестовали по Гегелю, потомъ по Миллю, наконецъ, по Карлу Марксу. Бѣда только въ томъ, что всѣ протесты были эти протестами не силы, а безсилія, сознанія своей полной отчужденности отъ наличныхъ требованій жизни, выраженіемъ глубокаго субъективнаго горя, которое народъ не могъ признать своимъ. Таково положеніе дѣлъ сего дня, таково было оно вчера. Припомните скорбную исповѣдь, вылившуюся въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя.

Всякій, кто прочелъ это великое произведеніе и прочувствовалъ его, навѣрное понялъ, что подъ „мертвыми душами“ поэтъ разумѣлъ не души скупавшіяся Чичиковымъ. Этотъ міръ мертвыхъ душъ обнималъ и покойниковъ Неуважай-Корыто съ Стеіаномъ Пробкой, и Селифана съ Петрушкой, и Манилова съ Собакевичемъ, и Бетрищева съ Пѣтухомъ, и Тентетникова съ сосѣдями. Разница была только въ томъ, что одни рождались со всѣми свойствами мертвыхъ душъ, какъ напримѣръ, неладно скроенный, да крѣпко сшитый Собакевичъ: это мертвыя души первой, такъ-сказать, формаціи; другіе приходили въ тотъ же „предѣлъ“ послѣ предварительныхъ барахтаній и безплодныхъ порываній: таковъ Тентетниковъ. Въ свое время, онъ куда-то рвался, даже согрѣшилъ, попавъ въ нѣкоторое таинственное „общество“, куда затянули его „два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, но которые, отъ тостовъ частыхъ во имя науки, просвѣщенія и прогресса, сдѣлались потомъ горькими пьяницами“. Потомъ онъ завязъ, наконецъ, въ своей деревнѣ, въ качествѣ

вой души „вторичной формаціи“, т. е., порядочно надломленной и совершенно отрѣзанной отъ настоящаго, примитивнаго слоя, на которомъ процвѣтали Собакевичи, какъ законные сыны своего вѣка. Изрѣдка только просыпалось въ нихъ воспоминаніе о прошломъ, возбуждая страшную тоску по себѣ, по убывшей и замершей „живой душѣ“ своей, и ждали они того, говоритъ Гоголь:

„Кто былъ бы въ силахъ воздвигнуть и поднять, шатаемыя вѣчными колебаніями, силы и лишенную упругости, слабую, немощную волю,—кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ, крикнулъ душѣ пробуждающее слово впередъ! котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій, и званій, и промысловъ, русскій человѣкъ.

„Гдѣ же тотъ, — съ горькой грустью спрашиваетъ поэтъ, — кто бы, на родномъ языкѣ русской души нашей, умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово впередъ! Кто, зная всѣ силы и свойства, и глубину нашей природы, однимъ чародѣйскимъ мановеніемъ можетъ устремить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы онъ ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и болвановъ дремлетъ непробудно и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее слово!“

Страшное слово объ этомъ полумилліонѣ „сидней, увальней и болвановъ“, т.-е. объ интеллигентномъ слоѣ „мертвыхъ душъ“ первичной, вторичной, третичной и всякой иной формаціи! Но были же и въ омутѣ люди, не мирившіеся и не вступавшіе ни въ какой изъ означенныхъ „слоевъ“. Да, были. Но и они, въ извѣстномъ смыслѣ, не уходили отъ общей участи. Спасая свою душу отъ всеобщаго омертвенія, они замыкались въ своемъ субъективномъ мірѣ, питаясь привозною литературою, поддерживая ею слабый огонекъ, который они бережно и съ трудомъ охраняли отъ дуновенія воздуха, приводимаго въ движеніе могучими легкими Ноздревыхъ, Собакевичей, Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Держимордъ. Въ этомъ „объективномъ“

мірѣ, они жили, какъ чужіе и могли относиться къ нему только отрицательно. Они не могли крикнуть ему впередъ! во-первыхъ, „по независящимъ обстоятельствамъ“, а во-вторыхъ, потому, что „міръ“ не понялъ бы ихъ, чужихъ людей. И они кричали не впередъ, а вонъ отсюда! Они искали себѣ мѣста успокоенія и находили его, кто въ домашнемъ отшельничествѣ, какъ Чаадаевъ, кто за-границей, гдѣ они жили, любуясь на родную ихъ душѣ цивилизацію. Но, въ общественномъ смыслѣ, они обращались въ тѣ же „мертвыя души“, въ блуждающіе огни, безслѣдно пролетѣвшіе надъ родною землей.

Вотъ гдѣ корень „болѣзни“, и онъ показываетъ, что она не нова, хотя и приняла новыя формы, даже получила болѣе острый характеръ. Не новизну слѣдуетъ видѣть въ ней, а остатокъ старины, яркій отблескъ міра „мертвыхъ душъ“, и мы избавимся отъ нея только тогда, когда сотрется послѣдній слѣдъ этого міра, когда изсякнетъ послѣднее его дыханіе. До тѣхъ поръ, „отцы“ не будутъ имѣть духовной власти надъ „дѣтьми“ и каждый отецъ будетъ, съ безмолвною тоской, глядѣть на „увлеченіе“ сына, ведущее его къ гибели.

Но вѣдь міръ „мертвыхъ душъ“ уже затрещалъ и отступилъ назадъ? Вѣдь, 19-го февраля 1861 года, уже произнесено было мощное слово, предъ которымъ разсыпалось въ прахъ то, что служило основаніемъ, сущностью и опорою этому міру, т.-е. крѣпостное право? Теперь уже никто не продаетъ Степана Пробку ни мертваго, ни живого, ибо Степанъ Пробка сталъ человѣкомъ, свободнымъ сельскимъ обывателемъ, съ своими правами „личными и по имуществу“. Теперь, „храмъ уединеннаго размышленія“, воздвигнутый Маниловымъ, или разрушился, или обратился въ амбаръ для ссыпки хлѣба, а сынъ Манилова ѣздитъ въ земское собраніе, гдѣ сидитъ съ нимъ вмѣстѣ сынъ Пробки. Какимъ же образомъ, старая болѣзнь сохранилась въ новыхъ общественныхъ формахъ? Почему она приняла даже болѣе острый характеръ?

II.

О реформѣ, произведенной въ 1861 году, говорили и говорятъ очень много. Но, нельзя сказать, чтобы все ея значеніе было понято и всѣ ея послѣдствія признаны. Между тѣмъ, и это значеніе, и эти послѣдствія необходимо понять и признать, если мы вообще хотимъ понять переживаемую нами эпоху, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. Тотъ, кто хочетъ идти по прямой дорогѣ и видѣть ясно цѣль своего путешествія, тотъ долженъ имѣть предъ глазами реформу 1861 года во весь ея ростъ, какъ исходную точку всего современнаго развитія. Попытаемся нарисовать, въ немногихъ словахъ, хотя бы контуръ этого акта, но во весь ростъ. Посмотримъ, что содержалось въ этомъ царскомъ призывѣ, гласившемъ: „освобождайте крестьянъ!“

Царскій призывъ былъ направленъ на самый фундаментъ стараго зданія, на почву, ростившую мертвыя души всѣхъ типовъ. Перестройка фундамента не могла не отозваться на самомъ зданіи. Это увидѣли одинаково и общество, и правительство. Именно, они увидѣли въ отмѣнѣ крѣпостнаго права не одно упраздненіе барщины, дворни, крѣпостныхъ гаремовъ, сѣченія на конюшняхъ, т.-е. всего, въ чемъ проявлялась власть человѣка надъ человѣкомъ. Въ великомъ актѣ нельзя было не увидѣть многаго другого, ибо само крѣпостное право не было только барщиной, гаремомъ и сѣченіемъ. Оно было основаніемъ для цѣлаго общественнаго и государственнаго міросозерцанія, которое можно охарактеризовать словомъ—вотчинное. Такое міросозерцаніе имѣло своимъ послѣдствіемъ, что люди вообще разсматривались какъ вещи, а вещи не бываютъ „субъектами правъ“, даже гражданскихъ. При такой основѣ, всѣ отношенія опредѣлялись и устраивались по образу и подобію вотчинныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Окружной начальникъ, батальонный командиръ, исправникъ, предсѣдатель палаты, городничій, были тѣми же вотчинниками въ своихъ отношеніяхъ къ государственнымъ крестьянамъ, къ солда-

тамъ и „къ обывателямъ“ всякаго рода. Наоборотъ, отъ этого „закрѣпощенія“ не уходила и казна, когда, по какому-нибудь случаю, она попадала въ распоряженіе служащаго или частнаго лица. И эта черта не ушла отъ наблюдательности Гоголя. Его городничій былъ, по-своему, правъ придя въ негодованіе на жаловавшихся на него купцовъ. „Сдѣлаешь—кричалъ онъ имъ—подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставишь гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это!... Жаловаться? а кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это?“ Свои люди!

Стало быть, отмѣна крѣпостного права, въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей, пережившихъ это незабвенное время, влекло за собою установленіе новаго порядка, построеннаго на признаніи правъ личности, какъ формальнаго обезпеченія „живой души“, призванной къ новому и живому дѣлу. Это сознаніе не было какимъ-нибудь „мечтательнымъ стремленіемъ“, но и перешло въ дѣло, въ законодательные акты. Положеніе о крестьянахъ дало имъ личную свободу, надѣлъ и общинное самоуправленіе. Вслѣдъ за тѣмъ, сознана была необходимость подвести всю массу крестьянства подъ одни общія начала управленія и эти начала были заимствованы не изъ прежняго учрежденія о государственныхъ крестьянахъ, а изъ положенія новаго. Установленія бывшихъ государственныхъ или, вѣрнѣе, казенныхъ крестьянъ оказались несостоятельными и пали. Послѣ признанія за крестьянами правъ свободныхъ членовъ русскаго общества, прежняя система мѣстнаго управленія, построенная на узкосословномъ началѣ, съ преобладаніемъ одного сословія надъ другими, должна была замѣниться всесословнымъ земскимъ самоуправленіемъ. Старый „слѣдственный“ процессъ и сословное раздѣленіе органовъ суда, подчиненныхъ всесильной администраціи, обанкротились; оказалась необходимость въ выборной земской юстиціи, въ независимыхъ коронныхъ судахъ, въ учрежденіи присяжныхъ

засѣдателей. Тѣлесное наказаніе плетьми — этотъ символъ народнаго рабства — отмѣнено. Воинская повинность изъ рекрутчины, тяготѣвшей надъ податными классами, обратилась въ повинность всесословную. Новыя понятія хлынули всюду, въ правительственную практику, въ частныя отношенія, въ воспитаніе. Общество, призванное къ самодѣятельности, къ развитію закономѣрному, нуждалось и въ новой просвѣтительной, контролирующей, такъ-сказать, силѣ, въ силѣ печатнаго слова; 1865 годъ принесъ извѣстныя льготы нашей печати, освобожденной, до нѣкоторой степени, отъ старыхъ цензурныхъ стѣсненій.

Таковы главныя черты этой „новой эпохи“. Оглядываясь назадъ, можно сказать, что, въ смыслѣ внутреннихъ реформъ, за эти благодатныя десять лѣтъ, было сдѣлано больше, чѣмъ во сто предшествующихъ годовъ. Не свидѣтельствуетъ ли это не только о силѣ даннаго толчка, но и о томъ, что все, слѣдовавшее за толчкомъ, т.-е. за упраздненіемъ крѣпостного права, было логическимъ его послѣдствіемъ? Не вправѣ ли мы сказать, что „положеніе о крестьянахъ“ останется, выражаясь языкомъ музыкантовъ, доминатою эпохи, начатой въ 1861 году. Все, согласное съ этою основною нотою, дастъ гармонію; все, несогласное — произведетъ диссонансъ, котораго нельзя будетъ сгладить никакими ритурнелями.

Въ началѣ этой великой эпохи, Россія выступила впередъ, какъ вся, какъ единая земля. Въ великомъ дѣлѣ нашли себѣ удовлетвореніе всѣ „души“. Встрепенулись крестьяне, почуявшіе сладкую волю свободнаго труда; вскинулись, на время замерзшіе въ непробудномъ снѣ, отставные поручики и штабъ-ротмистры: мощный духъ времени пробудилъ въ нихъ человѣка, они пріосанились и браво исполнили должности мировыхъ посредниковъ. Ободрились и „огорченные—чужіе“ и „пострадавшіе“ люди всякихъ энохъ. Старые декабристы писали уставныя граматы и приводили къ соглашенію „на выкупъ“, на ряду съ петрашевцами, съ „огорченными“ новѣйшаго типа. На этомъ чудномъ пирѣ не было чужихъ людей: всѣмъ было мѣсто и великое цар-

ское слово—свобода нашло отзвукъ во всѣхъ душахъ. Кто не помнитъ эти дни? Кто забылъ это чудное лѣто, обильное тепломъ, дождями, урожаемъ и свѣтлыми надеждами на будущее? Жаль нынѣшней молодежи: она не пережила этихъ дней, не провела ихъ среди народа; у нея нѣтъ этихъ воспоминаній, смягчающихъ сердце человѣка на всю жизнь. Она взросла и растетъ подъ вліяніемъ другого времени, наступившаго скоро, очень скоро, послѣ свѣтлыхъ лѣтнихъ дней 1861 года.

Это другое время принято называть временемъ переходнымъ. Да, мы живемъ въ переходное время, говорятъ всѣ, и это „счастливое“ выраженіе служитъ одновременно средствомъ и объясненія, и осужденія, и оправданія того, что совершается кругомъ насъ. Нужно ли объяснить какую-нибудь явную несообразность, вопіющее противорѣчіе — ссылка на „переходное время“ готова. Но какой же смыслъ заключается въ этомъ выраженіи? Нельзя не сознаться, что надъ нимъ очень мало думали. Люди, употребляющіе его ежедневно и ежечастно, способны объяснить его только слѣдующимъ образомъ: старое еще не отжило своего вѣка, новое только начинаетъ нарождаться. Эта борьба стараго съ вытѣсняющимъ его „новымъ“ и даетъ ту совокупность явленій, которая, для удобства и краткости, характеризуется словомъ — переходное время. Но въ вещахъ этого рода краткость не всегда удобна.

Ссылка на переходное время, какъ на нѣкоторую краткую формулу, отъ слишкомъ частаго ея употребленія, получила значеніе столь же извѣстной ссылки на „среду“, на „независящія обстоятельства“ и т. п. Смыслъ этихъ „ссылокъ“ одинъ: устраненіе всякой личной отвѣтственности за все, совершающееся кругомъ, оправданіе полнаго равнодушія, бездѣйствія и лѣни въ томъ „полумилльонѣ“, о коемъ такъ скорбѣлъ Гоголь. Растраты, хищенія, казнокрадство, дутыя предпріятія, вялое содѣйствіе народному образованію, упадокъ земледѣлія, истребленіе лѣсовъ, финансовыя тягости народа, безотчетность и безконтрольность, — все это только симптомы переходнаго времени, а

тамъ — перемелется, мука будетъ. Превосходное утѣшеніе, умилительное слово! Но вѣдь для „перемола“ нужны и хорошіе жернова, и порядочные мельники, не расхищающіе зерна, и доброкачественное зерно, иначе изъ этой „муки“ не испечешь ничего, кромѣ плохихъ сухарей, причемъ опять придется расчитывать, что все „переваритъ“ крѣпкій русскій желудокъ. Коротко говоря, отъ этихъ ссылокъ на „переходное время“ жутко становится, ибо въ нихъ слышится поворотъ къ старому, какъ будто пережитому нами времени, ко времени „мертвыхъ душъ“.

Не пора ли посмотрѣть на дѣло пристально, разглядѣть его во всѣхъ подробностяхъ, не пропуская ни одной? Да, мы должны сдѣлать это безбоязненно, хотя бы мы увидѣли „подробности“ мрачныя, хотя бы мы пришли къ убѣжденію, что наше время, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, хуже времени чистыхъ, безпримѣсныхъ мертвыхъ душъ. Только тогда, когда зло будетъ понятно въ цѣломъ и въ подробностяхъ, мы будемъ знать что дѣлать и чѣмъ намъ быть. Мы достаточно страдали мыслебоязнію, достаточно долго думали, что наилучшее средство излеченія зла — не думать о немъ и не говорить; что отъ молчанія и недуманія зло изгонится изъ дѣйствительной жизни, какъ мы выгнали его изъ нашего мышленія. Дѣти! мы какъ будто не подозрѣваемъ, что отъ молчанія и недуманія гаснетъ не зло, а гаснемъ мы, что въ этомъ молчаніи и недуманіи слабѣютъ наши мысль и воля и что съ каждымъ годомъ мы становимся все менѣе и менѣе способными для борьбы съ „обстоятельствами“. „Memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus, si tam in nostra potestate esset oblivisci, quam tacere“, какъ сказалъ по другому случаю Тацитъ *).

III.

Освобожденіе крестьянъ, давши толчокъ ко всѣмъ другимъ реформамъ нынѣшняго царствованія, явилось совер-

*) „Вмѣстѣ съ словомъ, мы потеряли бы самую память, еслибы въ нашей власти было бы также забывать, какъ молчать“.

шенно неожиданно для нашего общества. Мы не хотимъ сказать этимъ, что паденіе крѣпостнаго права не было вызвано настоятельными причинами: напротивъ, по нашему глубокому уразумѣнію мѣра эта явилась довольно поздно и этимъ объясняются многія важныя ея послѣдствія. Мы хотимъ только указать на всѣмъ извѣстный фактъ, что общество наше не ожидало этой реформы, и высочайшій рескриптъ 20-го ноября 1857 года грянулъ какъ громъ изъ яснаго неба. Въ послѣдніе годы предъ вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя, крѣпостное право было взято какъ бы подъ особое покровительство въ качествѣ „фундаментальнаго“ учрежденія нашего государства.

Приведемъ въ доказательство замѣчательное мѣсто изъ записки о „крѣпостномъ состояніи“, принадлежащей покойному Ю. Ѳ. Самарину, написанной и пущенной въ ходъ за годъ до появленія высочайшаго рескрипта, т. е. осенью 1856 года. Вотъ что говоритъ этотъ видный дѣятель крестьянской реформы:

„Еще недавно, лѣтъ двадцать тому назадъ, правительство и общество признавали крѣпостное право за несомненное зло. Противъ этого никто не возражалъ, никто за него не заступался и спорили только о томъ: наступило ли время упразднить его, какимъ путемъ изъ него выдти, чѣмъ замѣнить существующій порядокъ. Прискорбно сознаться, что теперь (1856 г.) уже не то. Правительство приняло крѣпостное право подъ свое особенное покровительство: оно изъято безусловно изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ позволено разсуждать печатно: самые отдаленные намеки на вредныя его стороны преслѣдуются цензурою съ безпощадною строгостію; наконецъ, въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали являться апологіи крѣпостного права, выведенныя не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ, религіозно-нравственныхъ началъ—апологіи самаго существа крѣпостного права. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи, продолжаетъ Самаринъ, одно мѣсто въ наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ

деній, изданномъ въ 1852 году. Въ пользу крѣпостного права приведены тексты изъ священнаго писанія—единственный, небывалый примѣръ въ нашей литературѣ. Въ немногихъ словахъ, совѣтъ, предлагаемый авторомъ инструкціи воспитанницамъ, можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе божественное, какъ Божью заповѣдь, употребляйте его какъ власть родительскую надъ дѣтьми" *).

Итакъ, призывъ къ отмѣнѣ крѣпостного права послѣдовалъ непосредственно послѣ того времени, когда начальство женскихъ учебныхъ заведеній было приглашено ростить Коробочекъ по апостолу Павлу и когда всѣ Коробочки и ихъ супруги заснули въ увѣренности, что никогда и ничья рука не посягнетъ на „Божественное установленіе". Реформа застала общество въ расплохъ. Къ этому должно прибавить и то, что оно не было подготовлено законодательными и практическими мѣрами прежняго времени. Хотя въ царствованіе Александра I и въ началѣ царствованія Николая I, правительство и лучшая часть общества и признавали крѣпостное право за „несомнѣнное зло", хотя законы 1803 и 1842 годовъ и имѣли въ виду вызвать въ средѣ дворянства движеніе къ его отмѣнѣ, тѣмъ не менѣе оно вышло изъ этихъ двухъ царствованій, т.-е., послѣ 55 лѣтъ скептическаго къ нему отношенія, не только не поколебленное, но еще и съ „апологіею". Наконецъ, бытовыя обстоятельства получили такой острый характеръ, что потребовалась немедленная отмѣна крѣпостного состоянія, отмѣна разомъ, однимъ взмахомъ. Другого исхода не было

Все это, вмѣстѣ взятое, положило неизгладимый отпечатокъ и на крестьянскую реформу, и на всѣ послѣдовавшія за нею преобразованія, и на характеръ общества, вышедшаго изъ реформы, и на построеніе самихъ правительственныхъ сферъ, словомъ, на все, отъ чего зависитъ характеръ нашего „переходнаго времени".

Всякое преобразованіе, совершенное внезапно и разомъ,

*) Полное Собр. соч. т. II, стр. 21.

несомнѣнно производитъ серьезное потрясеніе въ общественномъ организмѣ и вызываетъ особый, несовершенно довѣрчивый на него взглядъ въ самомъ законодателѣ. Это неизбѣжно, и служитъ наилучшимъ доказательствомъ тому, что общество страдаетъ отъ реформъ преждевременныхъ гораздо меньше, чѣмъ отъ преобразованій запоздалыхъ. Преждевременная реформа произведетъ, правда, нѣкоторую смуту, но она не потрясетъ общественнаго организма, а просто не привьется къ нему, какъ это случилось съ иными „преждевременными“ реформами Іосифа II Австрійскаго. Напротивъ, когда общество долго и долго остается безъ преобразованій самыхъ необходимыхъ, когда оно готово застыть въ отжившихъ формахъ и когда эти формы, ради спасенія организма, необходимо разбить вдругъ, тогда въ обществѣ происходятъ явленія, вызывающія скептическое отношеніе къ самой реформѣ.

Посмотримъ, какъ эти обстоятельства отразились на нашей практической жизни.

IV.

Потрясеніе, произведенное въ обществѣ отмѣною крѣпостного права, не подлежитъ сомнѣнію. Дѣйствіе его ощущается до настоящаго времени, хотя обыкновенно мы не можемъ дать себѣ отчета, въ чемъ оно состояло и состоитъ. Между тѣмъ глазу сколько-нибудь внимательнаго наблюдателя оно представляется въ видѣ связнаго процесса, и характеръ этого процесса опредѣляется однимъ словомъ: разложеніе высшихъ классовъ нашего общества. Страшный процессъ, сопряженный съ гибелью и съ извращеніемъ многихъ, порождающій, на ряду съ свѣтлыми, много уродливыхъ явленій. „Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“. Обратимъ здѣсь вниманіе прежде всего на „стекло“, ибо „булата“ у насъ, въ день освобожденія крестьянъ, было не много.

Когда формы прежняго быта разбиваются разомъ, когда,

сотни тысячъ людей выбиваются изъ колеи, по которой шли ихъ отцы, и дѣды, и прадѣды, первая забота этихъ людей—устроить свое личное положеніе, пристроиться такъ или иначе. Въ прежнее время молодой „интеллигентный“ человѣкъ росъ на даровомъ хлѣбѣ, въ дѣдовской обстановкѣ и ясно предвидѣлъ все теченіе своего бытія. Сначала его „отдадутъ въ ученье“, потомъ онъ исполнитъ стародавній долгъ „дворянина“ послужитъ отечеству, и, наконецъ, выйдетъ въ отставку въ чинѣ поручика или коллежскаго ассесора, и засядетъ въ деревнѣ, для бесѣдъ съ приказчикомъ, псовой охоты и „рощенія“ себѣ подобныхъ, которыхъ ожидала таже судьба. Эта нехитрая программа выполнялась всѣми одинаково, жизнь шла гладко, хоть и глупо, и каждый зналъ свой „предѣлъ“. Но вдругъ, съ 19-го февраля 1861 года оказалось, что судьба каждаго человѣка отнынѣ будетъ зависѣть отъ него самого, отъ его личныхъ способностей, трудолюбія, предпріимчивости. Нехитрое сельское хозяйство прежняго времени вдругъ нужно было поставить на „коммерческую ногу“, какъ всякое иное промышленное предпріятіе, расчитывать, оборачиваться, подчиняться закону „спроса и предложенія“, умѣть обращаться съ вольнонаемнымъ трудомъ и т. п.

Это новое „требованіе времени“ было съ общеисторической точки зрѣнія высоко-нравственно, ибо оно призываетъ человѣка жить своимъ трудомъ, а не высасывать чужой, творить, а не покоиться на крѣпостныхъ душахъ, предпринимать, а не засыпать въ формахъ прадѣдовскаго хозяйства, однимъ словомъ, идти впередъ, обогащая не только себя, но и окружающихъ, возвышая не только свой умственный и нравственный уровень, но и содѣйствуя усовершенію другихъ.

Но не должно забывать, къ какому обществу было обращено это требованіе. Правда, все русское общество рванулось впередъ въ шестидесятыхъ годахъ, съ самыми свѣтлыми, даже съ преувеличенными надеждами на будущее. Въ то время казалось, что все возможно, все осуществимо. Но всѣ порыванія быстро разбились о практическую и не-

отложную нужду каждаго: устроить какъ-нибудь свое личное существованіе. Эта нужда обострялась, такъ сказать, серьезнымъ экономическимъ кризисомъ. Помѣщики, превратившіеся въ „землевладѣльцевъ“, оказались на этой землѣ въ довольно оригинальномъ положеніи: безъ оборотнаго капитала, безъ кредита и безъ хозяйственной опытности, т.-е. безъ тѣхъ условій, которыя нужны для всякаго предпріятія. Многія (если не большинство) не имѣли даже утѣшенія разсчитывать на выкупныя свидѣтельства, ибо они были обременены долгами—наслѣдіемъ прежней не разсчетливой и безпутной эпохи. Если прибавить къ этому, что крымская война оставила послѣ себя тяжкій финансовый и экономическій кризисъ, то мы будемъ имѣть предъ собою довольно полную картину крушенія и крушенія столь же внезапнаго, какъ и радикальнаго.

Среди такого внезапнаго крушенія естественно рождалась потребность немедленнаго опредѣленія и устройства своей личной участи. Эта потребность развивалась въ страстное, неудержимое стремленіе, если принять въ разсчетъ, что лица, ее почувствовавшія, не имѣли понятія о трудѣ, о томъ процессѣ, какимъ накопляется богатство и устраивается „участь“; что они издавна удовлетворяли своимъ потребностямъ безъ усилій, при помощи крѣпостного труда или въ долгъ, и что они попали въ новыя условія съ широкими привычками даровой и безрасчетливой жизни.

При такихъ усложненіяхъ на Руси раздался страшный, раздирающій крикъ: дайте намъ обезпеченное положеніе, дайте его сейчасъ, безъ всякихъ нашихъ усилій и въ надлежащемъ размѣрѣ! И пошла погоня за наживой, какой давно не видѣло наше общество. На помощь къ этой погонѣ пришла масса новыхъ „предпріятій“, народившихся на свѣтъ вмѣстѣ съ новой эрой: акціонерныя компаніи, желѣзныя дороги, банки, товарищества всѣхъ сортовъ. Все бросилось въ спекуляціи, въ ажіотажъ, въ чаяніи легкой и богатой добычи. Замѣтимъ при этомъ, что „идеалы“ этого новаго „промышленнаго“ общества создавались при значительной помощи примѣра западной Европы. Русскій „[illegible]

свѣщенный" дѣлецъ жадно присматривался къ промышленной и биржевой оргіи, устроенной западно-европейскою буржуазіею. Биржевая и акціонерная горячка, охватившая Западъ и завершающаяся теперь всякими „крахами", проникла и къ намъ, въ качествѣ „послѣдняго слова" культуры и попала на благодарную почву.

Конечно, весьма многія изъ этихъ предпріятій по существу своему были полезны, необходимы: государство-вотчина должно было, наконецъ, приладиться къ промышленной Европѣ съ ея путями сообщенія, средствами кредита, съ ея способами соединенія личныхъ силъ для всякаго рода промышленныхъ цѣлей. Но у насъ это движеніе было, такъ-сказать, ручьемъ, попавшимъ въ потокъ болѣе мощнаго движенія, слагавшагося изъ неудержимаго стремленія многихъ тысячъ, выбитыхъ изъ колеи, людей, захватить себѣ „приличное" положеніе, съ еще болѣе приличнымъ состояніемъ. Стало-быть, новыя предпріятія должны были прежде всего служить этимъ цѣлямъ личнаго „благополучія" старыхъ по существу и духу, но новыхъ по внѣшнему положенію людей, стремившихся наверстать на этихъ предпріятіяхъ то, что было утрачено ими на крѣпостномъ правѣ. Здѣсь источникъ ожесточеннаго характера спекуляціи, дутыхъ предпріятій, растратъ, безцеремоннаго обращенія съ акціонерами, съ вкладчиками, съ публикой, словомъ всего, что производитъ негодованіе и тошноту при взглядѣ на нашъ промышленный міръ. Юханцевъ, попавшій изъ офицеровъ Преображенскаго полка, въ кассиры банка, изъ кассировъ въ червонные валеты, только образчикъ, и не изъ крупныхъ, этого міра. Въ этой сферѣ встрѣтились старые откупщики и подрядчики, строившіе мосты, съ „написаніемъ дерева на двадцать тысячъ"; графы, князья, бароны, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, вымаливающіе мѣста у этихъ новыхъ „строителей", или продающіе свое вліяніе для испрошенія концессіи; ловкія дамы „проводящія дѣла", и всякаго рода высоко и низко поставленные люди, пущенные судьбой по скату, въ концѣ котораго стоитъ высокій столбъ съ надписью — червонный валетъ.

На такой подкладкѣ и въ такой атмосферѣ, конечно, не могло быть рѣчи о выработкѣ какого-нибудь „міросозерцанія“, тѣмъ болѣе „міросозерцанія“ нравственнаго. Когда масса людей приведена въ хаотическое состояніе, когда каждый атомъ этой массы принужденъ думать объ устройствѣ своихъ личныхъ дѣлъ, онъ привыкаетъ ставить себя и свое матеріальное благосостояніе началомъ и концомъ всего сущаго и мало-по-малу отбрасываетъ въ сторону всѣ нравственныя понятія, ибо всякій нравственный принципъ выводится изъ предположенія связи человѣка съ его „ближними“ и является нормою отношеній къ этимъ ближнимъ: „не убій, не укради, не прелюбы сотвори, возлюби ближняго твоего какъ самого себя“. Но когда человѣкъ обращенъ въ естественное состояніе, когда принципъ „самосохраненія“ выступаетъ во всей своей наготѣ, человѣкъ бросаетъ всѣ эти нравственныя понятія, какъ ненужный балластъ, какъ препятствіе къ достиженію цѣли. Человѣкъ становится практическимъ, не въ смыслѣ, раскрытомъ Бэкономъ, призывавшимъ умственныя силы человѣка къ побѣдѣ надъ природой и къ возвышенію общаго уровня человѣческаго благосостоянія, а въ смыслѣ умѣнья жить взаимнымъ разореньемъ.

Мы не должны удивляться, что этотъ „практическій“ вѣкъ увидѣлъ такое пониженіе нравственнаго уровня и такое паденіе умственныхъ интересовъ, какого не видѣлъ даже міръ мертвыхъ душъ. Тамъ былъ искусственно созданный, искусственно поддерживаемый интеллигентный слой, съ искусственно обезпеченнымъ досугомъ, которымъ онъ пользовался для своего личнаго духовнаго развитія и выработалъ въ себѣ душу, способную откликнуться на все живое и откликнувшуюся на призывъ къ освобожденію крестьянъ. Теперь жизни больше, больше людей снующихъ, суетящихся. Но весь вопросъ въ томъ, что̀ живетъ въ этихъ людяхъ, какая часть человѣческаго существа говоритъ въ нихъ и заставляетъ ихъ суетиться? Есть-ли это часть духовная, образъ и подобіе Божіе, исканіе правды и преподобія истины, или голосъ плоти, взывающій—устраивайся и насыщайся, какъ

кричалъ онъ во время великаго переселенія народовъ? Мы не ошибемся, сказавъ, что этотъ послѣдній голосъ кричитъ сильнѣе перваго, если только не кричитъ онъ одинъ.

Когда всѣ отношенія и занятія поставлены подъ одинъ уголъ зрѣнія и когда этимъ угломъ зрѣнія является вопросъ объ устройствѣ личной „судьбы", самая жизнь общественныхъ учрежденій принимаетъ своеобразный характеръ.

Реформы новаго времени открыли много новыхъ путей къ общественной дѣятельности. Между этими путями первое мѣсто занимаетъ, конечно, поприще мѣстнаго самоуправленія. Здѣсь могли показать себя интеллигентныя силы, накопленныя въ прежнее время. Къ сожалѣнію, это мѣстное самоуправленіе до настоящаго времени остается вопросомъ, по причинамъ, лежащимъ какъ внѣ „интеллигентной" массы, такъ и въ ней самой. Здѣсь мы намѣрены сказать о причинахъ второго порядка; о первыхъ будетъ сказано ниже.

„Интеллигенція" могла дать силу и значеніе мѣстнымъ установленіямъ, сдѣлать изъ нихъ основу для дальнѣйшихъ реформъ, подъ однимъ условіемъ: сойтись съ народомъ, сдѣлаться его естественнымъ, законнымъ и довѣреннымъ представителемъ. Но для этого ей слѣдовало быть на мѣстахъ, крѣпко сидѣть на этой землѣ, сдѣлать ее источникомъ своего богатства и вліянія, полюбить свой уголъ, сродниться съ мѣстными интересами, понимать ихъ такъ, чтобы ихъ пониманіе было, такъ-сказать, квинтэссенціею разумѣнія всего мѣстнаго населенія. На дѣлѣ этого не случилось.

Конечно, „интеллигенція" явилась въ мѣстныя „собранія" не безъ идей. Но эти идеи были результатомъ предварительнаго теоретическаго образованія и плохо ладили съ мѣстными нуждами. Въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и ихъ дѣйствіи они искали удовлетворенія на свои субъективные запросы, составленные по самоновѣйшимъ сочиненіямъ, и когда эти запросы оставались безъ удовлетворенія, они махали рукою на „мѣстные вопросы". Въ существѣ они оставались людьми чужими мѣстному населенію, производили впечатлѣніе господъ прежняго времени, нежиданно попавшихъ на крестьянскую свадьбу.

Таково было положеніе сравнительно лучшихъ людей, не говоря уже о массѣ. Въ глазахъ массы, служба по земскимъ выборамъ была поставлена въ одинъ рядъ съ прочими „мѣстами“, способными обезпечить положеніе ихъ обладателей. Но, весьма естественно, что съ этой точки зрѣнія „мѣста“ по земской службѣ не могли конкурировать съ другими „мѣстами“ на службѣ желѣзнодорожной, банковой, и даже государственной, поскольку она сопряжена съ хорошими окладами и акциденціями. При всеобщемъ исканіи „мѣстъ“ произошло нѣчто, напоминающее процессъ распредѣленія поземельной собственности, какъ его описываетъ Рикардо. Сначала заняты были тучныя и плодородныя мѣстности, въ видѣ акцизныхъ управленій, разныхъ „правленій“ въ акціонерныхъ компаніяхъ, потомъ слѣдовали мѣстности уже насиженныя, но продолжавшія привлекать „интеллигентныя“ силы—таковы департаменты въ разныхъ центральныхъ управленіяхъ; наконецъ, въ самомъ низу іерархіи были помѣщены песчаныя, лѣсистыя и болотистыя мѣста земскаго самоуправленія, дававшія „ренту“ развѣ въ томъ случаѣ, если дѣятелямъ удавалось примазать земство къ общей понтировкѣ по дѣламъ желѣзнодорожнымъ, банковымъ, водопроводнымъ и другимъ. Весьма естественно, что эти мѣстности населялись людьми не перваго и даже не второго, а третьяго разбора, тогда какъ „сливки“ бросали мѣстности и родныя деревни для „рентъ“ болѣе высокихъ.

При такомъ положеніи вещей весьма трудно говорить объ обществѣ знающемъ откуда и куда оно идетъ, чего хочетъ въ общественномъ смыслѣ и могущемъ осуществить свои желанія.

Когда всякія мѣста и поприща оцѣниваются съ точки зрѣнія „ренты“, можно-ли ожидать, что человѣкъ поклонится мѣстному самоуправленію, какъ зародышу новаго бытія и отвернется отъ иного „поприща“, выражающаго отживающую идею, напримѣръ, идею централизаціи и административной опеки? Самоуправленіе возможно только въ той странѣ, гдѣ люди смотрятъ на общественное служеніе,

какъ на естественное дополненіе и послѣдствіе своего личнаго положенія на мѣстахъ; когда они видятъ въ занятіи этихъ мѣстъ обязанность; когда они идутъ на эти мѣста такъ же вольно и непринужденно, какъ наши предки шли въ полки; когда, однимъ словомъ, на человѣка, не служащаго такъ или иначе земству, будутъ смотрѣть такъ же удивленно, какъ прежде смотрѣли на „неслужащаго дворянина“.

Тогда „мѣстное самоуправленіе“ дѣйствительно обратится въ твердую исходную точку нашего развитія къ новому и лучшему. До тѣхъ же поръ всякія разсужденія о сравнительныхъ достоинствахъ децентрализаціи и централизаціи, земскаго представительства и бюрократіи, самоуправленія и опеки, останутся разсужденіями, не имѣющими практическаго значенія. Кромѣ того, они будутъ вредными разсужденіями, въ томъ смыслѣ, что всегда будутъ набрасывать тѣнь на искренность разсуждающаго и даже на достоинство проповѣдуемыхъ имъ принциповъ. Когда человѣкъ, въ силу теоретической привычки, твердитъ о пользѣ самоуправленія и, въ то же время, ради „ренты“ занимаетъ мѣсто, съ которымъ сопряжены мѣропріятія въ духѣ централизаціи и опеки, онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, дѣлающаго не то, что́ думаетъ, и думающаго не то, что́ дѣлаетъ, словомъ, призрака, человѣка лжи, лгущаго другимъ и себѣ.

Не требуйте отъ него, чтобы онъ сказалъ вамъ, куда мы идемъ: онъ этого не знаетъ и едва-ли думалъ серьезно объ этомъ. Еще меньше можетъ онъ отвѣтить на вопросъ куда мы должны идти. При той привычкѣ прилаживаться къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, согласовать несогласуемое и примирять непримиримое, какая выработывается въ личной „борьбѣ за существованіе“ въ передѣлкѣ на русскій ладъ, онъ не въ состояніи будетъ поставить себѣ вопросъ прямо и отвѣтить на него откровенно. Явятся наши знаменитые „съ одной стороны, съ другой стороны, принимая во вниманіе то и это, не упуская изъ виду другого и третьяго“, однимъ словомъ, все, что́ изобрѣтено для успокоенія совѣсти современнаго человѣка.

Такимъ образомъ, интеллигенція наша живетъ еще въ видѣ неорганизованной массы, т.-е. въ видѣ атомовъ, не имѣющихъ крѣпкой точки опоры въ мѣстности, въ видѣ безпорядочной толпы, снующей по всѣмъ направленіямъ, въ погонѣ за обезпеченнымъ положеніемъ, безъ коллективнаго міросозерцанія и безъ признанной всѣми общественной цѣли. Если она и имѣетъ какіе-нибудь теоретическіе идеалы, то въ качествѣ остатка и воспоминанія отъ временъ юности, ни для кого не обязательнаго, удобнаго для частной критики, но непригоднаго для дѣйствія. Въ немъ нѣтъ существеннаго признака дѣйствительнаго міросозерцанія: цѣльности. То, что называется нашимъ міросозерцаніемъ, есть не что иное, какъ механическое собраніе разныхъ мнѣній, часто противорѣчивыхъ. Въ немъ найдется и отрывокъ изъ декларации правъ 1789 года, и кусокъ изъ рѣчей Лассаля, и мѣста изъ „Жирондистовъ“ Ламартина, изъ „Экономическихъ Противорѣчій“ Прудона, изъ „Свободы“ Милля, и изъ „Общественнаго Договора“ Руссо и цитаты изъ Монтескье и Гнейста. Все это придаетъ игривость частной бесѣдѣ — variatio delectat — но непригодно для дѣйствій, ибо въ мірѣ „дѣйствій“, по выраженію Милля, одинъ человѣкъ съ убѣжденіями стоитъ девяносто девяти съ мнѣніями.

Египетъ, съ его рабствомъ и рабскимъ трудомъ надъ пирамидами, остался позади насъ и самый слѣдъ въ него залитъ волнами Чермнаго моря. Но обѣтованная земля еще далеко и, повидимому, надъ новымъ Израилемъ тяготѣетъ Божій запретъ: не войдетъ онъ въ эту землю, пока не истлѣютъ кости тѣхъ, кто вышелъ изъ Египта и зналъ египетское рабство. И какъ имъ войти? Они сами не вѣрятъ въ дѣло своего освобожденія, сами оглядываются назадъ, воспоминая о явствахъ египетскихъ, сами отвертываются отъ скрижалей завѣта и сливаютъ себѣ золотого тельца, и оборачиваютъ свои немощныя головы къ мѣдяному змію только въ годину бѣдствій, и идутъ по пустынѣ, задыхаясь, съ проклятіями, безъ сознанія цѣли и причины своего странствія. Переходное время!

V.

Не одно общество было застигнуто въ расплохъ крестьянской реформою. Правительственныя и законодательныя сферы находились въ томъ же положеніи. Теперь, на разстояніи пятнадцати лѣтъ, на это положеніе можно и должно взглянуть объективно.

Когда человѣкъ собирается дать толчокъ извѣстному предмету, онъ, разумѣется, разсчитываетъ всѣ послѣдствія толчка, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя. Иныхъ онъ желаетъ, другія — старается предотвратить. Эти соображенія, когда толчокъ слишкомъ силенъ, заставляютъ его относиться скептически къ самому толчку, дабы онъ не произвелъ послѣдствій, нежелательныхъ, въ данную минуту, по тѣмъ или другимъ причинамъ. Наконецъ, когда толчокъ требовалъ большаго напряженія силъ, когда рядъ послѣдствій добытъ нѣсколькими сильными ударами, человѣкъ склоненъ думать, что дальнѣйшіе удары поведутъ къ послѣдствіямъ нежелательнымъ и онъ останавливается въ своей работѣ.

Это сравненіе объяснитъ многіе изъ фактовъ, на которые придется указать.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда рѣчь зашла о перемѣнѣ фундамента нашего общественнаго зданія, въ обществѣ родились всевозможныя стремленія и надежды, частью преувеличенныя. Объективно разсуждая, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и прискорбнаго. Если рѣчь зашла о существенномъ фундаментѣ стараго времени, то почему нельзя было разсуждать о разныхъ иныхъ фундаментахъ и зданіяхъ, на нихъ воздвигнутыхъ? Напротивъ, это слѣдовало сдѣлать, ибо крѣпостное право, какъ мы видѣли, давало тонъ всѣмъ установленіямъ, накладывало печать на всѣ явленія. Новый міръ, очевидно, могъ выдти только изъ новыхъ условій и новаго міросозерцанія. И эти „міросозерцанія“ со всею страстью разработывались и въ домашнихъ кружкахъ, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ га-

зетахъ, и въ толстыхъ журналахъ. Разумѣется, само собою, что только часть этихъ стремленій могла сдѣлаться общею и для массы общества, и для правительства. Ими опредѣлился кругъ совершонныхъ реформъ, и всѣ онѣ были задуманы приблизительно въ одно и то же время: реформа крестьянская, земская, судебная, городская и по дѣламъ печати.

Но преувеличенныя надежды, возлагавшіяся на „новое время“, нѣкоторые симптомы броженія, нѣкоторыя „новыя слова“, шедшія въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ, вызывали опасенія какъ за самыя реформы, такъ и за ихъ послѣдствія. Все это было въ порядкѣ вещей. Не нужно забывать, кромѣ того, что по мѣрѣ движенія преобразованій подымала голову партія, вовсе не думавшая разрывать съ преданіями стараго порядка. Она была составлена изъ людей разныхъ типовъ: крѣпостниковъ безпримѣсныхъ, не тронутыхъ „культурою“ и даже отрицавшихъ эту культуру, какъ источникъ всякихъ „неустройствъ“, и людей quasi-культурныхъ, отрицавшихъ реформы во имя „порядка“, образецъ котораго они видѣли въ имперіи Наполеона III. Аргументація людей перваго типа была довольно проста: мужиковъ не слѣдовало освобождать, ибо что же будутъ дѣлать мужики безъ помѣщика какъ не безчинствовать и воровать. „Слова“ другихъ людей, при общемъ мотивѣ съ первыми, были хитрѣе. Они съумѣли умственно отвлечь понятія общества и правительства и доказывать, что въ совершонныхъ реформахъ содержится рядъ „уступокъ“, сдѣланныхъ правительствомъ „обществу“, что эти уступки ведутъ къ ослабленію правительственнаго авторитета и что поэтому правительство должно вооружиться новыми средствами для предстоящей ему борьбы съ обществомъ. Нельзя сказать, чтобы эти слова проходили безслѣдно, и вліяніе ихъ легко объясняется тѣми условіями, среди которыхъ совершились наши реформы.

Мы не станемъ излагать исторію примѣненія реформъ; это потребовало бы слишкомъ много мѣста. Но наша цѣль будетъ достигнута, если мы представимъ здѣсь рядъ круп-

ныхъ фактовъ, характеризующихъ современное положеніе вещей и объясняющихъ свойства нашего времени, какъ времени „переходнаго“. Существенные признаки такого времени состоятъ въ томъ, что иныя новыя учрежденія остаются недостроенными, что рядомъ съ новымъ держится много стараго, съ нимъ несогласуемаго, и настолько еще живого, что оно пускаетъ свои ростки даже въ область новаго. Всѣ эти признаки можно найти и въ современномъ положеніи вещей.

Впечатлѣніе незаконченности производитъ, прежде всего, самая важная изъ всѣхъ совершившихся реформъ—реформа крестьянская. „Положеніе о крестьянахъ“ намѣтило двѣ главныя цѣли преобразованія: освобожденіе крестьянской личности (цѣль юридическая) и хозяйственное обезпеченіе крестьянства (цѣль экономическая). Конечно, обѣ эти ближайшія цѣли, при надлежащемъ осуществленіи ихъ, должны были привести къ одному общему результату: къ образованію изъ крестьянства самостоятельнаго и равнаго со всѣми другими элемента русскаго общества. Но такой результатъ могъ получиться только при помощи ряда мѣръ, дополнявшихъ и развивавшихъ „Положеніе 19 февраля“.

До отмѣны крѣпостного права въ обществѣ и законодательствѣ существовалъ одинъ цѣльный взглядъ на крестьянство. Именно „крестьянинъ“ вообще разсматривался какъ извѣстная рабочая сила, прикрѣпленная къ землѣ для отбыванія повинностей всякаго рода, и эти „повинности“ являлись какъ-бы специфическимъ признакомъ „податной“ Россіи, рѣзко отдѣленной отъ Россіи неподатной, привилегированной. Въ дѣйствительности на крестьянствѣ лежало не одно, а два крѣпостныхъ права: частное и государственное. Безобразный, острый характеръ частнаго крѣпостного права былъ причиной, что второй видъ отступалъ на задній планъ и, такъ-называемые, государственные крестьяне производили впечатлѣніе свободныхъ поселянъ. Но, по упраздненіи помѣщичьей власти, государственное крѣпостное право выступило изъ тѣни съ рѣзкими чертами стараго порядка.

Старое раздѣленіе Россіи на податную и неподатную, на Россію, имѣющую только финансовое значеніе и другую, активно живущую, осталось во всей силѣ. Поэтому, и законодательный терминъ: „свободный сельскій обыватель", не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, особенно въ эпоху всесословную. „Свободный сельскій обыватель" отдѣленъ отъ другихъ „обывателей" платежомъ подушной подати, лишеніемъ права поступать въ государственную службу, примѣненіемъ къ нему наказанія розгами, какъ за „провинности", такъ и за неплатежъ податей, особенно строгою паспортною системой и т. д. Всѣ эти различія имѣютъ не только важное юридическое значеніе, въ томъ смыслѣ, что онѣ препятствуютъ сліянію сословій и ослабляютъ до minimum'а самостоятельность и безопасность крестьянской личности, но и влекутъ за собою важныя экономическія послѣдствія.

Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что осуществленіе экономической стороны крестьянской реформы, т.-е. выкупной операціи, даже при весьма благопріятныхъ условіяхъ, требовало большихъ усилій со стороны крестьянскаго сословія, такъ какъ, говоря простымъ языкомъ, крестьяне купили землю въ долгъ и за занятыя деньги платятъ проценты. Поэтому, экономическое развитіе крестьянства зависѣло отъ того, въ какой мѣрѣ ему удастся подняться надъ тѣмъ уровнемъ, въ которомъ его застало освобожденіе. При такомъ условіи чрезвычайно важенъ тотъ фактъ, что крестьянство осталось въ положеніи податной массы на прежнемъ основаніи, т.-е., что на немъ лежитъ главная часть финансовой тягости и что оно прикрѣплено къ землѣ, какъ въ лучшія времена „вотчиннаго" государства.

Результаты такого положенія не замедлили обнаружиться. Труды правительственной податной коммиссіи засвидѣтельствовали, что крестьянское хозяйство не въ состояніи покрывать съ надѣловъ крестьянскаго бюджета, со включеніемъ податей, и что крестьянинъ принужденъ отдаваться отхожимъ промысламъ, въ разсчетѣ на заработокъ. Податная коммиссія засвидѣтельствовала фактъ, подтверждаемый

всѣми наблюденіями, что уровень крестьянскаго благосостоянія не только не повысился, а скорѣе понизился. Объясненіе этого факта кроется во множествѣ причинъ; хотя иные публицисты видятъ только одну: народное пьянство.

Они забываютъ, что по размѣру потребленія вина Россія стоитъ далеко не на первомъ мѣстѣ въ ряду европейскихъ государствъ, и что пьянство вовсе не тождественно съ большимъ годовымъ потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, если это потребленіе равномѣрно. Пьянство есть фактъ гораздо болѣе психическій, чѣмъ матеріальный и, въ качествѣ такового, является результатомъ, а не причиной. Не потому человѣкъ находится въ ненормальномъ состояніи, что онъ пьянствуетъ, а наоборотъ. Какъ фактъ психическій или, вѣрнѣе, психіатрическій, пьянство является обыкновенно результатомъ такихъ условій, при которыхъ человѣкъ не можетъ подняться надъ своимъ низкимъ матеріальнымъ и нравственнымъ уровнемъ, когда онъ не можетъ „поправиться“ и обращается въ гулящаго человѣка.

Именно эти условія „поправленія“ и остались внѣ дѣйствія законодательства, несмотря на то, что многія реформы въ этомъ смыслѣ задуманы давно. Много лѣтъ трудится податная коммиссія; долго работала коммиссія о пересмотрѣ паспортной системы; чрезвычайно долго идетъ дѣло и о новомъ порядкѣ укрѣпленія правъ на имущество, настоятельно необходимыхъ для нуждъ сельскихъ обывателей, ибо только тогда откроется для нихъ возможность пріобрѣтенія мелкихъ земельныхъ участковъ, совершенно необходимыхъ при недостаточности крестьянскихъ надѣловъ.

Мы упомянули здѣсь только о тѣхъ вопросахъ, настоятельность рѣшенія которыхъ признана оффиціально. Но имѣется рядъ другихъ вопросовъ, тѣсно соприкасающихся съ „народнымъ бытомъ“ и не затронутыхъ въ такой мѣрѣ даже „въ проектахъ“. Сюда относится прежде всего фабричный вопросъ.

Несмотря на то, что Россія не есть страна промышленная въ западно-европейскомъ смыслѣ, было бы однако заблужденіемъ думать, что она живетъ исключительно „зе-

мледѣліемъ". Напротивъ, фабрики и фабричное населеніе растутъ, но остаются безъ всякаго законодательнаго вліянія. Наше дѣйствующее законодательство по этому предмету относится цѣликомъ къ эпохѣ крѣпостного права, когда вольнонаемный трудъ былъ исключеніемъ, при крѣпостномъ или „приписномъ" трудѣ, какъ общемъ правилѣ. Тогда законодатель могъ ограничиться не многими статьями, изображенными въ уставѣ фабричномъ и въ законахъ гражданскихъ, т.-е. поставить вольнонаемный трудъ подъ дѣйствіе общихъ правилъ о личномъ наймѣ.

Но теперь условія измѣнились, вольнонаемный трудъ сдѣлался общимъ правиломъ: массы рабочихъ видятъ въ фабричномъ трудѣ постоянное средство существованія или одинъ изъ „отхожихъ промысловъ". Измѣнилось-ли законодательство сообразно этимъ условіямъ? Ни на одну букву. Вся эта важная область отдана въ безконтрольное распоряженіе „хозяевъ", и ни одинъ глазъ не осмѣливается заглянуть сюда подъ опасеніемъ упрека въ „соціализмѣ". У насъ нѣтъ законовъ, ограждающихъ дѣтскій трудъ и ограничивающихъ пользованіе трудомъ женскимъ. Сколько же тысячъ женскихъ и дѣтскихъ существованій замкнуто въ фабричной атмосферѣ, вырождаясь физически и извращаясь нравственно? Статистика административная и медицинская молчатъ, и только частныя наблюденія приподымаютъ завѣсу съ картины, далеко неприглядной. Чѣмъ дышатъ рабочіе на фабрикахъ, чѣмъ питаются, какая вода попадаетъ имъ въ желудокъ? Новое молчаніе, несмотря на то, что частныя наблюденія намекаютъ и на зараженный воздухъ, и на недоброкачественные припасы, и на злокачественную воду. Какъ разсчитываются хозяева съ рабочими? Новая неизвѣстность. Правда законъ воспрещаетъ хозяевамъ разсчитываться съ рабочими товарами и вообще „натурой". Но ничто не препятствуетъ хозяину „продавать" рабочимъ разные предметы изъ открытой имъ лавки и даже фактически обязывать ихъ къ „пріобрѣтенію" товаровъ изъ своей лавки или напитковъ изъ своего кабака. Тѣже частныя наблюденія свидѣтельствуютъ, насколько грубы и без-

церемонны пріемы для извлеченія изъ кармана рабочаго его заработка. Коротко говоря, элементарные пріемы для огражденія здоровья, жизни и скромнѣйшихъ правъ фабричнаго населенія еще не проникли въ наше законодательство. Не говоримъ уже о болѣе сложныхъ вопросахъ регулированія задѣльной платы: они начисто устраняются дѣйствующимъ закономъ.

Съ страннымъ чувствомъ обращаемся мы къ 1861 году. Онъ похожъ на „либеральную“ мать, неожиданно родившую „свободнаго“ ребенка и затѣмъ оставившую его на попеченіи чужихъ людей, вовсе нерасположенныхъ пещись о немъ. Оставленный безъ призора, онъ растетъ въ бѣдности, бросаясь съ своего оскудѣвшаго „надѣла“, то на фабрики, гдѣ онъ встрѣчается съ сильнымъ аппетитомъ „хозяевъ“, то въ рискованные отхожіе промыслы, усваиваетъ дурныя привычки, пьетъ, заражается сифилисомъ. Гдѣ противоядіе злу? Въ школѣ?

Да, она была бы нужна, эта школа. Въ 1861 году законъ освободилъ милліоны людей, но не надо забывать, что люди эти по закону назывались крѣпостными и росли среди условій, приближающихъ человѣка къ животному. Когда, въ 1863 году, сѣверъ Америки освободилъ рабовъ южныхъ штатовъ, онъ двинулъ туда, вслѣдъ затѣмъ, цѣлую армію народныхъ учителей, ибо видѣлъ въ этомъ главное средство подготовить „цвѣтныхъ“ людей для гражданской жизни. Мы освободили не цвѣтныхъ, а себѣ подобныхъ, единокровныхъ и единовѣрныхъ людей, тѣхъ, рядомъ съ которыми мы идемъ въ церковь, тѣхъ, что̀ мы называемъ „православными“ — и гдѣ же наши школы? До свѣдѣнія общества доходитъ гораздо больше слуховъ о разныхъ „препятствіяхъ“ по школьному дѣлу, претерпѣваемыхъ земствами, чѣмъ о „прогрессахъ“ народнаго образованія.

Мы указали на нѣкоторые примѣры недоко̀нченности реформъ 1861 года, заставляющіе думать о томъ, что̀ же, наконецъ, выйдетъ изъ этого огромнаго и прекраснаго по натурѣ своей ребенка, именуемаго русскимъ народомъ? Къ

какому результату приведетъ школа первобытнаго и скудѣющаго хозяйства, безпризорныхъ фабрикъ, отхожихъ промысловъ, сильнаго развитія акцизной системы, безграмотства и омертвенія церкви?

Не меньше раздумья рождаетъ и другое обстоятельство: серьёзный разладъ между новыми учрежденіями и сильными остатками старыхъ порядковъ. Разладъ этотъ не формальный только, а принципіальный, вслѣдствіе чего иногда являются опасенія за судьбу не только новыхъ учрежденій но и принциповъ въ нихъ вложенныхъ.

Укажемъ на одинъ элементарный примѣръ. Судебные уставы 1864 года произвели на общество свѣтлое впечатлѣніе между прочимъ потому, что въ нихъ оно прочло подобіе знаменитаго англійскаго адажіо: „nullus liber homo capiatur vel imprisonetur aut dissaisiatur aut utlagetur aut exuletur aut aliquo modò destruatur.... nisi per legale judicium parium suorum, vel per legem terrae". На самомъ дѣлѣ судебные уставы заключали въ себѣ существенныя гарантіи личной безопасности, домашняго покоя и чести. Но изданные въ замѣну второй части XV тома, они не распространили свое дѣйствіе на прочіе томы; спеціально же внѣ ихъ вліянія остался томъ XIV и еще спеціальный уставъ „о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій", сложившійся въ эпоху административнаго полновластія, слѣдовательно, не заключавшій въ себѣ обезпеченій ни для личности, ни для ея дома.

Этотъ разладъ, въ его практическомъ дѣйствіи, естественно рождаетъ горькое чувство, гораздо болѣе горькое, чѣмъ въ то время, когда и XIV и XV томы были построены на однихъ и тѣхъ же началахъ, когда власть судебная была поставлена въ зависимость отъ административной и слѣдственная часть находилась въ рукахъ полицейскихъ властей. Но въ настоящее время порядокъ дѣйствія, установленный для судебныхъ властей, какъ будто долженъ оттѣнять иной порядокъ, оставшійся для полицейскихъ властей и оттѣнять съ невыгодной для послѣднихъ стороны. Едва-ли это выгодно для поддержанія авторитета самой по-

лицейской власти, если подъ „авторитетомъ“ разумѣть не физическую только силу, а „власть“, основанную на нравственномъ довѣріи и убѣжденіи. И судебная, и полицейская власти должны быть органами одного и того же государства, слѣдовательно одинаково должны соотвѣтствовать тому типу, который государство приняло или желаетъ принять въ данную минуту. При различномъ же типѣ учрежденій, установленія стараго типа и старой „практики“, дѣлаютъ впечатлѣніе контраста и контраста довольно раздражающаго характера.

Но разладъ и контрасты идутъ гораздо дальше, выражаясь въ цѣлой системѣ учрежденій. Земскія и городскія учрежденія дѣйствуютъ — первыя въ теченіи 14-ти, вторыя въ теченіи 8-ми лѣтъ. За это время ихъ положеніе въ ряду другихъ учрежденій опредѣлилось настолько, что мы можемъ высказаться о впечатлѣніи, производимомъ всею „системою“, старою и новою. Въ моментъ своего появленія, земскія учрежденія привѣтствовались какъ первый шагъ къ преобразованію всего мѣстнаго управленія. Такъ на нихъ смотрѣли, такое значеніе онѣ должны были имѣть. Дѣйствительно, земскія учрежденія, какъ будущее, какъ цѣль реформы, имѣли высокій смыслъ и общество взглянуло на нихъ именно съ этой точки зрѣнія. Но въ данномъ своемъ объемѣ, и въ данномъ кругѣ практическаго дѣйствія, учрежденія эти произвели не перемѣну системы, а внесли разладъ въ существующія отношенія.

Въ губерніи, а особенно въ уѣздѣ явились какъ бы двѣ системы установленій: система общественно-земская и система правительственная, первая воплотила въ себѣ идеи новаго времени, вторая — стараго. Первая основывала свои дѣйствія на положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, вторая держалась на почвѣ полицейскихъ наказовъ и уставовъ прежняго времени, не пересмотрѣнныхъ и вовсе не согласованныхъ съ первыми, хотя устройство полиціи и было преобразовано временными правилами 1862 года. Такое „несогласованіе“ было особенно важно потому, что полицейскіе уставы содержатъ въ себѣ множество предметовъ

вѣдомства, тождественныхъ съ предметами, предоставленными земству. По новому порядку земство печется о народномъ продовольствіи, здравіи, путяхъ сообщенія и т. д. По старымъ правиламъ о томъ же „печется“ полиція. При такой совмѣстности невольно рождается вопросъ: „кто же будетъ пещись въ дѣйствительности и не представляется-ли въ этомъ опасности „недоразумѣній и пререканій?“ Соображая, однако, наличныя средства законодательства и практики, нельзя не придти къ заключенію, что шансы расположены въ пользу полиціи, ибо она есть истинная правительственная власть въ мѣстности и разсматривается закономъ какъ таковая, а „земство“ разсматривается какъ элементъ внѣшній, особый, даже частный, въ родѣ акціонерной компаніи. Для него изобрѣтено даже особое слово: общественное учрежденіе. Стало быть, оно есть представитель нѣкотораго „общества“ въ отличіе и даже противоположеніе къ „правительству“. Отсюда само собою понятно, что всякое „разномысліе“ земства съ коронными органами получаетъ характеръ борьбы двухъ „элементовъ“, нѣкотораго „антагонизма“ противъ устава благочинія.

Итакъ, мы присутствуемъ при „существованіи“ двухъ системъ и двухъ порядковъ учрежденій. Земство призвано къ развитію и по немногу развивается; но рядомъ съ нимъ развиваются и исправникъ, и становой, имѣющіе свои корни въ совершенно иной, дореформенной почвѣ. Начало раздвоенія не только не разсматривается какъ нѣчто временное, но вошло органически въ послѣдующее законодательство. Новый актъ — городовое положеніе 1870 года — построено на тѣхъ же началахъ различенія правительственнаго и общественнаго. Но кромѣ этихъ двухъ системъ не найдемъ-ли мы еще третьей?

Она на лицо. Сословно-крестьянское самоуправленіе стоитъ рѣшительнымъ особнякомъ отъ управленія земскаго, хотя земство и должно бы быть центромъ единенія всѣхъ сословій. Куда примыкаютъ волости и сельскія общества? Свое истинное развитіе онѣ могли бы получить, конечно, въ связи съ установленіями земскими. Но такой свя[illegible]

существуетъ, хотя, по нѣкоторымъ дѣламъ, они и подчинены земскимъ управамъ и собраніямъ, хотя губернскія земства и выбираютъ непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Но зависимость не есть единеніе, особенно если прибавить, что эта зависимость отдаленна и случайна сравнительно съ дѣйствительною зависимостью крестьянскихъ властей отъ полицейскихъ властей.

При такомъ положеніи, трудно говорить объ опредѣленной системѣ нашихъ мѣстныхъ учрежденій, ибо система предполагаетъ единство основанія и началъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ быстрое размноженіе всякихъ „присутствій“, предназначенныхъ сглаживать и соединять то, что̀ въ натурѣ разрознено и шероховато. Крестьянскія учрежденія имѣютъ главу въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, подъ главнымъ смотрѣніемъ присутствія губернскаго; города имѣютъ свое губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе; земства поставлены подъ прямой надзоръ губернатора. Если прибавить къ этому училищные совѣты, присутствія по воинскимъ дѣламъ, распорядительные и всякіе другіе комитеты, то мы получимъ понятіе о нашемъ мѣстномъ управленіи, какъ о совокупности разныхъ зданій и пристроекъ, сооруженныхъ въ разное время и даже въ виду различныхъ нравовъ людей, въ нихъ обитающихъ.

Какой стиль возобладаетъ, наконецъ, въ этомъ архитектурномъ смѣшеніи, какіе нравы возьмутъ верхъ, какіе элементы сдѣлаются почвою? На эти вопросы нѣтъ пока отвѣта, хотя проектовъ не мало.

Нельзя далѣе не видѣть, что, въ послѣднее время, въ проктахъ, какъ по этой, такъ и по другимъ частямъ управленія, господствуетъ скептическое отношеніе къ исходнымъ началамъ реформъ.

Въ этомъ отношеніи, пробивается стремленіе, такъ сказать, къ поправкамъ всего, что̀ совершилось съ 1861 года, духъ пересмотра разныхъ новыхъ уставовъ и учрежденій. Не стоитъ перечислять всего, что подверглось пересмотру, это заняло бы слишкомъ много мѣста. Достаточно

указать, въ качествѣ выдающихся примѣровъ, на существенныя измѣненія въ законѣ о печати 1865 года, на предположенные „пересмотры“ многихъ другихъ новыхъ уставовъ, на сильное видоизмѣненіе требованій судебныхъ уставовъ въ практикѣ послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ и т. д.

Мы указали на главныя черты нашего времени и ограничились даже формальною, такъ-сказать, стороною, т.-е., движеніемъ законодательства, не вдаваясь въ практику, гдѣ эти черты выступили бы еще рѣзче. Но даже приведенные факты достаточно объясняютъ, почему ни одинъ человѣкъ, самый прозорливый, наиболѣе вѣрующій въ силу толчка, даннаго Россіи въ 1861 году, не въ состояніи опредѣлить куда мы идемъ? Люди же непрозорливые и мало имѣющіе дѣла съ какими-нибудь „началами“ не только не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, но едва ли они отвѣтятъ на другой, менѣе сложный: откуда мы идемъ? Но путешествіе, въ которомъ не видно ни начала, ни конца, производитъ странное впечатлѣніе на человѣческую душу. Человѣкъ уже такъ созданъ, что ему хочется видѣть ясно начало и конечную цѣль своего бытія, ибо, только при этомъ условіи, жизнь получаетъ для него опредѣленное содержаніе и смыслъ, и только тогда онъ чувствуетъ себя бодрымъ, счастливымъ и готовымъ на трудъ.

VI.

Свойства „переходнаго времени“ достаточно объясняютъ, почему старая болѣзнь приняла въ настоящее время болѣе острый характеръ. Будемъ надѣяться, что этотъ острый характеръ свидѣтельствуетъ о кризисѣ, о переломѣ недуга, о поворотѣ дѣла къ лучшему. Но, во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду истинное положеніе дѣлъ и причины, его создавшія.

Когда общество поглощено медленною и трудною работой своего перерожденія, когда значительная часть этого труда посвящена устройству личной судьбы каждаго — сила

въ Россіи. „Податной человѣкъ“ не только несетъ на себѣ все бремя финансовыхъ тягостей, но и подверженъ многимъ другимъ неудобствамъ. Онъ не избавленъ отъ наказанія розгами, и эта мѣра примѣняется къ нему въ довольно обширныхъ размѣрахъ, для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Онъ не имѣетъ свободы передвиженія, ибо на немъ тяготѣютъ всѣ неудобства нашей паспортной системы. Его отношенія въ области фабричнаго труда доселѣ разсматриваются съ точки зрѣнія временъ, предшествовавшихъ отмѣнѣ крѣпостного права. Вопросъ объ образованіи податной массы до сихъ поръ является вопросомъ именно потому, что эта масса податная, не принадлежащая къ привилегированнымъ сословіямъ, такъ какъ самое право образованія въ свое время разсматривалось какъ привилегія, не свойственная людямъ низкаго происхожденія.

Такимъ образомъ, въ Россіи мотивы увлеченія соціализмомъ въ большинствѣ случаевъ и для большинства вытекаютъ не изъ „соціальнаго вопроса“, не имѣющаго еще у насъ почвы, а изъ вопросовъ скромно-юридическихъ и они вооружаютъ агитаторовъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ, весьма пригодныхъ для ихъ цѣли. Конечно, въ моментъ „увлеченія“ юноша не имѣетъ возможности различить и угадать истинныхъ мотивовъ своего „поступка“, ибо онъ не имѣетъ предъ собою другого міросозерцанія столь же цѣльнаго и чувствуетъ вліяніе другого направленія, столь же послѣдовательнаго. Онъ добросовѣстно принимаетъ за „соціализмъ“ то, что въ сущности есть юридическая и законодательная реформа. Такое стѣсненіе не можетъ быть поставлено ему въ особенную вину, ибо, съ другой стороны, нѣкоторые изъ „охранителей“ смѣшиваютъ лицъ, мечтающихъ о податной реформѣ и отмѣнѣ паспортовъ, съ заговорщиками, а г. Чичеринъ отождествляетъ князя Васильчикова съ Мостомъ и Марксомъ. Но не пора-ли „различить“ и тѣмъ убавить у нашей агитаціи количество ея снарядовъ? Мы особенно настаиваемъ на этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ, по нашему глубокому убѣжденію, $^{9}/_{10}$ нашей „соціальной“ партіи состоитъ изъ

соціалистовъ по недоразумѣнію. А они-то и составляютъ самую важную часть нашей молодежи, ту часть, которою слѣдуетъ дорожить, благодаря ея несомнѣннымъ нравственнымъ качествамъ.

Пойдемъ дальше. Указанные только-что элементы нашей соціальной партіи не исчерпываютъ ея состава. Въ ея средѣ можно найти, не въ качествѣ активнаго, конечно, элемента, не мало молодыхъ и не совсѣмъ молодыхъ людей, нисколько невоспламененныхъ любовью исключительно къ народу, даже любовью юридическою. По крайней мѣрѣ „соціалистическая“ любовь совсѣмъ не идетъ къ ихъ моднымъ пиджакамъ, къ удобнымъ и прекрасно меблированнымъ квартирамъ, къ веселому образу жизни и ко всему, „еже есть отъ міра сего“. Къ ихъ разсужденіямъ о соціализмѣ и соціальной революціи нельзя относиться серьёзно, а иногда онѣ вызываютъ улыбку. Но есть область разсужденій, гдѣ „пиджакъ“ можетъ говорить серьёзно и гдѣ рѣчи его не возбуждаютъ смѣха; есть точка зрѣнія, съ которой онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ существо истинно горюющее.

Не слѣдуетъ забывать, что въ это существо влитъ извѣстный напитокъ, сильно возбуждающій психическую и умственную дѣятельность человѣка, даже преобразующій его содержаніе — именно образованіе. Съ этимъ напиткомъ нельзя, въ извѣстномъ смыслѣ, обращаться безнаказанно. Человѣкъ, впитавшій въ себя философскія теоріи великихъ мыслителей, напоенный Шиллеромъ, Гёте, Шекспиромъ, В. Гюго, прочувствовавшій музыку Бетховена, Моцарта и Глинки, воспитанный зрѣлищемъ чудесъ живописи и архитектуры, — чувствуетъ какъ въ немъ пробуждается иное существо, разумно-нравственное, и результатомъ возрожденія этого существа является сознаніе личнаго достоинства и признаніе его въ другихъ. Это сознаніе, при нормальномъ теченіи вещей, можетъ сдѣлаться драгоцѣннымъ элементомъ общественнаго развитія, ибо оно, а не что другое, лежитъ въ основаніи законности, какъ внѣшняго условія существованія людей, какъ твердой границы между

моимъ и твоимъ и мѣрою свободы каждаго, во всѣхъ отношеніяхъ. Напротивъ, положеніе человѣка „испорченнаго“ образованіемъ внѣ формъ законности, по всей справедливости можетъ быть названо трагическимъ. Вложить въ человѣка извѣстныя стремленія, дать ему новое содержаніе, съ тѣмъ, чтобы это содержаніе никогда не выразилось во внѣ, чтобы субъектъ и объектъ были въ разладѣ и чтобы субъектъ жилъ въ сознаніи полнаго своего безсилія и негодности, т.-е. какъ призракъ — развѣ это не значитъ создать для „субъекта“ истинно-трагическое положеніе?

Послушаемъ исповѣдь такого „субъекта“ написанную давно, еще въ 1813 году, именно, когда послѣ времени надеждъ и реформъ Сперанскаго, настало время Балашовыхъ, Аракчеевыхъ и Магницкихъ. Исповѣдь эта принадлежитъ гр. Уварову и изложена имъ въ письмѣ къ великому обновителю Пруссіи, барону Штейну. Вотъ что писалъ онъ, утомившись и даже измучившись занятіями по званію попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа:

„Путешествіе за границу есть тайная надежда, давно лелѣянная мною. Все привязываетъ меня къ этой мысли, и, между прочимъ, дѣйствительныя непріятности, сопряженныя съ моими здѣшними занятіями. Нѣтъ ничего неблагодарнѣе, или, точнѣе, невозможнѣе ихъ. Я не мечтатель, какъ вы знаете: я люблю дѣла, и находился при нихъ, такъ сказать, съ самаго моего дѣтства; вамъ извѣстны мои убѣжденія, мои воззрѣнія; не смотря на все это, я доведенъ до того, что теряю надежду не только принести пользу, но и удержаться на томъ пути, который я себѣ начерталъ и отъ коего никогда не отступлю, не жертвуя тѣмъ, что мнѣ всего дороже на свѣтѣ: честью, здоровьемъ, убѣжденіями, вещественнымъ благосостояніемъ. Не думайте, чтобы въ моихъ словахъ было хотя малѣйшее преувеличеніе. Я спокоенъ до того, что изумляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ душѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т.-е. огня, который-бы не жегъ; другіе (а ихъ всего больше) кидаютъ въ одну кучу Напо-

леона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, бредни Ш. и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо. Кидаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франъ-масонъ, фанатикъ и т. п. Словомъ, полное безуміе. Каждую минуту рискуешь компрометтироваться или сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей.... Наконецъ, все разсказать было-бы слишкомъ длинно. Animus meminisse abhorret. Жду лишь благопріятнаго обстоятельства, чтобы вырваться изъ этого хаоса, который душитъ и давитъ меня невыразимымъ образомъ".

Съ 1861 года нѣкоторыя послѣдствія образованія были однако признаны въ законодательныхъ актахъ. Признаніе человѣческаго достоинства, т.-е. фундамента всякаго мирнаго и законнаго развитія, нашло мѣсто и въ крестьянскомъ положеніи, и въ судебныхъ уставахъ, и въ земскихъ учрежденіяхъ. Но, при несогласованіи новыхъ началъ со старыми, подъ вліяніемъ духа „пересмотра" и при полной дезорганизаціи нашей интеллигенціи, послѣдняя не является опредѣленнымъ и активнымъ элементомъ, твердо стоящимъ на опредѣленномъ пути, въ полной увѣренности, что она служитъ интересамъ законности и что ея цѣль отличается принципіально отъ цѣлей соціальной партіи.

Обстоятельства сложились пока такъ неудачно, что всякій сколько-нибудь прогрессивный элементъ обращается во что-то оппозиціонное и при томъ не имѣющее своего опредѣленнаго знамени, своего законнаго пути—своей индивидуальности, наконецъ. И все это хаотическое собраніе безсильныхъ атомовъ влечется „дѣломъ, устами или помышленіемъ" къ сравнительно крѣпкому и организованному тѣлу соціальной партіи, которая даетъ своимъ адептамъ хоть не свое, но опредѣленное знамя съ готовымъ ученіемъ и

программой и даже съ возможностію дѣйствія, ибо она не нуждается въ „легальныхъ“ путяхъ.

Въ общемъ итогѣ, для соціальной партіи создается чрезвычайно выгодное положеніе. Среди общества бездѣйствующаго, въ общественномъ смыслѣ, она одна получила монополію какого-то „дѣйствія“; среди всеобщаго колебанія и сомнѣнія, она одна имѣетъ видъ опредѣленности; въ періодъ остановки и роздыха она присвоила себѣ монополію „толканія“ и нѣкотораго „протеста“. И значеніе ея заключается вовсе не въ томъ, что ея программа выведена изъ нашихъ соціальныхъ условій (чего нѣтъ), а въ томъ, что въ программѣ этой находятъ себѣ отзвукъ совершенно иныя стремленія и не только иныя, но прямо противоположныя „соціальному ученію“—стремленія буржуазныя, но только не въ экономическомъ, а въ юридическомъ смыслѣ.

VI.

Положеніе завидное! Быть единственнымъ „протестующимъ“ элементомъ во время всеобщаго затишья; говорить, когда другіе молчатъ; дѣйствовать, когда другіе покоятся; обращать на себя вниманіе, когда все прочее оставляется безъ разсмотрѣнія; затмевать собою и восточный вопросъ, и афганское столкновеніе; приковывать къ себѣ всѣ уши и очи—чья голова не закружится отъ такой роли? Чье самолюбіе устоитъ отъ такой перспективы?

Не могутъ-ли эти юноши сказать: „вы жалуетесь на насъ, но вамъ слѣдовало-бы жаловаться на себя. Мы дѣлаемъ то, чего не хотите или не можете дѣлать вы. Въ насъ жизнь, а въ васъ сонъ или омертвеніе. У насъ характеры, а у васъ слова, слова и слова! Мы бросаемъ всѣ выгоды жизни и идемъ въ народъ, гдѣ насъ ожидаютъ лишенія и тысячи опасностей; наши женщины снимаютъ свои наряды, надѣваютъ сермягу и босыя идутъ жать, стряпать, молотить на ряду съ женщинами изъ народа. Мы не Рудины и не Гамлеты стараго поколѣнія съ ихъ міровою скорбью и дрянною волею. Мы люди слова и дѣла!“

На это можно кое-что возразить. Положеніе, въ данную минуту, завидно, но оно создано не вами, не силою и правдою вашего ученія, а разными иными обстоятельствами, о коихъ говорено выше. Но даже и rebus sic stantibus оно представляетъ серьезныя опасности—не съ полицейской точки зрѣнія, она не входитъ въ кругъ тѣхъ „точекъ“, на основаніи которыхъ написана эта статья. Есть опасности болѣе существенныя, чѣмъ всѣ полицейскія опасности, которыя притомъ, по зрѣломъ размышленіи, не всегда и бываютъ таковыми. Мы будемъ разсуждать здѣсь объ опасности, достойной вниманія человѣка и на нее просимъ обратить вниманіе.

Соціализмъ, а особенно преобразованный въ программу соціальной революціи, рѣзко отличается отъ предшествующихъ теорій, которыми питались наши отцы и дѣды. Философскія теоріи, овладѣвавшія ихъ умами, не требовали отъ нихъ непремѣнной и непосредственной практической дѣятельности въ опредѣленномъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ именно такой-то теоріи. Такого требованія и не могло возникнуть по существу самыхъ теорій: онѣ предлагали человѣку извѣстныя формы мышленія, формы до такой степени общія, что изъ нихъ могли быть выведены самыя разнообразныя практическія направленія. Достаточно указать на примѣръ Гегелевой философіи, давшей бытіе и консервативному лагерю (правые гегельянцы) и радикальной „лѣвой“, гдѣ видное мѣсто занимаетъ Лассаль. Вотъ почему нашъ „гегельянецъ“ могъ остаться гегельянцемъ въ своемъ мышленіи, могъ утверждать, что Sein und Nichtsein ist dasselbe, что все сущее развивается по тремъ логическимъ моментамъ, и въ тоже время приналравливаться къ практикѣ, утѣшаясь превратно понятой формулой учителя: „все существующее разумно и все разумное существуетъ“.

Напротивъ соціализмъ, особенно въ данный моментъ его развитія, когда онъ съ мистическихъ высотъ сенсимонизма перешелъ въ область дѣйствія и сдѣлался соціальною революціею, непремѣнно требуетъ отъ своихъ адептовъ „поступковъ“, практическаго проявленія. Человѣкъ, именующій

себя соціальнымъ революціонеромъ, должен пропагандировать, подстрекать, устраивать демонстраціи, „вспыхивать“ — иначе онъ будетъ „ничто“, какое-то гегелевское „въ себѣ бытіе“.

Вотъ существенное различіе, и оно ведетъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Если человѣкъ силою ученія обрекается къ практическому дѣйствію, то его твердости въ самомъ ученіи посылается важное испытаніе. Предположите, что „практическая дѣятельность“ окажется неудачною, что „среда“, на которую направлено дѣйствіе, окажется неспособною воспріять ученіе, что она отвѣтитъ на проповѣдь равнодушіемъ и даже враждою—и вы легко предусмотрите послѣдствіе: практическая неудача поведетъ къ разочарованію въ самомъ ученіи.

Съ Гегелемъ этого случиться не могло, во-первыхъ, потому, что, какъ сказано, онъ не опредѣлялъ формъ практическаго дѣйствія, а во вторыхъ (и это еще важнѣе), потому, что его ученіе воспринималось каждымъ субъектомъ для себя и могло быть оставлено въ себѣ. Соціалистомъ же, а особенно соціалистомъ революціонеромъ нельзя быть для себя и въ себѣ. Соціализмъ есть общественная теорія и можетъ имѣть смыслъ только въ общественной дѣятельности. Если-же „общество“ держится на другихъ началахъ до такой степени, что къ нему нельзя подойти; если всѣ пункты соціальной программы оказываются неосуществимыми и нелѣпыми съ точки зрѣнія вопіющихъ требованій общественной практики, что же остается дѣлать?

Въ такомъ именно положеніи находятся наши соціальные революціонеры. Вкусивъ въ юношескихъ годахъ соціальнаго напитка, бросивъ „ученье“ и отправившись „въ народъ“, они (говоримъ о большинствѣ) жестокими опытами убѣждаются, на сколько ихъ политическія, религіозныя и экономическія теоріи ладятъ съ народными воззрѣніями. Что-же потомъ? Для иныхъ прозябаніе въ образѣ сапожника, кузнеца, жницы или кухарки, въ народной массѣ, для которой они остаются чужими, ибо барышня, даже переряженная въ русскій сарафанъ, все-таки будетъ нѣмец-

кой, а не русской кухаркой. Для другихъ—страданіе въ центральныхъ тюрьмахъ и иныхъ мѣстахъ заключенія. Для третьихъ—отказъ отъ соціальной практики и вступленіе въ настоящую, житейскую практику, въ видѣ дѣятелей, дѣльцовъ и промышленниковъ.

Вотъ что страшно—страшнѣе даже всякихъ крушеній въ смыслѣ полицейскомъ. Необходимо, наконецъ, понять существенное въ злѣ и посмотрѣть на его источникъ безъ предубѣжденія. Страданіе, прозябаніе или развращеніе — этими немногими словами опредѣляется судьба многихъ и многихъ людей, въ коихъ можно-бы видѣть надежду Россіи. Положеніе этой надежды дѣйствительно таково, что заставитъ подумать каждаго, у кого голова и сердце на мѣстѣ. Конечно, это крушеніе одного идеала было бы не опасно, если бы вліяніе здоровой общественной среды могло сразу замѣнить его другимъ. Но этого нѣтъ на дѣлѣ.

Обращаясь къ „зрѣлому“ обществу, это юношество слышитъ отъ него много поученій и упрековъ, но не слышитъ отъ него серьезнаго запроса на все, что есть лучшаго въ человѣческой натурѣ. Слышится упрекъ въ нерелигіозности и безбожіи, но упрекъ этотъ получаетъ оригинальный смыслъ, если вспомнить, что Богъ играетъ вообще довольно малую роль въ нашемъ міросозерцаніи и что имя Божіе призывается въ видѣ элемента „порядка“, а не въ качествѣ животворящей силы, проникающей все нравственное существо человѣка. Слышатся восклицанія о неуваженіи къ наукѣ и къ ученію, но серьезнаго запроса на „науку“, какъ необходимаго условія для общественной дѣятельности, не видно. Напротивъ, въ дѣйствительности, „наука“ является скорѣе не нужнымъ грузомъ, плохою рекомендаціею, нежели благомъ, котораго жаждутъ. Говорятъ объ отрицаніи эстетическихъ стремленій въ человѣкѣ. Но гдѣ же это искусство и эта эстетика, вдохновляющія „зрѣлаго“ человѣка? Настаиваютъ на практическихъ и неотложныхъ задачахъ нашего времени; но глазъ наблюдателя тщетно ищетъ этихъ задачъ, серьезно и прямо поставленныхъ въ качествѣ дѣйствительнаго призванія человѣка. Напротивъ, онъ часто мо-

задачъ, что для рѣшенія ихъ понадобятся усилія нѣсколькихъ поколѣній. Весь вопросъ въ томъ, чтобы эти задачи были, наконецъ, признаны и поставлены на очередь. Всякая „непризнанная“ задача мститъ за себя и порождаетъ рядъ ненормальныхъ явленій. Такъ, пока задача національнаго единства Италіи была задачею непризнанною, она практиковалась тайными обществами съ революціонными программами и сумбурными стремленіями. Но съ той минуты, какъ крѣпкая рука Кавура взялась за дѣло, оно было введено въ свое русло и всѣ „общества“ или исчезли, или служили цѣлямъ великаго реформатора.

Думаете-ли вы, что въ этотъ счастливый день уничтожатся всѣ соціалистическія стремленія, спросятъ насъ? Нѣтъ, не думаемъ. Человѣческія идеи и стремленія не уничтожаются по приказу; лучше сказать, онѣ менѣе всего могутъ быть уничтожены какими бы то ни было внѣшними мѣрами. Но мы не только думаемъ, но увѣрены, что въ этотъ счастливый день „соціализмъ“ сдѣлается достояніемъ немногихъ сектантовъ, и что отъ него отпадетъ та масса несознательныхъ соціалистовъ, которая пристаетъ къ движенію или смотритъ на него не безъ удовольствія, по причинамъ не соціалистическимъ, а глубоко юридическимъ. А въ этомъ вся задача. Пока мы будемъ желать, чтобы ни одинъ человѣкъ въ Россіи не сочувствовалъ соціализму—мы будемъ желать невозможнаго. Но когда мы пожелаемъ указать обществу его прямую задачу, откроемъ ему всѣ законные пути къ его осуществленію и обезпечимъ ему возможность идти по этому пути, въ сознаніи своихъ законныхъ правъ—наша цѣль будетъ достигнута. Мы создадимъ общество, крѣпкое въ правѣ и отвращающееся отъ насилія, какую бы обольстительную форму оно ни принимало.

ЗАДАЧА РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ *).

Primum discere, deinde vivere, denique philosophare.

Carttsius.

Чрезъ нѣсколько дней начнется новый учебный годъ. Тысячи молодыхъ людей соберутся въ разные учебные центры. Независимо отъ занятій науками, начнутся жаркія бесѣды, споры „отъ зари до зари“, составленіе плановъ на будущее, рѣшеніе разныхъ задачъ человѣчества. Все это всегда было. Каждый годъ румяный августъ собиралъ не менѣе румяную молодежь въ разные центры, гдѣ она пребывала до теплыхъ іюньскихъ дней. Всякій изъ такихъ сборовъ былъ похожъ на другой; въ общемъ теченіи нашей общественной жизни, онъ не составлялъ событія, ни даже происшествія.

Но въ теченіи послѣднихъ лѣтъ августъ пріобрѣлъ особенное значеніе. Прежде, съ наступленіемъ его, учащій и учащійся міръ чувствовалъ, что пора кончить лѣтній отдыхъ да браться за работу—и только. Теперь начало „учебнаго года“ возбуждаетъ иныя, болѣе тревожныя чувства, ставитъ очень серьезный вопросъ. Его можно выразить въ двухъ словахъ: благополучно ли пройдетъ новый учебный

*) «Голосъ», 1 августа 1879 г.

задача ея заключается въ созиданіи новаго общественнаго строя, покоящагося исключительно на элементахъ народныхъ (крестьянство и рабочіе). Поэтому, она должна разорвать всякія связи съ „обществомъ“, какъ съ скопищемъ „эксплуататоровъ“, обреченныхъ на гибель въ день великаго народнаго суда. Для устраненія этихъ связей, она должна сбросить съ себя нравственный и матерьяльный обликъ человѣка изъ общества: прочь старую, буржуазную науку, заковывающую умъ человѣка въ узкія формы сгнившей логики! прочь нравы, обычаи, привычки „цивилизованнаго“ общества! прочь самая одежда его! Будущій реформаторъ долженъ обратиться въ человѣка народнаго, усвоить себѣ его умственный складъ, его нравы, его образъ жизни и одежду. Тогда народъ увидитъ въ немъ настоящаго своего руководителя и пойдетъ за нимъ на дѣло всеобщаго разрушенія.

Дѣйствительно ли въ этомъ состоитъ задача учащейся русской молодежи? Если да, то ей, прежде всего, слѣдуетъ перестать быть учащеюся, т.-е. немедленно оставить учебныя заведенія съ ихъ мундирною буржуазною наукою, и броситься въ народный океанъ. Иные такъ и поступаютъ. Но мы обращаемся къ тѣмъ, которые видятъ въ ученіи дѣло, если не „серьезное“, то, во всякомъ случаѣ, такое, которое слѣдуетъ кончить, пробывъ въ учебномъ заведеніи опредѣленное число лѣтъ.

На что́ уйдутъ эти годы? Что́ будетъ дѣлать молодой человѣкъ въ учебномъ заведеніи? Здѣсь возможны два выхода. Если онъ проникнется идеями и программою агитаціи, то онъ станетъ относиться къ наукѣ совершенно формально, смотрѣть на нее, какъ на необходимое зло, усвоивать себѣ кое-какія свѣдѣнія для благополучнаго прохожденія экзаменовъ, въ ожиданіи того блаженнаго времени, когда ему можно будетъ взяться за „настоящее“ дѣло. Въ результатѣ получится неучъ, пробѣжавшій, такъ-сказать, чрезъ учебное заведеніе, невынесшій изъ него́ ни свѣдѣній, ни привычки къ труду, а потому неспособный ни къ какому дѣлу, кромѣ жалкихъ и нелѣпыхъ „протестовъ“. Напротивъ, если онъ отнесется къ ученію, какъ къ серьезно-

му дѣлу, то... Впрочемъ, безполезно говорить, что̀ изъ этого выйдетъ; безполезно повторять азбучныя истины, которыя, замѣтимъ, вовсе не исчерпываютъ дѣла.

Рѣчь идетъ не о похвалѣ ученію, не о развитіи темы: „ученье свѣтъ, а не ученье тьма“, а о чемъ-то болѣе важномъ. Въ данную минуту, когда все „ученіе“ взято въ подозрѣніе, когда его стараются низвести на степень пустой и даже вредной забавы, необходимо дать молодежи, такъ сказать, дерзость науки; необходимо показать, что человѣкъ, желающій учиться, имѣетъ священное, неотъемлемое право на ученіе, что онъ имѣетъ право требовать, чтобъ никто и ни подъ какимъ предлогомъ — хотя бы то былъ предлогъ народнаго благополучія — не отвлекалъ его отъ науки.

Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи аргументація въ пользу ученія немного хромаетъ. Она имѣетъ въ виду подѣйствовать на такія струны молодой души, которыя оказываются наименѣе отзывчивыми. Молодому человѣку говорятъ: „учись, и ты устроишь свою личную судьбу; дипломъ откроетъ тебѣ дорогу ко всѣмъ профессіямъ и карьерамъ“. Ничто не можетъ быть недостаточнѣе, даже фальшивѣе такого аргумента. Онъ бьетъ на своекорыстіе юноши, положимъ законное, но, все-таки, своекорыстіе. Агитація выбьетъ этотъ аргументъ изъ идеальной души юноши однимъ щелчкомъ. „Можно ли думать о своей личной судьбѣ — скажетъ она — когда милліоны братьевъ находятся въ горѣ и въ нищетѣ? Можно ли думать о своемъ личномъ благополучіи, когда, при современныхъ условіяхъ, благо одного достигается насчетъ несчастій десятковъ другихъ лицъ? Не значитъ ли это подготовлять себя къ роли эксплуататора?“ Что̀ можно сказать противъ такой реплики? Но это не все. Призывъ къ личному благополучію не возбудитъ въ молодой душѣ духовной, неудержимой жажды ученія. Напротивъ, онъ обратитъ ученіе въ какое-то экономическое предпріятіе, которое будущій карьеристъ постарается осуществить по экономическому же правилу: достигнуть наибо̀льшихъ результатовъ съ наименьшими усиліями,

зумную и нравственную часть русскаго общества, потому что только здѣсь можетъ она принести пользу и народу.

Ясно, что, съ нашей точки зрѣнія, задача молодежи прямо противоположна той, которая рекомендуется такъ-называемою агитаціей. Агитація рекомендуетъ отреченіе отъ „ложной“ культуры и превращеніе въ народъ. Мы рекомендуемъ проникновеніе началами этой культуры, проникновеніе полное, до мозга костей.

Постараемся доказать правильность нашего взгляда. Прежде всего, приведемъ аргументъ отрицательный. Возможно ли обращеніе человѣка, уже вкусившаго ученіе, „въ народъ?“ Когда Бакунинъ изрекъ этотъ лозунгъ, онъ, вѣроятно, не подозрѣвалъ, какая нелѣпость въ немъ заключается. Обратиться въ народъ! Но какъ? Если дѣйствительно, то это значитъ усвоить себѣ его вѣрованія, его нравы, его взгляды на семью и на государство, на Бога, на иконы и святыхъ угодниковъ, на церковь и священника, на міръ, на старшину и старосту, на вселенную, на луну, солнце и звѣзды, на грозу, на лѣсъ и поле. Этого ли вы хотите? Но какъ же это сдѣлать, если вы „идете въ народъ“ съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, что всѣ его взгляды дики и преисполнены „предразсудковъ“, если вы обыкновенно не умѣете сказать съ мужикомъ ни одного слова, не оскорбивъ какого-нибудь задушевнаго его убѣжденія? Нѣтъ, въ лозунгѣ „идите въ народъ“ кое-что̀ не досказано. Въ немъ есть одинъ плюсъ, пройденный молчаніемъ. Нужно было сказать, идите въ народъ съ тѣмъ, чтобъ его обратить въ себя, пересоздать его по вашему образу и подобію; для этого примите его внѣшность: надѣньте его скромную сермягу, возьмите въ руки заступъ, плугъ, молотъ, топоръ, дѣлайтесь кузнецами, плотниками, пахарями, фабричными. И вы пошли. Что̀ же изъ этого вышло? Вышло или горе отъ „неразвитости“ народа, или скорбное удивленіе, что онъ слушаетъ полупьянаго отставнаго солдата больше, чѣмъ васъ, или, наконецъ, необходимость увѣрять себя и другихъ, что народъ живетъ вашими идеалами,—идеалами пугачовщины и разинщины. Вѣдь, вы сами знаете, что это не

такъ. Нѣтъ, можно одѣваться, какъ народъ, голодать, какъ онъ, пить, какъ онъ, ругаться, какъ онъ, работать, какъ онъ, и, всетаки, не попасть въ его святая святыхъ, въ его душу, наивную, но крѣпкую, закаленную вѣковымъ трудомъ, воспитанную въ дѣйствительномъ горѣ и въ настоящей, хотя и скромной жизни.

Предположимъ, однако, что вамъ удалось бы „сблизиться“ съ народомъ, что онъ принялъ бы васъ, какъ своихъ. Что́ могли бы вы ему дать? къ чему стали бы вы взывать? Плановъ будущаго устройства общества у васъ нѣтъ, и вы сами говорите, что ихъ не нужно, потому что ваша задача — разрушеніе. Для цѣлей „разрушенія“, вы, обойдя всѣ нравственныя понятія крестьянина, какъ они ни грубы, всѣ благородныя его чувства, какъ ни мало они развиты, вы воззвали бы, да и взывали уже — къ его страстямъ, къ его кровавымъ инстинктамъ, къ его зависти, мести, злобѣ. Убивъ человѣка, вы выпустили бы на свѣтъ божій чудовище, кое-какъ сдерживаемое религіей, нравами и духовными понятіями крестьянства. Что́ надѣлало бы это чудовище, можно предположить изъ того, что́ оно дѣлало уже при разныхъ обстоятельствахъ. Вы произвели бы даже не „революцію“, а просто русскій бунтъ, „безсмысленный и безпощадный“, какъ говорилъ Пушкинъ.

Оставаясь на почвѣ „народничества“, вы не можете быть ничѣмъ другимъ, какъ переряженными агитаторами, немогущими дать народу ничего, кромѣ „пропаганды“, т.-е. воззванія къ грубѣйшимъ и кровавѣйшимъ инстинктамъ человѣческой природы, которыми не можетъ быть создано „народное благо“. Вы можете принести пользу народу только оставаясь самими собою, т.-е. частью русской интеллигенціи, постепенно увеличивая число образованныхъ, разумныхъ и нравственныхъ русскихъ людей.

Для того, чтобъ слова наши были понятны, необходимо объяснить, что́ понимаемъ мы подъ словомъ „интеллигенція“. Мы называемъ интеллигенціей совокупность такихъ умовъ, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается разумѣніе всѣхъ потребностей цѣлой страны, отъ верхняго ея слоя

до нижняго, всѣхъ ея стремленій и задачъ, которыя умѣютъ дать разумную формулу всякому движенію, указать исходъ всякому замѣшательству и нравственному вліянію которыхъ подчиняются всѣ дѣйствующія силы страны.

Мы не смѣшиваемъ интеллигенціи съ такъ-называемымъ „обществомъ“. Общества вездѣ достаточно, и оно можетъ быть весьма неинтеллигентно. Въ Россіи, спеціально, „общества“ предостаточно, а интеллигенціи почти нѣтъ. Между тѣмъ, всякая страна шла впередъ постольку, поскольку въ ней выработалась эта неуловимая, но всемогущая сила. Она является какъ бы душою общества. Въ средніе вѣка такою душою было духовенство. Не думайте, чтобъ его вліяніе было построено исключительно на религіозномъ фанатизмѣ массъ — нѣтъ! загляните въ эту кажущуюся глушь, и вы увидите „докторовъ“, жадно изучающихъ тайны природы, вопросы политическіе, нравственные и экономическіе на ряду съ вопросами богословскими; сочиненія ихъ являются какъ бы энциклопедіями современнаго имъ знанія. Они давали отвѣтъ на всѣ вопросы, волновавшіе умъ и душу средневѣковаго человѣка. Горожане, дворянство и прелаты, государи и папы прислушивались къ тому, что говорилъ Альбертъ-Великій, или Ѳома Аквинскій, или Оккамъ; ихъ слова и писанія находили отзвукъ во всѣхъ слояхъ общества, на высотѣ и долу; они давали направленіе умамъ и даже стремленіямъ человѣка и общества.

Настала очередь другой интеллигенціи, постепенно сломившей средневѣковой порядокъ и положившей основаніе новому европейскому обществу. Вы думаете, что эта роль досталась ей даромъ, что она добилась своихъ цѣлей путемъ нехитраго „отрицанія“ такъ называемыхъ „предразсудковъ?“ Разверните исторію, и вы увидите, что это не такъ. Вы увидите, какъ интеллигенція, положившая начало новому умственному движенію, впитала въ себя всю философію, политическую литературу, права и поэзію древняго міра; какъ усилія гуманистовъ закрѣпили за Европой великій умственный капиталъ Греціи и Рима, какъ потомъ началось приращеніе процентовъ на пріобрѣтенный капиталъ

трудами Бэконовъ, Декартовъ, Лейбницевъ, Ньютоновъ, Локковъ, Лапласовъ, Лавуазье — цѣлымъ легіономъ великихъ умовъ, благородныхъ сердецъ и стойкихъ характеровъ, какъ эти труды переработывали человѣка въ его міросозерцаніяхъ, въ его понятіяхъ и чувствахъ и постепенно обращали средневѣкового рыцаря и бюргера въ гражданина современнаго государства. И никто изъ этихъ двигателей человѣчества не старался обратиться въ „Жака Бонома“, во французскаго или въ нѣмецкаго крестьянина. Они возвышали его до себя, въ этомъ полагали свою честь, и дѣйствительно облагородили человѣка.

Думаете ли вы, что теперь, на западѣ Европы, сила такъ-называемаго общественнаго мнѣнія покоится исключительно на преобладаніи физической силы „массъ“ надъ правительственными учрежденіями? Но „масса“ обладала физическою силою вездѣ и во всѣ времена; между тѣмъ, она не представляла „мнѣнія“ въ эпохи невѣжества. Физическая сила не даетъ мнѣнія и не образуетъ его. Значеніе общественнаго мнѣнія зависитъ именно отъ количества интеллигенціи, умѣющей синтетически, такъ-сказать, выразить стремленія и понятія цѣлаго общества въ данную минуту его развитія. Оно является центромъ, къ которому тяготѣютъ всѣ стремленія и интересы, гдѣ они находятъ свою гармонію и примиреніе. Интеллигенція не отождествляетъ себя ни съ какимъ классомъ общества; поэтому ее и нельзя опредѣлить ни графически, ни юридически. Нельзя сказать, что она дворянство, или духовенство, или буржуазія. Это еще можно было сказать въ средніе вѣка, когда духовенство было главнымъ представителемъ духовной и умственной жизни общества. Да и тогда интеллигентная часть духовенства представляла интересы цѣлаго. Теперь, когда просвѣщеніе сдѣлалось общимъ удѣломъ, интеллигенція составляется изъ разныхъ элементовъ, и тѣмъ шире ея стремленія, тѣмъ полнѣе ея вліяніе. Она понимаетъ и умѣетъ выразить интересы крестьянина и фабричнаго рабочаго точно такъ же, какъ интересы другихъ, высшихъ классовъ общества, и, притомъ, выразить ихъ въ гармоніи, въ

соотвѣтствующей каждому интересу мѣрѣ, въ степени, согласной съ благомъ цѣлаго. Она является и пружиной, и регуляторомъ общественнаго движенія, ведетъ общество впередъ и не даетъ интересамъ одного восторжествовать надъ законными интересами другихъ, не допускаетъ подчиненія общаго блага частнымъ пользамъ. Отъ этого всѣ слои общества считаютъ представителей интеллигенціи одинаково своими, вѣрятъ имъ, идутъ за ними. Англія шла за своими Питтами, Каннингами, Пилями, Гладстонами, Италія за Кавурами, Пруссія за Штейнами именно потому, что ихъ слова и дѣла раздавались одинаково симпатично и въ хижинѣ бѣдняка, и въ палатахъ богача, что эти слова и дѣла были настоящими сигналами примиренія „интересовъ“ и „партій“, символами великаго, всенароднаго братства.

Оглянитесь на Россію. Въ ней, какъ уже сказано, „общества“ довольно, интеллигенціи же почти нѣтъ. Отъ этого мы и разсыпаны какъ песокъ морской, разбиты на сословія и классы, на города и сельскія общества, на дворянство и духовенство, безъ всякаго центра единенія, безъ дѣйствительнаго пониманія общественныхъ цѣлей и безъ умѣнья вести какое бы ни было общественное дѣло. Русская земля жаждетъ, какъ хлѣба насущнаго, настоящихъ русскихъ людей, которые умѣли и хотѣли бы говорить и дѣйствовать за всю землю, въ которыхъ частные типы нашего общества—купца и мѣщанина, крестьянина и дворянина, духовнаго и разночинца—слились бы въ цѣльный, всеоблемлющій типъ мыслящаго, нравственнаго, трудолюбиваго и стойкаго русскаго человѣка.

Выработайте этотъ желанный, этотъ трижды благословенный типъ! Не оставляйте родной земли безпомощною, живущею безъ разумѣнія и безъ нравственности!

Мы живемъ безъ разумѣнія. Мы громко кричимъ о міровыхъ задачахъ, на дѣлѣ же мы не умѣемъ учить и воспитывать дѣтей, едва справляемся съ нехитрыми земскими задачами, живемъ въ нестерпимыхъ условіяхъ, даемъ водить себя за носъ первому проходимцу-строителю или

подрядчику, не имѣемъ ни дорогъ, ни сносно устроенныхъ жилищъ.

Мы живемъ и безъ нравственности. Въ грубомъ, малопросвѣщенномъ обществѣ, разбитомъ на „группы“, несознающія своей взаимности, господствуютъ грубѣйшіе матеріяльные интересы, а при господствѣ ихъ все считается дозволеннымъ и прекраснымъ. „На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ“. Васъ справедливо возмущаетъ жалкая участь обездоленныхъ и погибающихъ. Но чѣмъ думаете вы пособить горю? Возбужденіемъ самымъ звѣрскихъ, самыхъ кровожадныхъ инстинктовъ въ тѣхъ массахъ, которыя вы сами желаете призвать къ новой, лучшей и человѣческой жизни.

Прекрасное зрѣлище представитъ родная страна! Съ одной стороны, отвратительное чавканіе звѣрей, насыщающихся всѣми способами, а съ другой — грозный ревъ звѣрей голодныхъ, раздраженныхъ, разъяренныхъ также всякими способами; въ перспективѣ — всеобщее растерзаніе, какое міръ видѣлъ въ миньятюрѣ въ римскихъ амфитеатрахъ...

Нѣтъ, не будить звѣра, а выгнать его, чтобъ дать мѣсто человѣку; не продолжать деморализацію общества, разжигая и поощряя животные инстинкты, а морализовать его— такова задача, налагаемая на васъ Россіей и дѣйствительными пользами русскаго народа.

Но вы не можете выполнить ее, на давъ нашему обществу людей разумѣнія и правды, которые пришли бы на смѣну типу ветхихъ людей, изъ которыхъ составлено наше „общество“. Этими людьми должны быть вы сами, потому что для васъ открываются двери учебныхъ заведеній, вамъ даются средства плодотворной научной работы. Если вы не выполните этой задачи, кто же другой можетъ ее выполнить? Каждый изъ васъ есть величина, которая можетъ прибавиться къ небольшой пока суммѣ мыслящаго, разумѣющаго и нравственнаго въ Россіи. Но эта величина можетъ и не попасть въ число „слагаемыхъ“, а напротивъ, сдѣлаться минусомъ, и не невиннымъ ариѳметическимъ ми-

нусомъ, а отрицательною величиною изъ крови и мяса, изъ страстей и похотей, вносящею раздоры, вражду, насиліе, убійство и хищничество въ общество.

Неучащееся поколѣніе есть минусъ въ народной жизни: не учась, оно губитъ себя, а, губя себя, оно убавляетъ количество тѣхъ здоровыхъ, дѣятельныхъ силъ, на которыя каждое общество не только въ правѣ, но обязано разсчитывать для своего успѣшнаго движенія впередъ. Какая реформа, какое новое учрежденіе, какое серьезное національное предпріятіе осуществимы, если народъ не будетъ имѣть возможности разсчитывать, что для этихъ предпріятій и учрежденій найдутся люди, способные вести и поддерживать ихъ не только въ данную минуту, но и впослѣдствіи?

Много и много лѣтъ на Руси раздается горькая жалова: „людей нѣтъ“. Замѣтьте себѣ, именно людей нѣтъ. „Принциповъ“ и разныхъ „идей“ у насъ очень довольно; но людей, въ которыхъ эти принципы и идеи воплотились бы, въ которыхъ они сдѣлались бы второю натурою, получили бы плоть и кровь, т.-е. дѣйствительную жизнь — нѣтъ! Вотъ что печально и страшно. Отъ этого у насъ можно видѣть консерваторовъ разрушающихъ, либераловъ гнетущихъ ближняго, благородныхъ „дѣятелей“ расхищающихъ. Хуже того — мы слышимъ пѣсни труду, „святому труду“, труду „возвышающему и облагораживающему“, словомъ, труду, воспѣваемому такъ, какъ воспѣвается пасха въ свѣтлое воскресеніе. Но люди трудящіяся отсутствуютъ и всякое дѣло возбуждаетъ къ себѣ отвращеніе — точно трудъ и дѣло не одно и то же...

Давно уже русская земля тревожно ждетъ этого трудящагося, этого обновляющаго родную страну поколѣнія. Ждетъ она его, какъ спящая царевна ждала избавителя съ живою водой. Ждетъ не дождется. Годы проходятъ за годами, и Богъ знаетъ, когда покажется этотъ свѣтлый обновитель. Пристально высматриваетъ старуха Россія желаннаго сына, какъ мать тревожно вглядывается въ ряды возвращающихся изъ похода солдатъ. Не онъ ли? Нѣтъ,

все не онъ — все чужіе да ненужные, все не такіе, чтобъ ее успокоили, да хату починили, да въ хозяйствѣ порядокъ завели, да отъ сосѣдей оборонили. Жить ей, вѣрно, одной, коротая съ грѣхомъ пополамъ свой вѣкъ, въ обидѣ да въ тѣснотѣ... А пора бы какому-нибудь поколѣнію отъявиться и начать настоящее дѣло. „Исторія не ждетъ опоздавшихъ“, какъ сказалъ знаменитый нашъ историкъ. И насъ не будутъ ждать другіе народы.

ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

I.

1856 и 1879 годы.

Двадцать три года тому назадъ заканчивалась тягостная для насъ крымская война. Никогда еще, несмотря на геройское самоотверженіе нашихъ войскъ, на безпримѣрную оборону Севастополя, русское государство не испытывало такого пораженія. Сердце надрывалось отъ страшныхъ вѣстей; жгучею болью отозвалось извѣстіе о гибели черноморскаго флота; горьки были тяжкія условія парижскаго мира. Между тѣмъ не все былъ мракъ, не все было горе. Въ воздухѣ носилось что-то свѣжее, обнадеживающее, что-то напоминающее „смертію смерть поправъ“. Бросая взглядъ назадъ, припоминая все видѣнное и слышанное, мы можемъ выразить тогдашнее положеніе вещей въ немногихъ словахъ: положеніе вещей было печально, но весьма опредѣленно. Всѣ знали въ чемъ дѣло. Мы несомнѣнно были побѣждены и несомнѣнность эта подтверждалась ясными какъ день статьями парижскаго трактата. Всѣ знали также, почему и какъ мы были побѣждены: каждый ясно видѣлъ язвы отечества. Всѣ лучшіе люди знали, наконецъ,

за что нужно браться. Все, потребное для новыхъ дней' было продумано и прочувствовано задолго до рокового дня сдачи Севастополя. Отъ этого тогдашніе лучшіе люди выступили въ полномъ сіяніи и блескѣ своихъ ясныхъ идей, точно бабочка, прогрызшая стѣнки своей куколки и несущаяся на встрѣчу восходящему солнцу. Ничто не можетъ такъ охарактеризовать тогдашняго состоянія лучшихъ умовъ, какъ слѣдующее мѣсто изъ „Записки о крѣпостномъ состояніи" Ю. Ѳ. Самарина. Мы позволимъ себѣ привести это мѣсто цѣликомъ, не опасаясь утомить вниманіе читателя.

„Съ самаго начала восточной войны,—говоритъ записка,—когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи, гораздо менѣе, чѣмъ наше внутреннее неустройство.

„Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не предъ внѣшними силами западнаго союза, а предъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки.

„Мы слишкомъ долго, слишкомъ исключительно жили для Европы, для внѣшней славы и внѣшняго блеска, и, за свое пренебреженіе къ Россіи, мы поплатились утратою именно того, чему мы поклонялись, — утратою нашего политическаго и военнаго первенства.

„Теперь, когда Европа привѣтствуетъ миръ, какъ давно желанный отдыхъ, намъ предстоитъ воротить упущенное. Съ прекращеніемъ военныхъ подвиговъ, предъ нами открывается обширное поприще для трудовъ мирныхъ, но требующихъ не менѣе мужества, настойчивости и самоотверженія. Мы должны обратиться на насъ самихъ, изслѣдовать коренныя причины нашей слабости, выслушать правдивое выраженіе нашихъ внутреннихъ потреб-

трехъ лѣтъ внутри Россіи? Спали-ли мы, отложивъ въ сторону всѣ наши внутреннія дѣла? Нѣтъ и нѣтъ! Крестьяне освобождены, суды преобразованы, мѣстное самоуправленіе основано, печать находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ 1855 году, армія преобразована, десятки тысячъ верстъ покрыты желѣзными дорогами, количество школъ умножилось, средства кредита увеличились и т. д.

Между тѣмъ, провѣряя наше внутреннее положеніе, мы не испытываемъ чувства довольства, и по поводу внѣшнихъ неудачъ готовы повторить и въ дѣйствительности повторяемъ слова Самарина: „мы сдались не предъ внѣшними силами западнаго союза, а предъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ“. Повидимому, мы въ правѣ сказать эти горькія слова даже въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ Самаринъ. Послѣдній произнесъ ихъ тогда, когда мы были побѣждены, побѣждены превосходною военною силою европейской коаліціи. Теперь же Россія, явившись на Берлинскій конгресъ побѣдительницею на поляхъ сраженій, сдалась предъ одною угрозою коаліціи, за зеленымъ столомъ конгреса. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о нашемъ внутреннемъ положеніи громче Севастопольскаго погрома. И дѣйствительно, нигдѣ, ни въ одномъ уголкѣ Россіи нельзя найти полнаго довѣрія къ окружающимъ насъ условіямъ. Это недовѣріе питается различными чувствами, выражается въ различныхъ формахъ, даже дѣйствуетъ различно. Въ иной средѣ, болѣе образованной, оно формулируется ясно; въ другой—оно чувствуется, какъ нѣкоторый гнетъ, причины котораго не видно.

Нѣтъ довѣрія къ экономическимъ силамъ края, нѣтъ увѣренности въ финансовыхъ способахъ, нѣтъ вѣры въ новыя и старыя учрежденія, нѣтъ даже вѣры другъ въ друга. Всякій жмется, боязливо озирается кругомъ, трепещетъ за свое достояніе, вяло ведетъ свои дѣла, живетъ изо дня въ день, боясь заглянуть въ будущее, точно это будущее есть какая-то глубокая яма, на днѣ которой лежитъ грозное чудовище. Эти чувства присущи людямъ всѣхъ такъ-называемыхъ „партій“: консерваторамъ, ретроградамъ, либераламъ всѣхъ оттѣнковъ. Можно было бы назначить весьма

высокую премію за указаніе человѣка спокойнаго, счастливаго и свѣтло смотрящаго на будущее. Скажемъ больше: озлобленіе входитъ какъ-то въ моду, желчь цѣнится дорого, гораздо дороже всѣхъ другихъ человѣческихъ „ингредіентовъ“; довольный, если таковой надется, покажется уродомъ, пришлецомъ съ того свѣта, мертвымъ, а не живымъ человѣкомъ.

Но неужели же желчь, недовольство и озлобленіе такія прекрасныя, такія желательныя вещи? Неужели мужественное отношеніе къ будущему, вѣра въ себя и въ свою страну, наконецъ, взаимное довѣріе, такія скверныя, уродливыя и позорныя вещи?

На это можно возразить, что ни одно общество въ мірѣ не слагается изъ довольныхъ; что самыя просвѣщенныя, самыя богатыя общества кишатъ недовольными, обрушивающимися на окружающія ихъ условія; что общества эти перестали бы идти впередъ съ той минуты, какъ элементы эти застыли бы въ самодовольствѣ. Совершенно вѣрно! Но мы различаемъ два рода недовольства или, точнѣе, два рода скептическаго отношенія къ окружающей „средѣ“.

Одно „отрицаніе“ вытекаетъ изъ сознанія несоотвѣтствія дѣйствительныхъ силъ и наличныхъ стремленій даннаго общества съ формами, въ которыхъ оно живетъ, — изъ сознанія, что общество переросло такія-то установленія, такія-то формы своего быта. Это отрицаніе здоровое: въ немъ нельзя не видѣть одного изъ существенныхъ условій прогресса. Въ основаніи его лежитъ живая вѣра въ силы своего народа, убѣжденіе, что онъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, по размѣру таящихся въ немъ силъ, достоинъ лучшаго, и что для осуществленія этого лучшаго найдутся люди. Такъ, въ 1856 году „отрицаніе“ охватило и фундаментъ тогдашняго общества, т.-е. и крѣпостное право, и суды, и мѣстное управленіе, и условія печатнаго слова. Говорилось громко и сильно; многіе пугливые умы приходили въ ужасъ отъ „бомбы отрицанія“, попавшей въ наше общество. Но въ этой „бомбѣ“ содержалась великая вѣра и въ силы страны, и въ ея будущее.

Много великихъ заслугъ должно быть признано за дѣятелями той эпохи, но едвали не самая важная заслуга ихъ заключалась въ этой вѣрѣ, которая жила въ нихъ и которую они умѣли пробуждать въ другихъ. Глубоко вѣрили въ свой народъ люди, предложившіе только-что освобожденной массѣ крѣпостныхъ, формы общиннаго самоуправленія безъ той чиновничьей опеки, что̀ царствовала въ области „самоуправленія“ государственныхъ крестьянъ. Горячо вѣрили въ общество люди, замѣнявшіе старыя формы суда судомъ гласнымъ, съ участіемъ присяжныхъ. Они не хандрили и не плакались, говоря, что „людей нѣтъ и не будетъ“, что „какъ же вдругъ“, что мы „не доросли“ и т. д.

Такое отрицаніе, говоря словами одного нѣмецкаго философа, похоже на свѣтлую улыбку юношй, вступающаго въ жизнь въ полномъ сознаніи своихъ силъ. Инымъ характеромъ запечатлѣно другое отрицаніе. Оно исходитъ изъ предположенія несостоятельности общества, изъ недовѣрія къ народнымъ силамъ, изъ убѣжденія, что народъ неспособенъ къ высшимъ формамъ жизни. Это уже отрицаніе въ полномъ смыслѣ слова, ибо въ основаніи его лежитъ нуль. Это не „свѣтлая улыбка юноши“, а искаженное лицо агонизирующаго старика; это—„суета-суетствій“ Экклезіаста.

Какъ ни прискорбно, но мы должны признать, что мнѣнія, ходящія въ значительной части нашего общества, подходятъ именно подъ вторую категорію отрицанія, несмотря на то, что „отрицается“ теперь гораздо меньше (мы говоримъ о массѣ общества), чѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Что тогда не отрицалось? Кто не жилъ этимъ отрицаніемъ, подъ которымъ билась, однако, кипучая жизнь, рвались неизвѣданныя еще силы? Теперь, говорю я, отрицается гораздо меньше. Напротивъ, „интеллигентное“ большинство жадно хватается за разные „якори спасенія“, непрочь поговорить и о пользахъ самоуправленія, и о преимуществахъ новыхъ судовъ, и о святости семейныхъ узъ, и о неприкосновенности собственности и т. д. Но глазъ сколько-нибудь опытнаго наблюдателя видитъ, что все это дѣлается изъ приличія и въ видахъ самоутѣшенія, но что

въ сущности никто не вѣритъ въ дѣйствительность „утверждаемаго“. Если вамъ случится поговорить съ этими людьми немного поближе, когда они оставятъ всѣ условія приличія, то непремѣнно услышите отъ нихъ безотрадныя фразы — людей нѣтъ, силъ нѣтъ, потребностей нѣтъ, разумѣнія нѣтъ, т.-е. нѣтъ всего духовнаго человѣка, какъ единичнаго, такъ и коллективнаго. Что же остается за этимъ вычитаніемъ? Остается масса физическихъ организмовъ, какъ-то и зачѣмъ-то живущихъ, безъ всякой цѣли, безъ всякаго опредѣленнаго призванія, какъ бы исключительно въ силу того, что ихъ родители обладали силою воспроизведенія, и для того, чтобы воспроизвести себѣ подобныхъ.

Съ этой точки зрѣнія, позволительно спросить: не было ли бы для человѣчества безразлично, если бы, говоря словами Хомякова, страна отъ Вислы до Урала, отъ Бѣлаго моря и до Чернаго, была населена вогулами, вотяками или бѣлыми медвѣдями?

Къ такому выводу приходятъ, кажется, наши западные друзья, прилежно указывающіе на полную несостоятельность нашего отечества, на рѣшительную неспособность его не только къ дальнѣйшему совершенствованію, но и къ поддержанію того новаго, что́ создалось послѣ тяжкихъ дней крымской войны.

Итакъ, послѣ двадцати-трехъ лѣтъ трудовъ, Россія для себя и для другихъ остается загадкою, загадкою тягостною, мучительною. Будущее темно не только потому, что никто не можетъ предвидѣть результатовъ современнаго состоянія—въ этомъ отношеніи будущее всегда и для всѣхъ темно,— но потому, что пути, по которымъ мы идемъ, остаются загадочными.

Между тѣмъ мы переживаемъ такую важную историческую минуту, что ясность сознанія и опредѣленность плана дѣйствій представляются безусловно необходимыми, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ дѣлъ нашихъ.

Только-что кончившаяся война оставила намъ слѣдующій назойливый вопросъ; должны ли мы, послѣ великихъ трудовъ и жертвъ, утвердить законную долю нашего влія-

нія на Балканскомъ полуостровѣ, въ видахъ обезпеченія судьбы молодыхъ славянскихъ государствъ и собственныхъ интересовъ? Или мы работали исключительно для расширенія „сферъ“ австрійскаго, англійскаго и всякихъ другихъ „вліяній“, кромѣ русскаго? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ настоятельнѣе теперь, чѣмъ когда либо прежде, именно потому, что событія послѣдняго времени завели восточныя дѣла далеко за предѣлы „проблемъ“. Мы находимся уже на Балканскомъ полуостровѣ; Турецкая имперія уже расшатана; лучшіе ея друзья думаютъ не о томъ, чтобы возстановить и поддержать ее, а о томъ, чтобы, захвативъ извѣстныя ея части, утвердить свое „вліяніе“. „Оккупація“, совершенная Австріею, и захватъ Кипра, совершенный Англіею, лучшая иллюстрація къ этому положенію. Это еще не все! Силою русскаго оружія на Балканскомъ полуостровѣ создань рядъ новыхъ государствъ. Во что́ обратятся они? Будутъ ли они естественными союзниками Россіи, сдѣлаются ли они спутниками враждебной намъ планеты? Что это вопросы не праздные, доказывается тѣмъ, что не только Румынія, но и Сербія тяготѣютъ уже къ Австріи и вообще къ Западу больше, чѣмъ къ Россіи. Не будетъ ли того же, въ ближайшемъ будущемъ, и съ Болгаріей?

Столь же опредѣленно, не человѣческимъ сознаніемъ, а событіями, ставятся вопросы по внутреннимъ дѣламъ нашимъ. Не должно забывать, что съ 1856 года, по волѣ Государя и завѣту лучшихъ русскихъ людей, мы дѣйствительно завоевывали себѣ утраченное внѣшнее положеніе не внѣ, а внутри Россіи, цѣлымъ рядомъ реформъ: реформою крестьянскою, земскою, судебною и т. д. Именно эта обновленная Россія завоевывала себѣ довѣріе и уваженіе, не смотря на то, что проведеніе реформъ, осложненное польскимъ возстаніемъ, требовало великихъ усилій, тратъ и не давало времени на внѣшнія предпріятія. Несомнѣнно, однако, что обновленіе Россіи было встрѣчено съ симпатіями, что оно поддерживало въ русскомъ обществѣ вѣру въ себя и бодрость, необходимую для всякой активной роли.

Какая же именно Россія останется на историческомъ

поприщѣ теперь? Подъ какимъ флагомъ будетъ она идти? Вопросы въ высшей степени сложные, пока не рѣшенъ другой, болѣе общій и болѣе сложный вопросъ: дѣйствительно ли новыя учрежденія, полученныя Россіею, являются чѣмъ-то необходимымъ, вытекающимъ изъ всего нашего прошлаго, а не случайнаго подарка фортуны, слѣпой и капризной? Прямой и искренній отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ и для уясненія себѣ нашего внутренняго положенія и для опредѣленія нашего мѣста въ Европѣ. Внутри Россіи мы часто слышимъ, что въ 1861 году мы не только не вышли на прямую дорогу, а сбились съ пути и что теперь намъ слѣдуетъ искать истинной дороги изъ Мекки въ Мединy. Дѣйствительно ли это такъ? Въ самомъ ли дѣлѣ Россія пустилась въ „новое“ безъ исторіи и безъ преданій? Въ самомъ ли дѣлѣ она можетъ оставить эту дорогу, избранную яко-бы случайно и по капризу, съ тою легкостью, съ какою бросаются случайныя тропинки, проложенныя въ дремучемъ непроходимомъ лѣсу?

II.

Россія и Европа.

Вопросительно смотритъ на насъ западная Европа, съ недоумѣніемъ смотримъ мы сами на себя. Но загадочность положенія тяжко отзывается на судьбѣ отдѣльнаго человѣка, а тѣмъ болѣе на судьбахъ великой націи. Отъ степени опредѣленности положенія зависитъ степень довѣрія къ ней другихъ народовъ и вѣры въ самое себя; а довѣріе и вѣра суть первѣйшія и необходимыя условія, коими опредѣляется вѣсъ и значеніе націи въ человѣчествѣ.

„Власть мнѣнія,—говорилъ Р. Пиль, — все болѣе и болѣе возвышается надъ владычествомъ физической силы. Довѣріе, хорошая репутація, дѣлаются, все больше и больше,

самымъ вѣрнымъ средствомъ поддержать величіе каждаго народа".

Да, намъ нужно довѣріе другихъ народовъ, „хорошая репутація" въ ихъ средѣ. Мы не сторонники „европейской" политики въ смыслѣ служенія чуждымъ намъ интересамъ, какъ это бывало во времена священнаго союза: такая политика служила намъ во вредъ и портила нашу репутацію. Мы не поклонники знаменитой фразы: „что скажетъ Европа?"—въ томъ смыслѣ, какой она часто имѣла въ нашихъ общественныхъ и правительственныхъ кругахъ. Дѣло идетъ, конечно, не о томъ, чтобы пустить Европѣ пыль въ глаза роскошью нашихъ празднествъ, безумными тратами за границею, мнимыми успѣхами нашего просвѣщенія; не о томъ также, чтобы въ угоду кому-бы то ни было заводить у себя вещи для насъ безполезныя и даже вредныя. Такъ смотрѣли на дѣло въ эпоху нашихъ, такъ-сказать, ученическихъ годовъ, въ то время, когда мы только-что прорубили окно въ Европу и съ любопытствомъ ребенка присматривались къ тому, что тамъ дѣлается, жадно перенимая и подражая безъ разбора и безъ толка.

Время такого ребяческаго космополитизма прошло. Въ самой Европѣ національное начало сдѣлало быстрые успѣхи, именно подъ вліяніемъ просвѣщенія, и ни одинъ изъ народовъ западной Европы не принесетъ своей самобытности въ жертву „мнѣнію", которое о немъ будутъ имѣть его сосѣди. Національная самобытность каждаго европейскаго народа есть плодъ великихъ трудовъ цѣлыхъ поколѣній въ области политической, религіозной, научной, литературной и эстетической. Эти великіе труды выковали національный характеръ, выработали индивидуальный типъ каждой націи.

Но рядомъ съ этимъ совокупнымъ трудомъ цѣлаго круга народовъ выработались извѣстныя понятія, представленія и вѣрованія, сдѣлавшіяся общими для всѣхъ одинаково. Ихъ называемъ мы общечеловѣческими. Этотъ осадокъ вѣковой цивилизаціи и является масштабомъ, критеріумомъ, которымъ народы европейскіе опредѣляютъ принадлежность той или иной націи къ своему кругу, на основаніи кото-

раго они относятся къ Персіи или къ Бирмѣ иначе, чѣмъ къ Италіи или къ Англіи. На этомъ, наконецъ, основаніи международный европейскій союзъ составляется изъ весьма опредѣленнаго круга народовъ, съ исключеніемъ остальныхъ.

Съ этой точки зрѣнія вопросъ „что скажетъ Европа?“ получаетъ весьма опредѣленный и почтенный смыслъ. Онъ означаетъ, что Россія, какъ держава въ культурномъ смыслѣ европейская, должна въ дѣлахъ своихъ сообразоваться съ извѣстными общими требованіями европейской цивилизаціи. Законность этого вопроса вполнѣ установлена реформою Петра Великаго. Заслуга Петра, несмотря на всѣ его увлеченія и крутой образъ дѣйствій, состояла именно въ томъ, что онъ вдвинулъ насъ въ кругъ просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ и тѣмъ спасъ насъ именно какъ націю, давъ намъ возможность самобытнаго существованія на ряду съ другими народами Европы. Безъ него мы остались бы страною дикою и неравноправною, съ европейской точки зрѣнія; Европа относилась бы къ намъ такъ, какъ англичане относятся къ Индіи, какъ испанцы, французы, голландцы и англичане относились къ Америкѣ: какъ къ „объекту“ колонизаціи и эксплуатаціи, какъ къ объекту, а не какъ къ субъекту международнаго права. Если мы существуемъ теперь, какъ русскіе, т.-е. какъ великая нація съ голосомъ въ международномъ союзѣ, то мы обязаны этимъ Петру, вдохнувшему въ насъ европейское просвѣщеніе, давшему намъ мѣсто въ ряду европейскихъ народовъ. И мы можемъ развиваться какъ Россія до тѣхъ поръ, пока сохранимъ это мѣсто, пока насъ не собьютъ съ него, отогнавъ въ Азію, чему мы нерѣдко сами помогаемъ.

Уваженіе Европы нужно намъ, несмотря на то, что, по существеннымъ вопросамъ внѣшней политики, мы расходимся съ нею, что по славянскому вопросу мы сталкиваемся съ ея противодѣйствіемъ. Именно теперь, когда вопросы поставлены рѣзко, необходимо, чтобы не было сомнѣній въ качествахъ знамени, находящагося въ нашихъ рукахъ, въ нашей способности поддержать его и довести

дѣло до конца. Необходимо, чтобы и на поприщѣ славянскаго вопроса въ насъ видѣли силу европейскую, а не какую-либо иную, чтобы въ насъ видѣли соперника равнороднаго, а не пришельца изъ другой части свѣта. Необходимо это потому, что нравственныя силы, несмотря на теорію „бисмаркизма“, не утратили своего значенія, и система „желѣза и крови“, нѣкогда возвѣщенная Бисмаркомъ, подвергается теперь тяжелому испытанію въ самой Германіи.

Но степень уваженія и довѣрія къ народу зависитъ отъ двухъ условій: 1) отъ того, въ какой мѣрѣ онъ, въ своихъ учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ, осуществляетъ общія требованія культуры, считающіяся признаками цивилизованнаго народа; 2) отъ того, въ какой мѣрѣ онъ представляетъ нѣчто цѣльное, неразрозненное внутри. Остановимся сначала на первомъ условіи.

Съ того времени, какъ Россія стала воспринимать европейское просвѣщеніе, т.-е. со времени Петра-Великаго, наши внутреннія преобразованія, въ ихъ исторической послѣдовательности, представляютъ три типа и три эпохи, отмѣченныя именами Петра Великаго, Екатерины II и нынѣ царствующаго Государя Императора Александра II. Каждый изъ этихъ типовъ представляетъ особенности, тѣсно связанныя съ послѣдовательными перемѣнами въ западноевропейскихъ обществахъ, служившихъ для насъ образцами, и съ условіями самаго русскаго общества.

Петръ-Великій дома имѣлъ дѣло съ закрѣпленными сверху до низу сословіями, не игравшими никакой общественной роли и имѣвшими смыслъ только въ государствѣ и чрезъ государство. Первое изъ этихъ сословій,—будущее дворянство,—служилые люди были только матеріаломъ, изъ котораго составлялись разныя государственныя установленія, которымъ наполнялись армія и вновь созданный флотъ. Поэтому задача Петра Великаго состояла именно въ исправленіи правительственнаго механизма, дабы привести его въ нѣкоторый уровень съ механизмомъ государствъ, съ какими онъ находился въ ближайшихъ отношеніяхъ: спе-

ціально Швеціи и Пруссіи. Но въ этихъ государствахъ, особенно же въ Германіи, онъ видѣлъ сильное развитіе, такъ-называемаго, полицейскаго государства, построеннаго на принципѣ государственнаго всемогущества, направленнаго къ осуществленію всеобщаго блага и воплощеннаго въ хорошо организованной, дисциплинированной и зорко контролируемой системѣ правительственныхъ учрежденій. Къ воспроизведенію этой системы и направились всѣ усилія Петра. Ударивъ мощною рукою по обветшавшимъ приказамъ, „гдѣ судьи дѣлали, что̀ хотѣли, ибо излишнюю мощь имѣли“, онъ старательно укладывалъ „служилыхъ людей“ въ формы коллегіальнаго производства, создавалъ массу новыхъ должностей въ центрѣ и въ провинціи, сочинялъ для нихъ регламенты и инструкціи, учреждалъ надъ ними строгій надзоръ, училъ точному „исправленію законовъ“ и самъ трудился съ ними, какъ послѣдній изъ служащихъ. Несмотря на всѣ частныя уклоненія, на всю ненадежность его слугъ, плохо мирившихся съ „исправленіемъ законовъ“, въ общемъ ему удалось выдержать и довести до конца основную мысль его реформы. Онъ создалъ изъ Россіи государство, по строю своему соотвѣтствовавшее ближайшимъ государствамъ Европы, способное бороться съ ними, разговаривать на равныхъ правахъ. Изъ своей новой правительственной машины онъ создалъ страшный таранъ, пробивавшій Россіи все новые и новые пути въ Европу. Оно дѣлало свое дѣло даже послѣ того, какъ руки Петровой не было, когда при преемникахъ его многое было испорчено и расшатано; старая репутація Петра жила въ его твореніи, давая авторитетъ его учрежденіямъ и бодрость лучшимъ русскимъ людямъ. Правъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, говоря, что непреходящее дѣло совершилъ великій преобразователь:

„Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною, страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славна и быти не перестанетъ“.

Время шло; въ глухую и неприглядную, во многихъ отношеніяхъ, пору, наставшую послѣ кончины Петра-Ве-

ликаго, общество, однако, не стояло на мѣстѣ. Московскіе „чины“, дисциплинированные Петромъ для государственной службы, стали понемногу открѣпляться. Обязательная служба дворянства, служба „вѣчная“, постепенно ограничивается и, наконецъ, вовсе отмѣняется. 18 февраля 1762 года дворянству дается первая жалованная грамата. Сначала фактически, а потомъ и юридически открѣпившееся сословіе наполняетъ мѣстности, образуя ядро будущаго дворянскаго „корпуса“, который заявитъ о своихъ нуждахъ въ большой коммиссіи 1767 года и будетъ призванъ къ участію въ мѣстномъ управленіи Екатериною II.

Правда, уже въ законахъ Петра Великаго можно найти стремленіе организовать мѣстное управленіе съ участіемъ въ немъ сословій. Уѣздные коммиссары должны были избираться дворянствомъ и дѣйствовать подъ контролемъ избравшаго ихъ общества. Городское управленіе, по регламенту главному магистрату, ввѣрялось выборнымъ отъ городскихъ сословій учрежденіямъ. Но эти попытки не ладили съ общимъ строемъ тогдашнихъ установленій и съ общимъ положеніемъ сословій. Для того, чтобы сословіе могло дѣйствовать какъ общественная сила, необходимо, во-первыхъ, чтобы общее его положеніе въ государствѣ было точно опредѣлено и, во-вторыхъ, чтобы законодательство обезпечило извѣстныя личныя права его членовъ, признало за ними извѣстное „достоинство“. Ни того, ни другого не было во времена Петра-Великаго. Изъ своего знакомства съ Западомъ, онъ вынесъ главнымъ образомъ теорію правительственнаго механизма, на который онъ обратилъ особенное вниманіе, такъ-какъ онъ былъ ему нуженъ для цѣлей его реформы и для международной борьбы. Не должно забывать, притомъ, что въ его время, въ эпоху сильнаго развитія государственнаго абсолютизма, общественный строй Европы былъ заслоненъ отъ глазъ человѣка, мало знакомаго съ дѣломъ, механизмомъ правительственнымъ.

Екатерина II находилась въ другихъ условіяхъ. Она близко знала западъ въ его правительственной и общественной организаціи. Она, изучавшая творенія великихъ мыслителей

XVIII вѣка и въ особенности Монтескье, владѣла теоріею сословнаго государства, была проникнута самою идеею сословій, какъ опредѣленныхъ элементовъ общества и государства. Эти идеи и опредѣлили направленіе ея законодательства. При этомъ должно имѣть въ виду, что она восприняла теорію западнаго государства не въ средневѣковой ея формѣ, а въ видѣ, измѣненномъ теоріями XVIII вѣка, которыя впослѣдствіи привели къ разрушенію сословнаго государства. Отъ этого въ знаменитомъ „наказѣ“ императрицы можно найти много противорѣчія между его общими идеями и практическимъ ихъ примѣненіемъ къ вопросамъ государственнаго устройства. Идеи „естественной свободы“, съ которыхъ начинаетъ императрица, выражаются затѣмъ въ формахъ сословной организаціи. Но это объясняется и формою общества, въ которомъ жила императрица, и тѣмъ, что самъ Монтескье мыслилъ монархію только въ формѣ государства сословнаго.

Несмотря на то, что общія идеи Екатерины II выразились въ довольно узкой формѣ, онѣ дали сильный толчокъ нашему общественному развитію. Россія услышала отъ нея то, чего она никогда еще не слышала; Европа съ уваженіемъ смотрѣла на преобразовательницу.

Законы Екатерины II не только призвали извѣстныя сословія къ участію въ мѣстномъ управленіи, но и открыли этимъ сословіямъ возможность дѣйствія, путемъ точнаго опредѣленія ихъ корпоративныхъ и личныхъ правъ. Дѣйствительно, сословіе, какъ цѣлое, не имѣетъ возможности дѣйствовать, пока законъ не установитъ его какъ корпорацію, имѣющую право проявлять свою коллективную волю; затѣмъ сословная корпорація будетъ безсильна, если всѣ отдѣльные ея члены не будутъ обезпечены въ своихъ личныхъ правахъ, въ своей личной безопасности. Корпорація, составленная изъ лично-безправныхъ членовъ, есть абсурдъ, внутреннее противорѣчіе.

Императрица постаралась опредѣлить права дворянскаго общества, какъ корпораціи губернской, и городского общества, какъ корпораціи мѣстной. Кромѣ того, она подробно

остановилась на личныхъ правахъ отдѣльныхъ членовъ этихъ корпорацій. Послѣднія имѣютъ и свое общее теоретическое основаніе въ „наказѣ“, и ближайшее практическое опредѣленіе въ двухъ жалованныхъ граматахъ дворянству и городамъ 1785 года.

„Наказъ“, рукокодствуясь ученіемъ Монтескье, указываетъ, на общую, идеальную, такъ-сказать, основу правъ личныхъ. „Въ чемъ состоитъ, спрашиваетъ „Наказъ“,— цѣль верховной власти (de la souveraineté)? Не въ томъ, чтобы лишить ихъ естественной свободы, но въ томъ, чтобы направить ихъ дѣйствія къ величайшему изъ всѣхъ благъ“. Христіанская религія „возбуждаетъ въ каждомъ честномъ человѣкѣ желаніе видѣть всякаго согражданина подъ покровительствомъ законовъ, которые, не стѣсняя его благосостоянія, защищали бы его отъ всякаго дѣйствія, противнаго этому правилу“. „Законы, продолжаетъ „Наказъ“,— должны, сколь возможно, охранять безопасность каждаго гражданина въ частности... Политическая свобода въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, вытекающее изъ мнѣнія, которое каждый имѣетъ о своей безопасности; и для того, чтобы граждане имѣли эту свободу, нужно, чтобы правительство было таково, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другого, но всѣ боялись бы однихъ законовъ“.

Эти общія положенія практически выразились, какъ того и слѣдовало ожидать, въ сословномъ государствѣ, въ видѣ различныхъ привилегій, пожалованныхъ сословіямъ, согласно ихъ чести и достоинству. Эта идея сословной чести была, въ свое время, важнымъ средствомъ для утвержденія въ человѣкѣ чувства независимости, личнаго достоинства и безопасности, безъ которыхъ немыслимо общественное значеніе и дѣятельность сословій.

„Безъ суда да не лишится благородный жизни, чести и имѣнія; да не судится благородный окромѣ своими равными; дѣло благороднаго, впавшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества; тѣлесное

наказаніе да не коснется благороднаго; подтверждаемъ на вѣчныя потомственныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу" — таковы характерныя постановленія дворянской жалованной грамоты *).

„Мѣщанинъ (т.-е. вообще городской обыватель) безъ суда да не лишится добраго имени, или жизни, или имѣнія; мѣщанинъ судится мѣщанскимъ судомъ; подтверждается и строго запрещается, да не дерзнетъ никто безъ суда и приговора въ силу законовъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ, коимъ суды поручены, самовольно отобрать у мѣщанина имѣніе или оное разорять; запрещается мѣщанамъ учинить безчестіе; первая и вторая гильдія освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія" — таковъ тонъ жалованной грамоты городамъ **).

Перечитывая эти документы теперь, въ эпоху развитія началъ равноправности, когда самое слово „привилегія" звучитъ непріятно въ ухѣ современнаго человѣка, можно, повидимому, отнестись весьма скептически къ мысли законодателя, создавшаго такія преимущества. Дѣйствительно, многія изъ привилегій, содержащихся въ жалованныхъ грамотахъ, странны даже не съ современной точки зрѣнія — въ родѣ привилегіи ѣздить цугомъ, или парой, смотря по „сословію". Но историкъ не можетъ относиться къ дѣяніямъ прошлаго съ точки зрѣнія современныхъ требованій. Онъ долженъ понять смыслъ законовъ и мѣръ въ общемъ процессѣ историческаго развитія даннаго народа, опредѣлить ихъ мѣсто въ поступательномъ движеніи страны.

Въ этомъ движеніи сословныя привилегіи занимаютъ важное и почетное мѣсто. Мы говоримъ, конечно, не о всѣхъ „преимуществахъ", но съумѣемъ оцѣнить то, что составляло цѣнное пріобрѣтеніе для всей страны. Намъ кажется несправедливою привилегія, въ силу которой одно сословіе, въ силу своего „достоинства", было изъято изъ податей и повинностей, тогда какъ низшіе классы несли на себѣ все

*) Ст. 8—13, 15, 17.

**) Ст. 84, 85, 87, 91, 107, 113.

бремя государственныхъ тягостей. Съ этимъ мы вполнѣ согласны; въ такихъ „преимуществахъ“ ярко обнаруживаются невыгоды сословнаго строя вообще. Но были другія преимущества, въ которыхъ выразились лучшія общечеловѣческія начала, въ силу чего они и не могли остаться удѣломъ только одного сословія, но расширяли понемногу свое дѣйствіе.

Такъ, дворянская и городовая грамоты, провозглашая свободу нѣкоторыхъ классовъ отъ тѣлеснаго наказанія, сами того не замѣчая, осудили тѣлесное наказаніе вообще; признавая его несогласнымъ съ „достоинствомъ“ дворянина, именитаго гражданина, купцовъ первой и второй гильдіи, грамоты не могли удержать человѣческій умъ отъ весьма логическаго заключенія, что тѣлесное наказаніе несовмѣстно съ достоинствомъ человѣка, что оно позорно вообще.

Такимъ образомъ эта „привилегія“ была первою реакціею противъ владычества кнута, противъ тѣхъ порядковъ, когда Лопухина, вслѣдствіе интриги, была истерзана кнутомъ и, съ урѣзаніемъ языка, сослана въ Сибирь. Благодаря этой привилегіи, въ извѣстной части общества народился человѣкъ, явились понятія о человѣческомъ достоинствѣ, и эти понятія дали свой плодъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ русскихъ людей. Не даромъ при самой Екатеринѣ пытки были отмѣнены для всѣхъ сословій. Но развитіе понятій пошло дальше.

Жалованныя грамоты были изданы въ концѣ XVIII вѣка; въ первой четверти XIX, незабвенный графъ Мордвиновъ выступилъ съ грознымъ мнѣніемъ противъ кнута, оставленнаго для непривилегированныхъ сословій.

„Съ того знаменитаго для человѣчества и правосудія времени, такъ начинается мнѣніе доблестнаго старика, — когда европейскіе народы отмѣнили пытки, они истребили и орудія, коими производимы были мученія. Одна Россія сохранила у себя кнутъ, орудіе, бывшее въ употребленіи при пыткахъ, одно названіе котораго поражаетъ ужасомъ русскій народъ и даетъ поводъ народамъ иностраннымъ заключать, что Россія находится еще въ дикомъ состояніи,

безъ просвѣщенія и нравственныхъ понятій о человѣкѣ, существѣ въ высшей степени чувствительномъ".

„Законъ христіанскій, исповѣдуемый нами,—говоритъ онъ дальше, — возбраняетъ мученія, научаетъ кротости и милосердію, и началомъ всѣхъ добродѣтелей ставитъ любовь къ ближнему, къ человѣку, который носитъ на себѣ печать величія и благости Творца".

Съ такою же силою возстаетъ онъ и противъ наложенія клеймъ на лицѣ преступника.

„Лицо человѣка, говоритъ Мордвиновъ,—Творецъ оживотворилъ чувствами души и знаменіями ума. Эта одушевленная часть тѣла не долженствовала бы быть мѣстомъ поруганія, тѣмъ болѣе, когда однажды положенное пребываетъ неизгладимымъ".

Да это азбука, скажутъ намъ. Азбука?! Но вѣдь и азбука была изобрѣтена въ свое время, и это изобрѣтеніе произвело великій переворотъ въ человѣчествѣ! Вѣдь и великія заповѣди „не укради" и „не убій" точно также „азбука", но для вразумленія народовъ эти азбучныя истины нужно было произнести въ громѣ и молніи на горѣ Синайской. Азбука! Но отчего же эта азбучная истина не осуществилась до 17 апрѣля 1863 года? Почему и теперь не излишне твердить, что законъ христіанскій „возбраняетъ мученія"?

Велика была заслуга людей, проповѣдывавшихъ такія „азбучныя" истины, но и они не могли бы выработать въ себѣ такихъ понятій, если бы сами не принадлежали къ „привилегированному" сословію, для котораго были произнесены слова императрицы: „тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго", если бы они не вдохнули въ себя европейское просвѣщеніе съ его „азбучными" истинами. Московскій бояринъ, котораго сѣкли за всякія провинности большія и малыя, никогда не произнесъ бы такой истины.

Такова была роль этихъ привилегій; благодаря имъ, хотя на первый разъ въ узкой формѣ, въ наше законодательство и въ наше общество проникали понятія о закон-

ности, объ уваженіи къ правамъ, о невыгодахъ произвола. Подъ ихъ вліяніемъ выросли люди, съумѣвшіе возвести частное къ общему, отрѣшиться отъ узко-сословнаго раздѣленія на „права“, отвернуться отъ самихъ привилегій и посмотрѣть на самое право, какъ на условіе всенародной жизни. Послушайте, какія ноты слышатся въ обществѣ, гдѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ изъ знати набирались шуты, увѣковѣченные на картинѣ Якоби.

Графъ Мордвиновъ, критикуя учрежденіе министерствъ и указывая на вліяніе исполнительной власти на отправленіе правосудія, говоритъ, вслѣдъ за Монтескье и царственнымъ авторомъ „Наказа“: „Всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительства: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы и обязанности другой... Нераздѣленіе властей въ турецкомъ правительствѣ сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ, повсемѣстно же водворилась дикость, унынie и нищета. Нынѣ же въ Аѳинахъ [1]) живутъ пастухи, и гдѣ поучали Платоны и Сократы, тамъ кружатся съ крикомъ дервиши и бѣснуются юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми. Столь пагубно смѣшеніе властей, поставленныхъ для созиданія общественнаго и частнаго благосостоянія и для удержанія въ здоровьѣ и силѣ царствъ земныхъ“.

Конечно, графъ нѣсколько преувеличилъ значеніе „раздѣленія властей“. Но во всей этой тирадѣ нельзя не видѣть горячей любви къ законности, отвращенія къ произволу, воспроизведенія знаменитаго афоризма Бентама: „трудъ производитъ, законъ сохраняетъ“.

---

[1]) Писано въ 1827 году.

III.

Переломъ.

Реформы Екатерины II дали законное мѣсто извѣстнымъ общественнымъ силамъ; послѣднія получили опредѣленное строеніе съ возможностью коллективнаго дѣйствія; сословныя привилегіи нѣсколько подняли сознаніе личныхъ правъ и уваженіе къ нимъ; подъ ихъ вліяніемъ сложился общественный классъ, лучшіе представители котораго способны были воспринять болѣе широкія идеи, выработанныя на западѣ Европы, и стать въ челѣ поступательнаго движенія въ первые годы царствованія Александра I. Изъ привилегированнаго общества вышли первые бойцы противъ привилегій, противъ сословнаго строя и въ особенности противъ владычества одного сословія надъ другимъ, т.-е. противъ крѣпостнаго права. Имена Радищева. Новикова, братьевъ Тургеневыхъ, Сперанскаго, Румянцова, и т. д. громко свидѣтельствуютъ о силѣ разъ даннаго движенія, которому не суждено было уже останавливаться, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія.

Но эти идеи и эти люди были элементами будущаго. Конкретная форма екатерининскаго государства выражала, какъ уже замѣчено, эти идеи въ болѣе узкой, односторонней формѣ.

Привилегіи, созданныя главнымъ образомъ для высшаго въ государствѣ сословія, оставляли массу въ состояніи безправія, подъ владычествомъ „привилегированныхъ“. Крѣпостное право, противъ котораго поднялись теоретическія возраженія со стороны самой императрицы, въ коммисіи для составленія новаго уложенія и въ литературѣ, на практикѣ было столь же грубо, какъ и въ XVII вѣкѣ, если не грубѣе. Скажемъ больше: если лучшіе люди, дѣйствительно переработанные просвѣщеніемъ, усвоившіе себѣ понятіе о человѣческомъ достоинствѣ не только для себя, но и для другихъ, возставали противъ этой язвы, то „европейцы“

поверхностные, налощенные европейскими „манерами“, но оставшіеся дикарями, въ своемъ существѣ, относились къ этой массѣ „мужиковъ“ такъ же, какъ настоящіе европейцы относились къ неграмъ въ американскихъ колоніяхъ. Не говоримъ уже о людяхъ „непосредственныхъ“, изъ всѣхъ правъ дворянства разумѣвшихъ одно: право владѣть крѣпостными людьми. Они были настоящими мелкими тиранами, изъ рядовъ которыхъ выходили Солтычихи, Каннабихи и т. д.

Понятно, само собою, что власть такого сословія и при такихъ условіяхъ не могла быть положена въ основаніе даже мѣстнаго управленія. Сила крѣпостного права была обратно пропорціональна дѣйствительному значенію дворянства въ управленіи. Такимъ фундаментомъ общественнаго зданія легко объясняется и оправдывается, напримѣръ, 84 ст. учрежденія о губерніяхъ, на основаніи которой государевъ намѣстникъ: „имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости“, или по ст. 82 онъ „долженъ показать въ поступкахъ своихъ добродѣтельство, любовь и соболѣзнованіе къ народу“.

Къ этому должно присоединить, что низкій еще уровень образованія даже въ „первенствующемъ“ сословіи давалъ полный поводъ къ административной опекѣ; что вновь созданныя учрежденія сами ждали „указаній“, наставленій и разрѣшенія всякихъ недоумѣній; что даже коронныя учрежденія, построенныя на началахъ колегіальныхъ, по своему личному составу, въ силу злоупотребленій и страсти къ „богопротивному лакомству“, также нуждались въ зоркомъ надзорѣ со стороны генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, властей единоличныхъ съ „правомъ исправленія“.

Велики были частные недостатки вновь созданныхъ установленій не столько въ идеѣ, сколько на практикѣ, опредѣлявшейся всѣми привычками, нравами и преданіями мало цивилизованнаго общества. Но въ общемъ — типъ государства, созданнаго Екатериною II и просуществовавшаго до

реформъ послѣдняго времени, подходилъ къ типу ближайшихъ намъ державъ. Существо его можетъ быть выражено однимъ словомъ: это было государство сословно-бюрократическое, т.-е. то самое государство, которое мы видѣли, въ лучшихъ, конечно, формахъ, въ Пруссіи до 1848 г.

Въ Россіи соотношеніе этихъ двухъ элементовъ: сословій и бюрократіи, должно было опредѣлиться иначе, чѣмъ на Западѣ, т.-е. въ пользу бюрократіи, начала приказнаго. Это зависѣло отъ многихъ причинъ.

Во-первыхъ, на Западѣ сословія и ихъ корпораціи, создались въ эпохи слабости центральной власти; онѣ были сильнымъ политическимъ элементомъ, который лишь постепенно былъ побѣжденъ королевскою властью. Но и послѣ побѣды надъ ними, какъ силою политическою, они—особенно въ Германіи—сохранили свое большое значеніе въ мѣстномъ управленіи. Въ Россіи сословія явились первоначально въ формѣ чиновъ, созданныхъ политикою московскихъ государей, ради удобнѣйшаго расположенія разныхъ государственныхъ тяглъ. Затѣмъ нѣкоторымъ изъ нихъ были пожалованы извѣстныя права, личныя и общественныя. Такія права очевидно должны были уступать при колизіи съ старинною силою приказнаго начала.

Во-вторыхъ, приказная, государственная служба по прежнему представлялась дворянству болѣе привлекательною, чѣмъ служба мѣстная, по „выборамъ“. Вслѣдствіе этого лучшія силы изъ первенствующаго сословія, уходя на государственную службу, оставляли мѣсто силамъ далеко не лучшимъ и неспособнымъ поддержать значеніе выборнаго начала.

Въ-третьихъ, общее направленіе законодательства въ XIX столѣтіи клонилось на пользу приказнаго начала и административной опеки. Екатерина II создала только формы мѣстныхъ сословныхъ учрежденій, но способы ихъ дѣйствія въ области мѣстнаго хозяйства и благоустройства остались безъ опредѣленія. Задача эта выпала на долю позднѣйшаго законодательства. Уставы о земскихъ повинностяхъ, о городскомъ хозяйствѣ, уставы строительный,

пожарный, врачебный и т. д. были созданы въ духѣ сильной административной опеки, недопускавшей сколько-нибудь самостоятельнаго дѣйствія со стороны городовъ и дворянскихъ обществъ.

Въ четвертыхъ, наконецъ, сила приказнаго начала несомнѣнно увеличилась въ XIX вѣкѣ учрежденіемъ министерствъ, разрушившихъ формы коллегіальнаго устройства, содѣйствовавшихъ бо́льшей централизаціи управленія и отодвинувшихъ на задній планъ учрежденія мѣстныя, въ которыхъ Екатерина II видѣла основаніе хорошаго государственнаго устройства.

Это сословно-бюрократическое государство выдержало свою окончательную пробу во время крымской войны. Оно не имѣло возможности провѣрить себя, какъ слѣдуетъ, раньше, вслѣдствіе благопріятныхъ для него внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ. Въ политической системѣ европейскихъ государствъ, созданной вѣнскимъ конгрессомъ и закрѣпленной актомъ священнаго союза, Россія занимала подходящее и даже почетное мѣсто. Она, вмѣстѣ съ ближайшими къ ней державами — Австріею и Пруссіею, считалась опорою всеевропейскаго мира и порядка. Великое утомленіе — результатъ тяжкихъ войнъ временъ революціи и имперіи, породило тѣ стремленія къ миру, благодаря которымъ миръ дѣйствительно поддерживался въ теченіи сорока слишкомъ лѣтъ. Но состояніе мира, въ которомъ находилась Европа, далеко не совпадало съ принципами того „порядка“, которые провозглашены были вѣнскимъ конгрессомъ.

Подъ покровомъ мира, даже въ ближайшихъ къ намъ государствахъ — не говоря уже о Франціи, которую мы какъ будто не принимали въ разсчетъ,—шла невидная, но серьёзная работа мысли. Преданія Штейна, Вильгельма Гумбольдта, Арндта, Яна, не были забыты въ Германіи. Въ теченіи этихъ многихъ лѣтъ она выслушивала философскую проповѣдь Гегеля, примкнула къ „лѣвымъ“ гегельянцамъ, воспитывалась ѣдкою сатирой Гейне и Берне, историческими трудами Шлоссера и Гервинуса, политическими

сочиненіями Роттека, Моля, выслушивала гуманную проповѣдь криминалиста Миттермайера и серьезно готовилась къ неизвѣстному еще, но великому будущему.

Мы проглядѣли эту работу. Убаюканные ловкостью Меттерниха, мы спокойно смотрѣли на Германію, какъ на отечество невиннаго идеализма и романтизма, полагали, что этотъ романтизмъ весь выражается въ „балладахъ“, переводившихся для насъ Жуковскимъ, и не подозрѣвали, что онъ былъ симптомомъ сильнаго національнаго движенія, прорвавшагося, наконецъ, въ 1848 году. Во Франціи мы видѣли только шаловливаго ребенка, къ которому можно относиться снисходительно, но котораго слѣдуетъ изолировать въ отведенной для него комнатѣ, дабы онъ не сбивалъ съ толку другихъ. И дѣйствительно, Франція, обнесенная кордономъ крѣпостей германскаго союза, стерегомая прусскими генералами и австрійскими дипломатами, казалась безопасною, хотя въ ней кипѣла политическая жизнь, хотя въ ней дважды падала династія, хотя пѣна изъ этого котла попадала и въ Германію, производя вспышки то тамъ, то здѣсь.

Спокойствіе наше не смущалось; столкновенія съ Европой намъ не грозили, да и не боялись мы ихъ, благодаря памяти 1812 года. Упражняя свои военныя силы въ войнахъ съ Турціею и съ Персіею, мы къ прежнимъ лаврамъ прибавляли новые. Когда политическое броженіе слишкомъ близко подошло къ нашимъ границамъ, мы скоро положили ему конецъ, остановивъ германскія увлеченія Фридриха Вильгельма IV и усмиривъ венгровъ, не предполагая, какою цѣною отплатитъ намъ снасенная Австрія.

Но послѣ долгихъ лѣтъ всеобщаго мира, въ 1854 году намъ въ первый разъ пришлось снова столкнуться съ европейскою коалиціею. Разсказываютъ, что одинъ солдатъ, на вопросъ, отчего враги насъ бьютъ; „да какъ-же, ваше в—діе, у нихъ ружья аглицкія, а у насъ казенныя“. Въ этомъ отвѣтѣ простого человѣка, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся суть дѣла. Наши „казенныя“ ружья были англійскими въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Но съ тѣхъ

поръ духъ изобрѣтательности и усовершенствованія всякаго рода создали это англійское ружье, тогда какъ въ нашихъ рукахъ осталось орудіе, не обновлявшееся съ 1815 года, тщательно охраняемое отъ всякихъ улучшеній, но стиравшееся и ржавѣвшее отъ времени, утрачивавшее всякую силу и только сохранившее форму ружья.

IV.

Новая Россія.

Конецъ крымской войны былъ сигналомъ къ преобразованію Россіи. Реформы эти были вызваны, конечно, нашими внутренними потребностями, нашими наболѣвшими язвами. Прежде всего, предстояло устранить то, что́ болѣе всего стѣсняло развитіе государства и общества, что болѣе всего вносило лжи и тлѣнія въ наши отношенія—крѣпостное право. Затѣмъ должно было измѣнить систему нашего мѣстнаго управленія по двоякой причинѣ: во-первыхъ, вся система веденія мѣстнаго хозяйства, даже въ существовавшихъ его рамкахъ, въ коихъ вращались разные комитеты, коммиссіи и приказы, оказалась несостоятельною; во-вторыхъ, существовавшія установленія не представляли ручательствъ въ томъ, что онѣ въ состояніи будутъ удовлетворить потребностямъ новымъ, возникновеніе которыхъ предвидѣлось съ освобожденіемъ крестьянъ и иными условіями быта мѣстнаго населенія. Затѣмъ система судоустройства, построенная на началѣ сословномъ, и судопроизводства, державшаяся на началахъ узко-инквизиціоннаго процесса, не выдерживала уже самой снисходительной критики. Наконецъ, отсутствіе гласности, отсутствіе какой бы то ни было легальной возможности обсуждать самые насущные общественные вопросы, оставляло само правительство безъ той помощи, какая ему всегда необходима для успѣшнаго веденія его труднаго дѣла. Этими дѣйствительными требова-

ніями были вызваны важнѣйшія реформы наши: крестьянская, земская, городская, судебная, университетская и по дѣламъ печати.

Но если эти реформы были вызваны требованіями нашей домашней жизни, если учрежденія, созданныя этими реформами, носятъ на себѣ національный отпечатокъ, то нельзя не замѣтить, что въ нихъ восприняты и многія изъ началъ, выработанныхъ европейскою жизнью, и отъ воспріятія которыхъ зависѣла степень принадлежности Россіи къ кругу европейскихъ державъ.

Для пониманія общаго смысла нашей эпохи, мы должны внимательно разсмотрѣть всѣ принципы, изъ которыхъ сложилось нынѣшнее міросозерцаніе наше, и всѣ начала, которыя легли въ основаніе новыхъ учрежденій. Но для этой цѣли мы должны прежде всего опредѣлить типъ того государственнаго и общественнаго порядка, начала которому были положены въ 1861 году.

Руссо замѣтилъ, что нужно много философіи для наблюденія предметовъ, къ намъ близкихъ. Дѣйствительно, гораздо легче опредѣлить типъ учрежденій отжившихъ, каковы, напримѣръ, учрежденія Петра и Екатерины II, чѣмъ опредѣлить то, что совершается въ наше время. Но если насъ не обманываетъ видимость явленій, если мы вѣрно понимаемъ смыслъ новыхъ законовъ, правильно опредѣляемъ смыслъ всѣхъ новыхъ стремленій, вѣрованій и надеждъ, то мы можемъ опредѣлить вырабатывающійся нынѣ типъ новыхъ учрежденій, въ сравненіи его съ прежними типами, слѣдующимъ образомъ:

Типъ петровскаго государства былъ приказный, улучшенный по западно-европейскимъ образцамъ, но съ отсутствіемъ начала общественнаго; типъ государства, созданнаго Екатериною II, былъ приказно-сословный; новый типъ, вырабатываемый нашимъ временемъ, можно назвать всесословно-общественнымъ.

Этимъ терминомъ, сколько намъ кажется, лучше всего опредѣляются основные признаки сдѣланныхъ преобразованій, равно какъ и тѣ условія, при которыхъ новыя на-

чала могутъ утвердиться и привести къ благимъ послѣдствіямъ.

Начнемъ съ первой части указаннаго термина, т.-е. съ начала всесословности. Отмѣна крѣпостного права не только уничтожила власть одного сословія надъ другимъ, но и внесла новый духъ въ общее движеніе нашего законодательства, поставила ему новую цѣль—именно установленіе равноправности. Подъ именемъ равноправности мы не разумѣемъ здѣсь того отвлеченнаго и шаблоннаго равенства, написаннаго на знаменахъ революціонныхъ партій. Мы разумѣемъ здѣсь то здоровое и историческое начало, соотвѣтствующее какъ духу современныхъ европейскихъ законодательствъ, такъ и серьезнымъ потребностямъ нашего отечества.

Практическое значеніе равноправности въ нашемъ законодательствѣ состоитъ въ устраненіи того различія, которое предыдущія времена провели между податною, тяглою Россіею и Россіею привилегированною и которое обнаруживалось не только въ неравномѣрномъ распредѣленіи государственныхъ тягостей, но и въ неравенствѣ личныхъ правъ разныхъ сословій и не одинаковыхъ средствахъ ихъ защиты.

Въ этомъ смыслѣ равноправность не только удовлетворяетъ чувству и сознанію правды, давая всѣмъ членамъ общества одинаковыя права и равные способы ихъ защиты, но и способствуетъ развитію государственной силы, устраняя рознь сословій и дѣлая изъ нихъ единое цѣлое. Сословное, средневѣковое государство не только менѣе современнаго удовлетворяло юридическимъ требованіямъ, но и было слабѣе новыхъ государствъ. Разрозненныя сословія были неспособны къ общему дѣйствію, онѣ мало сознавали свое національное единство и государственная власть должна была прибѣгать къ диктатурѣ, дабы направить эти центробѣжныя стремленія къ общей цѣли. Начало равноправности содѣйствовало сліянію сословій въ единое земское, народное тѣло; современныя государства Европы, національныя и крѣпкія своимъ единствомъ, были бы не-

мыслимы при старомъ сословномъ строѣ общества, гдѣ каждая корпорація больше думала о своихъ „привилегіяхъ“, чѣмъ о благѣ государства.

Вся Европа прошла чрезъ этотъ обновительный процессъ отъ сословнаго государства къ безсословному или всесословному. Россія, вступивъ на эту дорогу въ 1861 году, ясно доказала свою принадлежность къ великой семьѣ европейскихъ народовъ, удовлетворяя въ то же время и существеннымъ условіямъ своего національнаго развитія. Составляя земскія и городскія учрежденія изъ представителей всѣхъ сословій, давая въ судебныхъ уставахъ одинаковыя для всѣхъ средства защиты своего права, призывая разныя сословія къ отправленію обязанностей присяжнаго засѣдателя, налагая на всѣхъ военно-служебную повинность,—законодательство наше создаетъ постепенно такія формы общественнаго быта, въ которыхъ всѣ классы нашего общества могутъ быть воспитаны въ сознаніи своей солидарности, своей принадлежности къ великому цѣлому, въ чувствахъ дѣйствительной общности своихъ интересовъ.

Замѣтимъ при этомъ, что начало равноправности проникло въ наше законодательство въ весьма привлекательной формѣ. Задача законодателя состояла вовсе не въ томъ, чтобы „урѣзывать сюртуки“, дабы сравнять ихъ съ „куртками“. Напротивъ, онъ оставилъ сюртуки и удлинилъ куртки. Говоря безъ аллегорій, установленіе равноправности шло рука объ руку съ расширеніемъ личныхъ правъ разныхъ сословій. Всѣ сословія, напримѣръ, подчинены не только равному, но и лучшему суду. Уравненіе сословій состояло не въ томъ, что всѣ были одинаково подчинены „кнуту“, а въ томъ, что кнутъ былъ отмѣненъ для всѣхъ одинаково, незабвеннымъ указомъ 17 апрѣля 1863 года, причемъ изъятіе отъ другихъ видовъ тѣлеснаго наказанія было распространено на новыя категоріи лицъ. Воинская повинность не только сдѣлана всесословною, но и смягчена въ своихъ формахъ, сравнительно съ прежнею рекрутчиной. Если это направленіе не можетъ быть названо здоро-

вымъ, то послѣ этого мы не знаемъ, гдѣ искать признаковъ здоровья.

Второй признакъ новыхъ учрежденій есть ихъ общественный характеръ. Этотъ признакъ едва ли не важнѣе перваго. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что прежняя безусловная вѣра въ дѣйствительность приказнаго начала понизилась и что правительство признало необходимымъ обновить государство новымъ элементомъ, дотолѣ не дѣйствовавшимъ самостоятельно — элементомъ общественнымъ. Эта именно мысль проникаетъ наше земское и городовое положеніе; она весьма ясно и опредѣленно выражена въ трудахъ коммиссіи, выработывавшей земское положеніе, и въ матеріалахъ по составленію городового положенія. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ и на путь, по которому можетъ идти наше законодательство.

Вникнемъ въ существо этой мысли, разсмотримъ условія ея осуществленія.

Когда мы говоримъ, что общество призывается къ завѣдыванію своими мѣстными пользами и нуждами, мы должны имѣть въ виду, что этимъ создается сила, долженствующая дѣйствовать иначе, чѣмъ установленія, построенныя на началѣ приказномъ. Послѣднія установленія разсматриваются и должны быть разсматриваемы, какъ исполнительные органы, дѣйствующіе не только на основаніи законовъ, но и въ силу распоряженій, предписаній и циркуляровъ, получаемыхъ отъ ихъ непосредственнаго начальства. Напротивъ, общественныя установленія, поставленныя въ границы закона, являются поприщемъ личной иниціативы, личной изобрѣтательности и предпріимчивости, дѣйствующей въ духѣ общественнаго служенія. Только при этихъ условіяхъ общественныя учрежденія могутъ достигнуть своей цѣли. Вотъ почему развитіе такихъ учрежденій зависитъ оттого, насколько общія мѣры законодательства будутъ направлены къ воспитанію и укрѣпленію человѣческой личности, къ воспитанію ея въ духѣ права и разумѣнія общественной пользы.

„Привилегіи“ Екатерины II были направлены именно

къ этой цѣли. Призывая дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи, она стремилась возвысить значеніе личности каждаго дворянина, дабы она росла въ сознаніи своей чести, связанной съ пользами государства. Въ этомъ отношеніи ея мнѣнія сходились съ идеями представителей самаго дворянства. Одинъ изъ депутатовъ въ коммиссіи для составленія новаго уложенія, Стромиловъ, говорилъ слѣдующее: „понятно всякому, что въ обширной монархіи надо быть особливому роду, который имѣлъ бы обязанность служить государству и изъ среды своей замѣщать власти средніе, поставленныя между государемъ и народомъ, и который, будучи предназначенъ къ тому природою, воспитывался бы въ правилахъ и знаніяхъ, приличныхъ тому состоянію, какое онъ въ государствѣ занимать будетъ, и предметомъ своего награжденія составилъ бы только честь и славу, оставляя изъ вида покой и обогащеніе. Родъ этотъ и есть дворянство“.

То, что было „понятно всякому“ въ 1767 году, т.-е. въ эпоху сословнаго государства, неумѣстно уже въ государствѣ, принимающемъ иную форму. Законодательство, призывающее всѣ слои общества къ участію въ дѣлахъ своей мѣстности, должно воспитывать ихъ „въ правилахъ и знаніяхъ“, „приличныхъ всѣмъ состояніямъ“, а не одному избранному сословію.

И въ этомъ отношеніи наше законодательство вступило уже на надлежащій путь. Такъ, судебные уставы имѣютъ не только процессуальное, но и великое общественное значеніе. Судъ съ присяжными, право гласной и устной защиты, состязательный характеръ самаго процесса, процедура предварительнаго слѣдствія, постановленія о выемкахъ и арестахъ, — все это направлено къ тому, чтобы обезпечить личность человѣка въ ея отношеніяхъ къ обществу, воспитывать самое общество въ сознаніи права. Во вторыхъ, общественная дѣятельность нуждается въ возможно широкой гласности. Послѣдняя нужна не только для того, чтобы освѣщать отношенія общественныхъ дѣятелей къ инымъ органомъ, не только для того, чтобы служить сред-

ствомъ выраженія общественныхъ пользъ и нуждъ, но и для того, чтобы воспитывать и сдерживать самихъ общественныхъ дѣятелей. Гласность служитъ великимъ побудительнымъ средствомъ для лучшихъ общественныхъ дѣятелей, ибо они находятъ себѣ поддержку и награду именно въ общественномъ мнѣніи. Безъ гласности лучшія силы глохнутъ, уступая мѣсто силамъ далеко не перваго разбора и руководимымъ не всегда похвальными побужденіями. Во тьмѣ развиваются самые скверные инстинкты человѣческой природы; безъ сдержки со стороны общественнаго мнѣнія, они расширяются, какъ въ безвоздушномъ пространствѣ, порождая самыя печальныя явленія — хищничество, растраты и вполнѣ халатное къ отношеніе дѣлу. Въ третьихъ, наконецъ, общество, призванное къ самодѣятельности, не будетъ идти по прямой дорогѣ безъ образованія, какъ спеціальнаго, такъ и общаго. Необходимъ извѣстный уровень образованія, котораго достигали бы по возможности всѣ, иначе „темная масса“ всегда будетъ находиться въ рукахъ немногихъ вожаковъ, которые будутъ пользоваться ея невѣжествомъ и легковѣріемъ для своихъ цѣлей.

Нельзя сказать, чтобы орудіе гласности — печать, и орудіе образованія массъ — народная школа, находились у насъ въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ. Но важно то, что польза, необходимость, даже неизбѣжность ихъ сознаются всѣми одинаково. Доказывать русскому обществу пользу печати и школы излишне. Въ общемъ сознаніи, существующія ограниченія печати и фактическія „препоны“ народному образованію являются остаткомъ прежнихъ порядковъ, рано или подзно долженствующихъ уступить мѣсто новымъ требованіямъ. Споръ идетъ только о томъ — рано или своевременно расширить права печати и средства образованія. Но мы не видимъ вокругъ себя принципіальныхъ защитниковъ цензуры, подобныхъ Шишкову, и противниковъ школы, подобныхъ „душевладѣльцамъ“ прежняго времени. Важнѣе всего то, что нынѣшніе сторонники цензурныхъ стѣсненій не могутъ отстаивать ихъ съ тѣмъ духомъ, какъ Шишковъ. Послѣдній — человѣкъ искренній

и честный,—вѣрилъ въ цензуру, какъ въ средство воспитанія общества въ „добрыхъ мысляхъ“. Кто-же вѣритъ въ нее теперь?

Начала всесословности и общественности суть два условія, подъ вліяніемъ которыхъ на западѣ Европы окрѣпло и утвердилось значеніе третьяго начала—начала народности или національности. Мы говоримъ здѣсь не о процессѣ образованія національностей, которыя сложились подъ вліяніемъ множества физическихъ и историческихъ условій; мы говоримъ не о фактическихъ различіяхъ между англичанами и французами, нѣмцами и итальянцами, славянами и мадъярами — ибо это различіе установилось давно, задолго до того времени, какъ начало національности получило политическое значеніе. Насъ занимаютъ именно условія, при которыхъ начало народности выступило на политическую сцену.

Оно не могло получить такого значенія пока, во-первыхъ, нація была разбита на нѣсколько сословій, отличныхъ и даже противоположныхъ въ своихъ правахъ, обязанностяхъ и интересахъ. Какое сознаніе общности могло утвердиться между гордою поземельною аристократіею, съ ея привилегіями, церковною іерархіею, съ ея „изъятіями“ и вольностями, буржуазіею, съ ея цеховыми и гильдейскими правами, и массою приниженнаго крестьянства? Во-вторыхъ, національность не могла получить самостоятельнаго значенія для государства, пока послѣднее разсматривалось какъ механическое и искусственное соединеніе разныхъ областей, сословій и корпорацій подъ властью центральнаго правительства. Такое государство было внѣшнимъ порядкомъ, системою, иногда весьма искусно составленною, но не организмомъ, ибо понятіе организма предполагаетъ живое тѣло, чувствующее, мыслящее, радующееся и страдающее, развивающееся и болѣющее, имѣющее свою физическую и духовную природу. Такимъ тѣломъ, въ области политики, является народность, съ ея физическими и нравственными особенностями, національнымъ языкомъ, исторіею, преданіями, правами, унаслѣдованными стремленіями, со всѣмъ тѣмъ, что образуетъ личность народную.

Когда пали сословныя перегородки, когда расширилось участіе общества въ управленіи, развились и укрѣпились начала личной и общественной свободы,—разрозненные элементы стараго общества сдвинулись, сознали свою общность, и національная личность появилась на политическомъ поприщѣ, требуя признанія своего достоинства и самостоятельности. Система искусственныхъ государствъ, созданныхъ или завоеваніемъ или иными, мирными способами: браками, наслѣдствомъ, куплей, дипломатическими сдѣлками—пошатнулась. Народность и государство, политическая форма и ея естествеиное содержаніе, сблизились, и прежнее механическое государство постепенно обновлялось новымъ живымъ началомъ.

„Въ правосознаніи, говоритъ Блунчли, — произошелъ великій прогрессъ, когда наконецъ признали, что народы суть живыя существа... Чрезъ это юридическое понятіе государства было одухотворено. Прежде оно было мертво и холодно. Теперь оно сдѣлалось полно жизни и теплоты“.

Дѣйствительно „жизнь и теплота“ проникли въ обновленную національнымъ движеніемъ Италію; изъ „географическаго термина“, какъ ее называли, она сдѣлалась живымъ и осязательнымъ цѣлымъ. Объединилась Германія; воскресаютъ замершія народности Австріи; забилась новая жизнь въ славянскихъ областяхъ Турціи. Государство все болѣе и болѣе становится политическою формою опредѣленной народности; національная политика становится нравственною обязанностью и требованіемъ простого разсчета.

Не трудно замѣтить, что какъ только Россіи сдѣлала первые шаги на пути къ уравненію сословій, къ развитію личной и общественной свободы, идея національности, какъ основы и мѣрила политики, сдѣлала у насъ существенные успѣхи. Поведеніе ея по существеннымъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики измѣнилось, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, заранѣе можно было бы предсказать, какъ отнесется Россія къ итальянскому движенію и къ политикѣ графа Кавура. Мы усмотрѣли бы въ этомъ движеніи колебаніе

всѣхъ основъ европейскаго порядка и ринулись бы на помощь „консервативной“ Австріи, заслуживая ненависть цѣлыхъ народовъ. Въ 1859 году мы отнеслись къ освобожденію Италіи съ явною симпатіею и не провозгласили Кавура карбонаріемъ и якобинцемъ. Можно объяснить этотъ поворотъ желаніемъ возмездія Австріи за ея „неблагодарность“. Но мы не могли питать чувствъ дружбы и къ Наполеону III, сражавшемуся за Италію; мы видѣли 15,000 итальянцевъ въ лагерѣ нашихъ враговъ во время крымской кампаніи. Почему же именно Австрія была выбрана предметомъ „возмездія?“ Памятно, далѣе, какъ отнеслась Россія къ объединенію Германіи. Отношеніе это, на первый взглядъ, можно также объяснить разными „ближайшими“ мотивами, какъ, напримѣръ, родственными и дружескими связями династій. Но эти мотивы существовали и въ тотъ моментъ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV готовился стать во главѣ національнаго движенія Германіи въ 1848 г. Тѣмъ не менѣе мы энергически поддержали Австрію и содѣйствовали дипломатическому пораженію Пруссіи. Очевидно наше поведеніе тогда и теперь зависѣло отъ болѣе общей причины: отъ различія эпохъ и соотвѣтственнаго имъ политическаго міросозерцанія. Сознательно или безсознательно, но въ области европейской политики мы стали на почву національныхъ стремленій и они сдѣлались масштабомъ нашихъ собственныхъ отношеній къ сосѣднимъ государствамъ. Доказательства на лицо.

Съ 1815 по 1848 годъ наши отношенія къ Австріи опредѣлялись идеями всеевропейскаго консерватизма, закрѣпленнаго актомъ священнаго союза. Мы видѣли въ ней опредѣленную консервативную силу и за консерватизмъ готовы были простить ей все, что угодно. Теперь наши отношенія складываются и опредѣляются именно на почвѣ славянскаго вопроса. Какую политическую форму приметъ Австрія, какую силу будетъ она представлять въ европейской механикѣ — это безразлично. Она можетъ быть консервативна или либеральна, ретроградна или радикальна, сколько ей угодно: это ни на шагъ не подвинетъ рѣшеній

того вопроса, который лежитъ между ею и нами—вопроса славянскаго. Намъ безразлично, какая форма правленія утвердится во Франціи; мы не истратимъ ни копѣйки на водвореніе Бурбоновъ или на искорененіе республики; насъ не тревожатъ ни Шамборы, ни Гамбетты, ни Бланки; насъ занимаетъ отношеніе всякаго французскаго правительства къ насущнымъ интересамъ русской политики. Самыя отношенія наши къ Германіи опредѣляются уже ничѣмъ инымъ, какъ интересами германской народности—съ одной и положеніемъ Россіи, какъ славянской державы—съ другой стороны. Если это отношеніе было неясно до послѣдняго времени, то поведеніе князя Бисмарка на Берлинскомъ конгрессѣ должно было раскрыть его въ полной мѣрѣ.

Хотимъ или не хотимъ мы этого, но силою вещей и всѣмъ ходомъ современной исторіи наши отношенія къ европейскимъ государствамъ перенесены на почву національныхъ требованій и стремленій, присущихъ современнымъ народамъ. Было бы весьма странно оставаться на почвѣ вѣнскихъ трактатовъ 1815 года, когда все кругомъ перестроилось на иныхъ основаніяхъ. Это значило бы видѣть въ современной Пруссіи государство Фридриха-Вильгельма III, въ Германіи—старый Германскій союзъ, въ Австріи—державу Франца I и его наперстника Меттерниха. Все это было и прошло, и быльемъ поросло. По библейскому преданію, Іисусъ Навинъ остановилъ солнце на нѣсколько часовъ, но нѣтъ преданія, чтобы онъ велѣлъ быть вчерашнему дню сегодняшнимъ. Вмѣстѣ съ многими союзниками, мы задерживали въ Европѣ теченіе времени, стояли на стражѣ событій и идей, но теперь уже не въ нашей власти приказать настоящему сдѣлаться прошедшимъ.

Что же остается намъ дѣлать? Не будучи въ силахъ приказывать другимъ, не имѣемъ-ли мы возможности приказать себѣ оставаться на прежней точкѣ? Нельзя-ли намъ, въ то время, какъ другія государства переработались на новыхъ началахъ, оставаться на почвѣ вѣнской системы „искусственныхъ“ государствъ? Если бы это зависѣло отъ одного нашего хотѣнія, то предпріятіе было бы возможно.

Исторія знаетъ примѣры народовъ, говорившихъ другимъ: идите себѣ на новые пути, мы же остаемся на мѣстѣ. Они доживали свой вѣкъ и оканчивали жизнь мирно или насильственно. Польша твердо вознамѣрилась остаться въ средневѣковыхъ формахъ, проглядѣла возвышеніе Пруссіи, преобразованіе Россіи и проснулась только послѣ перваго раздѣла. Но намъ не даютъ остановиться другіе. Назойливо, неустанно твердятъ въ западной Европѣ о славянскихъ стремленіяхъ Россіи, вызываютъ призраки панславизма, кричатъ о старо-русской партіи и т. д. Иные видятъ въ этомъ большое горе и всѣми силами открещиваются отъ славянства и „старо-русскаго“. Мы же видимъ въ этомъ большое благо. Уста недруговъ и противниковъ напоминаютъ намъ о требованіяхъ времени; пальцы враговъ указываютъ намъ на почву новыхъ отношеній. Враги и противники логичны; они прилагаютъ къ намъ мѣрку, установленную современною исторіею для всей Европы. Современная исторія научила нѣмца видѣть въ Германіи нѣчто бо́льшее, чѣмъ систему административныхъ, судебныхъ и законодательныхъ учрежденій; онъ видитъ въ ней политическую форму германскаго народа, нѣкоторое жилище, подъ кровлею и въ стѣнахъ котораго обитаетъ живое существо, съ своими потребностями и стремленіями. Логически—онъ и въ русскомъ государствѣ долженъ видѣть политическую форму русскаго народа, какъ существа живого, съ его вѣрованіями, стремленіями, надеждами, симпатіями и антипатіями? Было бы грустно, если бы онъ видѣлъ въ Россіи только машину безъ пружинъ, домъ безъ жильца, форму безъ содержанія.

V.

Злоба дня.

Личность человѣческая и личность народная — какое отношеніе имѣютъ эти два начала къ врачеванію нашихъ язвъ, особенно къ тому, что теперь занимаетъ всѣ умы,

что приковываетъ къ себѣ исключительное вниманіе всякаго—къ русскому соціализму? Эта „безыменная Русь“ (говоря словами Тургенева) является какъ бы крайнимъ симптомомъ нашихъ неустройствъ, нашей внутренней болѣзни. Всѣ понимаютъ, притомъ, что поимка и осужденіе отдѣльныхъ представителей этого направленія не есть средство радикальнаго исцѣленія и что послѣдняго должно искать въ оздоровленіи общества, въ воспитаніи его на началахъ, противоположныхъ нашей соціалистической доктринѣ. Какія же это начала и гдѣ ихъ искать?

Послушаемъ прежде всего враговъ: изъ ихъ рядовъ слышатся часто наилучшіе совѣты. Противъ чего направлены всѣ филиппики русскаго соціализма? Что болѣе всего претитъ ему, что возбуждаетъ сильнѣйшее его отвращеніе? Отвѣтъ находится чуть не на каждой страницѣ произведеній нашей тайной литературы. Эти предметы ненависти, отвращенія и ужаса суть именно—собственность, семья и народность.

Собственность и семья—два института, являющіеся условіями самостоятельнаго развитія человѣческой личности въ области матеріальныхъ и нравственныхъ отношеній. Народность, т.-е. народная, исторически сложившаяся личность, стремящаяся къ самостоятельной и своеобразной жизни среди другихъ народовъ—вотъ что является препятствіемъ къ осуществленію соціалистическаго идеала. Конечная цѣль соціализма, разсматриваемаго съ этой точки зрѣнія, состоитъ въ обезличеніи отдѣльнаго человѣка и народности. Отдѣльный человѣкъ, безъ семьи и собственности, входитъ въ „общность“ не какъ человѣкъ, а какъ единица, какъ нумеръ въ общемъ числѣ „рабочихъ силъ“, находящихся въ распоряженіи цѣлаго. Идеальная „общность“, въ свою очередь, не есть живая народность. Она, въ качествѣ пассивнаго матеріала, входитъ въ содержаніе величайшей „общности“, т.-е. человѣчества, обновленнаго „соціальною революціею“, разрушившею „всѣ государства въ мірѣ“.

Если врагъ, осаждающій нашъ городъ, говоритъ, что

главное свое зло онъ видитъ въ такомъ-то фортѣ или въ такомъ-то редутѣ, то отсюда, по здравой логикѣ, слѣдуетъ, что осажденные должны съ особеннымъ стараніемъ укрѣплять этотъ фортъ и стойко оборонять этотъ редутъ.

У насъ обыкновенно слѣдуютъ иной логикѣ. Органы и представители „охранительнаго“ направленія усердно объясняютъ, что все, сдѣланное въ теченіе нынѣшняго царствованія на пользу личной свободы, общественнаго участія въ управленіи и укрѣпленія начала народности въ политикѣ, все это питало нашу соціальную революцію. Крестьяне подготовляются къ воспріятію соціальныхъ ученій отмѣною крѣпостного права и начатками народныхъ школъ; общество подготовляется къ революціи новыми судами и земскими учрежденіями; учащаяся молодежь искажается „распущенною“ университетскою каѳедрою; наконецъ, все и вся растлѣвается разнузданною печатью. Словомъ, все, въ чемъ слышится біеніе нѣкотораго свободнаго пульса, все, въ чемъ проявляется хотя нѣсколько свободная личность, все это въ глазахъ названныхъ политиковъ является поливкою для революціонныхъ всходовъ.

Мы затрудняемся объяснить происхожденіе и ходъ этой удивительной аргументаціи. Le trait caractéristique de la bêtise c'est qu'elle ne s'explique pas, сказалъ одинъ умный человѣкъ.

Бываютъ однако времена, когда каждое „мнѣніе“, какъ бы нелѣпо оно ни было, должно быть принимаемо въ разсчетъ, когда съ нимъ слѣдуетъ вести борьбу по всѣмъ правиламъ искусства. Нельзя не сознаться, что охранительные софизмы въ настоящее время такъ распространены и имѣютъ такихъ стойкихъ адептовъ, что опроверженіе ихъ сдѣлалось совершенно необходимымъ. Къ счастію, эта задача не представляетъ особенныхъ затрудненій.

Дѣло идетъ, какъ мы видѣли, о защитѣ главныхъ основъ общества и общественнаго порядка — собственности, семьи и государства. Мы сказали-бы еще о религіи, если-бы религія вообще могла быть защищаема руками человѣка и не стояла превыше всякихъ посягательствъ. Оста-

ріальныхъ нуждъ. Онъ видитъ въ ней матеріальную основу бытія всей его личности, не только физической, но и нравственной, не только какъ „особи“, но и какъ члена общества. Поэтому, во-первыхъ, онъ бережетъ свою собственность, ибо она нужна ему не только для матеріальныхъ утѣхъ, но и для того, чтобы сохранить его общественное значеніе, его вліяніе на общественныя дѣла, и чтобы изъ рода въ родъ передавать это вліяніе своимъ потомкамъ. Онъ бережетъ свои лѣса, удобряетъ почву, обращаетъ въ зеленые луга разныя топи, любитъ свой уголъ и какъ бы сознаетъ свои обязанности къ землѣ. Во-вторыхъ, онъ видитъ въ своей собственности не одно только право на доходъ. Тѣсно связанный съ обществомъ во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, онъ сознаетъ и обязанности, налагаемыя собственностію. Онъ становится во главѣ общеполезныхъ предпріятій, учреждаетъ школы, больницы, пріюты, беретъ на себя должности по управленію и суду, служитъ обществу и государству. На него привыкаютъ смотрѣть какъ на естественнаго представителя мѣстныхъ интересовъ, какъ на прирожденнаго участника во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Матеріальное понятіе собственности одухотворяется, получаетъ нравственное и общественное освященіе. Съ этимъ понятіемъ соединяется представленіе о великихъ услугахъ, оказанныхъ обществу поколѣніями собственниковъ, является убѣжденіе, что услуги эти не могли бы быть оказаны безъ учрежденія собственности, какъ основанія личной свободы, условія предпріимчивости, образованія цѣльныхъ и крѣпкихъ характеровъ, смѣлыхъ, независимыхъ и воспитанныхъ въ уваженіи къ праву.

Иные результаты получатся въ томъ случаѣ, если мы выдѣлимъ изъ личности ея „хозяйственный“ элементъ и попробуемъ основать институтъ собственности только на немъ. Во-первыхъ, мы сразу умалимъ значеніе самой личности человѣка. Почему, повторяемъ, эта личность будетъ уважаема въ ея хозяйственныхъ проявленіяхъ, если ей будетъ отказано въ уваженіи въ другихъ, болѣе высокихъ ея проявленіяхъ — въ проявленіяхъ мысли, вѣры, общественнаго

служенія и т. д.? Напротивъ, уваженіе къ личности умалится въ общественномъ сознаніи, потому что личность представится ему съ самой непривлекательной стороны, съ точки зрѣнія „интересовъ“ наиболѣе низкихъ, со стороны области, гдѣ разыгрываются самыя неприглядныя страсти. Личность и личное не замедлятъ сдѣлаться синонимомъ „эгоизма“, „наживы“, безсердечія и т. п. И характеръ умаленной собственности отчасти оправдаетъ такой взглядъ.

Въ глазахъ самихъ собственниковъ, собственность, построенная на идеѣ чисто имущественнаго интереса, обратится въ орудіе „частныхъ“ интересовъ, понимаемыхъ въ самомъ узкомъ, матеріальномъ смыслѣ. Въ ней увидятъ только источникъ „дохода“ и притомъ дохода скораго, извлекаемаго всѣми средствами, ибо апетиты „матеріальной“ личности велики и порывисты. Такая личность не сохранитъ лѣсовъ, а продастъ ихъ поскорѣе на срубъ, ради какого-нибудь „удовольствія“; она не насытитъ землю удобреніемъ, а истощитъ почву до тла; она не создастъ новаго луга, а скорѣе обратитъ въ пустыню существовавшія поля. Въ собственникѣ проснется хищникъ, съ налету бросающійся на поля, луга, лѣса, стада, высасывающій изъ нихъ все, что̀ можно, затѣмъ бросающій все на произволъ судьбы и пристраивающійся къ „мѣсту“, частному, общественному или казенному; гдѣ онъ будетъ чинить „растраты“, „не боясь Бога и не стыдясь людей“.

Трудно предположить, чтобы зрѣлище такой собственности способно было возбудить къ ней уваженіе и воспитать остальное общество въ чувствахъ нравственныхъ. Напротивъ, страшное развитіе матеріальныхъ апетитовъ въ „собственникахъ“ разовьетъ ихъ и въ несобственникахъ, особенно если принять въ разсчетъ, что „матеріализировавшіеся“ собственники выставляютъ свои апетиты на показъ, кичатся своими удовольствіями, гордятся своею безумною роскошью. „Удовольствіе“ и средства къ его достиженію становятся цѣлію жизни, мѣрою людей и вещей, единственнымъ признакомъ счастья, ибо такіе „собственники“, отлученные отъ всего духовнаго, общественнаго, замкнутые въ

область своихъ „частныхъ“ интересовъ, въ самóмъ дѣлѣ не знаютъ никакого другаго мѣрила человѣческаго достоинства и благополучія. Если такъ, то удивительно-ли, что въ людяхъ, „смотрящихъ“ на собственность только со стороны оргій и удовлетворенія матеріальныхъ инстинктовъ собственниковъ, просыпаются тѣ же инстинкты, только въ иной формѣ. Въ подобномъ собственникѣ „матеріальный“ инстинктъ проявляется въ видѣ широчайшихъ „наслажденій“, прыжковъ и шалостей разгулявшагося звѣря; а въ несобственникѣ — въ видѣ зависти, рычанія и выпусканія когтей звѣря дикаго и раздраженнаго. Собственникъ мечтаетъ о наживѣ; несобственникъ — о раздѣлѣ имуществъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ человѣкѣ просыпается звѣрь, котораго въ просвѣщенныхъ обществахъ, въ теченіи вѣковъ, взнуздывали — церковь, школа, семья, философія, политика и исторія. Вѣками совершался этотъ великій процессъ обращенія человѣка изъ звѣря въ личность, разумную, нравственную, сознающую свои права, уважающую права другихъ, ходящую въ мирѣ и творящую правду.

Теперь насъ стараются увѣрить, что институтъ собственности можетъ быть поддержанъ и защищенъ умаленіемъ человѣческой личности, правильному развитію которой положено начало реформами современнаго царствованія! Нѣтъ, милостивые государи, мудрецы и охранители! Все, что́ ведетъ къ умаленію человѣческой личности въ одной области, не поведетъ къ возвышенію ея въ другой. Умаленная въ области своихъ нравственныхъ способностей и стремленій, она не воскреснетъ въ области „имущественной“. Шагъ за шагомъ она будетъ низведена на степень звѣря, а звѣрь ничего не „уважаетъ“. Выгоните человѣческую личность изъ обществъ, обращайтесь не къ благороднымъ, а къ низкимъ инстинктамъ человѣка, и вы скоро услышите жадное чавканіе насыщающихся звѣрей — съ одной и грозное рычаніе звѣрей голодныхъ — съ другой стороны. Этого-ли желать Россіи? Entfesseln sie die Bestie nicht — не разнуздывайте звѣря! скажемъ мы словами Шульце-Делича. Звѣрь охотно и безъ труда послушаетъ

проповѣди насилія, разрушенія, убійствъ и пожаровъ: ему стóитъ только дать волю своимъ „инстинктамъ“.

Но въ данную минуту воспитывать человѣка и обуздывать звѣря значитъ слѣдовать по пути, проложенному въ 1861 году. Тогда открылась для Россіи прямая дорога,— дорога, достойная великаго европейскаго народа. Пусть не сворачиваетъ онъ съ этой дороги; пусть безсильны будутъ слова какъ тѣхъ, которые влекутъ ее въ канцелярію стараго типа, такъ и тѣхъ, которые приглашаютъ ее въ „казачьи круги“. „Не уклонися ни на десно, ни ошую: отврати же ногу твою отъ пути зла“, какъ говорилъ Соломонъ.

Велика смута, заведенная въ настоящее время и справа, и слѣва; велико помраченіе умовъ, велика слабость сердецъ. Въ искусственномъ мракѣ страна какъ бы сбилась съ дороги, забыла о своемъ прошломъ, блуждаетъ направо и налѣво. Но великая страна не можетъ долго оставаться на распутіи; все значеніе недавняго прошлаго, вся тѣсная, органическая связь его съ временами Петра и Екатерины, вся картина поступательнаго движенія ея въ сонмѣ европейскихъ народовъ — представятся ея духовнымъ очамъ. Тогда она почувствуетъ подъ ногами своими твердую, прямую дорогу, по которой она призвана была идти, „осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ“, въ 1861 году. Россіи нѣтъ нужды начинать; ей слѣдуетъ продолжать.

ЧТО ТАКОЕ КОНСЕРВАТИЗМЪ.

«Haec didici, haec vidi, haec scripto legi, haec de sapientissimis et clarissimis viris, et in hac republica, et in aliis civitatibus monumenta nobis litterae prodiderunt, non semper easdem sententias ab iisdem, sed, quascumque reipublicae status, temporum inclinatio, ratio concordiae postularet esse defendendas» *).

Cicero, pro C. Plancio, XXXIX.

I.

Вопросъ, поставленный въ началѣ этой статьи, имѣетъ большое значеніе не только для теоріи, но и для практики, и для послѣдней, можетъ быть, больше, чѣмъ для первой. Словами — консерваторъ, консерватизмъ, опредѣляется не столько складъ теоретическихъ понятій общественнаго дѣятеля, сколько практическое направленіе его дѣятельности, не столько складъ его ума, сколько направленіе его воли. Эпитетъ „консервативный“ совершенно не идетъ къ философіи, къ поэзіи, къ наукѣ. Философская система характе-

*) Я научился, я видѣлъ, я читалъ; писанія свидѣтельствуютъ намъ, о мудрѣйшихъ и славнѣйшихъ мужахъ, какъ этой республики, такъ и другихъ государствъ что тѣ же люди не должны всегда защищать тѣхъ же мнѣній, но то, что требуется положеніемъ государства, направленіемъ умовъ и духомъ согласія.

ризуется ея исходною точкою и методомъ, но никакъ не отношеніемъ философствующаго ума къ разнымъ явленіямъ общественной жизни. Въ области философіи можно говорить объ идеализмѣ, реализмѣ, позитивизмѣ; соотвѣтственно этому можно быть философомъ—реалистомъ, идеалистомъ, позивитивистомъ. Но нельзя быть философомъ консерваторомъ или прогресистомъ, либераломъ или абсолютистомъ. Конечно, и эти термины могутъ быть примѣнены къ извѣстнымъ философскимъ системамъ, но на столько, на сколько творецъ данной системы касался практическихъ вопросовъ общественной жизни и, по-своему, разрѣшалъ ихъ. Но подобное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ нисколько не опредѣляетъ существа философской системы, какъ таковой. На почвѣ идеализма могутъ одинаково развиться направленія, въ общественномъ отношеніи, и консервативныя, и прогрессивныя. Существо, напримѣръ, Гегелевой философіи опредѣляется не тѣмъ, что Гегель лично идеализировалъ прусскій государственный строй; такъ-называемая лѣва'я сторона гегельянцевъ сдѣлала иное практическое примѣненіе изъ его философскихъ началъ. Когда Контъ въ своей системѣ положительной философіи говорилъ о „революціонной метафизикѣ“, онъ могъ имѣть въ виду только ту школу раціоналистической философіи, которая въ XVIII вѣкѣ отрицательно отнеслась къ учрежденіямъ стараго порядка. Но тотъ же раціонализмъ служитъ основою и для доктрины полицейскаго государства въ Германіи.

Если центръ тяжести консерватизма, либерализма, абсолютизма и т. д., опредѣляется характеромъ отношеній изъ этихъ направленій къ явленіямъ общественной жизни, то спрашивается, чѣмъ характеризуются эти отношенія, чѣмъ опредѣляется ихъ существо?

Вопросъ этотъ очень любопытенъ въ наше время и особенно въ Россіи, гдѣ значеніе всѣхъ этихъ иностранныхъ словъ мало выяснилось и гдѣ они прилагаются вкривь и вкось. Напримѣръ, у насъ очень принято противополагать термины консервативный и либеральный, не подозрѣвая, что противоположеніе этихъ понятій представляетъ порядоч-

ный абсурдъ. Либерализмъ есть извѣстная теорія устройства государства, формъ и предѣловъ его дѣятельности. Либерализмъ, въ отношеніи государственнаго устройства, исходитъ изъ требованія обезпеченія извѣстныхъ правъ личности (личная свобода, неприкосновенность имуществъ, свобода печати, вѣроисповѣданій и т. д.) отъ государственнаго всемогущества; въ отношеніи формъ и предѣловъ дѣятельности государства, онъ исходитъ изъ предположенія, что личная предпріимчивость и самодѣятельность есть нормальный источникъ всякаго прогресса и что поэтому дѣятельность государства должна ограничиваться охраненіемъ свободно проявляющихся личныхъ силъ и восполненіемъ этихъ личныхъ усилій тамъ, гдѣ они оказываются недостаточными. Въ этомъ смыслѣ либерализмъ противополагается абсолютизму и гувернаментализму (правительственной опекѣ).

Если на практикѣ понятіе либерала и сопрягается съ понятіемъ прогрессиста, а абсолютиста съ идеею консерватора, то это зависитъ или, лучше сказать, зависѣло отъ чисто историческихъ причинъ. Именно, либеральныя государственныя учрежденія западной Европы создались подъ вліяніемъ требованій новаго времени, въ видѣ противоположности учрежденіямъ стараго порядка, построеннаго на началахъ абсолютизма. Но эта связь прогрессивнаго направленія съ либерализмомъ въ настоящее время уже порывается на западѣ Европы. Либеральная партія уже выступаетъ тамъ въ качествѣ консервативнаго элемента, въ противоположность требованіямъ соціалистовъ, возвращающимся къ началамъ государственнаго вмѣшательства.

Если либерализмъ противополагается абсолютизму и системѣ государственной опеки, то консерватизмъ обыкновенно противополагается направленію прогрессивному. Какъ ни странно покажется это на первый взглядъ, но послѣднія два направленія (консервативное и прогрессивное) не только не могутъ быть противоположены первымъ двумъ, но даже могутъ быть съ ними соединены. Либералъ можетъ быть консерваторомъ; сторонникъ государственной опеки

можетъ быть прогрессистомъ. Напримѣръ, Боденъ въ XVI вѣкѣ былъ прогрессистъ, сравнительно съ защитниками средневѣковыхъ „вольностей“, хотя онъ и выступилъ защитникомъ абсолютной монархіи, въ которой онъ видѣлъ единственное средство умиротворенія Франціи и основанія новаго государственнаго порядка. Для объясненія этой видимой „странности“, необходимо понять самостоятельное значеніе консервативнаго и прогресивнаго направленій, въ ихъ независимости отъ либерализма, абсолютизма и гувернаментализма. Обращаясь къ этому предмету, мы позволимъ себѣ пригласить читателя въ область нѣсколько отвлеченныхъ различій.

Всякія разсужденія и дѣйствія человѣка о государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ могутъ относиться, въ общемъ своемъ объемѣ, къ двумъ различнымъ вопросамъ. Во первыхъ, они могутъ относиться къ формѣ государственнаго устройства и управленія, т.-е. къ вопросу о пригодности для даннаго общества тѣхъ или иныхъ учрежденій, того или иного объема личной свободы, той или иной степени государственнаго вмѣшательства и т. д. Эти разсужденія относятся, такъ сказать, къ догматической сторонѣ государственнаго устройства; подъ ихъ вліяніемъ выработываются опредѣленные идеалы политическихъ формъ. На этой почвѣ выработывается различіе между либералами и абсолютистами, монархистами и республиканцами, демократами и аристократами и т. д. Во вторыхъ, онѣ могутъ относиться къ самому процессу перехода государства отъ одного типа къ другому въ то время, когда этотъ переходъ уже совершается силою вещей.

Либералы и абсолютисты, монархисты и республиканцы, демократы и аристократы, сторонники самоуправленія и защитники правительственной опеки, ведутъ между собою споръ относительно принциповъ государственнаго устройства и управленія. Споръ же между консерваторами и прогресистами бываетъ споромъ не столько о принципахъ сколько о приложеніи этихъ принциповъ къ условіямъ даннаго общества. Вопросъ времени и мѣста играетъ въ

этомъ спорѣ гораздо бо́льшую роль, нежели вопросы принципіальной годности того или иного начала.

Не должно однако думать, что распри между консерваторами и прогрессистами не имѣютъ никакого принципіальнаго различія и сводятся исключительно къ вопросамъ цѣлесообразности и удобствъ. Не должно думать, что консерваторъ отличается отъ прогрессиста тѣмъ, что послѣдній хочетъ произвести государственную реформу вдругъ и разомъ, а первый постепенно и по частямъ. Въ основаніи каждаго направленія лежитъ опредѣленное міросозерцаніе, извѣстная совокупность мыслей, чувствованій и стремленій, какими опредѣляется отношеніе консерваторовъ и прогрессистовъ къ движенію общественной жизни.

Консерваторъ исходитъ изъ убѣжденія въ годности основныхъ началъ даннаго общественнаго устройства. Онъ ихъ хранитъ не подобно лукавому рабу, закопавшему данный ему талантъ въ землю, а подобно вѣрному слугѣ, пускающему таланты въ оборотъ, ради пользы своего господина. Онъ знаетъ очень хорошо, что государство XIX вѣка не можетъ жить въ учрежденіяхъ XV. Онъ желаетъ, чтобы установленія его родины всегда соотвѣтствовали ихъ историческимъ началамъ; но онъ знаетъ также, что сохраненіе этихъ началъ зависитъ отъ правильнаго видоизмѣненія ихъ формъ, соотвѣтственно условіямъ времени; что общественный организмъ, также какъ организмъ индивидуальный, не можетъ развиваться безъ обновленія тканей и измѣненія въ своихъ формахъ. Весь вопросъ только въ томъ, какія ткани сдѣлались непригодными, какія формы отжили свой вѣкъ. Исходя изъ убѣжденія въ годности основныхъ началъ своего общественнаго строя, консерваторъ соглашается на отмѣну только такихъ учрежденій, которыя сдѣлались абсолютно-непригодными для государства, препятствовали бы его дальнѣйшему развитію, и старается, чтобы новыя учрежденія, сколько возможно, соотвѣтствовали бы началамъ историческимъ. Онъ не измѣняетъ своимъ богамъ, но ищетъ для нихъ новаго храма. Онъ не допуститъ ни изгнанія боговъ, ни упраздненія ихъ храмовъ. Но онъ не

допуститъ также, чтобы его богъ помѣщался въ полуразвалившемся отъ времени храмѣ и принималъ бы поклоненіе вѣрныхъ въ мѣстѣ мерзости и запустѣнія. Его богъ есть богъ историческій, который растетъ и возвеличивается вмѣстѣ съ временемъ, переходя изъ скромной средневѣковой обстановки въ пышныя палаты новыхъ временъ. И когда храмъ выстроенъ, консерваторъ сдѣлается его вѣрнымъ стражемъ. Онъ не дастъ замѣнить его ни средневѣковою постройкою, ни зданіемъ во вкусѣ XXII вѣка. Онъ будетъ ждать, чтобы его осудило время, которому онъ остается вѣренъ.

Если консерваторъ старается связать прошедшее съ настоящимъ, то прогрессистъ думаетъ о связи настоящаго съ будущимъ; консерваторъ направляетъ свои усилія къ тому, чтобы учрежденія прошедшаго видоизмѣнились согласно требованіямъ настоящаго, и чрезъ это пріобрѣли бы новую свѣжесть и прочность; прогрессистъ старается внести въ настоящее иныя требованія будущаго, которое онъ предвидитъ и работу котораго онъ старается облегчить. Его требованія всегда шире, пріемъ рѣзче, критика глубже, чѣмъ у консерватора. Какъ консерваторы, такъ и прогрессисты понимаютъ, что люди мѣняются съ временами и что новымъ временамъ нужны и новыя учрежденія. Но консерваторъ видитъ главнымъ образомъ людей своей эпохи, понимаетъ и старается осуществить ихъ требованія, насколько они подготовлены прошлымъ страны. Прогрессистъ въ чертахъ современнаго ему человѣка умѣетъ уловить неясныя еще для другихъ черты человѣка будущаго; въ общемъ хорѣ современныхъ требованій ему слышится и „музыка будущаго“, пришествіе которой онъ подготовляетъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Но и консерваторы и прогрессисты сходны въ томъ, что они одинаково стоятъ на почвѣ историческаго развитія народа. Если прогрессисты и думаютъ о требованіяхъ будущаго больше, чѣмъ консерваторы, та и они дѣйствуютъ для него въ предѣлахъ настоящаго. Они выражаютъ тѣ требованія, которыя, не осуществляясь немедленно, жела-

тельны однако для ближайшаго будущаго и удовлетворяются въ первую удобную минуту. Напримѣръ, требованія прогрессивной партіи въ Англіи относительно избирателькой реформы не осуществились вполнѣ въ 1832 году; но эти требованія оказались удобоисполнимыми въ 1867 — 1872 годахъ, когда было расширено избирательное право и введена система тайной подачи голосовъ.

При сравненіи этихъ двухъ партій, трудно сказать, которая изъ нихъ приноситъ больше пользы государству и обществу. Благодаря дѣйствію обѣихъ, тѣ государсгва, въ которыхъ этому дѣйствію данъ былъ просторъ, развивались дѣйствительно исторически, въ органической связи прошедшаго, настоящаго и будущаго. „Нынѣшняя конституція Англіи, говоритъ Маколей,—относится къ конституціи, подъ которою процвѣтало государство за 500 лѣтъ, какъ относится дерево къ ростку, возмужалый человѣкъ—къ ребенку. Но не было момента, въ который какая-нибудь существенная часть нашихъ учрежденій не существовала бы съ незапамятныхъ временъ".

Въ дѣйствіи своемъ, оба направленія идутъ рука объ руку, поддерживая и двигая учрежденія своей родины. Жестокая борьба, происходящая иногда между ними, не свидѣтельствуетъ противъ того, что они дѣлаютъ одно и то же дѣло и дѣлаютъ его вмѣстѣ. Каждая реформа является результатомъ ихъ соглашенія. Она показываетъ мѣру уступокъ, сдѣланныхъ партіею консервативною, подъ вліяніемъ общаго сознанія о необходимости перемѣны. Неосуществимыя требованія партіи прогрессивной не заключаютъ въ себѣ никакихъ разрушительныхъ началъ. Обыкновенно въ нихъ содержится desiderata, осуществимыя и осуществляющіяся въ близкомъ будущемъ, слѣдовательно, согласныя съ историческими условіями страны.

Отсюда понятно, что консервативную и прогрессивную партіи не слѣдуетъ смѣшивать съ такими партіями и направленіями, съ которыми ихъ часто смѣшиваютъ, особенно у насъ. Консерваторъ проникнутъ убѣжденіемъ къ историческимъ началамъ національныхъ учрежденій; но онъ при-

знаетъ необходимость ихъ развитія, слѣдовательно и видоизмѣненіе тѣхъ учрежденій, въ которыхъ воплощаются эти начала. Когда эти начала видоизмѣнены, вслѣдствіе общепризнанной необходимости, онъ не станетъ подъ нихъ подкапываться, не будетъ содѣйствовать ихъ разрушенію во имя „преданія“, т.-е. онъ не явится реакціонеромъ. Консерваторъ хранитъ старину, но въ предѣлахъ требованія настоящаго, и обновленныя, согласно этимъ требованіямъ, учрежденія становятся въ его глазахъ частью учрежденій историческихъ, слѣдовательно, достойныхъ всяческаго охраненія. Реакціонеръ, напротивъ, живетъ стариною, не признавая никакихъ требованій настоящаго. То, что совершается сегодня, кажется ему самымъ злымъ оскорбленіемъ для почтенной старины. За это оскорбленіе онъ мститъ, мститъ зло и съ бѣшенствомъ, стараясь разбить въ прахъ ненавистную ему „новизну“. Не должно, впрочемъ, думать, что этотъ далеко не любезный типъ не имѣетъ своего бытового и историческаго основанія. Онъ вырабатывается и выступаетъ на историческую сцену обыкновенно послѣ глубокихъ общественныхъ потрясеній, послѣ насильственныхъ переворотовъ, переступившихъ мѣру нужнаго и полезнаго, оскорбившихъ много святаго и почтеннаго и породившихъ на первое время, по крайней мѣрѣ, бездну золъ. Въ эту годину народнаго бѣдствія, спасеніе видится въ старинѣ; глазъ не видитъ еще осадковъ добраго, какъ не видитъ глазъ путника тучнаго ила, оставляемаго разлитіемъ Нила. Онъ видитъ только наводненіе и разрушеніе; боязливо ищетъ онъ убѣжища на высотѣ вѣковѣчныхъ пирамидъ и тоскливо ждетъ спасительной лодки. Но безсильны вздохи о старомъ; напудренный маркизъ, въ шелку и кружевахъ временъ Людовика XV, не проснется въ маркизѣ, облеченномъ во фракъ и круглую шляпу. Все стало новымъ, начиная съ приверженцевъ старины. Напрасно Людовикъ XVIII старался связать свою конституціонную хартію съ „майскими полями“ и „земскими чинами“ временъ давно минувшихъ. „Хартія“ останется произведеніемъ XIX вѣка, и Людовикъ XVIII не обратится ни въ Людовика IX,

ни въ Людовика XIV. Правда, Карлъ X захочетъ немножко разыграть роль послѣдняго, но событія покажутъ ему, что онъ стоитъ внѣ своего вѣка, въ качествѣ обломка почтеннаго, быть можетъ, но отжившаго порядка. Его ошибка состояла въ томъ, что онъ принялъ увѣщанія Де-Местровъ, Бональдовъ и Полиньяковъ за истинныя выраженія требованій своего времени, тогда какъ они относились къ эпохѣ, когда на папскомъ престолѣ сидѣлъ Иннокентій III, а во Франціи Капетинги основывали всемогущество королевской власти.

У прогрессиста есть также собратъ, котораго съ нимъ часто смѣшиваютъ, котораго голосъ какъ будто сливается съ его голосомъ и произноситъ одни съ нимъ слова. Въ прогрессистѣ часто думаютъ открыть черты революціонера. Но эти кажущіеся братья — дѣти разныхъ родителей. Прогрессистъ рождается въ странѣ, спокойно совершающей свое историческое развитіе, и порождается временемъ, когда равновѣсіе поступательныхъ и охранительныхъ силъ въ обществѣ достигло возможной полноты. Онъ смѣло идетъ на встрѣчу будущаго, съ опредѣленнымъ багажомъ изъ прошедшаго и настоящаго; онъ представляетъ поступательное движеніе своей родины въ его исторической полнотѣ. Онъ признаетъ и чувствуетъ живую связь свою съ своими отцами, дѣдами и прадѣдами, считаетъ себя ихъ наслѣдникомъ и продолжателемъ, не стыдится этой кровной связи. Но это потому, что отцы, дѣды и прадѣды дѣлали свое дѣло, доходили до извѣстнаго „предѣла“, отъ котораго и отправлялись ихъ преемники. Прогрессистъ есть дитя исторически развивающейся страны, порожденіе непрерывно видоизмѣняющагося общественнаго порядка.

Революціонеръ — порожденіе иныхъ обществъ и временъ. Предположите общество, почему-либо застывшее въ своихъ формахъ, сдѣлавшихся мало-по-малу обременительнымъ, утратившихъ нравственную власть надъ умами и душами милліоновъ людей, которые не черпаютъ уже въ нихъ силъ для исполненія своего долга, относятся къ нимъ скептически и равнодушно и переносятъ ихъ или по необходи-

мости, или ради приличія. Словомъ, предположите общество, резюме котораго представлено Карлейлемъ въ его „Исторіи французской революціи“.

Обрисовывая эпоху Людовика XV, онъ говоритъ: „Когда въ эти времена упадка, гдѣ никакой идеалъ не возрастаетъ и не процвѣтаетъ, когда вѣрованіе и вѣрность исчезли и отъ нихъ остается только жаргонъ и ложный отзвукъ, когда всякое торжество обращено во внѣшній парадъ, когда всякая вѣра въ авторитетъ сдѣлалась однимъ изъ двухъ: или глупостью, или лицемѣріемъ — увы! отъ такихъ временъ исторія должна отвращать свои взоры. На нихъ не стóитъ останавливаться. Ихъ нужно сокращать все больше и больше и, наконецъ, вычеркнуть ихъ изъ лѣтописей человѣчества, вытереть, какъ незаконныя, что̀ они и суть на самомъ дѣлѣ. Времена безъ надежды, когда, болѣе чѣмъ въ другое время, родиться есть несчастіе. Родиться для того только, чтобы по всякому преданію и по всякому примѣру узнавать, что Божій свѣтъ есть ложь, міръ Беліала, и что высшее шарлатанство есть верховный іерархъ человѣчества!“

Въ этихъ мощныхъ словахъ очерчена facies hyppocratica вымиравшей Франціи стараго порядка, когда слово „ложь“ могло быть приложено ко всякому учрежденію, вѣрованію и отношенію и притомъ не въ смыслѣ бранномъ, а въ смыслѣ точнѣйшаго опредѣленія существа дѣла. Все было ложь, ибо все казалось, но не существовало въ дѣйствительности. Церковь, съ ея развращенными и вольнодумными прелатами, не была церковью; салонная аристократія не была аристократіею; суды не были судами; король не былъ королемъ, и т. д. Все обратилось въ какой-то невѣроятный призракъ, но призракъ продолжавшій взимать тяжкія феодальныя повинности, требовавшій барщины, десятины, всякихъ приношеній, устраивавшій сатурналіи, отъ которыхъ покраснѣлъ бы римскій Лупанаръ. Общество задолго до революціи лишилось живого правоправящаго начала, воплощеннаго въ кругъ людей, съ плотью и кровью, умомъ и сердцемъ. Три капитальнѣйшія основы стараго порядка — монархія, церковь и знать, были уже покойниками, лежав-

шими въ дорогихъ гробницахъ. Дѣйствительная власть упала на улицу, гдѣ ее подняла бушующая и разъяренная голодомъ толпа, руководимая „евангеліемъ отъ Жанъ-Жака Руссо“ и семнадцатью заповѣдями декларації правъ. Гробницы были сброшены и стихійная сила вырыла ту страшную пропасть, куда слетѣли десятины, титулы, гербы, алтари и троны.

Если вы вглядитесь въ черты революціонера, разложите его природу на существенные элементы, вы откроете въ немъ только двѣ вещи: во-первыхъ, отвлеченный принципъ, во имя котораго онъ порвалъ всѣ связи съ прошедшимъ; во-вторыхъ, совокупность страстей, инстинктовъ, похотей— всего того, что́ принято называть стихійною силою, ставшею на службу отвлеченной формулѣ. Здѣсь все не тронуто исторіею: „принципы“ свѣжи, гладки, вылощены, какъ новенькій экипажъ, не знающій ни исторической пыли, ни опыта отъ тренія, ухабовъ и толчковъ: они выработались въ обществѣ, давнымъ давно оттѣсненномъ отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, привыкшемъ рѣшать судьбы міра въ салонахъ и кабинетахъ и упрощавшемъ всѣ „формулы“ до предѣловъ возможнаго. Въ этотъ воздушно-легкій экипажъ впряжены страшные кони, неукротимые и дѣвственные, какъ тѣ, что́ гуляли въ американскихъ пампасахъ. Куда занесутъ они колесницу? Всѣ пробитые пути брошены, весь міръ обратился въ одинъ безпредѣльный путь, „принципы“ безграничны и необъятны — и кони бодро несутся въ тотъ волшебный край, гдѣ всѣ люди равны, гдѣ они „рождаются и остаются свободными“, гдѣ они, бросивъ все то, чему предки ихъ вѣрили въ теченіи тысячелѣтій, поклоняются богинѣ разума, ставшей таковою по приказу „всеобщей воли“. Горе тому, кто попадется на дорогѣ! — а сколько народу попадется колесницѣ, выскочившей изъ общепринятыхъ путей и несущейся „по пространству вообще?“ Знатные и незнатные, мужчины и женщины, взрослые и дѣти одинаково попадутъ подъ колеса и подъ копыта коней, и текущая кровь будетъ первымъ историческимъ слѣдомъ на эѳирно-легкомъ „принципѣ“. Много прольется этой крови,

и груды тѣлъ помѣшаютъ торжественному ходу колесницы человѣчества. Легкіе принципы сдѣлаются страшнымъ грузомъ, который еле-еле будутъ влачить усталые кони, тоскливо понуря голову и помышляя о покойномъ стойлѣ и сѣнѣ. Великое „возвращеніе къ природѣ и къ ея священнымъ правамъ“ окажется порядочною фальшью и поступкомъ противоестественнымъ, т.-е. противнымъ природѣ. Нѣтъ, природа такъ не поступаетъ; она не строитъ искусственныхъ принциповъ и не совершаетъ жертвоприношеній во имя послѣднихъ. Она живетъ и другихъ призываетъ къ жизни.

Карлейль, описавъ кровавую драму терора и участь разныхъ ci-devant, продолжаетъ: „Молодой Шатобріанъ одинъ бродитъ между Натчесами, среди шума Ніагары и стона безпредѣльныхъ лѣсовъ. Будь благословенна, о ты, великая природа, дикая, но не фальшивая, не злая, не мачиха! Ты не формула, не бѣшеная борьба гипотезъ, не парламентское краснорѣчіе, не фабрика конституціи и гильотины. Говори мнѣ, о мать! Пой моему больному сердцу, чтобы усыпить его, твою пѣсню вѣчной и таинственной кормилицы, и пусть все остальное убирается далеко!“

Но зачѣмъ бросаться въ объятія „матери-земли“, прислушиваться къ шуму ея водопадовъ и безпредѣльныхъ лѣсовъ, искать въ ней жизни, правильнаго біенія сердца и пульса, когда эта жизнь можетъ ключемъ бить въ самомъ человѣческомъ обществѣ, если ее не будутъ гнать изъ него! Развѣ самъ человѣкъ не часть природы и притомъ не лучшая его часть, не послѣднее слово творенія? Развѣ онъ не творитъ и не создаетъ самъ, работая умомъ и руками, изъ поколѣнія въ поколѣніе? Дайте ему мыслить, работать, вѣровать, веселиться, страдать, любить и ненавидѣть, быть довольнымъ и недовольнымъ, и вы увидите, что изъ этой свободной игры противоположныхъ силъ, чувствованій и вѣрованій выйдетъ та гармонія, которую тщетно будемъ мы установлять запретами и понуканіями, указаніями и штрафами.

Общество, работая изъ поколѣнія въ поколѣніе, по-

стоянно хочетъ новаго и, конечно, не въ силу „разврата человѣческой природы“. Нѣтъ и не можетъ быть такого состоянія общества, когда наличныя его учрежденія, политическія, церковныя и гражданскія, удовлетворяли бы всѣмъ потребностямъ человѣческаго ума и матеріальной его природы. Предположить противное, значило бы признать, что люди всегда и во всемъ остаются равными себѣ; что всѣ изобрѣтенія человѣческаго ума не имѣютъ ровно никакого вліянія на развитіе самого человѣка; что современники Перикла, Фидія, Платона, Ѳукидида и Софокла, видѣвшіе пышный расцвѣтъ наукъ, искусствъ и политической свободы, ничѣмъ не отличались отъ пеласговъ, съ ихъ циклопическими постройками; что потребность въ чтеніи и образованіи не возросла послѣ изобрѣтенія книгопечатанія; что современникъ Вольтера и энциклопедистовъ смотрѣлъ на міръ тѣми же глазами, какъ толпы крестоносцевъ, внимавшихъ проповѣди Петра-Пустынника.

Поэтому ни одинъ общественный строй, если подъ послѣднимъ разумѣть не только формы народнаго быта, но и складъ убѣжденій, привычекъ, вѣрованій и надеждъ, никогда не представляетъ безусловно цѣльнаго и законченнаго типа. Рядомъ съ ярко обрисованными чертами „существующаго порядка“, опытный глазъ всегда можетъ различить постепенно обрисовывающійся силуэтъ порядка новаго и, по мѣрѣ накопленія новыхъ привычекъ взглядовъ и стремленій, черты эти выступаютъ все ярче и ярче. Задача мудрой политики заключается именно въ томъ, чтобы, въ свое время, признать эти черты и перевести ихъ въ дѣйствительность. Иначе новыя стремленія, не получившія законнаго признанія и не введенныя въ предѣлы нормальныхъ общественныхъ силъ, останутся силами стихійными, способными произвести взрывъ и разрушить порядокъ, долго не обновлявшійся, а потому сдѣлавшійся анахронизмомъ.

Но общество, при нормальномъ своемъ развитіи, не только обновляется, но и капитализируетъ, безъ чего нѣтъ и не можетъ быть развитія, эволюціи. Безъ этой дра-

гоцѣнной способности, нравственныя, умственныя и матеріальныя богатства, накопленныя предками, не сдѣлались бы достояніемъ ихъ потомства, и каждому поколѣнію приходилось бы начинать съизнова, т.-е. въ дѣйствительности оставаться на одномъ пунктѣ съ предками. Страна, періодически выгорающая, не можетъ идти впередъ въ экономическомъ отношеніи, ибо идти впередъ значитъ прибавлять что-либо новое къ существующему. Если человѣкъ сожжетъ свой домъ, для того, чтобы идти „впередъ", онъ совершитъ великую глупость. Вмѣсто того, чтобы вносить новыя богатства въ существующій домъ, онъ долженъ будетъ строить вновь самый домъ, не думая уже о новыхъ пріобрѣтеніяхъ — и дай Богъ, если ему удастся выстроить этотъ домъ.

Обновленіе и капитализація — надъ этими двумя условіями нормальнаго и историческаго роста трудятся двѣ нормальныя общественныя партіи: прогресивная и консервативная. И вотъ почему обѣ онѣ одинаково отличаются отъ партій, принадлежащихъ къ временамъ застоя или революціонныхъ переворотовъ, ибо тогда не можетъ быть рѣчи ни объ обновленіи, ни о капитализаціи, въ ихъ тѣсной связи и правильномъ соотношеніи.

II.

Никакія теоретическія разсужденія о консерватизмѣ не выяснятъ, однако, его существа такъ, какъ изученіе типовъ государственныхъ людей этого порядка. Ихъ практическая дѣятельность можетъ послужить лучшимъ освѣщеніемъ началъ такъ-называемой „консервативной политики". Для этой цѣли мы остановимся здѣсь на дѣятельности одного изъ величайшихъ людей этого типа, именно Р. Пиля (1788—1850 г.).

Уже при одномъ имени Пиля могутъ возникнуть сомнѣнія относительно его консервативнаго значенія. Съ нимъ связано воспоминаніе о многихъ полезныхъ реформахъ,

въ числѣ коихъ двѣ имѣли очень важное значеніе: политическая эмансипація католиковъ (1829 г.) и отмѣна хлѣбныхъ законовъ (1846 г.). Консерваторъ и реформаторъ— эти два названія не вяжутся другъ съ другомъ. Между тѣмъ, въ личности Пиля они „вязались“, и удачное сочетаніе этихъ двухъ качествъ заслужило ему, послѣ смерти, названіе „мудраго и славнаго совѣтника свободнаго народа“, данное ему вовсе не въ видѣ комплимента.

Мы не намѣрены излагать здѣсь ни біографіи Пиля, достаточно извѣстной, ни обозрѣвать всей его дѣятельности, что́ завело бы насъ далеко за предѣлы журнальной статьи. Мы ограничимся анализомъ его отношенія къ вопросамъ, по которымъ ему приходилось выступать въ роли реформатора, и на томъ умственномъ и душевномъ процессѣ, который приводилъ его къ сознанію необходимости реформы. Для этой цѣли лучшимъ пособіемъ, независимо отъ біографій, могутъ служить его собственные мемуары, гдѣ онъ предлагаетъ свою исповѣдь со всею искренностью высокой души *).

По рожденію и семейнымъ своимъ отношеніямъ, Пиль принадлежалъ къ торіямъ. Это одно еще не помѣшало бы ему впослѣдствіи стать на сторонѣ реформъ, какъ ни крѣпки въ Англіи семейныя преданія. Но политическое воспитаніе Пиля усложнилось однимъ очень важнымъ обстоятельствомъ. Онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію англійской молодежи, которое родилось и взросло въ эпоху гигантской борьбы консервативной Англіи съ революціонною Франціею. Въ такія эпохи всѣ мнѣнія обостряются и страсти разгораются. Французская революція коснулась довольно близко и самой Англіи. Броженіе внутри страны, волненіе въ Ирландіи, подавленное вооруженною силою, страшное напряженіе всѣхъ національныхъ силъ въ борьбѣ съ Наполеономъ—вотъ что́ видѣлъ Пиль въ своемъ дѣтствѣ и въ молодости. Его отецъ былъ дѣятельнымъ пособникомъ по-

*) Я пользовался извѣстною книгою Гизо «Sir Robert Peel» (2-е изд. 1858 г.) и приложеніями къ ней, а также «Конституціонною исторіею Англіи» (1760—1860 г.), соч. Т. Э. Мея.

литики Питта, устраивалъ контръ-революціонные митинги, жертвовалъ огромныя суммы для поддержки Питта—воспиталъ своего сына въ духѣ торіевъ и „высокой церкви“. Наконецъ, первое время его политической карьеры (1810—1822 г.) совпало съ полнымъ и безспорнымъ господствомъ этой партіи, вознесенной къ власти борьбою съ французскою республикою и оставшейся у дѣлъ въ эпоху всеобщаго утомленія. Пиль сразу получилъ дѣятельную роль и въ парламентѣ, и въ администраціи.

Такимъ образомъ, семейныя преданія, духъ эпохи, партіи и первые уроки практической политики — все должно было развить въ Пилѣ строгаго и безповоротнаго „охранителя“. Но мы увидимъ какъ онъ, оставаясь вѣрнымъ консервативнымъ началамъ, умѣлъ удовлетворять и требованіямъ жизни, которая развивалась вовсе не по программамъ партій.

Борьба съ французскою революціею и коллоссальныя войны временъ консульства и имперіи надолго остановили въ Англіи процессъ ея внутренняго развитія, подготовлявшій существенныя перемѣны въ отношеніяхъ государства къ вѣрѣ, въ системѣ народнаго представительства и въ организаціи разныхъ частей мѣстнаго управленія. Періодъ борьбы (1793—1815 г.) и время послѣдующаго утомленія не только задержали этотъ процессъ, но отразились и на характерѣ господствовавшей партіи. Если она проявляла необыкновенную энергію во внѣшней борьбѣ, то въ отношеніяхъ ея къ внутреннимъ вопросамъ эта „энергія“ обнаруживалась главнымъ образомъ въ отрицательныхъ и репрессивныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ охраненію существующаго, во что бы то ни стало. Консервативная программа, прежде представляемая такими лицами, какъ Питтъ младшій, совмѣщавшая въ себѣ и твердое охраненіе главныхъ началъ англійскаго государственнаго устройства, и требованіе пересмотра законовъ церковныхъ, выборнаго права и т. д., выродилась въ „программу“ Лондондерри, т.-е. программу рѣшительнаго застоя. Но партія, усвоившая такую программу, не могла сохранить положеніе партіи руководящей и дѣйствующей; при первомъ пробужденіи общественной жизни,

цевъ павшей династіи, въ „якобитовъ“. Попытки претендентовъ въ 1715 и въ 1745 годахъ, поддержанныя католическими симпатіями, подкрѣпляли этотъ взглядъ.

Такимъ образомъ основанія англійскаго государственнаго права слились съ началами ея церковнаго устройства, и права короны покоились на этихъ протестантскихъ принципахъ, поколебать которые, значило, повидимому, поколебать авторитетъ протестантскаго короля и протестантскаго парламента. Въ этомъ смыслѣ высказался, при обсужденіи биля объ эмансипаціи (1829 г.), лордъ Эльдонъ: „если вашъ принципъ вѣренъ, говорилъ онъ своимъ противникамъ:—если религіозныя мнѣнія ничего не значатъ въ политикѣ, то король Великобританіи не имѣетъ никакого права занимать престолъ, ибо онъ занимаетъ его въ силу опредѣленныхъ и особенныхъ религіозныхъ мнѣній“.

Если эти принципы имѣли такую силу для Англіи, гдѣ огромное большинство принадлежало къ государственной церкви, то значеніе ихъ возростало въ примѣненіи къ Ирландіи, гдѣ среди $^3/_4$ католическаго населенія „установленная церковь“ представляла не только интересы государства, но и интересы владычествующаго племени относительно порабощенной массы туземцевъ. Здѣсь католицизмъ былъ не только религіознымъ мнѣніемъ, но и символомъ политической независимости; здѣсь онъ побуждалъ угнетенныхъ ирландцевъ становиться на сторону Стюартовъ и враговъ протестантской династіи.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій создались тѣ исключительные законы, воспоминаніе о которыхъ ложится пятномъ на исторію „свободной“ Англіи. Эти законы могутъ быть подведены подъ три главныя категоріи: 1) законовъ, воспрещавшихъ, подъ страхомъ тяжкаго уголовнаго наказанія, отправленіе богослуженія по обрядамъ римско-католической церкви; 2) законовъ, ограничивавшихъ гражданскую правоспособность католиковъ *), и 3) зако-

*) Напримѣръ, актъ 1700 года назначалъ награду въ 100 фунтовъ стерлинговъ тому, кто откроетъ католическаго священника, отправляющаго свою должность; объявлялъ неспособнымъ всякаго католика покупать и наслѣдовать

новъ, исключавшихъ католиковъ отъ пользованія политическими правами.

Конечно, эти три разряда законовъ не сохранились неизмѣнными до той минуты, когда Пиль провелъ свой законъ объ эмансипаціи. Первые два разряда потерпѣли существенное измѣненіе; нѣкоторые изъ этихъ законовъ были прямо отмѣнены, другіе не примѣнялись **). Даже третья категорія ихъ потерпѣла существенныя измѣненія. Новые законы открывали католикамъ возможность занимать разныя общественныя должности, при соблюденіи извѣстныхъ условій, Въ Ирландіи, еще въ концѣ XVIII столѣтія, они были допущены къ участію въ выборахъ. Этимъ они обязаны были какъ успѣхамъ начала вѣротерпимости, такъ и тому, что „протестантское государство“ съ его протестантскою династіею окрѣпло настолько, что уже не боялось „католическихъ заговоровъ“.

Оставался, однако, важный вопросъ: могутъ-ли католики быть избраны въ члены парламента и затѣмъ занимать мѣста въ кабинетѣ, въ тайномъ совѣтѣ, въ палатѣ лордовъ? Трудно было дать утвердительный отвѣтъ, пока Ирландія сохраняла свой отдѣльный парламентъ, въ которомъ преобладаніе протестантскаго элемента считалось безусловно необходимымъ. Но съ 1801 года положеніе дѣлъ измѣнилось. Послѣдовало соединеніе Англіи съ Ирландіею; послѣдняя должна была посылать своихъ депутатовъ въ англійскій парламентъ, гдѣ протестантское большинство было заранѣе обезпечено. Слѣдовательно, тѣ мотивы, которые вызывали исключеніе католиковъ изъ ирландскаго парламента, теряли свою силу относительно англійскаго. На этой почвѣ думалъ дѣйствовать Питтъ, если бы рѣшительный отказъ короля Георга III не побудилъ его отказаться отъ своего намѣре-

земли, если онъ не отречется отъ своей вѣры. Въ случаѣ отказа, имущество переходило къ его протестантскимъ родственникамъ и т. д.

**) Хотя каждую минуту эти законы могли быть выведены изъ забвенія, какъ это случилось съ католическимъ священникомъ Малоне, который, вслѣдствіе доноса, былъ приговоренъ судомъ къ пожизненному заключенію. Этотъ случай произвелъ страшный скандалъ въ парламентѣ, и министерство освободило несчастнаго подъ своею отвѣтственностью.

нія. Съ тѣхъ поръ иниціатива по этому великому дѣлу перешла въ руки оппозиціи; вопросъ сдѣлался предметомъ агитаціи, вызывалъ парламентскія бури, народныя сборища, схватки, подавлявшіяся вооруженною силою, процессы и держалъ въ напряженіи всю страну, воспламененную краснорѣчіемъ О'Коннеля.

Мнѣніе Пиля, въ тотъ моментъ, когда онъ началъ свою политическую карьеру, достаточно опредѣлялось мнѣніями его партіи и указанными выше условіями, подъ вліяніемъ которыхъ создались исключительные законы противъ католиковъ. Онъ твердо держался этихъ мнѣній и откровенно высказывался противъ всякой попытки измѣнить положеніе дѣлъ. Но разница между нимъ и ультра-торіями состояла въ томъ, что онъ способенъ былъ принимать въ разсчетъ новые факты политической жизни, наблюдать ихъ со вниманіемъ и свободою государственнаго человѣка и приходить на помощь государству совѣтами, соотвѣтствующими истинному положенію дѣлъ, а не съ „формулами" лорда Эльдона.

Онъ имѣлъ время наблюдать эти факты; онъ самъ былъ статсъ-секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ; его управленіе не только оставило добрую память въ этой странѣ, но и показало ему самому, что „ирландскія дѣла" находятся въ положеніи ненормальномъ; онъ, какъ членъ нижней палаты, внимательно слѣдилъ за видоизмѣненіемъ мнѣній въ народномъ представительствѣ; наконецъ, онъ видѣлъ ростъ внѣпарламентской агитаціи и дѣйствія „католической ассоціаціи", принимавшей грозные размѣры.

Настроеніе нижней палаты способно было навести на размышленіе. „Съ 1807 года,—писалъ онъ въ своемъ превосходномъ мемуарѣ, представленномъ королю 12-го января 1829 г.,—было пять парламентовъ. Общіе выборы происходили въ 1807, 1812, 1818, 1820 и 1826 годахъ. Въ каждомъ изъ этихъ парламентовъ, за исключеніемъ одного, палата общинъ высказалась за разсмотрѣніе вопроса о католикахъ. Палата, избранная въ 1818 году, составляетъ исключеніе; но и въ ней этотъ вопросъ былъ отвер-

гнутъ большинствомъ двухъ голосовъ (243 противъ 241). Палата общинъ, избранная въ 1820 г., два раза посылала въ палату лордовъ били, отмѣнявшіе неправоспособность католиковъ. Нынѣшняя палата выказалась въ 1827 году противъ этой мѣры большинствомъ четырехъ голосовъ (276 противъ 272), но въ послѣднюю сессію она высказалась за нее большинствомъ 272 противъ 266". Это показывало ясно, что народное представительство вступаетъ въ рѣшительный разладъ съ правительствомъ и съ системою, въ которой оно упорствовало.

Агитація въ ирландскихъ массахъ принимала угрожающіе размѣры, требовавшіе великаго напряженія военныхъ силъ. Въ 1828 году оно завершилось рѣшительнымъ вызовомъ правительству, именно, шумнымъ выборомъ О'Коннеля, вмѣсто Фитцджеральда, въ графствѣ Клеръ (Clare). Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Будетъ или нѣтъ избранный депутатомъ католикъ допущенъ въ палату общинъ? Любопытно прежде всего посмотрѣть, какъ отнесся къ этому происшествію Пиль. М-ръ Фитцджеральдъ, пораженный на выборахъ и взволнованный сценами, которыми они сопровождались, написалъ къ Пилю исполненное отчаянія письмо, гдѣ онъ восклицалъ: „всѣ великіе интересы побѣждены и отступленіе всеобщее. Какія сцены видѣли мы! Какая ужасная перспектива открывается предъ нами".

Но Пиль предался размышленіямъ, совершенно независимымъ и отъ личности О'Коннеля, и отъ частныхъ безпорядковъ въ графствѣ Клеръ. Онъ усмотрѣлъ въ нихъ симптомъ общаго положенія дѣлъ, надъ которымъ долженъ былъ задуматься государственный человѣкъ.

„Выборы въ Клерѣ, пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ,— были яснымъ доказательствомъ ненормальнаго и болѣзненнаго состоянія, въ которомъ находился общественный духъ въ Ирландіи; яснымъ доказательствомъ, что сознаніе общаго неудовольствія и общихъ интересовъ ослабило силу узъ, соединявшихъ различные планы лицъ, и силу чисто мѣстныхъ и личныхъ привязанностей, для того, чтобы соединить разрозненные элементы общества въ однородную и

дисциплинированную массу, добровольно подчиняющуюся авторитету высшей умственной силы, враждебной закону и правительству, предписывающему исполненіе этого закона.

„Есть великое разстояніе (хотя нѣкоторая экзальтированная партія и отрицаетъ это) между уступками, сдѣланными поспѣшно безпорядочной агитаціи, и мѣрами, принятыми предусмотрительно для того, чтобы остановить взрывъ общественнаго чувства, постепенно пріобрѣтающаго силу, которая скоро сдѣлаетъ его непреодолимымъ.

„Не уступай ничего агитаціи“, вотъ кликъ, издаваемый всегда тѣми, кто не несетъ отвѣтственности, и кто вноситъ часто въ свои опредѣленія рѣшимость, пропорціональную ихъ личному удаленію отъ опасности и недостаточному знанію истиннаго положенія вещей.

„Прежде чѣмъ рѣшиться не дѣлать никакой уступки, ничего не уступать или ничего не измѣнять въ старыхъ мнѣніяхъ, благоразумный министръ долженъ основательно обсудить то, чему ему предстоитъ противиться и какими силами сопротивленія онъ располагаетъ. Его задача была бы очень легка, если-бы ему достаточно было рѣшенія ничего не уступать насилію или угрозѣ матеріальною силою“.

Но дѣло въ томъ, что великій министръ, конечно, не боявшійся ни угрозъ, ни насилія, счелъ своимъ долгомъ принять въ разсчетъ тѣ общія и нравственныя условія, въ которыхъ находилось правительство Георга IV. Правда, послѣдній заранѣе высказался противъ всякихъ уступокъ католикамъ. Еще въ 1824 году онъ писалъ Пилю: „мнѣнія короля объ эмансипаціи католиковъ суть мнѣнія его почтеннаго и любезнаго родителя. Король не можетъ и не захочетъ никогда отъ нихъ отказаться“. Но Пиль разсчитывалъ на поддержку Веллингтона, имѣвшаго такое вліяніе на короля, и на силу обстоятельствъ, для которой человѣческое „никогда“ имѣетъ очень слабое значеніе. Въ 1829 году онъ представилъ королю свой знаменитый мемуаръ, въ которомъ онъ просилъ его величество разрѣшить кабинету заняться разсмотрѣніемъ католическаго вопроса. Мемуаръ былъ представленъ 12 января, незадолго до собра-

нія парламента, съ созывомъ котораго можно было ожидать серьёзнаго кризиса. Мы остановимся на этомъ мемуарѣ, ибо рѣдко какое произведеніе оффиціальнаго пера заслуживаетъ такого вниманія и уваженія.

„Я убѣжденъ,—писалъ онъ,—что католическій вопросъ не можетъ болѣе оставаться въ положеніи вопроса „открытаго“ и что слуги его величества должны сообща принять опредѣленную политику по этому предмету.

„Страна не можетъ быть предоставлена самой себѣ относительно католическаго вопроса; министры его величества не могутъ долѣе сохранять нейтралитетъ среди подобныхъ преній и воздерживаться отъ выраженія ихъ общаго мнѣнія о такомъ предметѣ, безъ того, чтобы честь правительства, отправленіе его власти въ Ирландіи и постоянные интересы протестантской колоніи не были сильно поколеблены.

„Опытъ долженъ былъ намъ показать, что въ Ирландіи ни разъединенное правительство, ни правительство согласное въ мнѣніи, но направляемое въ Англіи раздѣленнымъ правительствомъ, не можетъ предписывать исполненія законовъ съ твердостью и авторитетомъ, необходимыми при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Ирландіи.

„По отношенію къ преніямъ въ парламентѣ, положеніе администраціи несостоятельно.

„Предполагая, что она сохранитъ положеніе, принятое ею по этому дѣлу, ей, при открытіи парламента, по необходимости будетъ предстоять слѣдующая альтернатива:

„Она должна будетъ или остаться въ бездѣйствіи по ирландскимъ дѣламъ, или предложить репрессивныя мѣры, не подавая никакой надежды на уступки.

„Оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, ничего не предлагать, не выражать никакого мнѣнія объ Ирландіи—безусловно невозможно.

„Возможенъ-ли второй образъ дѣйствій? Возможно-ли налагать новыя стѣсненія, требовать, отъ имени правительства, расширенія власти, признаваясь, что ничего другого она не имѣетъ въ виду?“

Дѣйствительно, многолѣтній застой по ирландскимъ дѣламъ въ правительственныхъ сферахъ, привелъ послѣднія къ выбору между дальнѣйшимъ молчаніемъ, при которомъ движеніе шло мимо правительства и во вредъ ему, и новыми репрессивными мѣрами, которыя Пиль считалъ невозможными, при данномъ настроеніи англійскаго общества и палаты общинъ. Установивъ полную несостоятельность политики „сопротивленія во-чтобы то ни стало“, онъ резюмировалъ свои доводы въ пользу разсмотрѣнія католическаго вопроса, во всемъ его объемѣ, въ слѣдующихъ пунктахъ:

„Во-первыхъ, продолжительное (въ теченіи шестнадцати лѣтъ) разногласіе и раздѣленіе между двумя палатами парламента по важному конституціонному вопросу есть великое зло.

„Во-вторыхъ, вліяніе католиковъ возросло чрезмѣрно, вслѣдствіе непрерывно повторявшихся рѣшеній палаты общинъ въ ихъ пользу. Мнѣніе протестантской части общества относительно католицизма и поведенія католиковъ въ Ирландіи, было согласно, безъ преній, возникшихъ по поводу ихъ политической неправоспособности.

„Въ-третьихъ, въ теченіи послѣдней осени, изъ 30,000 регулярной пѣхоты, которою располагаетъ Англія, для поддержанія спокойствія въ Ирландіи нужно было собрать 25,000, какъ въ Ирландіи, такъ и на берегахъ Англіи, а послѣдняя была въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ.

„Въ-четвертыхъ, хотя исходъ возстанія не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго опасенія, хотя я убѣжденъ, что послѣднее можетъ быть немедленно подавлено, я думаю однако, что состояніе раздѣленія по католическому вопросу, въ коемъ находятся правительство и обѣ палаты, и необходимость быть постоянно готовымъ къ вооруженной борьбѣ, есть бо́льшее зло, чѣмъ самая борьба.

„Въ-пятыхъ, политическое возбужденіе, въ коемъ находится Ирландія, скоро сдѣлаетъ невозможнымъ отправленіе здѣсь правосудія, въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ затронуты вопросы политическіе или религіозные. Жюри пере-

станетъ быть обезпеченіемъ справедливости и безопасности, особенно въ дѣлахъ, гдѣ стороною является правительство.

„Таковы практическіе и возрастающіе недуги, для коихъ я не вижу лекарства, если нынѣшнее положеніе продолжится, а давленіе теперь настолько велико, что оно вполнѣ оправдываетъ, по моему мнѣнію, мѣры противоположныя".

Отмѣтимъ еще одну черту въ этомъ замѣчательномъ мемуарѣ. Легко видѣть, что Пиль, разсуждая о недугахъ, порожденныхъ католическимъ вопросомъ и о средствахъ ихъ врачеванія, ни разу не упомянулъ о такихъ мѣрахъ, которыя стоятъ внѣ законныхъ и конституціонныхъ полномочій правительства. Какъ истинный консерваторъ и высокій практическій умъ, онъ разсуждалъ о мѣрахъ, дозволяемыхъ данными основными законами, которыхъ невозможно было мѣнять по частному случаю, и приличныхъ данному положенію вещей, независимо отъ абсолютной годности тѣхъ или иныхъ „принциповъ". Для него важно было, чтобы правительство, нація и парламентъ, вышли изъ затрудненія обновленными и укрѣпленными, и чтобы лихорадка, въ которой страна жила въ послѣднія шестнадцать лѣтъ, уступила наконецъ мѣсто здоровымъ отправленіямъ общественнаго тѣла.

На эту почву онъ поставилъ вопросъ и въ палатѣ, куда онъ былъ перенесенъ послѣ долгихъ переговоровъ съ королемъ, въ теченіи которыхъ Пиль и Веллингтонъ подавали въ отставку, возвращенную имъ, впрочемъ, въ тотъ же вечеръ.

Открывая, 5 марта 1829 года, пренія въ палатѣ общинъ, Пиль далъ слѣдующую постановку этому вопросу:

„Я знаю,—говорилъ онъ,—что говорю предъ палатой, большинство которой расположено подать голосъ въ пользу этой мѣры, по мотивамъ, болѣе возвышеннымъ, чѣмъ тѣ, на которые я намѣренъ опираться... Я воздержусь отъ всякаго разсужденія объ естественныхъ или общественныхъ правахъ человѣка; я не пущусь въ изслѣдованіе теорій правительства. Озабоченный не тѣмъ, что̀ можно сказать, но тѣмъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать въ такихъ затрудненіяхъ, я

ограничусь практическимъ разсмотрѣніемъ нынѣшняго положенія. Въ теченіи многихъ лѣтъ, я силился поддержать исключительные законы, устранявшіе католиковъ отъ парламента и высшихъ государственныхъ должностей. Я не думаю, чтобы это было несправедливое или неразумное усиліе. Я отказываюсь отъ него, придя къ убѣжденію, что на немъ нельзя настаивать съ пользою. По моему мнѣнію, въ настоящее время нѣтъ средствъ, дѣйствительныхъ для этой борьбы. Я уступаю нравственной необходимости, которую я не въ силахъ превозмочь. Существуетъ ли такая необходимость? Что̀ опаснѣе для протестантскихъ установленій, которыя я хочу защищать: — упорное ли сопротивленіе, или уступки, обставленныя извѣстными предосторожностями? Это все, что̀ я намѣренъ доказать".

Когда вопросъ былъ поставленъ на такую почву, всѣ споры о принципахъ были устранены. Дано извѣстное положеніе дѣлъ — какой изъ него выходъ, согласный съ практическими выгодами правительства и націи? На этотъ вопросъ нельзя уже было отвѣчать „трансцендентальною" аргументаціею. Можно было отвергнуть практическую мѣру, предложенную Пилемъ, но не иначе, какъ предложивъ другую, тоже практическую мѣру, взамѣнъ предложенной. Оставаться же при чистомъ отрицаніи нельзя было потому, что правительство спрашивало палаты не объ ихъ мнѣніи о принципіальномъ достоинствѣ католицизма и свободѣ совѣсти, а дѣлового совѣта объ исходѣ изъ явно затруднительнаго положенія.

Для противниковъ мѣры оставался одинъ главный ресурсъ — ресурсъ личныхъ нареканій на ея автора, и изъ этого драгоцѣннаго источника было извлечено два аргумента противъ Пиля: 1) онъ обвинялся въ отступничествѣ отъ своихъ прежнихъ мнѣній, въ измѣнѣ великому дѣлу протестантской церкви и протестантскаго государства; 2) его уступка объяснялась страхомъ предъ силою католической агитаціи.

На то и другое обвиненіе, онъ далъ полновѣсные отвѣты.

Обращаясь къ теоріямъ, обвинявшимъ его въ отступничествѣ, онъ говорилъ: — „Я не рѣшусь покупать поддержки моихъ достопочтенныхъ друзей обѣщаніемъ упорствовать, въ качествѣ совѣтника короны, во всякое время и на всякій рискъ, въ мнѣніяхъ и аргументахъ, которые я когда-либо поддерживалъ предъ этою палатою. Я положительно удерживаю за собою право опредѣлять мое поведеніе по требованіямъ момента и интересовъ страны... Это дѣлали всѣ государственные люди всѣхъ временъ и странъ, и я выражу мою мысль словами лучшими, чѣмъ бы я могъ найти ихъ самъ—словами Цицерона: „я научился, я видѣлъ, я читалъ; писанія свидѣтельствуютъ намъ о мудрѣйшихъ и славнѣйшихъ мужахъ, какъ этой республики, такъ и другихъ, что тѣ же люди не должны защищать тѣхъ же самыхъ мнѣній, но то, что требуется состояніемъ государства, направленіемъ времени и духомъ согласія“.

Оставалось обвиненіе въ „страхѣ“. Ему противопоставилъ Пиль слѣдующее безсмертное возраженіе. — „Я не знаю болѣе низкаго мотива для поведенія, какъ страхъ. Но есть расположеніе духа, можетъ быть, болѣе опасное, хотя и менѣе низкое — это страхъ быть заподозрѣннымъ въ трусости. Какъ ни презрѣнъ трусъ, но человѣкъ, боящійся, что съ нимъ обойдутся какъ съ трусомъ, выказываетъ не бо́льшее мужество. Министры его величества не боятся и не боялись католической ассоціаціи; они безъ труда подавили бы всякую попытку запугиванія... Но есть опасенія, вовсе непротивныя характеру человѣка самаго твердаго, constantis viri; есть вещи, которыхъ онъ не можетъ видѣть безъ страха. Не должно смотрѣть безъ страха на разстройство въ Ирландіи, и тотъ, кто дѣлалъ бы видъ, что не боится этого, доказалъ бы равнодушіе къ счастью или несчастью страны“.

Вся эта внутренняя драма, разыгравшаяся въ душѣ великаго предводителя консервативной партіи, все его поведеніе, служатъ довольно яснымъ доказательствомъ того, что консерватизмъ не есть „охраненіе“ во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами. Напротивъ, онѣ

парламентѣ ораторствовали Питты, Фоксы, Шериданы, Борки. Но англійское общество не избѣгло перерожденія. Сильное развитіе промышленности и торговли, колоніальная политика Питта создали такой торгово-промышленный классъ, какого не знаетъ ни одна страна въ мірѣ, и онъ менѣе всего расположенъ былъ отказаться отъ представительства своихъ „интересовъ“, вполнѣ законныхъ. Одно богатство не хотѣло видѣть себя безправнымъ предъ другимъ богатствомъ. Но не одно новое „богатство“ возвышало свой голосъ. Возвышала его бѣдность, въ видѣ рабочихъ въ разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ видѣ рабочихъ ирландскихъ, для которыхъ экономическое горе обострялось политическими и религіозными условіями. Коротко говоря, послѣ того, какъ первая реформа Пиля взрѣзала одряхлѣвшій государственный строй Англіи, изъ взрѣза показались головки многихъ иныхъ реформъ, долженствовавшихъ не только покончить извѣстные старые счеты, но и обновить государство. Пиль — дитя старой торійской Англіи, вдругъ увидѣлъ силуэтъ Англіи новой, промышленной, да еще съ соціальнымъ вопросомъ. Онъ остановился въ недоумѣніи. Мы видѣли, что онъ рѣшительно шелъ на встрѣчу мѣрамъ, вызываемымъ условіями времени. Но теперь рѣчь шла не о мѣрахъ къ исправленію разныхъ общественныхъ и политическихъ отношеній, а объ измѣненіи состава и качества силъ, на которыя онъ привыкъ опираться и съ которыми, несмотря на различіе мнѣній, онъ могъ идти рука объ руку. Всѣ разсчеты его политики, всѣ его шансы были разсчитаны на опредѣленныя, исторически сложившіяся силы, которыя онъ видѣлъ предъ собою въ палатѣ общинъ. Теперь всѣ разсчеты должны были измѣниться; почва теряла прежнюю твердость. Онъ зналъ, что́ скажетъ и какъ будетъ дѣйствовать каждая партія въ палатѣ, избранной такими-то, искони установившимися избирательными собраніями. Но что́ скажетъ и какое направленіе приметъ палата, составленная иначе и изъ другихъ элементовъ? Куда поведетъ она Англію? Приступивъ разъ къ измѣненію состава избирателей, можно-ли будетъ оставаться на скользкой

почвѣ? Начавъ перемѣщеніе власти, перемѣстивъ ее сегодня изъ однѣхъ рукъ въ другія, можно-ли ручаться, что завтра ее не придется перемѣщать въ третьи? Не дойдетъ-ли Англія до полнаго осуществленія требованій чартистовъ, т.-е. до демократіи, столь несогласной съ ея историческимъ прошлымъ?

Конечно, всѣ опасенія Пиля и его сторонниковъ были неумѣстны; биль о реформѣ 1832 года не былъ билемъ „демократическимъ"; его пришлось восполнять и расширять въ 1867 и 1872 годахъ. Но о состояніи государственнаго дѣятеля нельзя судить по фактамъ послѣдующимъ. Въ моментъ возбужденія вопроса объ избирательной реформѣ, когда планы самихъ реформаторовъ были еще неясны, когда агитація предъявляла требованія довольно неумѣренныя, консервативная партія имѣла основаніе отнестись къ этому вопросу скептически.

Между тѣмъ вопросъ въ парламентѣ былъ поставленъ такъ рѣзко, что министерство Веллингтона-Пиля должно было дать категорическій отвѣтъ и, потерпѣвъ неудачу, подать въ отставку. Еще незадолго до смерти Георга IV, О'Коннель, занявшій свое мѣсто въ нижней палатѣ, внесъ сюда проектъ парламентской реформы, въ коемъ предлагалось сокращеніе депутатскихъ полномочій до 3 лѣтъ (вмѣсто 7), всеобщая и тайная подача голосовъ. Это предложеніе было отвергнуто подавляющимъ большинствомъ. Но вслѣдъ затѣмъ Джонъ Россель внесъ предложеніе, приглашавшее палату объявить, „что слѣдуетъ расширить основанія народнаго представительства". Это предложеніе также было отвергнуто, но меньшинство достигло уже почтенныхъ размѣровъ (117 противъ 213). Въ слѣдующемъ году, незадолго до новой сессіи парламента, послѣдовалъ „внѣшній толчокъ", въ видѣ французской революціи; страсти обострились въ ту и другую сторону. Во время преній по отвѣтному адресу на тронную рѣчь 2 ноября 1830 года, лордъ Грей заявилъ въ верхней палатѣ, что онъ считаетъ избирательную реформу настоятельною и пригласилъ правительство приготовиться къ ней. Герцогъ Веллингтонъ торже-

ственно объявилъ, что онъ считаетъ существующую систему за наилучшую, вполнѣ соотвѣтственною интересамъ Англіи, и что, „пока онъ министръ“, онъ всегда будетъ противиться этой мѣрѣ, если ее предложатъ другіе.

Послѣ этого Веллингтону не долго пришлось говорить „пока я министръ“. Недовѣріе къ министерству было выражено голосованіемъ по другому вопросу 15-го ноября; на другой же день министерство подало въ отставку и управленіе перешло къ партіи виговъ, въ лицѣ Грея и Росселя. Пиль вышелъ въ отставку съ другими своими товарищами, хотя онъ и не былъ такимъ „трансцендентальнымъ“ противникомъ реформы, какъ Веллингтонъ, котораго онъ даже упрекалъ за поспѣшность и рѣзкость его заявленій. „Что касается меня,—говорилъ онъ,—то мое поведеніе предопредѣлено: я врагъ только радикаловъ. Новое правительство также ихъ врагъ; въ этомъ я буду его поддерживать. Остальное зависитъ отъ политической программы министровъ; тогда я увижу, долженъ-ли я быть въ оппозиціи или нѣтъ“.

Несмотря, однако, на такое свободное отъ всѣхъ предвзятыхъ мыслей заявленіе, онъ выступилъ сильнымъ и открытымъ врагомъ реформы, когда проектъ ея былъ предложенъ парламенту. Онъ осуждалъ реформу потому, что она предпринята въ дурную минуту, когда общество находится подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ французской революціи, повліявшей на возбужденіе демократическихъ страстей и въ Англіи; онъ находилъ, что она идетъ противъ существенныхъ основаній англійскаго государственнаго устройства. „Я буду противъ этого биля,—говорилъ онъ,—потому что я считаю его роковымъ для нашей счастливой смѣшанной формы правленія, для авторитета палаты лордовъ, для того духа преемственности и осторожности, доставившаго Англіи всеобщее довѣріе; роковымъ — для дѣйствія правительства, которое, доставляя полную защиту собственности и свободѣ частныхъ лицъ, дало исполнительной власти этого государства мощь, невѣдомую въ другія времена и въ другихъ странахъ... Если биль, предложенный министрами, будетъ принятъ — онъ введетъ у насъ худшій и низшій изъ всѣхъ

видовъ деспотизма, деспотизмъ демагоговъ, деспотизмъ журнализма, тотъ деспотизмъ, который привелъ сосѣднія страны (т.-е. Францію), нѣкогда счастливыя и цвѣтущія, на край пропасти".

Пиль, очевидно, былъ слишкомъ задѣтъ въ своей привязанности къ учрежденіямъ Англіи, къ Англіи, консолидированной въ 1688 году. Изъ-за этой Англіи Болингброковъ, Вальполей, Питтовъ и Борковъ, онъ не видѣлъ другой, промышленной Англіи, пробивавшей себѣ дорогу и клавшей основаніе ея будущему. Если-бы онъ могъ заглянуть въ это будущее, онъ не увидѣлъ бы въ немъ ни „деспотизма демагоговъ, ни деспотизма журнализма". Онъ, въ ближайшемъ будущемъ, увидѣлъ бы самого себя, служащаго интересамъ этой промышленной Англіи провозглашеніемъ начала свободны торговли и отмѣною хлѣбныхъ законовъ! Такова сила здоровой государственной и общественной жизни!

Для прогрессистовъ вопросъ ставился слѣдующимъ образомъ: должны ли новые классы быть пріобщены къ нормальной государственной жизни путемъ представительства ихъ интересовъ, или остаться внѣ ея, въ качествѣ элементовъ, враждебныхъ установленному порядку, а потому опасныхъ? Побѣда новыхъ стремленій въ ближайшемъ будущемъ казалась имъ несомнѣнною; но они не хотѣли, чтобы эта побѣда была побѣдою надъ основными началами англійской конституціи. Они желали, напротивъ, чтобы торжество новыхъ классовъ послужило на пользу государству, обновивъ его и обогативъ новыми элементами, въ немъ дѣйствующими. И въ порядкѣ примѣненія своей реформы, они выказали тотъ „духъ преемственности и осторожности", который, по словамъ Пиля, „заслужилъ Англіи всеобщее довѣріе".

Любопытно сопоставить приведенную выше рѣчь Пиля съ рѣчью Маколея, сказанною въ защиту биля о реформѣ. „Посмотрите,— говорилъ онъ, — вдаль отъ васъ, вокругъ васъ, всюду: все предсказываетъ вѣрное пораженіе тѣмъ, кто упорствуетъ въ тщетной борьбѣ противъ духа времени. Паденіе самаго пышнаго изъ континентальныхъ троновъ

еще раздается въ ушахъ нашихъ; кровля англійскаго дворца даетъ печльное убѣжище наслѣднику сорока королей (Карлъ X); повсюду мы видимъ старыя учрежденія ниспровергнутыми, великія общества разрушенными. Теперь, пока сердце Англіи еще здорово, пока старыя чувства, старыя учрежденія еще сохраняютъ у насъ власть и обаяніе, которыя скоро могутъ исчезнуть, въ эту минуту, еще благопріятную, въ этотъ спасительный часъ, спросите совѣта не у предразсудковъ, не у духа партіи, не у постыдной гордости рокового упрямства, но у исторіи, у разума, у прошедшихъ вѣковъ, у грозныхъ признаковъ будущаго. Обновите государство; спасите разъединенную противъ себя самой собственность; спасите толпу, преданную буйнымъ страстямъ; спасите аристократію, компрометированную ея непопулярною властью; спасите величайшее, прекраснѣйшее и наилучше образованное, изъ когда либо жившихъ, общество отъ бѣдствій, которыя въ нѣсколько дней могутъ поглотить это богатое наслѣдіе столькихъ вѣковъ мудрости и славы. Опасность велика, а время кратко. Если этотъ биль будетъ отвергнутъ, я прошу Бога, чтобы никто изъ тѣхъ, кто будетъ этому содѣйствовать, не пожалѣлъ горько и тщетно о своемъ голосованіи среди крушенія законовъ, смѣшенія классовъ, грабежа имуществъ и паденія общественнаго порядка".

Министерство одолѣло. Биль о реформѣ, послѣ разныхъ вводныхъ затрудненій, прошелъ, и послѣдній парламентъ, избранный по старому порядку, былъ распущенъ. Новые выборы обезпечили Грею и Росселю огромное большинство въ нижней палатѣ. Парламентъ собрался 5 февраля 1833 года и, вступая въ него, Пиль увидѣлъ себя во главѣ слабаго меньшинства побѣжденныхъ торіевъ. Эта минута, для опредѣленія его личности какъ консерватора, еще важнѣе той, когда онъ выступалъ въ качествѣ противника непринятаго еще законопроекта. Теперь парламентская реформа стала совершившимся фактомъ. Какъ отнесется къ ней вождь консервативной партіи? Употребитъ ли онъ всѣ свои усилія на то, чтобы доказать ея несостоятельность и

несвоевременность? Будетъ ли онъ подставлять ногу министерству, совершившему эту реформу? Нужно замѣтить, что такая политика могла бы имѣть порядочный успѣхъ въ новомъ парламентѣ. Правда, консерваторы были въ меньшинствѣ; огромное большинство состояло изъ прогрессивныхъ и даже радикальныхъ депутатовъ. Но это нисколько не означало, что министерство располагаетъ надежнымъ большинствомъ и имѣетъ твердую почву подъ ногами. Напротивъ, виги, получившіе теперь власть, находились въ обновленной палатѣ въ такомъ же новомъ и непривычномъ положеніи, какъ и побѣжденные ими торіи. Обѣ партіи одинаково создались на почвѣ старыхъ отношеній и старинной избирательной системы. Границы ихъ борьбы и споровъ были заранѣе опредѣлены кругомъ извѣстныхъ вопросовъ; поэтому каждая изъ двухъ партій могла имѣть строго очерченную программу, и борьба между ними, хотя бы весьма жестокая по своимъ формамъ, не могла вызвать серьезнаго замѣшательства въ странѣ. Теперь министерство виговъ имѣло предъ собою новую палату; оно должно было обезпечить свое положеніе, найти себѣ точку опоры. Его положеніе было затруднительнѣе положенія побѣжденныхъ консерваторовъ. Послѣдніе могли оставаться самими собою; напротивъ, на виговъ возлагалось теперь множество надеждъ, изъ которыхъ они могли осуществить только опредѣленную часть. Будь на мѣстѣ Пиля ловкій честолюбецъ, онъ превосходно воспользовался бы этимъ затруднительнымъ положеніемъ своихъ противниковъ, ловко вызвалъ бы всякія парламентскія и непарламентскія бури, пожалуй даже и народныя волненія, и затѣмъ съ торжествомъ воскликнулъ бы: вотъ къ чему привела парламентская реформа!

Но человѣкъ, находившійся во главѣ побѣжденнаго меньшинства, иначе понималъ свои отношенія къ странѣ и къ коронѣ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій обновленной палаты, онъ ясно опредѣлилъ свою программу. „Мой долгъ,—говорилъ онъ,—поддерживать корону, и поддержка, которую я даю, предписывается мнѣ соображеніями вполнѣ извѣстными и безкорыстными. Я не имѣю другого намѣренія, какъ

защищать законы, порядокъ, собственность и общественную нравственность... Пусть не говорятъ, что я дѣйствую такъ изъ желанія возвратиться къ власти; я чувствую, что между мною и властью существуетъ бо́льшая пропасть, чѣмъ для всякаго другого члена этой палаты... Я былъ бы счастливъ давать мою поддержку почтеннымъ главамъ нынѣшняго правительства въ силу моего довѣрія къ нимъ, какъ политическимъ дѣятелямъ; съ сожалѣніемъ говорю, что я дѣлаю это не по означенному мотиву. Я даю имъ мою поддержку потому, что они министры короля и въ ней нуждаются". Указавъ за тѣмъ, что составъ палаты общинъ измѣнился и что поэтому и тактика партій должна измѣниться, онъ продолжалъ: „Когда палата общинъ была раздѣлена на двѣ большія партіи, изъ коихъ одна обладала властью, другая была въ оппозиціи, но обѣ были тверды и увѣрены въ извѣстныхъ принципахъ, тогда было естественно и справедливо, что оппозиція принимала образъ дѣйствій, наиболѣе способный низвергнуть противника. Обстоятельства измѣнились, и я не признаю за собою права на то, что́ было прежде законною и необходимою тактикою партій". Онъ объявилъ, что будетъ поддерживать правительство и въ его стремленіяхъ поддерживать существующій порядокъ, и въ его желаніяхъ произвести всякія полезныя реформы. Такое согласное дѣйствіе необходимо теперь именно потому, что большинство новыхъ депутатовъ явилось въ палату съ преувеличенными надеждами, которыхъ правительство осуществить не можетъ. Что касается реформы, то Пиль относился къ ней какъ къ установленному факту.

Но рѣчь, произнесенная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ реформы и въ первую сессію обновленнаго парламента, не могла выражать истинныхъ взглядовъ Пиля, во всей ихъ полнотѣ. Скоро ему представился случай высказаться опредѣленнѣе. Министерство виговъ оказалось въ затруднительномъ положеніи. Его средства не соотвѣтствовали требованіямъ, ему предъявляемымъ; правда, ему удалось совершить нѣсколько преобразованій, но главныя силы его уходили на внутреннюю борьбу въ парламентѣ, длившуюся около двухъ

лѣтъ. Утомленные этою борьбою, видные члены министерства, одинъ за другимъ, уходили изъ него. Лорды Дургамъ и Стэнли, сэръ Грагамъ, герцогъ Ричмондъ и графъ Рипонъ покинули свои посты; наконецъ, покинулъ его и глава кабинета — лордъ Грей. Мельбурнъ, призванный встать во главѣ правительства, испыталъ полную неудачу. Король обратился къ Веллингтону для составленія новаго кабинета; герцогъ объявилъ, что это мѣсто можетъ занять только Пиль, подъ руководствомъ котораго онъ готовъ служить его величеству. Пиль, вызванный изъ Италіи, гдѣ онъ тогда находился, 9 декабря 1834 года принялъ возложенное на него порученіе. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объясниться съ своими избирателями и съ парламентомъ. Обращеніе его къ избирателямъ г. Тамворта особенно замѣчательно.

„Я никогда не принялъ бы власти, говорилъ онъ, — подъ условіемъ отреченія отъ началъ, до сихъ поръ управлявшихъ моими дѣйствіями. Въ то же время я не допускаю, чтобы я былъ, прежде или послѣ биля о реформѣ, защитникомъ злоупотребленій или врагомъ справедливыхъ реформъ. Съ спокойною совѣстью указываю я на участіе, принятое мною по вопросу о монетной системѣ, въ улучшеніи нашихъ уголовныхъ законовъ, въ отправленіи суда присяжныхъ, и на мнѣнія, которыя высказывалъ и коимъ слѣдовалъ во всемъ, что касается до управленія страной... Что касается самаго биля о реформѣ, я повторю сказанное мною при вступленіи моемъ въ преобразованный парламентъ: я смотрю на этотъ биль, какъ на окончательное и безповоротное рѣшеніе великаго конституціоннаго вопроса, рѣшеніе, которому ни одинъ другъ мира и счастія нашей страны не долженъ причинять ущерба, ни прямо, ни обходными путями“.

Коротко говоря, онъ смотрѣлъ на измѣненіе основъ народнаго представительства, состоявшееся съ согласія страны и подъ авторитетомъ короны, какъ на общую почву дѣйствія для консерваторовъ и прогрессистовъ одинаково, на

почву, на которой ни той, ни другой партіи не слѣдуетъ рыть ямъ.

Пилю, впрочемъ, не пришлось, на этотъ разъ, выяснить свою программу на практикѣ. Сила его партіи была еще незначительна, а сила оппозиціи слишкомъ велика, чтобы министерство могло спокойно управлять страною, опираясь на парламентъ. Потерпѣвъ пораженіе по частному вопросу, оно 8 апрѣля 1835 года, подало въ отставку. Власть снова перешла къ вигамъ, образовавшимъ министерство подъ главенствомъ Мельбурна. Въ теченіи шести лѣтъ (1835—1841), Пиль находился въ оппозиціи, въ которой онъ росъ самъ и возвышалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе своей партіи. Онъ служилъ своей странѣ, предостерегая ее отъ преобразованій радикальныхъ и въ то же время поддерживая правительство на пути всѣхъ разумныхъ и необходимыхъ реформъ. Это привело къ тому результату, что въ тотъ моментъ, когда страна сознала необходимость глубокой реформы, когда общественное недовольство снова приняло тѣ размѣры, какіе оно имѣло въ концѣ царствованія Георга IV, всѣ взоры обратились снова къ Пилю, котораго сильная и осторожная рука одна могла вывести страну изъ затрудненія. Въ 1841 году королева призвала его встать во главѣ управленія и онъ остался на этомъ постѣ до 1846 года, памятнаго для промышленной и торговой исторіи Англіи.

Вопросы, съ которыми Пилю пришлось теперь стать лицомъ къ лицу, были уже не церковно-политическіе, но соціальные. Въ обновленномъ промышленно-торговомъ классѣ Англіи громче чѣмъ когда нибудь выражалось требованіе свободы торговли и отвращеніе отъ прежней покровительственной системы; послѣднее близко затрогивало и участь рабочихъ классовъ, ибо одною изъ самыхъ тяжкихъ пошлинъ являлась пошлина на привозный хлѣбъ, „поощрявшая“ мѣстное земледѣліе, т.-е. обезпечивавшая интересы землевладѣльческой аристократіи. Далѣе, отношенія между предпринимателями и рабочими, положеніе послѣднихъ, безконтрольное пользованіе трудомъ женскимъ и дѣтскимъ, агитація въ средѣ рабочихъ классовъ—озабочивали правя-

щіе классы. Виги успѣли сдѣлать въ этомъ отношеніи довольно много, но главная тяжесть работы выпала на долю Пиля.

По свидѣтельству Гизо, видѣвшемуся въ 1840 году съ Пилемъ, послѣдній былъ чрезвычайно озабоченъ участью рабочихъ классовъ. „Тамъ, говорилъ онъ Гизо:—слишкомъ много страданій и смущенія; это стыдъ и опасность для нашей цивилизаціи. Необходимо сдѣлать участь этого рабочаго люда менѣе тяжкой и необезпеченной. Конечно, всего сдѣлать нельзя; но должно сдѣлать то, что можно".

Такова была господствующая мысль, съ которою онъ вступилъ въ должность перваго министра Великобританіи. Мы не послѣдуемъ за нимъ на это поприще. Намъ пришлось бы перечислить слишкомъ много принятыхъ имъ мѣръ, разсказать всю великую драму борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ, исторію кобденовской лиги, парламентскихъ и уличныхъ волненій, картины голода и страданій, воспоминанія себялюбивыхъ и упорныхъ „интересовъ", противъ которыхъ пришлось идти Пилю, когда онъ созналъ необходимость отмѣны хлѣбныхъ законовъ и провозглашенія началъ свободы торговли. Такая задача была бы слишкомъ обширна и потребовала бы нѣсколькихъ томовъ.

Мы остановимся на воззрѣніяхъ Пиля въ тотъ моментъ, когда великая борьба приходила къ концу; когда палата общинъ приступила къ окончательному обсужденію правительственнаго проекта; когда Пиль увидѣлъ, что великій вопросъ, волновавшій націю, не можетъ быть рѣшенъ иутемъ частныхъ уступокъ и законодательство должно усвоить совершенно новыя начала.

Прежде всего онъ встрѣтился съ знакомымъ уже намъ обвиненіемъ въ измѣнѣ началамъ и интересамъ своей партіи, которая возвела его на высшій постъ въ государствѣ. Дѣйствительно, ея интересы были теперь затронуты ближе, чѣмъ даже во времена парламентской реформы: новые законы шли противъ кажущихся основаній ея матеріальнаго могущества. Пилю нужно было объясниться на чистоту, что онъ и сдѣлалъ. „Объяснимся, сказалъ онъ своимъ обвини-

телямъ—и я говорю не только за себя, но и за всѣхъ моихъ почтенныхъ предшественниковъ на этомъ высокомъ посту—объяснимся относительно природы обязательствъ, которыя мы принимаемъ на себя, занимая этотъ постъ! Я служилъ четыремъ государямъ—Георгу III и тремъ его пріемникамъ; я служилъ имъ въ трудныя времена. Я служилъ имъ съ неизмѣнною вѣрностью; я говорилъ каждому изъ нихъ, что есть только одна милость, одно отличіе, одна награда, которыхъ я желалъ бы для себя и которыя они могли бы мнѣ дать — это простое признаніе, что я всегда былъ для нихъ честнымъ и вѣрнымъ министромъ. Въ этомъ, говорю я вамъ, состоятъ обязанности, возлагаемыя на людей, облеченныхъ властью... Повѣрьте мнѣ, управленіе этою страною задача трудная; я могу сказать это, не оскорбляя никого. Старыя учрежденія наши, подобно нашему организму, суть вещь чудная и нѣжная, заставляющая трепетать за нихъ. Нелегко поддержать активное единство между старою монархіею, гордою аристократіею и преобразованнымъ представительствомъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, все, что я считалъ согласнымъ съ истинною консервативною политикою, для того, чтобы эти три элемента государства шли согласно. Я полагалъ, что съ истинною консервативною политикою согласуется распространеніе въ народѣ чувства довольства и счастія, достаточныя для того, чтобы голосъ недовольства не слышался и чтобы изгнать мысль о нападкахъ на наши учрежденія. Принимая власть, я имѣлъ въ виду эту цѣль—бремя слишкомъ великое для моихъ физическихъ и умственныхъ силъ; вынести его съ честью будетъ для меня величайшимъ благомъ. Пока честь и долгъ повелѣваютъ мнѣ, я буду готовъ нести его. Но я не вынесу его съ властью изувѣченною и связанною; я не останусь у руля въ бурныя ночи, какія я видѣлъ, если кораблю не дадутъ слѣдовать по направленію, какое я счелъ нужнымъ ему дать... Я не прошусь быть англійскимъ министромъ; но пока имѣю честь занимать эту благородную должность, я не буду занимать ее на основаніяхъ рабскихъ; я сохраню ее, пока на меня не будетъ возложено никакого

обязательства, кромѣ обязательства сообразоваться съ пользою общею и содѣйствовать безопасности государства".

Для лучшей иллюстраціи этой мысли великаго министра, полезно будетъ привести слѣдующее мѣсто изъ рѣчи Джонъ Брайта, сказанной имъ въ защиту правительственнаго проекта.

„Отвѣтственность за отправленіе власти имѣетъ кое-какое значеніе; обратите ваши взоры на населеніе Йоркшира или Ланкашира, и, не смотря на всю вашу храбрость, не смотря на ваши возгласы о водруженіи знамени протекціонизма, спросите себя: есть-ли въ вашихъ рядахъ люди, которые пожелали бы занять мѣсто, занимаемое почтеннымъ баронетомъ, подъ условіемъ сохранить хлѣбные законы? Вызываю васъ!"

Слова Брайта стоили той рѣчи Пиля, по поводу которой онѣ были сказаны. Это было 16-го февраля 1846 года; Пиль развернулъ передъ палатой весь свой планъ, объяснилъ всѣ его подробности, финансовыя и экономическія. Въ заключеніи, онъ поднялъ вопросъ на высоту исторической минуты, которую переживала Англія; консерваторъ наносилъ сильный ударъ отжившей системѣ, стѣснявшей свободное и правильное развитіе его отечества; онъ вышелъ уже за предѣлы условій настоящаго: въ его рѣчи послышались торжественныя, пророческія ноты.

„Эта ночь,—говорилъ онъ: — рѣшитъ между шагомъ къ свободѣ и возвращеніемъ къ запретительной системѣ; въ эту ночь вы выберите девизъ, въ которомъ выразится торговая политика Англіи. Будетъ-ли это „впередъ" или „назадъ?" Которое изъ двухъ словъ соотвѣтствуетъ этому великому государству? Разсмотрите наше положеніе, выгоды, данныя намъ Богомъ и природою, судьбу, насъ ожидающую. Мы поставлены на краю западной Европы, какъ главное звено, соединяющее старый свѣтъ съ новымъ. Научныя открытія и улучшенія въ мореплаваніи поставили насъ въ 10 дняхъ отъ Петербурга и скоро поставятъ насъ въ 10 дняхъ отъ Нью-Йорка. Береговая линія, бо́льшая относительно числа народонаселенія и поверхности страны, чѣмъ какою располагаетъ другой народъ, обезпечиваетъ намъ превосходство

НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНІЯ.

I.

Старые и новые западники.

Въ 1836 году, въ Москвѣ, въ журналѣ „Телескопъ“ появилось знаменитое „философическое письмо“ Чаадаева, надѣлавшее страшно много шуму и причинившее не мало непріятностей его автору. Что говорилъ и что доказывалъ онъ своимъ современникамъ? Какая нота проходитъ чрезъ все это „философическое письмо“ и почему произвело оно такой диссонансъ въ общемъ, торжественномъ тогда настроеніи русскаго общества?

Сущность дѣла можно выразить въ двухъ словахъ. Авторъ выразилъ сомнѣніе въ способности русскаго народа къ цивилизаціи. Сравнивая основные элементы нашей исторіи съ „игрою нравственныхъ народныхъ силъ на западѣ Европы“, онъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились до настоящаго времени. Вотъ

горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ настоящемъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, и вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ прошедшее сильно, картинно, живо. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго, и безъ будущаго. Если же иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлію достигнуть истиннаго, существенно намъ нужнаго и приличнаго намъ блага, а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія... Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда въ умахъ нашихъ. Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что́ могла бы опереться мысль наша... Не знаю, въ крови у насъ что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Послѣ этого скажите, справедливо ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе“.

Извѣстно, какая судьба постигла Чаадаева и его обличительное слово. Не станемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе, кто былъ правъ и кто виноватъ въ данномъ случаѣ. Ограничимся простымъ утвержденіемъ факта, что Чаадаевъ былъ первымъ и крупнымъ представителемъ, такъ-сказать, воинствующаго западничества, избравшаго учрежденія и явленія западно-европейской жизни, какъ выразительницы началъ общечеловѣческихъ, для оцѣнки, а въ иныхъ случаяхъ и для осужденія явленій русскаго общественнаго быта.

Съ тѣхъ поръ, такъ-называемое западничество было разсматриваемо, какъ направленіе „протестующее“ и обличительное, какъ ученіе, видѣвшее въ западной Европѣ идеалы общественнаго быта, источникъ просвѣщенія и добра. Словомъ „западникъ“ злоупотребляли впослѣдствіи такъ, какъ еще позже злоупотребляли словомъ „нигилистъ“. Каждый, кто желалъ воздѣйствія западно-европейской культуры на русскую жизнь, хотя бы въ самой законной мѣрѣ, кто, для оцѣнки разныхъ общественныхъ явленій, принималъ масштабъ, выработанный вѣковымъ опытомъ Европы,—былъ западникомъ, достойнымъ судьбы нечестиваго сына Ноя.

Если бы въ тѣ времена кто-нибудь предсказалъ, что западничество особаго рода пропитаетъ людей, подобныхъ тѣмъ, какіе въ свое время содрогнулись отъ дерзости Чаадаева, что его слова пойдутъ имъ на пробу для иныхъ цѣлей,—онъ навлекъ бы на себя подозрѣніе въ умопомѣшательствѣ, какъ навлекъ его Чаадаевъ. Между тѣмъ мы присутствуемъ при этомъ любопытномъ явленіи.

Послѣ того, какъ четверть вѣка, съ 1855 по 1880 годъ, ушло на преобразованія, благодаря которымъ Россія сблизилась съ Европою больше, чѣмъ она успѣла сдѣлать это въ первыя шестьдесятъ лѣтъ нашего столѣтія, и развить свои національныя силы, вдругъ раздались голоса, выражающіе мнѣніе о такомъ неизмѣримомъ разстояніи между Россіею и Европою, что первая является недостойною пользоваться даже крохами европейскаго просвѣщенія. Кому принадлежатъ эти голоса? Старинnымъ ли западникамъ, уходившимъ въ свое время въ дерзкое отрицаніе? О, нѣтъ! Эти западники до земли поклонились совершившимся преобразованіямъ, и если желали чего-нибудь, то именно возможно полнаго и широкаго ихъ примѣненія. На этой почвѣ они сошлись съ славянофилами, вмѣстѣ съ ними радостно привѣтствовали новое время и вмѣстѣ трудились надъ положеніемъ о крестьянахъ. Принадлежатъ ли они „разрушителямъ“ новѣйшаго типа? Тоже нѣтъ! Они, какъ извѣстно, отвергли западную „культуру“ начисто, гораздо радикальнѣе, чѣмъ дѣлалъ это нѣкогда Шишковъ.—Эти го-

лоса принадлежатъ именно людямъ, которые въ былое время выступили бы въ числѣ самыхъ ревностныхъ, самыхъ надежныхъ противниковъ Чаадаева.

Чѣмъ объяснить такое неожиданное превращеніе? Это явленіе не такъ загадочно, какъ оно кажется съ перваго взгляда. Стóитъ только сравнить условія двухъ эпохъ, пережитыхъ русскимъ обществомъ въ XIX столѣтіи, т.-е. эпохи до-реформенной, и періода, открывшагося знаменитымъ рескриптомъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова.

Въ моментъ появленія „философическаго письма“ международное положеніе Россіи могло быть названо блестящимъ. Слава ея, какъ военной державы, утвержденная подвигами полководцевъ Екатерины II, искусною и обдуманною политическою силою императрицы, не только не поколебалась, но возросла. Объ русскую мощь разбилось могущество величайшаго изъ современныхъ завоевателей; вмѣстѣ съ этимъ могуществомъ разлетѣлась въ прахъ вся политическая система французской революціи. Память 1812 года была громкимъ свидѣтельствомъ „объ игрѣ народныхъ силъ“, спасшихъ государство; память 1813—1815 годовъ свидѣтельствовала о великой роли Россіи въ устройствѣ судебъ Европы. Она не только сокрушила великую гегемонію Франціи, но и сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ новой политической системы, основанной вѣнскимъ конгрессомъ и закрѣпленной актомъ священнаго союза. Рука ея чувствовалась всюду; ей принадлежалъ вѣскій и рѣшительный голосъ въ разныхъ международныхъ усложненіяхъ. Безъ соперниковъ внѣшнихъ, она безпрепятственно могла утверждать свое военное могущество, гдѣ считало это нужнымъ. Разгромъ Персіи, славная турецкая война, счастливый исходъ польскаго возстанія, все, повидимому, убѣждало насъ въ непреложности словъ — „никто-же на ны!“ Величайшая военная держава Европы, признанная хранительница всеевропейскаго порядка и тишины, какъ могла Россія смотрѣть на этотъ западъ, особенно на западъ, не шедшій съ нами и нашими союзниками?

Въ этой Европѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ мы видѣли только симптомы анархіи, безпорядка и разложенія. То съ сожалѣніемъ, то съ презрѣніемъ смотрѣли мы на этотъ сбившійся съ пути „Западъ“. Въ себѣ видѣли мы носителей истинныхъ общественныхъ началъ и хранителей непреложныхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ. Съ гордостью противопоставляли мы свой крѣпкій строй разлагающейся цивилизаціи Европы. Съ нѣкоторою увѣренностью указывалась минута, когда отъ этой исторической Европы останутся только прахъ и тлѣніе, если мы не спасемъ ее отъ конечнаго разрушенія. И съ неподдѣльною искренностью выступали мы въ роли спасителей Запада, не подозрѣвая пока, какъ горько насмѣется онъ надъ нами въ минуту разсчета за нашу многолѣтнюю службу.

Что же при всѣхъ этихъ условіяхъ могло значить письмо Чаадаева? Но, главное, какой смыслъ могли и послѣ того имѣть указанія людей, нѣсколько иначе смотрѣвшихъ и на крѣпостное право, и на военныя поселенія, и на старые суды, и на подцензурную печать, и на административные порядки, и на прочее, въ чемъ, по мнѣнію жившаго „восторгомъ“ большинства, заключалось наше „преимущество“ предъ западною Европою? Въ то время всякое посягательство на стародавнія учрежденія, особенно если эти посягательства подкрѣплялись доводами изъ области „западнаго просвѣщенія“, могли быть отвергнуты догматически, безъ всякихъ разсужденій, при помощи очень простого силогизма, составленнаго такъ:

большая посылка: всякое подражаніе западно-европейскимъ образцамъ вредно для Россіи;

малая посылка: такое-то предложеніе свидѣтельствуетъ о подражаніи Западу;

заключеніе: слѣдовательно, оно должно быть отвергнуто.

Такой „силогизмъ“ рѣшалъ дѣло просто и закрывалъ путь къ дальнѣйшимъ препирательствамъ. Но всякому силогизму свое время. Настала минута, когда Россія жестоко поплатилась за свои „преимущества“ предъ Западомъ. По-

надобилась новыя, невѣроятныя усилія, чтобы привести ее въ нѣкоторый уровень съ западными державами; пришлось снова взяться за дѣло, завѣщанное Петромъ-Великимъ. За это великое дѣло взялся тотъ, къ кому, при самомъ рожденіи его, были обращены вдохновенныя слова поэта:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славлаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — человѣкъ.

Не станемъ перечислять этихъ дѣлъ. Они слишкомъ памятны каждому. Отмѣтимъ только существенныя черты недавняго преобразовательнаго движенія. Во-первыхъ, оно исходило изъ глубокаго сознанія несостоятельности стараго порядка, несостоятельности, громко и откровенно засвидѣтельствованной не „философическими письмами“, а оффиціальными заявленіями коммиссій, коимъ поручены были работы по преобразованіямъ. Во-вторыхъ, къ этому отрицательному отношенію къ учрежденіямъ прошлаго прибавилась глубокая, сильная вѣра въ силы своего народа и притомъ въ двоякомъ отношеніи: въ томъ, что онъ достоинъ лучшихъ формъ быта, и въ томъ, что онъ съумѣетъ отнестись къ новымъ учрежденіямъ не какъ къ „гремушкѣ“, а какъ къ существенно необходимому благу. Въ-третьихъ, наконецъ, убѣжденіе въ несостоятельности прошлаго и вѣра въ силы народа указывала на возможность и необходимость „свободныхъ заимствованій“ различныхъ учрежденій отъ народовъ, опередившихъ насъ въ отношеніи своего гражданскаго развитія. Такъ поступили всѣ европейскіе народы, и благодаря такому воздѣйствію одной культуры на другую, выработалась и установилась извѣстная общность европейской цивилизаціи.

Такимъ образомъ судьба стараго „силогизма“ была рѣшена безповоротно и онъ былъ брошенъ всѣми (за немногими и незамѣтными исключеніями). Напротивъ, всякое мнѣніе, всякій проектъ, всякая брошюра и статья, изъ какого бы лагеря они ни исходили, непремѣнно подкрѣпляются ссылками на Европу. Не говоримъ уже о статьяхъ или

брошюрахъ западническаго толка въ старомъ смыслѣ—они продолжаютъ старыя преданія. Какими аргументами подкрѣпляютъ свои мнѣнія и свои стремленія публицисты и люди самаго охранительнаго направленія? Безпрерывными, неудержимыми, кстати и некстати приводимыми ссылками на примѣръ Европу. „Въ Европѣ этого не могло бы случиться, говорятъ они: Европа не допустила бы того и другого; вѣковой опытъ Европы свидѣтельствуетъ о томъ и другомъ“ (т.-е. о томъ, чего хочется такому-то лицу). Авторитетъ Европы, повидимому, возросъ въ глазахъ этихъ людей до такой степени, что истому западнику стараго закала приходится защищать достоинство Россіи противъ вылазокъ этого лагеря. Совершилось удивительное превращеніе. Прежніе охранители тридцатыхъ годовъ, проникнутые сознаніемъ величія Россіи, съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, даже съ омерзѣніемъ смотрѣли на Западъ. Теперь, люди аналогическаго направленія, взобравшись на „европейскую“ точку зрѣнія, тѣми же чувствами смотрятъ на Россію, забывая конечно, что въ Европѣ бываютъ всякія явленія и что въ ней можно найти „образцы“ какой угодно политики.

Но этотъ неожиданный поворотъ имѣетъ очень опредѣленные мотивы. Онъ громко свидѣтельствуетъ о томъ, что старый „силогизмъ“ утратилъ свою силу, и что въ настоящее время нельзя аргументировать противъ заимствованій изъ Европы ссылками на безусловную самобытность русской культуры. Эти аргументы утратили всякій кредитъ. Осталось одно: перемѣнить тактику и обернуть въ свою пользу Чаадаевскіе аргументы, т.-е. говорить: „Европа высока, неизмѣримо высока сравнительно съ полуварварскою Россіею, но именно это и свидѣтельствуетъ противъ возможности заимствованія европейскихъ учрежденій“. Отсюда понятно, что чѣмъ больше мы будемъ превозносить Европу и унижать Россію, тѣмъ удобнѣе будетъ достигнула завѣтная цѣль: доказать, что Россія недостойна реформъ. Коротко говоря: не имѣя уже возможности говорить относительно достоинства совершавшихся преобразованій по ихъ суще-

ству, противники ихъ съ великимъ усердіемъ выдвинули тезисъ ихъ непримѣнимости къ Россіи.

„Какъ прекрасны, сами по себѣ, реформа крестьянская, реформа судебная, реформы земскія и городскія—и посмотрите, что̀ изъ нихъ вышло!“ Вотъ обыкновенная тема всѣхъ этихъ разсужденій, сѣтованій, замѣчаній, намековъ, доношеній и всего прочаго, что̀ оглушаетъ современнаго русскаго человѣка и заставляетъ его боязливо озираться кругомъ. „Не доросло, не дозрѣло русское общество; несвоевременны, а потому несостоятельны преобразованія“. Эти громкія слова замѣняютъ теперь нехитрый „силогизмъ“ нашихъ дѣдовъ.

Какъ ни новъ, повидимому, этотъ аргументъ у насъ въ Россіи, но онъ былъ уже предусмотрѣнъ въ знаменитой „Книгѣ софизмовъ“ Бентама и носитъ тамъ названіе „софизма болѣе удобнаго будущаго“. „Этотъ способъ возраженія,—говоритъ Бентамъ,—есть орудіе лицъ, которыя, желая провалить предложеніе, не смѣютъ однако нападать на него открыто. Повидимому они даже покровительствуютъ ему. Они расходятся съ противниками только относительно выбора момента. Ихъ истинное намѣреніе—провалить предложеніе навсегда; но, чтобы не встревожить и не вооружить противъ себя общество, они ограничиваются требованіемъ простой отсрочки... Серьезное опроверженіе такого ложнаго и легкомысленнаго предлога было бы потерею времени; препятствіе не въ разумѣ, а въ волѣ. Если слишкомъ рано сдѣлать добро сегодня, это будетъ рано и завтра, или будетъ слишкомъ поздно. „Позволительно ли дѣлать добро въ субботу“ (Матѳ. гл. XII), таковъ былъ вопросъ лицемѣрныхъ фарисеевъ Іисусу Христу. Ни Его примѣръ, ни Его отвѣтъ не исправили щепетильности ихъ преемниковъ“.

Конечно, Бентамъ говорилъ о примѣненіи указаннаго софизма къ моменту обсужденія новой мѣры, еще имѣющей обратиться въ законъ. Наши софисты произносятъ свои сужденія послѣ десяти-пятнадцати лѣтъ опыта, послѣ практическаго дѣйствія состоявшихся реформъ. Но и это обстоятельство нисколько не измѣняетъ софистическаго характера

ихъ разсужденій. Можетъ быть, послѣдній выступаетъ въ болѣе неприглядномъ свѣтѣ, чѣмъ софизмы Бентамовскихъ мудрецовъ.

Во-первыхъ, когда я утверждаю, что извѣстная настоятельная реформа будетъ несвоевременна, я могу придать своимъ разсужденіямъ нѣкоторый видъ вѣроятности, ибо разсуждаю о событіяхъ будущаго, которое столь же загадочно для меня, какъ и для авторовъ реформы. Но наши „публицисты“ разсуждаютъ о прошедшемъ, слѣдовательно на нихъ лежитъ обязанность доказать, что крѣпостное право было отмѣнено несвоевременно, суды преобразованы не вовремя, земская и городская реформа подоспѣла слишкомъ рано, и показать, когда именно должны были совершиться эти преобразованія, настоятельность коихъ въ свое время была признана всѣми, за исключеніемъ „меньшинства“, тщащагося теперь получить значеніе „большинства“.

Во-вторыхъ, выраженія „незрѣлость“, „неумѣлость“, сами по себѣ ровно ничего не доказываютъ. „Незрѣлость“ есть понятіе не абсолютное, а относительное. Когда я говорю, что извѣстный народъ „не дозрѣлъ“, то я долженъ сказать, до чего именно. Такъ, я могу сказать, что кафры или зулусы не дозрѣли до американскихъ учрежденій, и всѣ меня поймутъ. Но и такая „истина“ не имѣетъ ровно никакой цѣны въ области практической политики. Здѣсь указанію, до чего не дозрѣлъ извѣстный народъ, должно сопутствовать указаніе, до чего онъ дозрѣлъ, т.-е. какая система учрежденій ему соотвѣтствуетъ, ибо каждый народъ долженъ же имѣть какую-нибудь форму общественнаго и государственнаго быта. Къ сожалѣнію, этихъ положительныхъ указаній мы не встрѣчаемъ въ разсужденіяхъ новѣйшихъ „европейцевъ“. Они очень много говорятъ о томъ, что̀ имъ не нравится, но до сихъ поръ мы не слышали о томъ, что́ имъ угодно.

Въ-третьихъ, наконецъ, простой фактъ незрѣлости извѣстнаго общества, т.-е. неумѣнье его обращаться съ тѣми или другими учрежденіями, самъ по себѣ ничего не говоритъ противъ этихъ учрежденій. Когда я говорю, что та-

кой-то полкъ не умѣетъ еще стрѣлять изъ ружей новой системы, это не свидѣтельствуетъ ни о негодности ружей, ни о необходимости возвратиться къ старымъ кремневымъ ружьямъ, или, тѣмъ паче, къ лукамъ и пращамъ. Напротивъ, всѣ усилія военнаго начальства должны быть направлены къ тому, чтобы выучить, наконецъ, свои полки обращаться съ новымъ оружіемъ; иначе они всеконечно будутъ побѣждены непріятелемъ.

Государственныя и общественныя установленія въ политической жизни играютъ туже роль, какъ оружіе въ войскѣ. Онѣ являются средствами проявленія государственной и народной мощи, всѣхъ тѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, коими располагаетъ данный народъ. Народъ, располагающій учрежденіями XVII вѣка, будетъ подавленъ народами новой формаціи, точно также, какъ армія, вооруженная дальнобойными ружьями, непремѣнно побьетъ полчище, вооруженное томагавками, пращами и луками.

Поэтому, если уже и предстоитъ надобность говорить о „незрѣлости“ нашего общества, то вовсе не для того, чтобы вернуть его къ „дореформенной“ губерніи, а для того, чтобы изслѣдовать, почему до настоящаго времени общество наше не выучилось или не могло владѣть орудіями, данными ему въ руки въ началѣ нынѣшняго царствованія, и при какихъ условіяхъ они пойдутъ ему на пользу.

Такая работа необходима и „своевременна“ именно теперь. Мы переживаемъ чрезвычайно трудную минуту. Въ виду разныхъ прискорбныхъ событій, правительство сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, распространившимся на всѣ части и отрасли нашего управленія. Но въ заглавіи этихъ мѣръ поставлено выразительное слово: они названы временными. Въ этомъ словѣ содержится предсказаніе организаціонныхъ работъ, долженствующихъ учредить извѣстный постоянный порядокъ въ замѣнъ нынѣшняго временнаго положенія. Слѣдовательно, само правительство не видитъ въ нынѣшнихъ мѣрахъ своего послѣдняго и окончательнаго слова. Оно во-

просительно смотритъ на будущее и знаетъ, что въ этомъ будущемъ все благо и все достоинство Россіи.

Что же явится основаніемъ этого будущаго порядка? То ли, что́ было учреждено въ первыя десять лѣтъ нынѣшняго царствованія, — или принципы „новыхъ европейцевъ“, т.-е. странная и безсвязная амальгама новыхъ русскихъ учрежденій съ тѣмъ, что́ уже оставлено или оставляется западною Европою, какъ ненужное наслѣдіе минувшихъ временъ? За невозможностью совершить такую амальгаму, останемся ли мы безъ всякихъ учрежденій, продолжая свое существованіе со дня на день, какъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, „безъ прошедшаго и безъ будущаго“, по словамъ Чаадаева? Но для такого исхода нужно придти къ заключенію, что послѣдняя четверть вѣка прожита нами даромъ, что все это время, которое рука историка готовилась занести въ славнѣйшія страницы нашей исторіи, было періодомъ ея заблужденія, самообольщенія относительно своихъ духовныхъ силъ.

„Въ крови у насъ что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію“, говорилъ Чаадаевъ, глядя на общество, воспроизведенное въ безсмертной комедіи Грибоѣдова. „Въ крови у насъ что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію“, твердятъ грибоѣдовскіе герои, обратившіеся въ „ново-западниковъ“. Такъ ли это? Если грѣхъ „въ крови“, тогда о немъ и толковать нечего. Измѣнить „кровь“ ни одинъ человѣкъ не властенъ, и мы должны терпѣливо ждать того времени, когда народы „высшей крови“, снесутъ насъ съ лица земли, которую мы заражаемъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Склонимъ голову и произнесемъ фаталистическое ΑΝΑΓΚΗ (неизбѣжность). Но мы полагаемъ, что грѣхъ не въ крови, а въ исторіи, гдѣ человѣческой волѣ, разумѣнію и сердцу Богъ отвелъ достаточно много мѣста. А для человѣка съ волею, разумомъ и сердцемъ всегда будетъ дорого слово стараго философа — perfice te! (совершенствуй себя).

II.

Права и функціи.

Однако новыя учрежденія наши, особенно тѣ, которыя предполагаютъ дѣйствіе общественныхъ силъ, заставляютъ желать многаго. Они производятъ впечатлѣніе чего-то безцвѣтнаго, дряблаго. Дѣятельность ихъ мало даетъ себя чувствовать во всякомъ направленіи. Тотъ, кто надѣялся, благодаря земскимъ учрежденіямъ, увидѣть Россію покрытою хорошими дорогами, школами, больницами и т. д., конечно, разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Самая бездѣятельность земствъ и городскихъ установленій (за немногими исключеніями) давно сдѣлалась „общимъ мѣстомъ“. Нѣтъ почти ни одной газетной корреспонденціи, которая не заключала бы въ себѣ горькихъ жалобъ на то, что такая-то управа заснула, а такое-то земство всегда спало, а такую-то думу не разбудить никакими увѣщаніями. Если кое-гдѣ иная дума или иное земское собраніе соберутся съ духомъ и соорудятъ школу или больницу, корреспонденты восклицаютъ: „Наконецъ-то, такая-то дума или такое-то земское собраніе проснулись и заговорили, но надолго-ли?“

Все это, конечно, даетъ весьма сильное оружіе въ руки недоброхотовъ новыхъ общественныхъ учрежденій. „Вотъ, говорятъ они, — какъ россіяне пользуются дарованными имъ правами!“ И, съ своей точки зрѣнія, они правы. Дѣйствительно то, что они называютъ правами общественныхъ учрежденій, представляетъ почтенный объемъ. Начнемъ хотя бы съ земскихъ учрежденій. Они замѣнили многія учрежденія, вѣдавшія, въ прежнее время, разными отраслями мѣстнаго управленія, подъ руководствомъ губернатора, „яко хозяина губерніи“. Къ функціямъ, унаслѣдованнымъ отъ этихъ учрежденій, прибавилось нѣсколько новыхъ. Земство вѣдаетъ имуществами, капиталами и денежными сборами земства, назначеніемъ и раскладкою земскихъ сборовъ, раскладкою иныхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ; на

немъ лежитъ значительная доля мѣстной строительной части, пути сообщенія, народное продовольствіе, общественное призрѣніе, завѣдываніе взаимнымъ земскимъ страхованіемъ и частью санитарною, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, участіе въ дѣлахъ по народному образованію, по содержанію тюремъ, завѣдываніе по отправленію разныхъ государственныхъ повинностей; оно избираетъ мировыхъ судей, составляетъ списки присяжныхъ засѣдателей, избираетъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; кромѣ того, оно, отчасти собственною иниціативою, расширило предоставленный ему первоначально кругъ дѣлъ. Такъ, оно учреждаетъ земскіе банки, принимаетъ участіе въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, заводитъ земскія почты. Не станемъ перечислять здѣсь предметовъ, предоставленныхъ городскимъ учрежденіямъ: это значило бы воспроизводить то, что уже сказано о земскихъ установленіяхъ. Но, кромѣ того, извѣстная 103 ст. городового положенія даетъ городскимъ думамъ право на изданіе обязательныхъ постановленій по предметамъ городского благоустройства, право, которымъ земскія учрежденія пользуются только въ трехъ случаяхъ: по части пожарной, и относительно мѣръ къ предотвращенію заразъ и къ истребленію вредныхъ для посѣвовъ насѣкомыхъ и животныхъ.

Кажется, всего этого довольно; дай Богъ всякому учрежденію управиться съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ кругомъ дѣлъ. Компетенція, предоставленная общественнымъ установленіямъ, указываетъ на мѣру надеждъ, возлагавшихся на нихъ при ихъ учрежденіи. Но надежды эти сбылись въ весьма слабой степени. Это фактъ, который мы не имѣемъ ни возможности, ни охоты отрицать. Остается вопросъ относительно его объясненія. Здѣсь мы, вѣроятно, разойдемся съ обычными порицателями нашихъ общественныхъ учрежденій.

Прежде всего необходимо устранить одно заблужденіе, проистекающее отъ терминологіи, отъ неправильнаго упо-

требленія словъ, что, какъ извѣстно, ведетъ къ очень печальнымъ недоразумѣніямъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Перечисляя предметы вѣдомства, предоставленныя нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, обыкновенно говорятъ: „вотъ какія права даны имъ“. Отсюда слѣдуетъ и элегическій выводъ: „вотъ какъ дурно воспользовались они своими правами“. Сколько-нибудь образованный юристъ, конечно, съ улыбкою выслушаетъ и ироническую посылку объ обширности правъ, и печальное заключеніе о дурномъ пользованіи этими „правами“. Юристу очень хорошо извѣстно, что всѣ предметы, перечисленные во 2-й ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ и во 2-й ст. городоваго положенія суть не права, а функціи этихъ установленій, т.-е. предметы ихъ дѣятельности, цѣли, указанныя имъ закономъ, и къ осуществленію коихъ они должны стремиться. Вся суть дѣла не въ этихъ „правахъ“, которыя ровно ни о чемъ не свидѣтельствуютъ, а въ условіяхъ дѣйствующаго субъекта въ данномъ случаѣ, въ тѣхъ людяхъ, изъ коихъ составляются наши думы, собранія и управы. Когда лошадь не можетъ везти положеннаго въ телѣгу груза, вопросъ сводится главнымъ образомъ къ качествамъ лошади, къ тому, что она оказывается вообще безсильною, или плохо накормленною, или пугливою, или „съ норовомъ“ и т. д. Такъ и здѣсь! Не ставьте вопроса въ фальшивой формѣ: почему земства не пользуются своимъ „правомъ“ заводить школы, учреждать больницы, строить дороги и т. д.? Спросите просто: почему земскіе дѣятели отличаются апатіею, почему они вяло относятся къ возложенному на нихъ дѣлу?

Между тѣмъ въ возгласахъ о непользованіи „правами“, предоставленными земствамъ и городамъ, есть свой смыслъ. Когда дѣла идутъ нехорошо въ томъ или другомъ департаментѣ, никому не придетъ къ голову сказать: какъ дурно пользуются департаментскіе чиновники своими „правами“. Всѣ, однако, говорятъ о втунѣ лежащихъ „правахъ“ земскихъ собраній и городскихъ думъ. Неправильное употребленіе слова цѣлымъ обществомъ, ошибка, дѣлаемая боль-

шинствомъ людей, показываютъ, что въ основаніи этой ошибки лежитъ какая-нибудь истина, хотя и несознаваемая людьми, неправильно употребляющими то или другое слово. Постараемся найти эту истину или, вѣрнѣе, эту долю истины.

Почему одни и тѣ же люди, говоря о плохомъ веденіи дѣла въ иномъ департаментѣ, не скажутъ, что чиновники не пользуются своими правами, но непремѣнно употребятъ это выраженіе, если рѣчь зайдетъ о „дремлющемъ“ земскомъ собраніи? Дѣло объясняется просто. Отъ чиновника въ департаментѣ требуется исполненіе разныхъ уставовъ, инструкцій и приказовъ подъ непосредственнымъ руководствомъ начальника. Чиновникъ можетъ прожить весь свой вѣкъ, не имѣя ни единой самостоятельной мысли, никакого своеобразнаго стремленія, желанія, чувства, словомъ ничего такого, что мы называемъ иниціативою. Законы для него нечто иное, какъ опредѣленныя рамки его дѣятельности. Но какимъ содержаніемъ наполняются эти рамки — вопросъ прямо его не касающійся; содержаніе это создается не имъ, а массою инструкцій, предписаній, указаній, приказаній, исходящихъ не отъ него. Напротивъ земскія и городскія учрежденія были призваны наполнить самостоятельнымъ, ими выработаннымъ содержаніемъ тѣ общія законныя рамки, которыя извѣстны подъ именемъ положеній земскаго и городского. Законъ, правительство и общество разсчитывали именно на силу личной иниціативы членовъ собраній и управъ, на ихъ самодѣятельность, на ихъ энергію, словомъ—на все то, что дѣлаетъ изъ человѣка творческую силу и отличаетъ его отъ автомата. Съ этой точки зрѣнія городовое положеніе и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ разсматривались какъ законныя условія свободнаго дѣйствія представителей мѣстнаго населенія, какъ гарантія ихъ самостоятельности и самодѣятельности въ извѣстной сферѣ, слѣдовательно какъ обезпеченіе нѣкоторыхъ общественныхъ правъ.

Но понятно само собою, что дѣло не въ этихъ правахъ, а въ томъ, почему на дѣлѣ оказалось мало самостоя-

тельности, самодѣятельности, предпріимчивости и всего прочаго, что ожидалось при появленіи новыхъ общественныхъ учрежденій. Почему не народился на свѣтъ тотъ типъ русскихъ энергическихъ людей, которые могли бы наполнить содержаніемъ легальныя рамки, созданныя для земства и городовъ? Вопросъ только въ этомъ, и ни въ чемъ иномъ. Пусть отъ земства отойдетъ половина предоставленныхъ ему функцій, но если остальная половина будетъ выполняться людьми крѣпкими, то она положитъ основаніе русскому самоуправленію, въ которомъ мы видимъ истинный фундаментъ будущаго развитія Россіи. Наоборотъ, пусть нынѣшній кругъ вѣдомства этихъ учрежденій увеличится десятками новыхъ предметовъ или „правъ“, но если ихъ обстановка останется въ нынѣшнемъ видѣ, то русская земля не почувствуетъ даже ихъ существованія, какъ мало чувствуетъ она его въ настоящее время.

Почему не народились еще въ Россіи эти люди? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ другимъ: почему они не нарождались въ прежнее время? Наше поколѣніе не находится въ положеніи римлянъ временъ упадка имперіи, которымъ приходилось потуплять глаза при одномъ воспоминаніи о доблестяхъ Камилловъ, Фабіевъ, Сципіоновъ и Катоновъ. Мы не получили въ наслѣдство великаго нравственнаго капитала и не растратили его легкомысленно съ блудницами и развратниками. Въ отношеніи запаса гражданской доблести мы были пущены на свѣтъ босыми и нагими, и всякое пріобрѣтеніе на этомъ пути будетъ пріобрѣтеніемъ нашимъ или нашихъ потомковъ. Заслуга наша предъ послѣдними будетъ уже велика, если мы передадимъ имъ меньшую сумму грѣховъ, чѣмъ мы сами получили отъ отцовъ нашихъ. Что же касается насъ, то наши грѣхи и пороки суть грѣхи и пороки нашихъ отцовъ, и въ ихъ горькомъ и печальномъ житіи должны найти мы ту страницу, на которой крупными буквами написанъ главный, коренной недугъ прошлыхъ вѣковъ. Наше заблужденіе и самообольщеніе, даже въ теченіи всей послѣдней четверти нашего вѣка, состояло именно въ томъ, что мы полагали, будто

всякая связь наша съ отцами порвана, вмѣстѣ съ отмѣною разныхъ учрежденій и съ замѣною ихъ новыми. Мы полагали, что съ отмѣною крѣпостного права исчезъ изъ русской земли и крѣпостническій духъ, заражавшій въ свое время всѣ отношенія и учрежденія всякихъ порядковъ и разрядовъ; мы полагали, что новыя внѣшнія формы учрежденій выбьютъ старый приказный духъ, воспитанный и вскормленный вѣками; читая въ газетахъ и журналахъ „новыя слова“, мы полагали, что они дѣйствительно суть выраженіе новой общественной психики (если можно такъ выразиться), и что „общество“ дѣйствительно такъ думаетъ и такъ будетъ поступать. Полагая, что мы возродились и преобразились въ крещеніи отъ реформъ, что мы въ самомъ дѣлѣ новые люди, — мы забыли о грѣхѣ, веселились, ликовали, чаяли новаго неба и новой земли, въ то время, какъ грѣхъ жилъ въ насъ, дѣлалъ свое дѣло, и, наконецъ, прорвался наружу. Сѣдая старина грозно взглянула на насъ своими помертвѣлыми очами. Уйди, ужасный призракъ!

— Нѣтъ, не уходи! Ты не призракъ, а дѣйствительность; ты живуча, ты живучѣе нашей новизны. Ты мѣшаешься въ рядъ свѣтлыхъ русалокъ, подобно злой вѣдьмѣ, въ хороводѣ майской ночи. Дай разглядѣть тебя пристально, разсмотрѣть въ тебѣ то, черное, что шевелится подъ твоею свѣтлою оболочкою...

III.

Одинъ изъ опытовъ самоуправленія.

У Петра-Великаго, въ области гражданскихъ дѣлъ, была одна задушевная мысль: возвышеніе и благосостояніе нашихъ городовъ. Конечно, великій преобразователь исходилъ въ данномъ случаѣ вовсе не изъ теоретическихъ представленій о значеніи городского самоуправленія. Хорошо устроен-

ные города были нужны ему какъ источникъ государственнаго благосостоянія, какъ средство увеличить доходы казны. Значеніе западно-европейскихъ городовъ, обогащавшихъ тогдашнее государство своею торговлею и промышленностію, опредѣлило его собственную политику относительно городовъ русскихъ. Но если онъ отправлялся отъ соображеній чисто государственной, даже казенной пользы, то онъ пришелъ къ необходимости дать городамъ самоуправленіе. Еще старый опытъ московскаго государства убѣдилъ его, что города должны быть, даже въ видахъ соблюденія казенныхъ интересовъ, изъяты изъ-подъ очень неудобнаго вѣдомства воеводъ и прочихъ правителей, чинившихъ городскимъ обывателямъ немалыя тяготы. Послѣ неудачнаго опыта учрежденія бурмистерскихъ палатъ (1699), онъ, въ 1721 году, приступилъ опять къ собиранію „разсыпанной храмины“. Города должны были получить самостоятельное устройство, свои выборныя учрежденія, долженствовавшія отправлять свою должность подъ наблюденіемъ и руководствомъ главнаго магистрата. Назначеніе послѣдняго состояло какъ въ главномъ завѣдываніи всѣми городами государства, такъ и въ береженіи городскихъ обывателей отъ обидъ всякихъ вѣдомствъ, мѣстныхъ правителей и сильныхъ особъ.

Учрежденіе магистратовъ, по замыслу своему, въ высшей степени замѣчательно. Можно смѣло сказать, что оно, по плану своему, гораздо выше городового положенія Екатерины II. Магистраты дѣйствительно были возведены на высоту настоящей городской власти. Предметы его вѣдомства или „права“, какъ сказали бы теперь, были чрезвычайно обширны.

„Понеже магистратъ, яко глава и начальство есть всему гражданству, — говоритъ регламентъ, — то онаго должность состоитъ въ томъ, еже судити гражданъ, содержати въ своемъ смотрѣніи полицію, положенные съ нихъ доходы сбирать и отдавать по указамъ, куда отъ камеръ-колегіи будетъ опредѣлено, учреждать всю экономію (или домостроительство) города, яко купечество, всякое ремесло, художество и прочее, и чинить о всякихъ нуждахъ, и что къ

гражданской пользѣ принадлежитъ, потребныя предложенія до главнаго магистрата".

Итакъ, часть судебная, полиція, раскладка и взысканіе податей, городское хозяйство, попеченіе о торговлѣ и ремеслахъ, широкое право ходатайства, — все это соединено въ рукахъ магистрата „яко главы и начальства всему городу". Въ числѣ этихъ предметовъ вѣдомства особенное вниманіе обращаетъ на себя полицейская функція, которой Петръ-Великій думалъ дать большое развитіе. Надъ X главою регламента, гдѣ говорится объ этомъ предметѣ, много смѣялись, даже глумились. Причиною тому витіеватый, странный и не совсѣмъ понятный языкъ этого документа. Но мы ведемъ теперь серьёзную бесѣду и право намъ не до смѣху. Поэтому мы надѣемся, что и читатели воздержатся отъ улыбки, услышавъ какъ Петръ-Великій понималъ полицейскія обязанности магистрата.

„Оная (полиція), — говоритъ регламентъ, — споспѣшествуетъ въ правахъ и правосудіи, рождаетъ добрые порядки и нравоученіи, всѣмъ безопасность подаетъ отъ воровъ, насильниковъ, разбойниковъ и обманщиковъ и симъ подобныхъ, непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ, и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и честному промыслу, чинитъ добрыхъ досмотрителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей, городъ и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ, препятствуетъ дороговизнѣ, и приноситъ довольство во всемъ потребномъ къ жизни человѣческой, предостерегаетъ всѣ болѣзни, производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ, запрещаетъ излишества въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя прегрѣшенія, призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ и увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ, по заповѣдямъ Божіимъ, воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; въ кратцѣ же надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой удобности и безопасности".

Изъ этой выписки оказывается, что всѣ полицейскія функціи, т.-е. полиція безопасности и полиція благо-

состоянія, были одинаково поручены городскому начальству, т.-е. магистрату. Подлѣ магистрата не было поставлено особой полиціи, въ „собственномъ смыслѣ этого слова“. Можно находить, что понятіе о полиціи, выраженное въ регламентѣ, слишкомъ широко; можно и должно утверждать, что въ призваніе полиціи не входитъ „принуждать каждаго къ трудамъ“ или „воспрещать излишества въ домовыхъ расходахъ“. Но не въ этомъ дѣло: полиція въ началѣ XVIII вѣка понималась именно въ этомъ объемѣ, не только у насъ, но и вездѣ, и въ этомъ же объемѣ она была поручена магистратамъ подъ общимъ смотрѣніемъ губернаторовъ и воеводъ.

Снабженные такими полномочіями, магистраты должны были стоять внѣ дѣйствія постороннихъ начальствъ. „Магистраты губернаторамъ и воеводамъ не должны быть подчинены въ томъ, что до градскаго суда и экономіи касается... Такожъ никакому коменданту не должно квартиры въ городахъ по своей волѣ располагать, но надлежитъ сіе чинить такъ, какъ въ XIII главѣ объяснено“.

А „объяснена“ въ XIII главѣ очень важная вещь, если принять въ соображеніе, какую тягость составляла тогдашняя (да и позднѣйшая) квартирная повинность. „Понеже, говоритъ регламентъ, — когда въ городахъ армейскіе и гарнизонные полки имѣютъ квартиры у градскихъ жителей, тогда онымъ (жителямъ) отъ непорядочнаго отвода квартиръ бываетъ не безъ тяжкихъ обидъ, и въ торгахъ и промыслахъ не безъ остановки: того ради главному магистрату для порядочнаго развода квартиръ, дабы одинъ предъ другимъ никто отягченъ и облегченъ не былъ, велѣть во всѣхъ городахъ магистратамъ выбирать изъ гражданъ особыхъ квартирмистровъ“. Безъ этихъ квартирмистровъ и магистратовъ никто не осмѣливался занять обывательскій домъ; и имъ же велѣно было смотрѣть, чтобы квартирующіе не чинили обывателямъ никакихъ насильствъ и обидъ.

Если дать волю воображенію и предписанія закона принять за дѣйствительность, то какую прекрасную картину нарисуетъ это услужливое воображеніе! Вмѣсто деревян-

ныхъ, крытыхъ соломою домиковъ, грязныхъ и неудобопроходимыхъ улицъ, съ сваленными на нихъ нечистотами, неосвѣщенныхъ, небезопасныхъ,— намъ представятся высокія каменныя зданія западно-европейскаго города, и жильцами этихъ зданій явятся не приниженные многолѣтнимъ тягломъ купцы и посадскіе люди, а важные бюргеры, просвѣщенные въ наукахъ, искусные въ торговлѣ и ремеслахъ, огражденные въ своихъ правахъ, обогащающіе государство своими полезными трудами, принятые вездѣ, какъ достойные граждане, гордящіеся своимъ положеніемъ и ревниво берегущіе свою честь. Вѣдь такими хотѣлъ видѣть Петръ-Великій своихъ горожанъ?

Но есть наука, скоро спускающая человѣка съ неба на землю и показывающая истинную судьбу всякихъ законовъ. Нечего пояснять, что мы говоримъ объ исторіи. Незабвенный и оплакиваемый нами историкъ С. М. Соловьевъ представитъ прекрасный комментарій къ приведеннымъ выше постановленіямъ регламента о правахъ магистратовъ, о невмѣшательствѣ воеводъ въ городскую „экономію“ и въ отводъ квартиръ.

„Въ продолженіи многихъ вѣковъ,— говоритъ онъ,— служилое сословіе привыкло непосредственно кормиться на счетъ промышленнаго населенія“... Старинныя отношенія мужей къ мужикамъ оставались въ силѣ, вслѣдствіе чего „служилый человѣкъ презрительно относился къ промышленному человѣку и позволялъ себѣ на его счетъ всякія насилія. Эти старинныя отношенія давали себя безпрестанно чувствовать, причемъ самоуправленіе, данное промышленному сословію, усиливало нерасположеніе къ нему въ людяхъ, у которыхъ вырывали изъ рукъ богатую добычу“.

Мы сейчасъ увидимъ, что эту „добычу“ вырвать не удалось. Соловьевъ представитъ тому неопровержимые факты. Предоставимъ слово ему.

„Костромскіе ратманы доносили въ главный магистратъ: въ 1719 году, послѣ пожарнаго времени, костромская ратуша была построена изъ купецкихъ мірскихъ доходовъ, и ту ратушу отнялъ безъ указу самовольно бывшій костром-

ской воевода Стрѣшневъ, а теперь въ ней при дѣлахъ полковникъ и воевода Грибоѣдовъ". Итакъ, магистратъ, „глава и начальство гражданству", былъ самовольно изгнанъ изъ собственнаго своего помѣщенія. Онъ попробовалъ извернуться и придумалъ слѣдующую комбинацію. „За такимъ утѣсненіемъ (т.-е. послѣ подвиговъ Стрѣшнева и Грибоѣдова) взятъ былъ вмѣсто податей у оскудѣлаго посадскаго человѣка подъ ратушу дворъ (должно быть хорошъ былъ „дворъ"), и тотъ дворъ въ 1722 году отнятъ подъ полковника Татаринова на квартиру, и теперь въ немъ стоитъ безъ отводу самовольно ассесоръ Радиловъ". Но куда же дѣвался магистратъ? Рапортъ костромскихъ ратмановъ продолжаетъ: „и за такимъ отнятіемъ ратуши дѣваться имъ съ дѣлами некуда; по нуждѣ взята въ наемъ Николаевской пустыни, что на Бабайкахъ, монастырская келья, самая малая и утѣсненная, для того, что иныхъ посадскихъ дворовъ по близости нѣтъ, и отъ того утѣсненія сборовъ сбирать негдѣ, также въ дѣлахъ не малая остановка". Любопытно-бы знать, помѣщались ли когда-нибудь бургомистры и ратсгеры какого-нибудь Нюрнберга или Аугсбурга „въ утѣсненной монастырской кельѣ", по волѣ полковника Татаринова или ассесора Радилова?

Не безъинтересно также узнать, почему костромскіе ратманы, скрѣпя сердце, перекочевывали изъ собственнаго дома въ домъ „оскудѣлаго посадскаго человѣка", а изъ этого послѣдняго въ малую келью монастыря, „что на Бабайкахъ", и не принимали болѣе рѣшительныхъ мѣръ для огражденія городской собственности? Почему они не объявили, напримѣръ, воеводѣ Стрѣшневу, что они не могутъ очистить для него городскаго дома, безъ указа отъ главнаго магистрата, что́ было бы вполнѣ законно и согласно съ XIII статьею регламента? Соловьевъ разъяснитъ намъ и это недоумѣніе.

„По одному дѣлу велѣно было послать въ Зарайскъ изъ коломенскаго магистрата одного бурмистра, но коломенскій магистратъ донесъ: этому бурмистру въ Зарайскѣ быть невозможно, потому что въ Коломнѣ, въ магистратѣ,

у отправленія многихъ дѣлъ одинъ бурмистръ, а другаго бурмистра, Ушакова, ѣдучи мимо Коломны въ Нижній-Новгородъ, генералъ Салтыковъ билъ смертнымъ боемъ, и оттого не только въ Зарайскѣ, но и въ коломенскій магистратъ ходитъ съ великою нуждою временемъ".

А съ другимъ бурмистромъ былъ такой случай. „Оберъ-офицеръ Волковъ, которому велѣно быть при персидскомъ послѣ, прислалъ въ магистратъ драгунъ, и бурмистра Тихона Бочарникова привели къ нему, Волкову, съ ругательствами, и велѣлъ Волковъ драгунамъ, поваля бурмистра, держать за волосы и руки, и билъ тростью, а драгунамъ велѣлъ бить палками, топтунами и эфесами, потомъ плетьми смертно, и отъ того бою лежитъ Бочарниковъ при смерти. По приказу того же Волкова, драгуны били палками ратмана Дьякова, также били городоваго старосту, и за отлучкою этихъ битыхъ, въ Коломнѣ, по указамъ, всякихъ дѣлъ отправлять не можно". Тутъ еще только бьютъ. Но вотъ и лучше. „Въ 1716 году воинскіе люди убили изъ ружья Евдокима Иванова, а кружечнаго сбора бурмистра били такъ, что онъ умеръ. Въ 1718 году драгуны застрѣлили изъ фузей гостиной сотни Григорья Лашкова въ его домѣ" *).

Представимъ себѣ, теперь, что костромской магистратъ рѣшился бы не удовлетворить мѣстному воеводѣ. Если проѣзжіе генералы и даже оберъ-офицеры били бурмистровъ смертнымъ боемъ, то что́ же могъ сдѣлать осѣдлый полковникъ и воевода? Когда человѣку представляется на выборъ уступить какое-нибудь общественное „право" или быть битымъ смертнымъ боемъ, то выборъ несомнѣненъ. Драки же были явленіемъ повальнымъ и касались не однихъ бурмистровъ съ городовыми старостами. Не уходили отъ нея и сами служилые люди низшихъ ранговъ при разговорахъ съ высшими. Такъ, нѣкій майоръ Алябьевъ, находившійся при канальной ладожской канцеляріи, писалъ Меньшикову, въ 1723 г.: „Вашей свѣтлости всепокорно доношу, какъ въ бытность въ селѣ Назьѣ, господинъ гене-

*) Соловьевъ, „Исторія Россіи", т. XVIII, стр. 165—167.

ралъ-лейтенантъ Минихъ трясъ меня дважды за воротъ и называлъ меня при многихъ свидѣтеляхъ дердивелемъ (der Teufel), и шельмою и бранилъ м..... по русски" *).

Но не станемъ удивляться, что на этой почвѣ не выросло ничего похожаго на „самоуправленіе", ибо не было и не могло образоваться личности человѣческой, творящей это самоуправленіе, переводящей законъ въ жизнь, дѣлающей изъ него народную привычку и его неотъемлемое достояніе. Самоуправленіе, созданное Петромъ Великимъ, нуждается въ командирѣ и заступникѣ, какимъ долженствовалъ быть „главный магистратъ", хотя и тотъ не могъ сдѣлать много. Именно, онъ еще при Петрѣ представилъ длинный списокъ „купецкихъ людей", которые были захвачены разными вѣдомствами и судебными мѣстами и, несмотря на промеморіи главнаго магистрата, ни сами они, ни дѣла ихъ не были пересланы въ это учрежденіе, и нѣкоторые изъ нихъ умерли въ „жестокомъ заключеніи".

Что же сдѣлалось съ городскими учрежденіями послѣ смерти Петра, когда главный магистратъ, купно съ разными другими учрежденіями, былъ отмѣненъ, когда губернаторы и воеводы получили полную власть надъ „купецкими людьми?" При Аннѣ Ивановнѣ само правительство свидѣтельствовало, что „многіе воеводы какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ чинятъ великія обиды и разоренія и другіе непорядочные поступки и берутъ взятки". Въ концѣ царствованія Анны Ивановны, с.-петербургское гражданство и ратуша подали „доношеніе" объ учрежденіи здѣсь магистрата, а до сочиненія его опредѣлить въ ратушу одного непремѣннаго члена съ жалованьемъ.

Для чего понадобился этотъ непремѣнный членъ? Сенатъ, которому кабинетъ предписалъ „имѣть разсужденіе и представить свое мнѣніе", разъяснитъ намъ это.

„Члену съ жалованьемъ,—говорится въ докладѣ Сената,—необходимо надлежитъ быть для того, что въ нынѣшней ратушѣ, безъ главнаго командира, бургомистры съ погодною перемѣною обрѣтающіеся, какъ къ распорядкамъ

*) Тамъ-же, стр. 165.

гражданскаго попеченія, такъ и къ ихъ самихъ защищенію — смѣлости не имѣютъ, отъ чего здѣшнее гражданство пришло въ крайнее изнеможеніе". И такъ, нуженъ былъ командиръ, снабженный достаточною „смѣлостью" для защиты бурмистровъ и гражданства. Дѣйствительно, ратуша получила такого командира въ лицѣ пермскаго пѣхотнаго полка полковника Языкова, который тогда же былъ переименованъ въ статскіе совѣтники *).

Помогъ ли новый статскій совѣтникъ петербургскому гражданству — не знаемъ. Но изъ позднѣйшихъ фактовъ, относящихся къ другимъ мѣстностямъ, мы можемъ вывести иное заключеніе. Напримѣръ, въ 1745 году, „въ Москвѣ, купцы Автономовъ и Ивановъ и крестьянинъ Матвѣевъ объявили прямо въ сенатской конторѣ, что оберъ-полиціймейстеръ Нащокинъ, пріѣхавъ съ командою на Полянку, приказалъ у торгующихъ съѣстными припасами и мелочью въ шалашахъ ломать шалаши и обирать товары, причемъ кричалъ командѣ: „берите, что помягче!", и у купца Иванова лавку и пять шалашей, которые построены по приказу самого Нащокина, разломалъ до основанія" **).

„Берите, что помягче!" Вотъ, конечно, крикъ, неспособный содѣйствовать развитію „самоуправленія".

Если люди не имѣютъ „смѣлости" къ собственной защитѣ, то едва-ли отъ нихъ можно ожидать смѣлости и охоты къ веденію общественныхъ дѣлъ. Городскія должности, поставленныя въ извѣстныя намъ условія, оказались, конечно, не почестью и нравственною наградою, а тяжкимъ бременемъ, отъ котораго купецкіе люди уклонялись, какъ только могли. Бѣгство отъ общественныхъ обязанностей есть также старый русскій недугъ, который въ старину былъ сильнѣе, чѣмъ теперь. Въ 1773 году Екатерина II, укоряя московскій магистратъ за небрежное веденіе судебныхъ дѣлъ, замѣчаетъ, что „сіе ни отъ чего инаго происходитъ, какъ отъ неудачнаго выбора присутствующихъ въ оный магистратъ, въ который выбираются иногда такіе, кои вмѣ-

*) „Полное собраніе законовъ", № 8288.

**) Соловьевъ, т. XXII, стр. 111 и слѣд.

сто того, чтобы почитать себѣ за честь судейство въ магистратѣ и стараться обществу быть полезными, всячески домогаются отбыть отъ присутствія, даже до того, что и то съ охотою пріемлютъ и за стыдъ не почитаютъ, если за неисполненіе должности отъ судейства отрѣшены бываютъ *).

Но эти люди, „не почитавшіе за стыдъ быть отрѣшенными отъ должностей“, были еще самыми невинными людьми. Они просто старались сбросить съ себя тяжелое, и при ихъ „простотѣ“, опасное бремя. Были люди и похуже, которые шли подъ это бремя сознательно и охотно.

Человѣческое *я* живуче. Когда условія его развитія таковы, что оно не направлено и не можетъ быть направлено на пользу общую, когда въ человѣкѣ убито это великолѣпное zoon politikòn, на которое молился Аристотель,— въ немъ просыпается и даетъ себѣ полную волю это гадкое, себялюбивое, ненасытное я, которое есть самое зло и самый развратный развратъ въ мірѣ. Оно жадно захватитъ въ свои руки „общественныя дѣла“, которыя явятся для него одновременно золотымъ днемъ и тяжкимъ обухомъ, коимъ онъ станетъ усердно гвоздить по головамъ своихъ „согражданъ“. Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить дѣло президента бѣлгородскаго магистрата Морозова, довольно подробно разсказанное Соловьевымъ.

Морозовъ, вмѣстѣ съ своими товарищами Нижегородцевымъ и Лашинымъ, были выбраны въ магистратъ особымъ выборомъ. Въ бѣлгородскомъ купечествѣ состояло 516 дворовъ, въ нихъ 1,350 душъ мужескаго пола, а къ выбору Морозова подписалось всего 74 человѣка. Главный магистратъ, вѣроятно имѣвшій какія-нибудь основанія покровительствовать Морозову, утвердилъ его, не справившись, почему другіе купцы „не подписались къ выбору“ и несмотря на то, что на Мороза съ товарищами „было представлено подозрѣніе“. Нѣкоторые бѣлгородскіе купцы попробовали было протестовать. Они представили сенату о „фальшивомъ

*) „Полное собраніе законовъ“, № 14079.

выборѣ“ новаго президента, заявивъ при этомъ, что Морозовъ поступалъ противозаконно, будучи у таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ сборовъ, и что Лашинъ находится подъ слѣдствіемъ, въ приводѣ съ неявленнымъ и утаеннымъ отъ пошлинъ товаромъ. Кромѣ того, они представили о выборѣ, съ общаго согласія, достойныхъ и неподозрительныхъ людей, Андреева съ товарищами, въ президенты и бургомистры магистрата.

Сенатъ уважилъ жалобу просителей, послалъ указъ бѣлгородскому губернатору объ устраненіи Морозова съ товарищами отъ должности, о производствѣ новыхъ выборовъ и о временномъ допущеніи новоизбранныхъ къ должности; на главный же магистратъ былъ наложенъ штрафъ за утвержденіе фальшивыхъ выборовъ. Но главный магистратъ не дремалъ. Онъ донесъ сенату, что находится вынужденнымъ взять Андреева „къ отвѣту въ непорядочныхъ поступкахъ“, не объясняя, въ чемъ состоятъ эти поступки, хотя сенатъ и потребовалъ такого объясненія. Бѣлгородское же купечество подало новую жалобу, гдѣ объясняло, что „Андреева требуютъ въ главный магистратъ по проискамъ Морозова; самъ главный магистратъ имѣетъ злобу на Андреева и на все бѣлгородское купечество за наложеніе изъ-за нихъ на главный магистратъ штрафа; кромѣ того, желаетъ взятіемъ Андреева прикрыть воровство Морозова“. Но это не все. Пока Андреева „бездѣльно волочили“, Морозовъ „съ товарищами“ вступилъ, по распоряженію главнаго магистрата, снова въ управленіе и тутъ показалъ себя во всю ширь. „Тѣхъ купцовъ, которые доносили на нихъ въ похищеніи казеннаго интереса, всего до 60 человѣкъ, безъ всякаго суда розыскивали, иныхъ и публично плетьми и батожьемъ наказывали, а нѣкоторымъ и уши рѣзали и вымучили дать Морозову векселя, а у иныхъ, сбивъ съ лавокъ замки, товары и деньги выбрали“.

Сенатъ велѣлъ розыскать все дѣло бѣлгородской губернской канцеляріи. Чѣмъ кончилось дѣло, не знаемъ. Но съ увѣренностью можно сказать, что у 60 купцовъ, коихъ били плетьми, съ урѣзаніемъ ушей и разграбленіемъ иму-

ществъ, надолго пропала охота протестовать „противъ фальшивыхъ выборовъ“.

Въ Калугѣ былъ случай, также характеристичный. Калужское купечество выбрало нѣсколько персонъ въ бургомистры и ратманы магистрата, въ томъ числѣ и нѣкоего Осипа Шемякина (несчастное прозвище!). Шемякину, однако, показалось недостаточнымъ такого „довѣрія сограждань“. Онъ хотѣлъ сдѣлаться единственнымъ градоправителемъ. Для этой цѣли онъ отправился въ Москву и, „произыскавъ у главнаго магистрата кредитъ, исходатайствовалъ себѣ новый чинъ, президентскій (котораго не полагалось въ Калугѣ), и какъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу и вступилъ въ магистратское управленіе, то, въ надеждѣ на главный магистратъ, прочихъ членовъ и до дѣлъ не допускалъ, а дѣлалъ не малое время всякія дѣла одинъ, и когда прочіе члены о томъ съ учтивостью стали ему предлагать, то Шемякинъ, озлясь, подалъ въ магистратъ несправедливое доношеніе и происками своими склонилъ главный магистратъ, что безъ всякаго слѣдствія его товарищамъ нанесъ тягость несносную штрафами“.

Можно было бы удесятерить количество этихъ фактовъ, разсказанныхъ Соловьевымъ и другими изслѣдователями русской старины, и просто содержащихся въ оффиціальныхъ актахъ того времени. Всѣ они одинаково свидѣтельствуютъ о слѣдующей нехитрой истинѣ: никакія общественныя установленія не могутъ развиться, ни даже пустить корней, если человѣческая личность не обезпечена въ своихъ элементарныхъ правахъ, если, говоря словами Екатерины II, „гражданинъ не имѣетъ спокойствія духа, происходящаго отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію“.

IV.

Наканунѣ реформъ.

Слѣдить за всѣми попытками водворить у насъ самоуправленіе, разсматривать, насколько они были серьезны, было бы и долго и безполезно. Но не безполезно и даже необходимо взглянуть на состояніе нашихъ „общественныхъ“ учрежденій наканунѣ реформъ, предпринятыхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Это необходимо по нижеслѣдующему соображенію. Въ общественныхъ учрежденіяхъ стараго порядка воспиталось и выросло то поколѣніе, которому суждено было самому дѣйствовать на болѣе широкомъ поприщѣ и наслѣдниками котораго являемся мы. Въ нихъ оно усвоило свои взгляды и привычки, перенесенныя имъ на другое поле, и отъ которыхъ съ великимъ трудомъ отдѣлываются ихъ преемники.

Разсказъ будетъ недологъ. Онъ касается только двухъ сословій, призванныхъ къ участію въ администраціи и въ судѣ: дворянскаго и городского. Крестьянское сословіе лежало подъ спудомъ, неся тяготу или крѣпостнаго права, или стараго казеннаго управленія. Но указанныя два сословія были снабжены грамотами, получили корпоративное устройство и пользовались выборнымъ правомъ.

Если однако припомнить, что́ говорилось объ этихъ старыхъ „общественныхъ“ учрежденіяхъ въ послѣднее время ихъ существованія; если принять въ разсчетъ истинное положеніе судовъ, полиціи и мѣстнаго хозяйства, какъ оно описано въ оффиціальныхъ актахъ и въ свидѣтельствахъ современниковъ, — то не трудно придти къ заключенію, что долговременное участіе сословнаго элемента въ администраціи незначительно измѣнило тотъ общій приказный складъ управленія, какой сложился у насъ вѣками и, въ существѣ своемъ, не измѣнился, несмотря на свои новыя формы.

Дѣйствительно, въ теченіи многихъ десятилѣтій существованія нашихъ дворянскихъ собраній, вліяніе и дѣйствіе

ихъ было неощутительно. Самое назначеніе дворянскихъ собраній по закону ясно указывало, что они не призваны къ серьезной общественной роли. Назначеніе это категорически опредѣлялось въ IX томѣ свода законовъ, гдѣ изображено слѣдующее: „главный предметъ обыкновенныхъ дворянскихъ собраній состоитъ въ выборѣ чиновниковъ въ разныя должности“. Другія общественныя дѣла собраній немногочисленны, незначительно и являются въ видѣ какого-то незамѣтнаго дополненія къ этому „главному“ предмету, для котораго дворянство съѣзжалось въ три года разъ въ свой губернскій городъ. Недаромъ разговорный языкъ того времени обозначалъ этотъ „съѣздъ“ дворянства именемъ выборовъ: поѣхали на „выборы“, съѣхались на „выборы“ и т. д.

Итакъ, участіе выборныхъ отъ дворянства въ судѣ и администраціи было особымъ видомъ государственной службы, что̀ несомнѣнно подтверждалось и уставомъ о службѣ по выборамъ, гдѣ значилось: „служащіе по выборамъ дворянства считаются на дѣйствительной государственной службѣ“. Законъ гласилъ, что эти лица „считаются“ на государственной службѣ, но практика и жизнь гласили бо̀льшее: именно, что служащіе по выборамъ обращаются въ настоящихъ чиновниковъ. Разверните „Ревизора“ и попробуйте провести границу между городничимъ и судьею, почтмейстеромъ и „смотрителемъ богоугодныхъ заведеній“; откройте „Мертвыя души“ и установите различіе между полиціймейстеромъ и предсѣдателемъ палаты и всякими выборными и невыборными должностями—предпріятіе невозможное, ибо во всѣхъ этихъ людяхъ живетъ одинъ и тотъ же духъ, одна и та же мысль.

Такая общая постановка дѣла была обильна важными послѣдствіями. Во-первыхъ, если и служба по выборамъ та же „служба“, что и „служба“ въ департаментѣ, то въ умахъ дворянства и въ жизни вообще — быстро и несокрушимо установилось іерархическое различіе между этими двумя видами службы. Все искавшее дѣйствительнаго почета, вліянія и власти бросилось въ столицы, наполняло центральныя учрежденія, заручалось протекціею и связями и оттуда

являлось въ губернію настоящими властями: губернаторами, вице-губернаторами, предсѣдателями казенныхъ палатъ, управляющими государственными имуществами. Служба по выборамъ: должности уѣздныхъ судей, исправниковъ, засѣдателей, даже предсѣдателей двухъ судебныхъ палатъ доставались на долю дворянъ „худородныхъ“, или непреуспѣвшихъ почему-либо на „настоящей“ службѣ. Только одна должность предводителя дворянства привлекала къ себѣ своимъ сравнительно независимымъ и почетнымъ положеніемъ. Но кого же могла привлечь служба капитанъ-исправника, или засѣдателя, при общихъ условіяхъ нашей полицейской службы? манила должность судьи, при крайней зависимости старыхъ судовъ отъ администраціи?

Законъ былъ безсиленъ измѣнить жизненную обстановку учрежденій и остановить быстрое вырожденіе дворянскихъ учрежденій. Сначала приписывали причину зла участію въ выборахъ „мелкаго дворянства“, безчинствовавшаго въ собраніяхъ. Законъ 1831 года ограничилъ это участіе, давъ право самостоятельнаго голоса только „великопомѣстнымъ“ (стодушевой цензъ) и дозволивъ мелкопомѣстнымъ участвовать въ выборахъ только чрезъ уполномоченныхъ. Дѣло пошло не лучше. „Великопомѣстные“ избиратели съѣзжались на выборы, но выбирали именно тѣхъ, кого законъ хотѣлъ устранить отъ дворянскихъ должностей, т.-е. попросту раздавали эти должности дворянамъ, нуждавшимся въ пропитаніи. Тяпкины-Ляпкины продолжали свое дѣло, и увѣщанія высшаго правительства не помогали.

„Изъ свѣдѣній, доходившихъ до Меня,—говорилъ императоръ Николай I въ указѣ 1832 года,—Я съ прискорбіемъ видѣлъ, что выборы дворянства не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства. Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, неимѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ порученій. Отъ сего чиновники по судебной части оказывались нерѣдко не довольно свѣдущими въ законахъ; по части же полицейской открывались

злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ — запутанность и упущенія, поставляющія высшія судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона".

Это авторитетное свидѣтельство устраняетъ необходимость приводить другіе отзывы о томъ, во что́ превращались выборныя должности на мѣстахъ, и какъ дореформенная Россія не оставила намъ ни суда, ни полиціи. Впрочемъ, и въ другихъ свидѣтельствахъ нѣтъ недостатка.

Графы Перовскій и Закревскій жаловались въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ на то, что „званіе чиновъ земской полиціи унижено въ общественномъ мнѣніи, вслѣдствіе чего „лучшіе люди" уклоняются отъ нихъ. Жаль только, что эти доклады не объясняли, отъ чего зависитъ такое „униженіе" и въ одномъ-ли „общественномъ" мнѣніи унижена должность исправника и засѣдателей? Повидимому, старыя отношенія губернаторовъ къ выборнымъ исправникамъ, по закону и особенно на практикѣ, могли бы также разъяснить, почему „лучшіе люди" уклоняются отъ этой должности, предоставляя ее людямъ, неособенно щекотливымъ относительно своего личнаго достоинства. Но мы обратимся къ такой сторонѣ дѣятельности выборныхъ отъ сословій, гдѣ общественный элементъ выступалъ, повидимому, на первый планъ.

Въ числѣ предметовъ, требовавшихъ участія выборныхъ отъ сословій, очень важное мѣсто занимало завѣдываніе земскими повинностями. Для этой цѣли было учреждено особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ (губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, предсѣдатели палатъ казенной и государственныхъ имуществъ, городской голова губернскаго города) и комитетъ. Послѣдній, подъ предсѣдательствомъ губернатора, состоялъ: изъ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, предсѣдателей указанныхъ выше палатъ, окружныхъ начальниковъ, депутатовъ отъ дворянства и городовъ. Комитетъ собирался въ три года разъ. Собирались и „отдѣльныя присутствія" со-

словныхъ комитетовъ для предварительной разработки вопросовъ, собиранія и доставленія всякихъ свѣдѣній.

Кажется, онъ былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ депутатовъ и представителей разныхъ вѣдомствъ для того, чтобы ему можно было довѣрить составленіе смѣты и чтобы онъ могъ какъ составить ее, такъ и наблюдать за ея исполненіемъ. На дѣлѣ не было ни перваго, ни второго, ни третьяго.

Законъ, въ дѣйствительности, не довѣрялъ составленіе смѣты ни особому присутствію, ни комитету. Онъ допускалъ только тѣ статьи расходовъ, которыя въ настоящее время называются обязательными; нынѣшніе необязательные (факультативные) расходы вовсе не были извѣстны. И такъ, мѣстнымъ представителямъ давались въ руки заранѣе и разъ навсегда разграфленные, по указанію закона и предписаніямъ центральной власти, образцы. Эти „графы“ предварительно наполнялись соотвѣтствующими цифрами въ особомъ присутствіи и предлагались на разсмотрѣніе комитета. Послѣдній „разсматривалъ“, но рѣшающаго голоса не имѣлъ, ибо утвержденіе смѣты принадлежало центральному правительству.

Исполненіе по утвержденной смѣтѣ, по бо́льшей части статей, сосредоточивалось въ рукахъ центральныхъ учрежденій и ихъ мѣстныхъ органовъ, безъ всякой отчетности по отношенію къ „комитетамъ“. Послѣдніе, такъ-сказать, просто отпускали опредѣленныя суммы вѣдомствамъ: военному, путей сообщенія и т. д. Второй разрядъ суммъ расходовался на мѣстахъ: ихъ отпускали или на содержаніе разныхъ учрежденій, или на мѣстныя хозяйственныя распоряженія, зависѣвшія отъ губернатора, обще съ особымъ присутствіемъ и иными „коммиссіями“. Кассовая и бухгалтерская отчетность велись правительственными установленіями, и только по истеченіи трехъ лѣтъ, „генеральный счетъ представлялся для кратковременной и недѣйствительной провѣрки“ дворянскому депутатскому собранію и комитету о земскихъ повинностяхъ.

Таковъ былъ этотъ порядокъ, установившійся во время

полнаго господства административной опеки. Между тѣмъ означенный комитетъ есть одинъ изъ предтечъ новыхъ земскихъ учрежденій. Послушаемъ, какую отходную прочитала всему этому порядку коммиссія, выработывавшая проектъ земскаго положенія.

„Изъ замѣчаній, сообщенныхъ начальниками губерній, изъ свѣдѣній, собранныхъ въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, какъ особыми чиновниками, такъ и по возникавшимъ дѣламъ видно, что общее собраніе комитетовъ земскихъ повинностей, лишенное всякой дѣйствительной власти и распоряженій и собирающееся въ три года разъ, и то на короткое время, не имѣетъ физической возможности не только разобрать отчеты и смѣты, но даже прочесть ихъ; что смѣты утверждаются и измѣняются высшимъ правительствомъ безъ всякаго соображенія съ мнѣніемъ комитетовъ, а раскладки, имъ предоставленныя, почти всегда перемѣняются по усмотрѣнію центральной власти; что немногія замѣчанія, которыя успѣваютъ сдѣлать члены комитета, бо́льшею частью даже не разсматриваются; что затѣмъ представители мѣстности потеряли всякую энергію и заботливость о своемъ дѣлѣ и только почти машинально подписываютъ бумаги комитета“. Конечно, такая „машинальная“ работа мало кого привлекаетъ. Предводители дворянства, прибывъ въ комитетъ, думаютъ только о скорѣйшемъ отъѣздѣ. Депутаты норовятъ вовсе не пріѣхать. „Городскіе депутаты суть лица ровно ничего не дѣлающія и безгласныя“. „Это положеніе, читаемъ мы дальше, — въ нѣкоторыхъ губерніяхъ развилось до того, что „предъявленіе замѣчаній противъ приготовленныхъ заранѣе отчетовъ, смѣтъ и раскладокъ, считается безпорядкомъ и лишнею тратою времени“. И въ самомъ дѣлѣ лишнею. „Такимъ образомъ комитетъ, въ сущности дѣлается только мѣстомъ формальной канцелярской работы, а его дѣлопроизводитель—главнымъ дѣйствующимъ лицомъ“.

Но можетъ быть особыя присутствія находятся въ лучшемъ положеніи? „Они,— продолжаетъ коммиссія, состоя

изъ лицъ должностныхъ, имѣющихъ свои особыя и важныя занятія, предоставляютъ большую часть дѣла канцеляріи. Самъ начальникъ губерніи, хотя въ данномъ случаѣ почти всегда рѣшаетъ дѣло по своему личному усмотрѣнію, не можетъ слѣдить за всѣмъ и входить въ подробности, иногда весьма важныя, по отвлеченію его прямыми обязанностями".

Отдѣльныя присутствія „существуютъ только въ законѣ, на бумагѣ". „Губернская строительная и дорожная коммиссія, „пользуясь своимъ положеніемъ... распоряжается суммами и хозяйствомъ земства по всѣмъ строительно-дорожнымъ сооруженіямъ крайне произвольно и безъ всякаго вниманія къ интересамъ земства; непосредственное подчиненіе коммиссіи главному управленію путей сообщенія дѣлаетъ безплодными всѣ усилія мѣстныхъ представителей властей земства ограничить произволъ и невыгодныя для земства дѣйствія коммиссіи". Участіе казенныхъ палатъ, въ отношеніи повѣрки отчетности, „оказывается лишь излишнею и затрудняющею формою, ибо она повѣряетъ только по книгамъ и документамъ формальную правильность и законность приходовъ, расходовъ и остатковъ, но не можетъ производить существенной хозяйственной повѣрки". Уѣздныя дорожныя коммиссіи „ровно ничего не дѣлаютъ". Городскія квартирныя коммиссіи „по положенію своему находятся почти въ совершенной зависимости отъ полиціи (въ нихъ предсѣдательствуютъ городничіе) и въ подчиненіи губернскаго начальства. Два городскихъ депутата, въ нихъ присутствующіе, не имѣютъ вовсе самостоятельнаго значенія, и чаще всего дѣломъ распоряжается письмоводитель". Кромѣ того, „сильное вліяніе полицій на исполнительную и даже распорядительную часть повинностей оказывается крайне вреднымъ, какъ по склонности полицій извлекать изъ этого рода дѣлъ личныя для себя выгоды, такъ и по совершенному незнанію и непониманію ими мѣстныхъ интересовъ и пользъ" *).

*) „Труды коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ", ч. II, кн. II, стр. 55—60.

Заглядывая въ другія отрасли мѣстнаго „хозяйства“, мы находимъ то же, если не худшее. Съ одной стороны, мы видимъ, по закону, необыкновенную сложность формъ, установленныхъ ради надзора и надлежащей опеки; съ другой, на практикѣ, дѣло сводится къ „письмоводителю“, обыкновенно ищущему своего „прибытка“. Напримѣръ, по части продовольственной, дѣло о ссудахъ хлѣбомъ проходило шесть инстанцій; на дѣлѣ „учрежденіе сельскихъ запасныхъ магазиновъ служитъ собственно не для обезпеченія народнаго продовольствія, а для содержанія попечителей и ихъ письмоводителей *).

Относительно больницъ: „вообще нельзя не сознаться, что всѣ наши городскія больницы, съ изъятіемъ ихъ изъ завѣдыванія городскихъ учрежденій, увеличили лишь на много свои бюджеты, но нисколько не подвинулись въ теченіи 10 лѣтъ, при правительственномъ ихъ управленіи, въ своемъ благоустройствѣ“ **).

По части поощренія торговли и промышленности: „въ практическомъ примѣненіи изложенныхъ правилъ закона, сколько можно судить по извлеченнымъ изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, возникаютъ жалобы, съ одной стороны, отъ частныхъ лицъ, на стѣсненіе затруднительными формальностями и долгими разрѣшеніями хозяйственныхъ предпріятій; съ другой стороны, отъ обществъ, на безусловное разрѣшеніе такихъ торговыхъ или промышленныхъ учрежденій, которыя вредятъ общему благосостоянію мѣстности“ ***).

Такова „область“, гдѣ дѣйствовало или гдѣ могло дѣйствовать „первенствующее“ въ имперіи сословіе: — ни полиціи, ни суда, ни мѣстнаго хозяйства. Что же думать о былыхъ „посадскихъ и купецкихъ“ людяхъ, также получившихъ свою жалованную грамоту съ „самоуправленіемъ?“ Правда, новое городское устройство уже далеко отъ мысли Петра Великаго—сдѣлать изъ магистрата „главу и началь-

*) Тамъ же, стр. 85—87.

**) Тамъ же, особое приложеніе, стр. 22.

***) Тамъ же, стр. 107.

ство всему гражданству". Общій куполъ „градскаго зданія" раздваивается и надъ „градомъ", въ стилѣ готическомъ, высятся двѣ башни: одна, подъ именемъ полиціи, теперь правительственной, другая — подъ именемъ ратуши или думы. Но послѣдняя быстро умаляется въ своихъ размѣрахъ, будучи значительно подавлена размѣрами первой и сильною опекою губернскихъ и центральныхъ учрежденій. Результаты были тѣ же, что́ и въ первомъ случаѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, комитету министровъ былъ предложенъ слѣдующій знаменательный вопросъ: „какъ возвысить служеніе гражданъ и возбудить въ нихъ желаніе заниматься онымъ?" *). Вопросъ очень умѣстный, ибо не только въ двадцатыхъ годахъ, но и позже, „граждане" дѣйствительно уклонялись отъ выборовъ и всякаго служенія **). Но дѣло въ томъ, что рѣшеніе его требовало предварительнаго отвѣта на другой, не менѣе важный вопросъ: отчего городскіе обыватели уклоняются отъ „служенія?" Между тѣмъ, подумавъ немного, можно было бы дать категорическій отвѣтъ.

Городская служба, при тогдашнихъ условіяхъ, вообще была дѣломъ рисковавнымъ съ точки зрѣнія личной безопасности, и нежеланіе „попасть въ отвѣтъ" достаточно объясняло всякія „уклоненія". Но, кромѣ того, всякая общественная должность можетъ исполняться съ успѣхомъ только тогда, когда она находитъ опору въ хорошо организованной корпораціи и дѣйствуетъ подъ ея контролемъ. Но такого необходимаго „тѣла" не было въ тогдашнихъ городахъ, т.-е., извиняемся, оно было на бумагѣ, а въ дѣйствительности... но предоставимъ говорить фактамъ.

Екатерина думала организовать городское представительство подъ именемъ общей думы, предоставивъ исполнительную власть думѣ шестигласной. И именно эта „общая дума" не только не развилась, но растаяла, исчезла безслѣдно, если не считать „слѣдомъ" упоминаніе о ней въ сводѣ законовъ. Когда дѣло дошло, въ 1844 г., до фак-

*) Дитятинъ, „Городское самоуправленіе въ Россіи", 1877 г., стр. 244.

**) Поразительные факты см. тамъ же, стр. 246 и слѣд.

тической провѣрки нашихъ городскихъ учрежденій, оказалось, что ея нѣтъ нигдѣ. Правда, въ Петербургѣ, гражданскій губернаторъ открылъ ее послѣ тщательныхъ розысковъ. Но эта „дума“, справедливо замѣчаетъ Дитятинъ, оказалась въ положеніи по истинѣ странномъ. „Въ распоряженіи шестигласной думы состоитъ 38 гласныхъ, избираемыхъ изъ купечества, мѣщанъ и ремесленниковъ на три года для составленія общей городской думы. Имъ, по назначенію шестигласной думы, дѣлались разныя порученія въ хозяйственномъ и торговомъ отношеніи: четверо изъ нихъ назначены для сбора $^1/_2{}^0/_0$ денегъ, двое для сбора съ судовъ, проходящихъ чрезъ мосты, одинъ для наблюденія за торговлей иногородныхъ, одинъ для смотрѣнія за домомъ военнаго генералъ-губернатора“ и т. д. Что сказали бы члены нынѣшней думы, если бы городская управа „назначала“ ихъ на разныя „службы“ и если бы, кромѣ этихъ службъ, они никакого значенія не имѣли?

Во всякомъ случаѣ это „знаменательнѣе“ извѣстій о несостоявшихся засѣданіяхъ думъ въ томъ или другомъ городѣ; здѣсь пропадаютъ цѣлыя учрежденія, пропадаютъ безъ слѣда и отзвука; широко раскрываются глаза ревизоровъ, „не обрѣтающихъ“ думъ, хотя сами думцы не находили въ томъ ничего удивительнаго.

Лишенная всякой общественной опоры, знаменитая „шестигласная дума“ быстро обратилась въ простое отдѣленіе разныхъ губернскихъ канцелярій и полицейскаго управленія. Она ничѣмъ не управляетъ, ничего не предпринимаетъ, но только „пріемлетъ и ни мало вопреки глаголетъ“, по выраженію нашего знаменитаго сатирика, т.-е. попросту исполняетъ чужія предписанія. Такое „живое“ дѣло очевидно отражается и на дѣйствующихъ субъектахъ; т.-е. ведетъ къ тому же „уклоненію“, которое мы видѣли и въ другихъ комитетахъ.

Въ 1843 году петербургскій губернаторъ доносилъ, „что опредѣленнаго закономъ полнаго присутствія думы не существуетъ, ибо члены думы ежедневно внѣ присутствія, между прочимъ для исполненія порученій высшаго началь-

ства. Являясь въ думу, они „подписываютъ“ бумаги, не читая ихъ“. Въ Москвѣ дѣло велось столь же просто. Игнатьевъ, ревизовавшій московскую думу въ 1860 году, доносилъ слѣдующее: „шестигласная дума давно утратила свой коллегіальный характеръ и приняла видъ какой-то канцеляріи, безпрекословно исполнявшей всѣ предписанія и требованія начальства, ни мало не заботясь о городскихъ интересахъ. Гласные думы также только „подписывали“ бумаги, приготовленныя въ канцеляріи, начальникомъ который былъ назначенный отъ правительства секретарь“.

Повидимому, при такихъ „простыхъ“ условіяхъ дѣлопроизводства, дѣла могли идти чрезвычайно быстро. Приказано—исполнено, безъ всякихъ затруднительныхъ преній, возраженій, протестовъ. На дѣлѣ, однако, выходило не то. С.-петербургскій губернаторъ, описавъ порядки мѣстной думы, замѣчаетъ, что они дѣлали изъ нея „образецъ медленности, упущеній, запутанностей, безпорядковъ и злоупотребленій“.

Эпитетовъ много и всѣ они выразительны. Но отъ чего зависѣлъ такой образцовый порядокъ? Конечно, не „гласные“ затрудняли теченіе дѣлъ, ибо они подписывали не читая. Но быстрота въ подписываніи не всегда ведетъ къ быстротѣ въ дѣлахъ, какъ это показалъ опытъ старыхъ думъ и ратушъ. Силою вещей все дѣло было положено на душу секретаря, „иногда лѣниваго, пьянаго и безтолковаго, а чаще всего недобросовѣстнаго“, какъ выразился одинъ изъ ревизоровъ.

Эта всемощная персона и вела ратушскія и думскія дѣла „лѣниво и безтолково, а чаще всего недобросовѣстно“, несмотря на то, что за ними наблюдали и губернскія правленія, и казенныя палаты, и хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но этотъ многократный и многообразный „надзоръ“ не только не помогалъ дѣлу, но тормозилъ его даже пуще секретарской лѣни.

Пустѣйшія дѣла по цѣлымъ годамъ лежали не только безъ рѣшенія, но и безъ доклада. Въ Ярославлѣ развалился цѣлый домъ присутственныхъ мѣстъ только потому, что

смѣты на починку его восходили и нисходили въ теченіи многихъ лѣтъ, а силы природы дѣйствовали, не спрашиваясь „указаній“. Зданіе валится — это еще ничего, тутъ губительное дѣйствіе времени. А вотъ когда губительныя человѣческія силы начнутъ дѣйствовать вопреки всякимъ уставамъ и надзорамъ, тогда выходитъ совсѣмъ не хорошо. Городъ Херсонъ, имѣя 48,000 (!) десятинъ земли, получаетъ съ нея крайне ничтожный доходъ, да и не могъ получить бо́льшаго, ибо городскія власти находились въ невѣдѣніи относительно количества городскихъ земель, а тѣмъ временемъ мѣщане и даже сосѣдніе помѣщики захватывали „въ пустѣ лежавшія земли“ и обращали ихъ въ частныя владѣнія. Въ Минскѣ городскіе головы самовольно занимали для города деньги у частныхъ лицъ подъ залогъ городскихъ земель, просрочивали закладныя, и земли оставались въ рукахъ кредиторовъ. Въ одномъ изъ городовъ Ярославской губерніи арендная плата за городскія земли не измѣнялась съ 1796 года (!). И это факты не единичные, а общіе, засвидѣтельствованные оффиціально, въ донесеніяхъ ревизоровъ и другихъ лицъ.

Но чего же смотрѣли власти: казенныя палаты, губернскія правленія, хозяйственный департаментъ? Они же призваны были наблюдать, требовать отчетовъ, ревизовать, преслѣдовать замедленность и упущенія? Конечно! Но право ревизовать не ведетъ еще къ дѣйствительности контроля. Секретарь лѣнивъ и пьянъ, но онъ лукавъ и съумѣетъ отписаться отъ всякихъ назойливыхъ требованій, „отчетовъ“. Онъ просто ихъ не дастъ и, зная всѣ канцелярскіе извороты лучше всякаго начальства, хотя бы самаго грознаго, обведетъ, его десять разъ и заставитъ сдѣлать по своему. Вся сила уставовъ счетнаго и о городскомъ хозяйствѣ, вся мощь громадной административной машины, вся эта іерархія губернская и центральная, осѣкалась на незамѣтной для простого глаза песчинкѣ—на этомъ секретарѣ, „лѣнивомъ и пьяномъ“.

Невольно приходятъ на память слова одного изъ умершихъ публицистовъ нашихъ: „посмотришь на этого саль-

наго протоколиста, который кланяется въ поги исправнику и стоитъ дрожа предъ губернаторомъ, — вѣдь все это одна комедія. Онъ равно смѣется въ душѣ надъ исправникомъ, какъ надъ губернаторомъ, онъ обманываетъ ихъ подлостію и они не имѣютъ средствъ его миновать, онъ понимаетъ свое превосходство предъ ними, свою необходимость".

И выходило на практикѣ, что „въ 1848 г. у думъ нѣкоторыхъ городовъ требуютъ отчеты за 1828 и 1829 годы", т.-е. цѣлыхъ двадцать лѣтъ власти терпѣливо дожидались, пока секретарямъ угодно будетъ предстать предъ ними въ видѣ думскихъ книгъ и отчетовъ. Да и гдѣ были въ 1848 году секретари 1828 года? Иные, можетъ быть, спились съ кругу, но большинство навѣрное уготовало себѣ теплое пристанище, съ приличнымъ доходомъ, и ждали они безбоязненно всякой „ревизіи счетовъ".

Оглядываясь назадъ на это „доброе старое время", начинаешь какъ-то веселѣе смотрѣть на настоящее. Говорятъ о вялости и небрежности разныхъ нашихъ общественныхъ управленій; говорятъ о расхищеніи общественныхъ сундуковъ. Все это прискорбно и не мы, конечно, будемъ оправдывать такія „явленія". Но сдѣлайте невозможное предположеніе: представьте себѣ, что въ тѣ сумрачныя времена печать имѣла бы хотя ту долю свободы, какою она пользуется теперь; что телеграфы сообщали бы обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ столь же быстро, какъ въ наши дни; что читающая публика имѣла бы хотя ту степень чуткости къ общественному интересу, какую она имѣетъ теперь, и что „растрата", совершенная въ Скопинѣ, болѣзненно отзовется и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Харьковѣ, и въ Ростовѣ-на-Дону, и въ Одессѣ; — предположите все это и тогда дайте волю вашему воображенію. Пусть оно нарисуетъ вамъ картину того, что́ бы мы услышали и увидѣли въ эти златые дни „мертвыхъ душъ".

V.

Наслѣдственный порокъ.

„Уклоненія отъ службы“, „неучастіе въ выборахъ“, „равнодушіе къ общественному дѣлу“, — что такое всѣ эти вещи, вмѣстѣ взятыя, какъ не грозные симптомы одного общаго недуга, неизвѣстнаго, быть можетъ, въ медицинѣ, но весьма знакомаго лицу, занимающемуся науками общественными. Недугъ этотъ называется обезличеніе человѣка. Его нарождала прежняя система учрежденій, и въ этомъ состоялъ ея главный порокъ.

Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, въ черты людей, составлявшихъ эти прошлыя поколѣнія, чередовавшихся подъ дѣйствіемъ старой системы; вы не прочтете въ нихъ ни своеобразной мысли, ни живого, свободнаго чувства, ни пылкой вѣры, ни крѣпкой воли, ничего своего, ничего такого, что различаетъ людей, но въ тоже время побуждаетъ ихъ къ общенію, образуетъ внутренняго человѣка и влечетъ его къ обнаруженію этого я въ области мысли, вѣры, поэзіи, науки, дѣлъ общественныхъ. Тамъ всѣ похожи другъ на друга, какъ старыя потертыя монеты „одного достоинства“. Семенъ какъ Иванъ, Иванъ какъ Петръ, Петръ какъ Василій. Кажется, что даже собственныя имена давались этимъ людямъ по недоразумѣнію. Зачѣмъ были имъ эти собственныя имена, когда никто изъ нихъ не имѣлъ ничего собственнаго.

Богъ, сотворившій человѣка по образу своему и подобію, сказалъ о себѣ: „Азъ есмь сый“, т.-е. сущій. И человѣкъ не иначе можетъ быть подобіемъ Божіемъ, какъ если онъ будетъ сущимъ, въ высокомъ, нравственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. живою личностью. Иначе съ кѣмъ заключилъ-бы Господь свой завѣтъ? Кто могъ-бы ощутить Его величіе, познать Его мудрость, испытать дѣйствіе Его благодати, отвѣтить ему на любовь любовью, и поступать по Его слову?

Конечно, не этотъ „безличный человѣкъ“, не видящій вѣры изъ-за обряда, и во всей религіи усматривающій только обрядъ, длинный и утомительный, только букву закона, только извѣстное число часовъ, обязательно проводимыхъ въ храмѣ. Но и религія можетъ быть сведена къ обряду, къ мертвой буквѣ, если исповѣданіе вѣры будетъ вынуждаться, и если на мѣстѣ духовнаго завѣта человѣка съ Богомъ станетъ земной стражъ, посягающій на святѣйшіе и сокровеннѣйшіе помыслы человѣка. Тогда всѣ помышленія человѣка обратятся на то, чтобы удобнѣе покончить свои внѣшніе счеты съ церковью, къ которой онъ уже равнодушенъ. Вѣрующая личность погибаетъ, но вмѣстѣ съ нею погибаетъ и церковь, ибо церковь есть союзъ вѣрующихъ, а изъ невѣрующихъ церкви не образуется. Но нѣтъ вѣры тамъ, гдѣ есть только внѣшнее подчиненіе и вынужденное исполненіе обрядовъ. „Я признаю, я подчиняюсь, но я не вѣрую“. И лучшіе члены церкви отсѣкаются отъ нея, уходя или въ свой внутренній духовный міръ, или въ чистое невѣріе. Но за то широкое поле открывается для лицемѣровъ, для притворно-вѣрующихъ и ищущихъ своего прибытка. „Сія-же рече, не яко о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ, и ковчежецъ имѣяше“.

Перенесите этого „обезличеннаго“ человѣка въ область явленій общественныхъ, и вы получите тоже самое. Обезличенный человѣкъ въ наукѣ — это источникъ бездарнѣйшихъ компиляцій, примиренія непримиримаго, соглашенія несогласимаго; это безтолковая передача чужихъ мнѣній, собираемыхъ отовсюду, безъ разбору, системы и пользы, и заколачиваніе науки въ омертвѣвшія формы; въ области семейной—это формальное исполненіе супружескихъ и отцовскихъ обязанностей, подъ которымъ глохнетъ всякое чувство родительское и супружеское, и семья разрушается съ момента своего возникновенія; въ области общественной — это внѣшнее и вялое исполненіе самонужнѣйшихъ и неотвратимыхъ обязанностей, отъ которыхъ нельзя увернуться никакими законными обходами и незаконными просьбами.

Но присмотритесь къ этимъ тусклымъ безцвѣтнымъ, въ

духовномъ отношеніи, лицамъ, выглаженнымъ, вычищеннымъ на одинъ образецъ, „всѣ какъ одинъ“—не откроете-ли въ нихъ чего-нибудь другого? О да! Эти скучные молчальники, равнодушно-молчащіе въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, подписывающіе всякіе счеты и бумаги, не читая ихъ, боящіеся проронить слово, обличающее какую-нибудь свою мысль, эти люди, забывшіе образъ Божій, не забыли и твердо помнятъ другой образъ — звѣриный. Вытертая, истертая даже въ смыслѣ духовномъ, человѣческая личность съ тѣмъ большею силою развивается въ отношеніи плотяномъ.

Въ этомъ безцвѣтномъ человѣчкѣ, съ полупотухшими глазками, съ обрюзглымъ лицомъ и апатичнымъ видомъ, кроется семейный тиранъ, лихоимецъ, развратникъ, хищникъ, способный загубить сотни существованій, расхитить всякое частное и общественное достояніе, и достаточно хитрый, чтобы пролѣзть на всякое „мѣсто“, обмануть своимъ вяло-добродушнымъ видомъ всякое довѣріе, и способный продать все, начиная съ самого себя.

Можетъ-ли изъ такихъ людей создаваться государство, т.-е. самый высокій, самый нравственный изъ всѣхъ видовъ человѣческаго общенія, болѣе всѣхъ другихъ требующій любви, доходящей до самопожертвованія, разумѣнія—переходящаго въ геній, воли — возвышающейся до героизма? Или государство есть только общеніе въ интересахъ матеріальныхъ? Но на почвѣ „матеріальной“ человѣкъ менѣе всего способенъ къ общенію; здѣсь мѣсто тому эгоизму, который, подъ псевдонимомъ „личнаго интереса“, гуляетъ по бѣлому свѣту, побуждая людей поѣдать другъ друга и смотрѣть на самое общество только съ точки зрѣнія своего безграничнаго аппетита. Человѣкъ, несвязанный съ государствомъ высшими способностями своей духовной природы, не связанъ съ нимъ вовсе и неспособенъ дать ему ничего, кромѣ равнодушія, искусно соединеннаго съ хищеніемъ и обманомъ.

„Государство, говоритъ Боркъ на своемъ картинномъ языкѣ, есть нѣчто высшее, чѣмъ товарищество по торговлѣ

перцемъ или кофе, миткалемъ или табакомъ... Государство должно быть разсматриваемо съ другой точки зрѣнія, потому что оно не есть общеніе въ вещахъ, потребляемыхъ, служащихъ только для животнаго существованія. Государство есть общеніе во всякой наукѣ, во всякомъ искусствѣ, во всякой добродѣтели и во всякомъ совершенствѣ".

Вотъ мысль, сознаніе, чутье, инстинктъ, назовите это какъ хотите, двинувшіе всѣхъ и все въ приснопамятную эпоху начала нашихъ преобразованій. Тогда не спрашивали о томъ, къ какой категоріи относятся пороки, оставленные намъ старымъ временемъ, къ категоріи-ли „прирожденныхъ" грѣховъ нашей „расы" или къ преходящимъ историческимъ прегрѣшеніямъ, исправляемымъ доброю волею людей. Всѣ понимали, что Россія, какъ государство, какъ нація, какъ часть человѣческаго рода наконецъ, не можетъ существовать въ своихъ прежнихъ общественныхъ формахъ; что крѣпостное право развращало одинаково и господъ, и подвластныхъ имъ; что вотчинный взглядъ, впитавшійся въ администрацію и въ судъ, порождалъ хищниковъ, своекорыстныхъ угодниковъ и вытѣснялъ всякое пониманіе гражданскаго долга; что самое слово „правосудіе" сдѣлалось посмѣшищемъ въ тѣ времена; что жестокая система наказаній не только не достигала своей цѣли, но каждый ударъ плети озвѣрялъ толпы праздныхъ зрителей наказанія; что цѣлыя массы людей „первенствующаго" и другихъ сословій коснѣютъ въ невѣжествѣ и лѣни; что, при отсутствіи законности, никакая добропорядочная личность не можетъ выступить на общественное служеніе и всегда должна уступить мѣсто людямъ противоположныхъ качествъ; что, при отсутствіи какой бы то ни было гласности, а слѣдовательно и отвѣтственности, хотя бы нравственной, человѣческіе пороки раздуваются и расширяются подобно живымъ тѣламъ въ безвоздушномъ пространствѣ; что все это, вмѣстѣ взятое, способно сдѣлать изъ государства не „общеніе во всякой добродѣтели и во всякомъ совершенствованіи", какъ говоритъ Боркъ, а „общеніе" въ самыхъ непохвальныхъ качествахъ человѣческой природы.

Когда вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ въ общемъ сознаніи или, по крайней мѣрѣ, въ общемъ чувствованіи, то, спрашивается, какая иная формула могла быть найдена для его разрѣшенія, какъ не та, какая напрашивалась сама собою, т.-е. облагородить человѣка, ибо безъ облагороженнаго человѣка не можетъ быть и облагороженнаго государства?

Но развѣ человѣкъ не благороденъ самъ по себѣ? Да, онъ благороденъ, ибо въ него вложены Богомъ такіе зачатки къ совершенствованію, какихъ нѣтъ ни въ одной земной твари. Ему сказано: „будь совершенъ, какъ Отецъ твой Небесный“. Но будь не то же, что есть, иначе Спасителю не нужно было бы приносить себя въ жертву искупленія. Вовьмите въ руки исторію всякаго народа, прочтите ее внимательно и воспроизведите въ своемъ умѣ тяжелый, но торжественный процессъ перехода племенъ отъ стаднаго существованія, отъ грубаго варварства, къ совершеннѣйшимъ формамъ общества. Развѣ понятія о правѣ, о собственности, о семьѣ, о религіи, объ обществѣ и государствѣ, явились съ появленіемъ человѣка на свѣтъ? Развѣ онъ не началъ съ людоѣдства, съ безпорядочнаго полового общенія, съ грубѣйшаго суевѣрія, съ рабства? Развѣ нравственныя истины не открывались точно такъ же, какъ истины математическія, юридическія и законы естественные?

Окиньте взоромъ всѣ періоды поступательнаго движенія человѣчества—и вы откроете, что не только учрежденія и формы общественнаго быта измѣнялись, но видоизмѣнялся и самый человѣкъ въ нравственныхъ качествахъ и умственныхъ способностяхъ. Безъ послѣдняго невозможно было бы и первое. Кто хотѣлъ новаго общества — долженъ былъ хотѣть и новыхъ людей.

А первѣйшее условіе для образованія новаго человѣка есть признаніе и обезпеченіе его личности, ибо только при этомъ условіи человѣкъ способенъ развить и проявить свои творческія силы. Это начало давнымъ давно признано въ области экономической; въ области хозяйственной политики никто уже не утверждаетъ, что развитіе производи-

тельныхъ силъ страны возможно при рабствѣ и крѣпостномъ состояніи, при необезпеченности частной собственности, при отсутствіи свободы въ выборѣ занятій и т. д. Какимъ же образомъ то, что признается аксіомой, когда дѣло идетъ о накопленіи матеріальнаго капитала страны, признается сомнительнымъ, какъ только дѣло заходитъ объ увеличеніи ея нравственнаго капитала?

Не такъ смотрѣли на дѣло въ то время, когда начинались наши преобразованія. Всѣ великіе и незабвенные акты того времени были направлены къ этой общей цѣли: облагородить человѣка, чрезъ признаніе и огражденіе его личныхъ правъ, чрезъ пріобщеніе его къ общественному дѣлу, чрезъ увеличеніе средствъ къ образованію. Какую другую цѣль имѣли крестьянское положеніе, судебные уставы, земскія и городскія учрежденія, правила о печати, призывъ земства къ дѣлу народнаго образованія и т. д.?

Теперь намъ говорятъ, что всѣ эти великія начинанія были несвоевременны. Въ такомъ же именно смыслѣ? Въ томъ ли, что русскій народъ и общество слѣдовало подготовить къ воспріятію реформъ? Безцѣнная, великая, несравненная мысль! Мысль, достойная всѣхъ Геростратовъ временъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ!

Подготовлять крестьянъ къ самостоятельной гражданской жизни, оставляя ихъ пока въ крѣпостномъ состояніи, т.-е. въ положеніи безправныхъ вещей; внушать имъ понятіе о собственности, оставляя „пока“ за помѣщиками право на ихъ трудъ и на ихъ личность; обучать ихъ грамотѣ, пріобщать ихъ къ духовной жизни, оставляя за помѣщиками право ссылать ихъ безъ суда за малѣйшее проявленіе какой-нибудь мысли; пріучать ихъ къ веденію общественныхъ дѣлъ, оставляя все сельское общество поглощеннымъ во власти помѣщика и въ личности бурмистра; словомъ, чрезъ безправіе воспитывать къ праву — такова эта великая, несравненная мысль...

Чрезъ то же безправіе должно было бы подготовляться къ праву и общество, потерявшее понятіе о правосудіи при старыхъ судахъ и прежней слѣдственной части; оно дол-

жно было пріучаться къ самодѣятельности, бездѣйствуя во множествѣ комитетовъ, сводившихся по закону къ единоличной власти губернаторовъ, а на практикѣ — къ „дѣятельности“ секретаря, „безтолковаго, лѣниваго, а чаще всего недобросовѣстнаго“; ему слѣдовало „пріучаться“ къ гласности при безмолвіи подцензурной печати, при канцелярской тайнѣ всякихъ видовъ дѣлопроизводства и судопроизводства; ему слѣдовало воспитаться въ чувствѣ отвѣтственности и привычкѣ къ отчетности тамъ, гдѣ отвѣтственность существовала на бумагѣ, а требованіе отчетовъ казалось оскорбленіемъ; онъ должно было пріучаться къ равноправности, къ равенству предъ закономъ, при законахъ, проводившихъ глубочайшее различіе между сословіями... risum teneatis amici!

Оставимъ эту геніальную „мысль“ и обратимся къ другой. Реформы несвоевременны, ибо они не дали еще „ожидаемыхъ плодовъ“. Напротивъ, въ русскомъ обществѣ оказались черты страшно непріглядныя, свидѣтельствующія о крайне низкомъ нравственномъ его уровнѣ. Растраты и прямыя расхищенія общественныхъ суммъ, разгулъ многихъ дикихъ инстинктовъ, потрясающія семейныя драмы, картины мотовства, вялая дѣятельность общественныхъ учрежденій — все это факты, надъ которыми съ грустью задумывается современный русскій человѣкъ.

Но на эти грустныя размышленія мы отвѣтимъ слѣдующею аллегоріею. Большой, но плохо содержавшійся городъ пригрѣтъ лучами весенняго солнца; таетъ снѣгъ, полились потоки, обнажается земля, пуская паръ подъ дѣйствіемъ животворящаго свѣтила. Да здравствуетъ весна! Но какая масса нечистотъ открывается изъ-подъ таящаго снѣга; какія зловонныя испаренія несутся изо всѣхъ дворовъ, изъ никогда не вычищавшихся помойныхъ ямъ; какія плодятся лихорадки, какіе губительные тифы и иныя заразительныя болѣзни! Откуда все это? Вѣдь зимою, при двадцатиградусномъ морозѣ, ничего не воняло, ничто не испускало зловредныхъ міазмовъ; комки навоза мирно и безвредно лежали на улицахъ; дохлыя собаки и кошки покоились въ

видѣ мерзлой массы; выгребныя ямы „содержали“ всякія нечистоты безъ вреда для окрестныхъ жителей. Что-же: проклятіе весеннему солнцу и да здравствуетъ двадцатиградусный морозъ? Не благоразумнѣе ли будетъ, однако, оставивъ въ сторонѣ весеннее солнце, которое дѣлаетъ свое дѣло, постараться вычистить и убрать эти нечистоты, принявъ за правило, что и на будущее время городъ слѣдуетъ содержать въ чистотѣ?

Нечего удивляться, что при первомъ вѣяніи общественной весны, дурные инстинкты и привычки, накопленныя въ поразительномъ количествѣ за прежнее время, проявляются, можетъ быть, съ бо́льшею силою, даже въ болѣе неприглядной формѣ, чѣмъ прежде, при трескучемъ морозѣ. Это неудивительно уже потому, что всѣ эти нечистоты, подъ дѣйствіемъ весенняго солнца, разлагаются, пуская свои испаренія во всѣ стороны, временно заражая воздухъ. Тяжело жить въ этой атмосферѣ; но глазъ уже видитъ пробивающуюся травку, налившіяся почки, а умъ знаетъ, что, подъ дѣйствіемъ тепла, всѣ нечистоты разложатся быстро, тогда какъ на морозѣ онѣ лежали бы неприкосновенными цѣлые вѣка, подобно трупу мамонта, найденному въ сибирскихъ льдахъ. Весна возьметъ свое, трава выростетъ, деревья покроются цвѣтами и дадутъ плодъ, если съумѣютъ сохранить ихъ отъ весеннихъ заморозковъ.

РЕФОРМЫ И НАРОДНОСТЬ.

I.

Магометовъ гробъ.

„Либерализмъ есть отреченіе отъ народности“. Это великое открытіе сдѣлано въ наши дни, въ дни великихъ открытій. Какъ только оно было сдѣлано, изъ него само собою вытекло другое, еще важнѣйшее: былъ открытъ тотъ родникъ, изъ коего течетъ „живая вода“ для нашей смуты.

Послушаемъ, какъ и на какихъ основаніяхъ развивается эта удивительная тема. „Откуда,—говорятъ намъ,—берется и чѣмъ питается у нашихъ анархистовъ то глубочайшее презрѣніе къ народнымъ идеаламъ, то безшабашное отрицаніе всѣхъ историческихъ началъ русскаго быта? Они, очевидно, договариваютъ только послѣднее слово изъ тѣхъ рѣчей, какія слышатся всюду; тамъ, гдѣ другіе только посмѣиваются и „критикуютъ“ въ четырехъ стѣнахъ, они ненавидятъ, кипятъ яростью и стрѣляютъ; то, къ чему другіе относятся съ снисходительнымъ равнодушіемъ, отрицается ими на чистоту. Равнодушіе и молчаливое презрѣніе однихъ является какъ бы условіемъ, дающимъ смѣлость и дерзость другимъ. Либерализмъ самъ по себѣ не престу-

пенъ, но онъ есть почва, на которой взростаютъ самыя дикія преступленія, оскорбляющія народное сознаніе. Если-бы наша анархическая партія встрѣтилась съ обществомъ, съ интеллигенціею, крѣпкими національнымъ чувствомъ, вѣрною народнымъ понятіямъ, она была бы заглушена и задавлена сразу. Но когда предъ нею стоитъ общество, само отрекшееся отъ народности, когда въ этихъ десяткахъ тысячъ грудей бьются не русскія сердца, а въ этихъ головахъ утвердилось не русское міросозерцаніе, что́ помѣшаетъ людямъ „живого“, такъ сказать, отрицанія рушить направо и налѣво? Кто ополчится за вѣру, переставшую быть вѣрою?“

Вотъ рядъ умозаключеній, съ внѣшней стороны безукоризненно вѣрныхъ. Остается узнать, вѣрны-ли они внутренно, по существу. Произвести такое изслѣдованіе весьма „благовременно“ теперь, когда ложныя разсужденія могутъ имѣть серьезныя практическія послѣдствія, когда политическія статьи легко обращаются въ обвинительные акты и даже пишутся, какъ таковые.

Итакъ, „либерализмъ есть отреченіе отъ народности“. Почему и въ какомъ смыслѣ? О какомъ либерализмѣ идетъ здѣсь рѣчь? Какая народность имѣется въ виду?

Обвиненіе въ отреченіи отъ своей народности выставляется, конечно, не противъ либерализма вообще, иначе пришлось бы обвинять барона Штейна и Вильгельма Гумбольдта, Пальмерстона и Гладстона, Кавура и Массимо д'Азеліо въ измѣнѣ народностямъ нѣмецкой, англійской и итальянской. Рѣчь идетъ о либерализмѣ русскомъ. Но здѣсь мы наталкиваемся на великое недоразумѣніе. Какимъ образомъ строй мыслей и совокупность стремленій, бывшихъ во всѣхъ другихъ странахъ вполнѣ народными, у насъ дѣлаются противными народности? Начиная съ 1815 г. (чтобы говорить только о временахъ ближайшихъ), на западѣ Европы національныя движенія были тѣсно связаны съ движеніями либеральными; все, что́ мечтало о германскомъ и итальянскомъ единствѣ, все, что́ работало надъ развитіемъ національнаго сознанія, все, что́ изучало народные идеалы

въ исторіи, воспроизводило ихъ въ области поэзіи и искусства — принадлежало къ либеральному лагерю. Напротивъ, все, что̀ поддерживало разъединеніе Германіи, разъединеніе и порабощеніе Италіи, принадлежаяо къ лагерю противоположному. Почему же начало, производившее тамъ одно дѣйствіе, здѣсь производитъ не только иной, но и противоположный эффектъ?

Одно изъ двухъ: или Россія въ самомъ дѣлѣ такая страна, что въ ней все дѣлается на-выворотъ, или въ самой оцѣнкѣ занимающаго насъ факта есть какая-нибудь фальшь. Кажется, что послѣднее предположеніе наиболѣе вѣроятно.

Фальшь бьетъ въ глаза сама собою. Обличители такъ называемаго либерализма желаютъ, повидимому, стать на одну почву съ славянофилами, обратить ихъ проповѣдь на пользу своихъ „цѣлей“. Но формула славянофиловъ была составлена иначе. Они говорили: западничество, европейничанье, есть отчужденіе отъ своей народности; и подъ именемъ западничества они разумѣли извѣстный строй мыслей, выражавшійся не въ одномъ „либерализмѣ“ на западный образецъ, но и въ пріемахъ тѣхъ людей, которые въ тѣ времена причислялись къ противоположному лагерю. Эти послѣдніе для славянофиловъ были даже менѣе симпатичны, чѣмъ „либералы“. Не даромъ корифеи славянофильства прямо были записаны по „либеральной части“, вмѣстѣ съ кружкомъ Бѣлинскаго.

Если подражать славянофиламъ и отстаивать народность, то нужно посмотрѣть на болѣзнь, противъ которой они шли, такъ же всесторонне и добросовѣстно, какъ они. Нужно сдѣлать бо́льшее: нужно посмотрѣть на корень болѣзни, чего не могли сдѣлать славянофилы, видѣвшіе только симптомы зла, но не его источникъ.

Западничество, въ самомъ дѣлѣ, было болѣзнью русскаго общества и во многихъ отношеніяхъ остается его болѣзнью и донынѣ. Но теперь, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, слѣдуетъ остановиться на ея источникѣ и объемѣ.

Западничество было явленіемъ крѣпостной, до-рефор-

менной Россіи, продуктъ отсутствія всякой общественной жизни. Обыкновенно источникъ западничества ищутъ въ томъ разрывѣ привилегированной и служилой Россіи съ Россіею тяглою и податною, который совершился во времена Петра Великаго. Это вѣрно только до извѣстной степени. Петръ Великій вдвинулъ Россію въ сонмъ западныхъ государствъ, опередившихъ насъ своимъ просвѣщеніемъ на нѣсколько вѣковъ. Громадный нравственный и умственный авторитетъ вдругъ возсталъ предъ живымъ и переимчивымъ ученикомъ. Но этимъ ученикомъ была только часть русскаго общества, призванная къ власти и къ какой-нибудь гражданской жизни. Она жадно усвоивала манеры, языкъ, нравы, взгляды и стремленія другихъ народовъ, но ничего не проводила въ массу, отдѣленную отъ нея тягломъ, крѣпостнымъ правомъ и подушною податью. Масса оставалась неподвижною, а вершины двигались не сами собою, а подъ чужимъ вліяніемъ, подчиняясь то нѣмецкимъ, то французскимъ вліяніямъ. Этимъ путемъ въ просвѣщенную часть общества проводилось много добраго; она становилась мягче, разумнѣе; она теоретически сочувствовала народу и мало-по-малу подготовлялась къ воспріятію освободительныхъ идей. Формы государственнаго управленія становились лучше, уголовные законы человѣчнѣе, научныя свѣдѣнія примѣнялись къ улучшенію условій жизни. Но раздѣльная черта между народомъ и интеллигенціею оставалась рѣзкою; духовнымъ отечествомъ послѣдней все болѣе и болѣе становилась Европа.

Это обстоятельство уже не зависѣло отъ одной только реформы Петра Великаго; причины его лежали гораздо глубже и на нихъ, именно въ настоящую минуту, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

То, что мы называемъ западничествомъ, какъ явленіемъ болѣзненнымъ, характеризуется не одною страстью къ заимствованіямъ изъ Европы, не одною подражательностью въ нашихъ нравахъ, въ языкѣ и т. д. Не было народа европейскаго, который не испыталъ бы на себѣ вліянія другихъ народовъ, который не пользовался бы чужою

наукою, чужими техническими изобрѣтеніями, не заимствовалъ бы чужихъ учрежденій и т. д. Чрезвычайно трудно опредѣлить, что̀ въ данномъ нравственномъ, умственномъ и политическомъ капиталѣ каждой европейской народности есть результатъ ея собственныхъ усилій, и что̀ должно считать плодомъ вліянія и примѣра другихъ народовъ.

У насъ много смѣялись надъ нашею страстью къ французскимъ идеямъ и людямъ. Но вотъ что пишетъ Маколей о вліяніи этой страны на Европу еще въ XVII вѣкѣ:

„Ея авторитетъ царилъ во всѣхъ вопросахъ хорошаго тона, отъ дуэли до минуэта. Она рѣшала, каковъ долженъ былъ быть покрой платья джентльмена, какой длины его парикъ, высоки или низки должны были быть его каблуки, широкъ или узокъ долженъ былъ быть галунъ на его шляпѣ. Въ литературѣ она была законодательницею міра. Слава ея великихъ писателей наполняла Европу... Франція имѣла тогда такую власть надъ человѣчествомъ, какой даже Римская республика никогда не достигала... Французскій языкъ быстро сдѣлался всемірнымъ языкомъ, языкомъ высшаго общества, языкомъ дипломатическимъ“.

Нужно-ли напоминать о позднѣйшемъ и еще болѣе сильномъ вліяніи Франціи? Нужно-ли говорить о вліяніи англійскихъ политическихъ учрежденій на западъ Европы?

Между тѣмъ, въ исторіи европейскихъ странъ, за рѣдкими и преходящими исключеніями, нельзя найти явленій, подобныхъ нашему западничеству. Причина этого довольно ясна. Какъ бы каждый отдѣльный англичанинъ, нѣмецъ или французъ ни увлекались идеями и примѣрами чужихъ странъ, сила и вліяніе общественной жизни здѣсь таковы, что каждая идея, пущенная въ ходъ французскомъ-англоманомъ или англичаниномъ-галломаномъ, немедленно переработывается согласно условіямъ и темпераменту каждой страны. Каждый, сталкиваясь съ ежедневно-выражаемыми мнѣніями, съ обнаруживаемыми привычками и стремленіями другихъ, долженъ сообразоваться съ ними, если желаетъ имѣть какое нибудь вліяніе на общество и не остаться пустоцвѣтомъ. Каждый настолько связанъ съ массою народа множествомъ

не личныхъ только, но и общественныхъ отношеній, что чувствуетъ себя дѣйствительно частью великаго цѣлаго и живетъ съ нимъ одною жизнью. Теоретическія увлеченія его иноземными теоріями могутъ быть велики, но внутреннее существо его остается нетронутымъ и хранится силою общественнаго вліянія отъ всякаго вырожденія во что-нибудь чужое.

Совсѣмъ не то видимъ мы въ до-реформенной и крѣпостной Россіи. Народная масса находилась въ состояніи полнаго безправія подъ властью помѣщиковъ, или въ состояніи близкомъ къ безправію подъ опекою администраціи. Привилегированная часть общества была замкнута въ приказныя формы управленія, общій типъ котораго нисколько не нарушался подобіями общественныхъ учрежденій, въ родѣ дворянскихъ собраній и городскихъ думъ. Общественнаго голоса не слышно было нигдѣ; не было его на судѣ при формахъ прежняго процесса; не было его въ печати, стѣсненной до послѣднихъ предѣловъ; не было его въ учрежденіяхъ, гдѣ всѣ сословія совѣщались бы о своихъ пользахъ; не было и самыхъ учрежденій общественныхъ. Въ условіяхъ обрядоваго, формальнаго государства каждый недѣлимый осужденъ былъ жить „особѣ“, самъ по себѣ, не образуя съ другими общественныхъ соединеній, не воспитываясь въ кругу дѣлъ общественныхъ, не черпая изъ общественныхъ явленій никакихъ живыхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ образуется складъ дѣятеля общественнаго. Напротивъ, каждый уходилъ въ свою скорлупу, въ свой внутренній міръ и изъ всѣхъ общественныхъ вліяній зналъ вліяніе тѣснаго кружка согласно мыслящихъ.

При такой обособленности, всякое міросозерцаніе должно было получить чисто субъективный характеръ; никакая идея не могла быть возведена на степень общественнаго начала, не могла быть провѣрена дѣйствительными общественными потребностями и быть переработана согласно съ послѣдними. Самые матеріалы для образованія такого міросозерцанія, очевидно, черпались изъ иностранныхъ источниковъ, какъ изъ общаго для всѣхъ просвѣ-

тительнаго родника. И опять-таки черпались они не изъ жизни иностранной, которой мы не видѣли, благодаря необычайной трудности путешествій, а изъ книгъ, изъ теорій, жизненный смыслъ которыхъ для насъ оставался скрытъ.

Все наталкивало русскую интеллигенцію на путь чисто субъективнаго, головнаго и теоретическаго „развитія“, а въ дѣлѣ этого „развитія“ книга, разумѣется, заняла первенствующее мѣсто. Книга царила вездѣ и во всемъ: думали по книгамъ, чувствовали по книгамъ, даже законы и циркуляры сочиняли по книгамъ послѣдняго и самоновѣйшаго привоза. Въ этомъ есть своя смѣшная и нелѣпая сторона, но есть и сторона психологически необходимая, даже трагическая. Надъ первою уже много смѣялись, а теперь даже подводятъ подъ разрядъ преступленій. Вторую мало замѣчали, но она вполнѣ необходима для полнаго объясненія явленія.

Ни одинъ человѣкъ не можетъ жить безъ идеальныхъ началъ, безъ совокупности извѣстныхъ стремленій къ высокому. Въ странахъ, съ развитою общественною жизнью, эти идеальныя начала и стремленія приносятся воспитаніемъ, общеніемъ съ другими въ общемъ трудѣ надъ великими національными задачами. Въ странахъ, гдѣ отсутствуетъ такая жизнь, гдѣ каждый живетъ самъ по себѣ, идеалы, какъ мы уже сказали, выработываются на чисто субъективной почвѣ, становятся идеаломъ такого-то лица или такого-то кружка.

Правда, такіе идеалы уже теряютъ всякій общественный смыслъ; общество не найдетъ въ нихъ ни удовлетворенія своихъ внутреннихъ потребностей, ни разрѣшенія своихъ сомнѣній. Но они, въ извѣстной мѣрѣ, удовлетворяютъ потребностямъ лицъ и кружковъ. Во времена, о которыхъ мы говоримъ, такая потребность была на-лицо: уйти куда-нибудь отъ того гнетущаго міра „мертвыхъ душъ“, въ которомъ замирало и пропадало все человѣческое. Западничество явилось этимъ средствомъ искусственной, внутренней эмиграціи изъ крѣпостной Россіи.

Въ идеальномъ мірѣ единичнаго человѣка или малаго

кружка, въ міркѣ, гдѣ царствовали Жоржъ-Зандъ и Викторъ Гюго, Гегель и Шеллингъ, Шиллеръ и Гёте, Байронъ и Шекспиръ, Монтескье и Констанъ, въ этомъ міркѣ забывался, отдыхалъ, жилъ и умиралъ человѣкъ сороковыхъ годовъ. И не только забывался и отдыхалъ — онъ, при помощи этихъ искусственныхъ средствъ питанія, сохранялъ въ себѣ человѣческую личность, нѣкоторый Божій огонь, понадобившійся въ ту минуту, когда Русскій Царь сказалъ своему дворянству: освобождайте крестьянъ!

Пока не раздался этотъ кличъ, люди эти, по внутреннему существу своему, были людьми отчужденными. Они могли повторить слова Фихте, сказанныя имъ при аналогическихъ условіяхъ: „гдѣ отечество истинно-просвѣщеннаго христіанина европейца? Вообще—Европа, а въ особенности, въ каждую эпоху, то европейское государство, которое стоитъ во главѣ цивилизаціи“.

Но увы! Человѣкъ не можетъ не имѣть отечества. Напрасно Фихте говорилъ въ 1804 году: „пусть земнорожденные признаютъ въ земной корѣ, рѣкахъ и горахъ свое отечество... солнцеподобный духъ неудержимо притягивается и направляется туда, гдѣ свѣтъ и право. И въ этомъ всемірно-гражданскомъ чувствѣ мы можемъ успокоиться о судьбѣ и дѣяніяхъ государства“. Самъ Фихте не успокоился въ этомъ „всемірномъ гражданскомъ чувствѣ“; онъ самъ мощно послужилъ „земнорожденнымъ, признававшимъ въ земной корѣ, горахъ и рѣкахъ свое отечество“; онъ возбудилъ въ Германіи именно національное чувство, благодаря которому нѣмцы согнали съ „коры своей земли“ иноземныхъ завоевателей.

Человѣкъ, отрѣшившійся отъ отечества, даннаго ему Богомъ и природой, не получаетъ взамѣнъ ничего и не можетъ „успокоиться во всемірно-гражданскомъ чувствѣ“, ибо всемірнаго гражданства нѣтъ, а потому не можетъ быть и соотвѣтствующаго чувства. Онъ остается единицею, скитающеюся направо и налѣво, знающій только свое горе, скорбно ищущій, гдѣ преклонить ему голову, гдѣ „оскорбленному есть чувству уголокъ“. Словомъ, это человѣкъ —

лишній, сознающій полную свою безполезность на землѣ. Это Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, это Бельтовъ или Рудинъ, умирающій подъ именемъ поляка за чужое дѣло на парижскихъ баррикадахъ.

Да, это лишніе люди, люди-страдальцы, но ради Бога не называйте ихъ преступниками и измѣнниками! Подумайте вотъ о чемъ. Ваши стрѣлы обращаются главнымъ образомъ на западниковъ либеральнаго толка, на людей, мыслившихъ по Монтескье и Руссо, захлебывавшихся пѣснями Беранже и зачитывавшихся романами Гюго. Такъ-ли? Ну, а русскіе люди, впитывавшіе въ себя де-Местра и Бональда, русскіе шіетисты по нѣмецкому шаблону, русскіе маркизы по Полиньяку и администраторы по французской выкройкѣ и на прусской подкладкѣ — это какіе люди? Когда князь А. Н. Голицынъ и прочіе шіетисты отъ „библейскаго общества“ пришли въ соприкосновеніе съ архимандритомъ Фотіемъ, какими людьми они почувствовали себя? Не былъ-ли, наконецъ, западникомъ и Магницкій, этотъ слуга западныхъ реакціонныхъ теорій, не имѣвшихъ никакого смысла въ Россіи?

Правда, эти люди не были „лишними“ въ смыслѣ ихъ соперниковъ; они дѣйствовали, брали власть въ свои руки, судили и управляли, тогда какъ тѣ стояли въ сторонѣ и страдали. Но что же они сдѣлали прочнаго, народнаго, русскаго? Какъ чувствовали они себя въ этой Россіи, на которую они смотрѣли съ снисходительнымъ презрѣніемъ ученаго аббата, французскаго аристократа или нѣмецкаго чиновника? Справедливо-ли, основательно-ли подвергать осмѣянію „шаблонный космополитизмъ либераловъ“ и оставлять въ сторонѣ „шаблонный космополитизмъ реакціонеровъ“, т.-е. другую сторону одного и того же явленія, другую вѣтвь одного и того же древа?

Скажите, наконецъ, не была-ли въ значительной мѣрѣ лишнею вся государственная машина Россіи, въ тотъ моментъ, когда мы задавались космополитическими цѣлями всеевропейской „легитимности“, усмиряли итальянцевъ въ пользу мѣстныхъ князьковъ, поддерживали реакцію и Мет-

терниха въ Германіи, заботились о порядкѣ на Пиреннейскомъ полуостровѣ, чуть-было не проспали греческое возстаніе, а дома, въ теченіи шестидесяти лѣтъ, не могли справиться съ крѣпостнымъ правомъ?

Скорбите о „западничествѣ“, сколько хотите; это была болѣзнь, но болѣзнь общая, а не одного только кружка и не нѣсколькихъ единицъ. Ею были заражены и конституціоналисты по Монтескье и абсолютисты по де-Местру, и піетисты, и даже милитаристы. Общая болѣзнь зависѣла и отъ общихъ причинъ: отъ обрядоваго, формальнаго, приказнаго характера государственной машины, отъ крѣпостнаго права, при которомъ на массѣ безправнаго народа росла кучка оторванныхъ отъ народа людей разныхъ толковъ, отъ отсутствія какихъ бы то ни было общественныхъ учрежденій, гдѣ личность человѣческая можетъ воспринимать реальныя впечатлѣнія дѣйствительной жизни, гдѣ она пріучается сознавать себя частью цѣлаго и перестаетъ понимать себя только какъ единицу, субъективнымъ стремленіямъ которой нѣтъ нигдѣ границъ.

Идите дальше. Этотъ формальный, искусственный, лишенный всякаго народнаго содержанія, а потому и безсодержательный міръ выработалъ и выпустилъ изъ себя новый мірокъ, въ которомъ отразилась вся его изнанка. Всѣ эти различныя и искусственныя теченія мысли, всѣ взятыя на прокатъ чувства, понятія и формулы, весь формализмъ административныхъ инструкцій, наказовъ и уставовъ были, наконецъ, поглощены въ одномъ словѣ—нигилизмъ. Странное, непонятное явленіе! Предметъ недоумѣнія для иностранцевъ! Но какъ не понять его намъ, знающимъ всю теорію и психологію нашихъ „лишнихъ людей?“

Еще Хомяковъ предрекъ судьбу того искусственнаго культурнаго міра, въ которомъ онъ жилъ. „За страннымъ призракомъ погнались у насъ многіе,—говорилъ онъ.—Общеевропейское, общечеловѣческое!.. Но оно нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живо, все народно. А думаютъ же иные обезнародить себя и уйти въ какую-то чистую, высокую сферу. Разумѣется, имъ удается только

уморить свою жизненность и, въ этомъ мертвомъ видѣ, не взлетѣть на высоту, а, такъ-сказать, повиснуть въ пустотѣ, т.-е. изобразить изъ себя магометовъ гробъ".

Распознать всю пустоту, всю ложь содержимаго въ этомъ „магометовомъ гробѣ" было, конечно, немудрено. Найти эти положительныя, твердыя начала въ народныхъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ и идеалахъ было совсѣмъ мудрено, ибо къ нимъ давнымъ давно всѣ относились отрицательно, да и самый народъ лежалъ подъ спудомъ. Оставалось отрицаніе на обѣ стороны. Богъ, жившій въ сердцахъ народа, былъ уже давно непонятенъ; съ „философской" точки зрѣнія, онъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ фетиша и признавался только внѣшнимъ образомъ, ради приличія, pour les gens. Другой Богъ, искуственно составленный по Шеллингу и Гегелю или Эккартсгаузену съ Массильономъ, былъ совсѣмъ нелѣпъ и годился только для развитія діалектики въ дружескомъ спорѣ. Государственная идея, понятія объ отношеніяхъ царя къ землѣ, жившія въ народныхъ умахъ и давшія народу силу и терпѣніе выждать своей воли — были мертвы и непонятны для человѣка культурнаго, сталкивавшагося съ „государствомъ" только въ формахъ канцелярской переписки. Но столь же мертва была и государственная идея, составленная по Гизо, Тьеру и Одиллону Барро. Перейдите къ семьѣ, къ нравственности, даже къ экономическимъ понятіямъ, и вездѣ вы натолкнетесь на тотъ же магометовъ гробъ, висящій въ пустотѣ.

Ни европейскій фракъ, ни мужицкій кафтанъ, ни Богъ по Аввакуму, ни Богъ по Шлейермахеру не приходились этимъ „новымъ людямъ", эмигрировавшимъ вмѣстѣ съ западниками въ область общечеловѣческаго, но тутъ же замѣтившимъ всю фальшь и негодность одеждъ, въ которыя они были облечены.

Оставалось договорить послѣднее слово — и оно было договорено. Покойный Герценъ справедливо замѣтилъ, что нигилисты сбросили съ себя всѣ одежды и остались въ чемъ мать родила. Но одежды, облекавшія отцовъ, были также фиктивными одеждами и дѣти только разглядѣли наготу

своихъ спутниковъ. Они договорили то, что̀ не было сказано отцами.

Отцы говорили: мой Богъ не есть Богъ народный или церковный; я составилъ себѣ Бога по Гегелю, прихвативъ немного и Штрауса, или по Боссюету съ Массильономъ, съ прибавкою нѣмецкихъ піетистовъ. Дѣти отвѣчали: неправда! Вашъ Богъ не есть Богъ, вы себя обманываете и тѣшитесь призраками. Намъ вашъ призракъ не нуженъ, мы договариваемъ то, чего вы не хотите или боитесь сказать себѣ — Бога нѣтъ.

Отцы, при помощи свода законовъ, дворянской жалованной грамоты и нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій, компилировали себѣ, для домашняго обихода, разныя понятія о государствѣ и политическихъ отношеніяхъ. Дѣти разглядѣли всю искусственность этихъ понятій и отвергли ихъ вмѣстѣ съ государствомъ, не поставивъ на ихъ мѣсто ничего, ибо этого чего взять имъ было негдѣ.

Когда Тургеневъ вывелъ на свѣтъ Божій своего Базарова, всѣ ахнули отъ изумленія. Стали толковать о разрывѣ между поколѣніями, о пропасти, отдѣляющей отцовъ и дѣтей.

Разрывъ между поколѣніями дѣйствительно былъ, но не было разрыва въ неизбѣжномъ развитіи идей или, вѣрнѣе, болѣзни, поразившей дѣдовъ, отцовъ и дѣтей одинаково. Нигилизмъ былъ послѣднимъ словомъ западничества, какъ болѣзни, послѣднимъ выраженіемъ той идейной эмиграціи въ область всеевропейскаго. Придя въ эту страну вслѣдъ за отцами, они увидѣли, что всѣ зданія и храмы въ этой странѣ суть картонныя декораціи; что боги, поставленные въ этихъ храмахъ, суть идолы съ сусальными украшеніями; что проповѣди, произносимыя въ этихъ храмахъ, суть безсодержательныя и лживыя фразы. Они бросили эти храмы, эту идеальную страну, но уже не знали, куда имъ идти.

Не даромъ Тургеновъ заставилъ своего Базарова умереть отъ тифа. Великій художникъ не зналъ, что ему дѣлать съ Базаровымъ, ибо и самъ Базаровъ не зналъ, что

ему дѣлать съ собою. Онъ былъ тоже лишній человѣкъ, подобно своимъ предшественникамъ иного толка, съ тою только разницею, что послѣдніе устраивали себѣ идеальный мірокъ и въ немъ кое-какъ поддерживали свое существованіе, а Базаровъ разглядѣлъ всю тщету этого міра и легъ въ сырую землю подъ дубовымъ крестомъ.

Къ счастію для Россіи, въ то самое время, когда Тургеневъ выводилъ Базарова, уже начались тѣ реформы, которыя должны были возвратить домой этихъ невольныхъ эмигрантовъ и обратить лишнихъ людей въ служителей отечества, приведя ихъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительными силами общества. Значеніе реформъ Императора Александра II оцѣнено съ многихъ точекъ зрѣнія, но не съ этой — а она представляется существенно важной. Эти преобразованія возвратили отечество многимъ людямъ, до тѣхъ поръ уходившимъ въ себя и стоявшимъ въ сторонѣ; онѣ принесли первыя средства для врачеванія той тяжелой болѣзни, послѣднимъ симптомомъ которой былъ нигилизмъ.

Между тѣмъ именно преобразовательная и освободительная политика нынѣшняго царствованія, повидимому, должна была усилить западничество. Освобождая крестьянъ, вводя судебную и земскую реформы, давая льготы печати, свободу университетскому преподаванію и т. д., не подражали-ли Россія Западу, не заимствовала-ли она многое изъ общеевропейской сокровищницы? Да. Но тѣмъ не менѣе западничество, какъ болѣзнь, видимо уменьшается съ каждымъ годомъ, а національное сознаніе въ Россіи растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Мы болѣе національны теперь, въ 1880 году, чѣмъ были десять лѣтъ тому назадъ, въ годъ франко-прусской войны; въ 1870 году мы были болѣе національны, чѣмъ въ 1860, а 1860 и 1850 гг., въ этомъ отношеніи, отдѣлены цѣлою пропастью. Теперь уже сдѣлалась ходячею та истина, что у насъ уже нѣтъ „чистыхъ славянофиловъ“, какъ нѣтъ „чистыхъ западниковъ“. Что же случилось? Выдохлись-ли славянофилы? Выдохлись-ли западники? Нѣтъ! Но они на чемъ-то сошлись; что-то за-

ставило ихъ почувствовать себя жильцами одного великаго дома, и въ этомъ домѣ былые „западники“ уже меньше мечтаютъ объ „Европѣ“, чѣмъ прежде.

Чѣмъ же объяснить эту загадку? Чѣмъ объяснить тотъ странный, повидимому, фактъ, что, приблизившись за послѣднюю четверть вѣка къ Европѣ больше, чѣмъ въ теченіи прежняго полустолѣтія, мы сдѣлались болѣе русскими, чѣмъ были современники Александра I? Можетъ быть, эта разгадка найдется, если мы разсмотримъ условія, при которыхъ интеллигенція каждой страны можетъ сдѣлаться и остаться вполнѣ народной.

II.

На землю!

Что такое народность? Отвѣтить на этотъ вопросъ такъ же трудно, какъ и опредѣлить однимъ словомъ, что такое человѣческая личность? Мы знаемъ, мы можемъ указать на условія, подъ вліяніемъ которыхъ у каждаго человѣка образуется особый складъ ума, особый характеръ, особенныя симпатіи и антипатіи, отличающія его отъ другихъ единицъ того же рода. Но доказать бытіе человѣческой личности, какъ нравственной особи, осязательными аргументами нельзя. Это бытіе свидѣтельствуется самосознаніемъ каждаго. Но это доказательство самое неопровержимое. Напрасно будемъ мы увѣрять Петра, что онъ тоже, что Иванъ, ибо у него, какъ у Ивана, двѣ руки, пара глазъ и носъ, что онъ такъ же, какъ и Иванъ, хочетъ ѣсть и пить и т. д. Петръ останется при мнѣніи, что онъ не Иванъ, и мы убѣдимся въ справедливости его мнѣнія, если заставимъ его любить и ѣсть тѣ же кушанья, какія ѣстъ Иванъ, думать и говорить одинаково съ нимъ, любить тѣхъ же людей, наслаждаться тою же музыкою и т. д. При такомъ насильственномъ сопряженіи Ивана съ Петромъ, одинъ

изъ сопряженныхъ навѣрное останется недоволенъ и откажется отъ вынужденнаго общенія.

Точно также и сознаніе народности, какъ собирательной личности, образуется подъ вліяніемъ множества условій; точно также мы не можемъ доказать бытіе народности внѣшними признаками; но точно также мы не убѣдимъ одинъ народъ, что онъ точно тоже, что и другой, на томъ основаніи, что, подобно другимъ народамъ, онъ состоитъ изъ людей, желающихъ ѣсть, пить, любить, работать и веселиться. Не смотря на этотъ „неопровержимый“ аргументъ, Ломбардія и Венеція не остались подъ владычествомъ Австріи, а Болгарія очень обрадовалась своему освобожденію отъ турокъ; точно также англичанинъ никогда не пожелаетъ для своего отечества французской централизаціи, хотя послѣдняя, по увѣренію Тьера, и составляетъ предметъ зависти для цѣлой Европы. Реформація охватила народы германской расы и остановилась у порога странъ ново-латинскихъ; въ области философіи и искусства — мы отличаемъ школы французскую, англійскую и нѣмецкую и употребляемъ эти названія въ видѣ всѣмъ понятнаго и точнаго обозначенія разныхъ направленій ума и фантазіи, присущихъ этимъ національнымъ школамъ. Все это достаточно извѣстно и едва-ли нужно приводить иныя доказательства.

Но, во всякомъ случаѣ, народность образуется подъ вліяніемъ извѣстныхъ благопріятныхъ условій и замираетъ, чахнетъ, при наличности другихъ обстоятельствъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, касающихся условій національнаго развитія, въ настоящую минуту насъ занимаетъ одинъ: это условія національнаго направленія въ интеллигентныхъ классахъ общества. Этотъ вопросъ очень важенъ, хотя бы потому, что весьма многіе видятъ причину развитія нашей смуты въ національныхъ качествахъ нашей интеллигенціи. Не останавливаемся на обвиненіи ея въ измѣнѣ, какъ въ опредѣленномъ уголовномъ пуеступлсніи, съ соотвѣтствующими статьями въ уложеніи о наказаніяхъ Оно слишкомъ нелѣпо и слишкомъ недобросовѣстно. Къ чести „обвини-

телей“ мы готовы думать, что подъ именемъ „измѣны“ они подразумѣваютъ не уголовное дѣяніе, а просто ту старую болѣзнь, о которой мы говорили выше. Они просто намекаютъ на существованіе въ нашемъ обществѣ значительнаго числа лицъ, расплывающихся въ безсодержателиномъ космополитизмѣ и потому немогущихъ выставить ничего въ защиту тѣхъ началъ, вѣрованій и убѣжденій, которыми уже много вѣковъ живетъ русскій народъ.

Такіе люди есть; но обвинители современной русской интеллигенціи ошибаются въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что это явленіе ново и находится въ связи съ совершившимися преобразованіями; во-вторыхъ, въ томъ, что означенное „космополитическое“ направленіе есть принадлежность только „космополитовъ“ либеральнаго толка.

Мы уже видѣли, что болѣзнь стара, что причины ея кроются въ общественномъ строѣ, видоизмѣненномъ нынѣшними преобразованіями. Явленіе это существуетъ еще и теперь, но не въ силу реформъ, а не смотря на нихъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Во-вторыхъ, „западничество“ какъ было, такъ и осталось болѣзнью, обнимающею людей разныхъ направленій, а не одного „либеральнаго“. Отрекшимися отъ своей народности считаютъ людей, мечтающихъ о западно-европейскихъ учрежденіяхъ въ ихъ либеральной формѣ. Но почему же не считать отрекшимися отъ этой народности и лицъ, мечтающихъ о вотчинной полиціи по старо-прусскому образцу, объ административныхъ порядкахъ временъ Наполеона III, поклонниковъ бисмаркизма и англійскаго ландлордства? Развѣ эти мечты—мечты русскія, согласныя съ нашими историческими преданіями?

Повторяемъ, если „западничество“ должно быть признано болѣзнью „нѣкоторой части нашей интеллигенціи“, то несправедливо и недобросовѣстно подъ именемъ этой „нѣкоторой части“ разумѣть именно людей „либеральнаго“ толка, оставляя въ сторонѣ „толки“ болѣе вліятельные, а потому и болѣе опасные въ практическомъ отношеніи. Если уже желать національнаго развитія для русской интеллиген-

ціи, желать его серьезно и искренно, то болѣзнь должно видѣть въ полномъ объемѣ и лечить ее всю, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, въ крайней лѣвой и въ крайней правой, въ центрѣ и въ окрыліяхъ.

Для такого леченія всей болѣзни уже даны первыя средства въ реформахъ нынѣшняго царствованія Попробуемъ привести ихъ въ связь съ указаннымъ выше опредѣленіемъ народности и мы поймемъ въ чемъ дѣло. Народность есть нѣкоторая нравственнная личность, но личность собирательная, составленная изъ милліоновъ единицъ, проникнутыхъ одними основными вѣрованіями, убѣжденіями и чувствами. Отсюда слѣдуетъ, что дѣйствительная принадлежность каждой единицы къ своей народности обусловливается степенью вліянія массы на каждую личность, вліянія ежедневнаго, въ отношеніяхъ будничныхъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ. Необходимо, чтобы каждая единица какъ можно больше видѣла предъ собою эту народность, въ формахъ осязательныхъ и доступныхъ, чтобы она испытывала давленіе ея убѣжденій, взглядовъ и стремленій и, въ свою очередь, имѣла бы законную долю вліянія на нее. Этимъ обмѣномъ вліяній обусловливается то общеніе, при которомъ каждая единица будетъ сознавать свою дѣйствительную принадлежность къ національному тѣлу и не будетъ чувствовать себя скитальцемъ и гостемъ въ родной землѣ.

Поэтому не можетъ быть рѣчи объ условіяхъ національнаго развитія при отсутствіи гражданской свободы массы народонаселенія. Закрѣпощенная или порабощенная масса не только не можетъ служить опорою и масштабомъ для составленія общественныхъ убѣжденій, но сама должна отстаивать свой „обычай“ отъ попытокъ искусственнаго и принудительнаго его измѣненія. Помѣщикъ, видѣвшій въ своихъ крѣпостныхъ только даровыхъ пахарей и косарей, даровыхъ пѣвчихъ, музыкантовъ и псарей, конечно, не видѣлъ въ ихъ привычкахъ и вѣрованіяхъ ничего достойнаго уваженія. Напротивъ, онъ сознавалъ возможность дать широкую волю своей фантазіи, дѣлаться чѣмъ ему угодно и

заставлять своихъ подвластныхъ быть чѣмъ ему угодно. Не чувствовалъ, конечно, этого вліянія и чиновникъ, призванный „попечительствовать“ надъ крестьянами непомѣщичьими на основаніи уставовъ, наказовъ и инструкцій, сочиненныхъ въ отдаленномъ центрѣ, въ тиши и глубинѣ кабинетовъ. Но всѣ эти наказы и уставы, равно какъ и всѣ распоряженія помѣщика, были результатомъ личныхъ взглядовъ, а иногда и личныхъ фантазій, а потому они и не могли создать чего-либо прочнаго, могущаго перейти въ убѣжденія и нравы народные, но примѣшивались къ народной жизни случайно, внося въ нее нѣкоторую тревогу и безпокойство, а затѣмъ пропадали безслѣдно. Много ли изъ всего того, что было написано, параграфировано, перенумировано и напечатано въ видѣ уставовъ, наказовъ и инструкцій, дѣйствительно вошло въ жизнь, сдѣлалось частью народнаго обычая? А между тѣмъ, какъ справедливо говорилъ Хомяковъ, цѣль „всякаго закона, его окончательное стремленіе, есть обратиться въ обычай, перейти въ плоть и кровь народа и не нуждаться уже въ письменныхъ документахъ“. На дѣлѣ же мы имѣемъ много документовъ, но они остались бумагою, ибо между закрѣпощеннымъ народомъ и государственною машиною не было и не могло быть живой связи. Первый оставался при „обычаѣ“, вторая механически выпускала изъ себя листы печатной и писаной бумаги, въ которую никто не вѣрилъ серьезно.

Дарованіе личной свободы крестьянской массѣ создало изъ нихъ самостоятельный классъ русскаго общества, уже имѣющій значеніе въ общественныхъ дѣлахъ, уже привлекающій общее вниманіе, уже указывающій на практическія и настоятельныя задачи внутри Россіи. Но это не все. Дарованіе одной личной свободы крестьянству было бы половиною дѣла, если бы крестьянство оказалось въ состояніи освобожденныхъ единицъ. Но великое значеніе акта 19 февраля 1861 года состояло именно въ томъ, что имъ были сохранены крестьянскіе міры, сельскія общества, сходы и выборныя должности. При всѣхъ частныхъ недостаткахъ крестьянскаго самоуправленія, оно предста-

вляется величайшимъ условіемъ для сохраненія и здороваго развитія народнаго обычая, слѣдовательно самаго прочнаго фундамента государства и общества. Вотъ почему мы и испытываемъ болѣзненное чувство, когда къ этому „міру“ подкрадываются съ революціонною прокламаціею или подходятъ съ какимъ-нибудь скороспѣлымъ циркуляромъ, зародившимся въ головѣ щедринскаго „Зиждителя“. Принимайте законныя мѣры къ просвѣщенію крестьянъ, къ улучшенію ихъ экономическаго положенія, къ поднятію ихъ нравственнаго духа. Это право и обязанность каждаго, имѣющаго въ своихъ рукахъ какую-нибудь долю власти. Но пусть всѣ эти мѣры имѣютъ въ виду одну общую цѣль: чтобы крестьянамъ жилось лучше именно въ міру, какъ вѣковой, привычной и понятной народу формѣ быта. Пусть самое существо міра останется нетронутымъ и свободнымъ. Разрушенный и разбившійся на единицы міръ сдѣлается самою удобною почвою для происковъ и разрушительныхъ попытокъ иного рода. До сихъ поръ эти попытки разбивались именно объ міръ и всѣ знаютъ, чѣмъ кончилось пресловутое „хожденіе въ народъ“.

Свободное крестьянство и крѣпкій въ своихъ основаніяхъ міръ—таково первое условіе національнаго развитія Россіи. Давленіе этой массы само-по-себѣ важно для направленія умовъ изъ области утопій къ насущнымъ и дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Но эта сила будетъ вполнѣ дѣйствительна только въ томъ случаѣ, если наибольшая, по возможности, часть интеллигенціи будетъ находиться въ прямомъ сообщеніи съ нею. Этотъ вопросъ, въ настоящую минуту, столь же серьёзенъ, какъ и прежде, если не больше. При крѣпостномъ правѣ, помѣщичье сословіе было внутренно отчуждено отъ крестьянскаго сословія различіемъ міросозерцанія, вкусовъ, условіями воспитанія. Но отчужденное отъ массы, оно не было вполнѣ отчуждено отъ государства. Оно было призвано къ исполненію многихъ важныхъ обязанностей въ мѣстности. Оно избирало изъ своей среды судей, чиновъ полиціи и много другихъ должностныхъ лицъ. Оно не сознавало себя го-

стемъ въ своей странѣ; напротивъ, ему не чуждо было хозяйское отношеніе къ дѣлу.

Послѣ освобожденія крестьянъ самъ собою поставился слѣдующій вопросъ: должна ли масса дворянства, обращавшаяся просто въ „интеллигенцію“ и сливавшаяся съ другими интеллигентными слоями общества, остаться отчужденною отъ „государева и земскаго дѣла“, какъ говорили наши предки? Опасность, вытекающая отъ утвердительнаго рѣшенія этого вопроса, очевидна. Интеллигенція, обратившаяся въ нѣкоторое безполезное украшеніе общественнаго тѣла, играетъ при немъ странную роль.

Она находится въ положеніи человѣка, случайно попавшаго въ чужой городъ, гдѣ ему, въ силу обстоятельствъ, приходится остаться неопредѣленное время. Его сердитъ нечистота на улицахъ, неудобство квартиръ, плохое освѣщеніе, отсутствіе разныхъ необходимыхъ вещей и т. д. Сдѣлать онъ ничего не можетъ, его никто не слушаетъ, и ему остается только „критиковать“, проклинать и мечтать о томъ, какъ все хорошо устроено въ такомъ-то другомъ городѣ.

Это положеніе, въ данномъ случаѣ, не только грустно, но и опасно. Въ политическомъ отношеніи нѣтъ ничего хуже досужихъ гостей, пересуживающихъ, въ своемъ невольномъ досугѣ, все и вся, чуждыхъ всякому практическому дѣлу и опредѣляющихъ свои требованія не границами возможнаго, а увлеченіемъ собственной фантазіи. Умъ, отрѣшенный отъ дѣйствительности, предоставленный самому себѣ, т.-е. однимъ логическимъ выводамъ, всегда попадетъ въ область утопіи, а изъ нея перейдетъ къ всеобщему отрицанію.

Уроки исторіи на-лицо. Разрушительныя теоріи XVIII вѣка зародились въ Англіи и отсюда были перенесены во Францію. Въ Англіи онѣ не имѣли политическаго успѣха, а во Франціи имѣли успѣхъ потрясающій. Почему? Лучшіе историки, а особенно Тэнъ, даютъ намъ удовлетворительное разъясненіе.

Разсматривая, почему англійское джентри оставило вту-

германскій духъ, чрезъ нихъ получилъ онъ почетное мѣсто въ общечеловѣческой цивилизаціи.

Если личность, оторванная отъ своей народности, обращается въ пустоцвѣтъ и нигдѣ не находитъ себѣ мѣста, то съ другой стороны и народъ, не находящій личностей для типическаго выраженія своихъ идеаловъ, своихъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій, остается на степени стада, косной матеріи. Но косная матерія не только не будетъ возведена на степень народности, но ей грозитъ опасность сдѣлаться служебнымъ матеріаломъ въ рукахъ другихъ народностей, слѣдовательно умереть нравственно. Мало ли племенъ погибло, вошедши въ составъ другихъ, болѣе сильныхъ народностей! Великіе представители національнаго генія имѣютъ для своей народности двоякое значеніе, одинаково важное: съ одной стороны, воплощая въ себѣ всѣ особенности національнаго духа, они являются оплотомъ народности противъ духовнаго завоеванія ея другими народами; съ другой стороны, воплощая національную мысль въ безсмертныхъ произведеніяхъ науки, философіи, литературы, искусствъ, въ учрежденіяхъ церкви и государства, они выводятъ свой народъ на поприще всемірной исторіи. Чрезъ нихъ онъ дѣлается вкладчикомъ въ ту дѣйствительную сокровищницу общечеловѣческаго, изъ котораго всѣ народы черпаютъ живительныя наставленія и примѣры. Они спасаютъ свой народъ отъ рабской подражательности иноземному, открываютъ ему пути свободнаго творчества, даютъ ему возможность разумнаго заимствованія благъ, добытыхъ другими народами. Словомъ, они возводятъ свою народность на ту степень, о которой мечталъ Хомяковъ.

„Народность, говорилъ онъ, — есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа. Съ одной стороны, какъ общечеловѣческое, она богатитъ собою все человѣчество, выражаясь то въ Фидіѣ и Платонѣ, то въ Рафаелѣ и Вико, то въ Беконѣ и Шекспирѣ, то въ Гегелѣ и Гёте; съ другой стороны, какъ живое, а не отвлеченное проявленіе человѣчества, она живитъ и строитъ

продуктъ общей нравственной болѣзни и нравственной пустоты, порожденной неудовлетворительнымъ общественнымъ строемъ. Справедливо замѣтили „Московскія Вѣдомости“, что крамола разъигралась, пользуясь свойствами переходнаго времени, длящеюся въ обществѣ борьбою стараго съ новымъ. Нигилисты обратились въ революціонеровъ; чистое и пассивное отрицаніе Базарова обратилось въ попытки разрушенія и водворенія анархіи. По именно теперь и слѣдуетъ совершить дружное усиліе для новаго подъема общественнаго духа. Всякое „переходное“ время — время борьбы новаго со старымъ, слѣдовательно, время шаткости понятій, колебанія изъ стороны въ сторону, отсутствія твердо опредѣленнаго строя — страшно именно тѣмъ, что люди не находятъ центра единенія, путеводныхъ началъ и становятся рабами случайности, развращающей ихъ до мозга костей.

Послушаемъ, какъ нашъ незабленный историкъ Соловьевъ характеризуетъ время, предшествовавшее великой московской смутѣ, время, когда эта страшная „случайность“ была возведена въ принципъ.

„Эта привычка сообразоваться со случайностями,—говоритъ Соловьевъ, — разумѣется, не могла способствовать развитію твердости гражданской, уваженія къ собственному достоинству, умѣнья выбирать средства для цѣлей. Преклоненіе предъ случайностью не могло вести къ сознанію постояннаго, основного, къ сознанію отношеній человѣка къ обществу, требующаго подчиненія частныхъ стремленій и выгодъ — общественнымъ. Внутреннее, духовное отношеніе человѣка къ обществу было слабо; все держалось только формами, внѣшнею силою, и гдѣ эта внѣшняя сила отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все на счетъ слабаго. Во внѣшнемъ отношеніи земля была собрана, государство сплочено, но сознаніе о внутренней, нравственной связи человѣка съ обществомъ было крайне слабо; въ нравственномъ отношеніи, и въ началѣ XVII вѣка русскій человѣкъ продолжалъ жить „особѣ“, какъ физически жили отдѣльные

роды въ IX вѣкѣ. Слѣдствіемъ преобладанія внѣшней связи и внутренней, нравственной особности были тѣ грустныя явленія народной жизни, о которыхъ одинаково свидѣтельствуютъ и свои, и чужіе, прежде всего эта страшная недовѣрчивость другъ къ другу; понятно, что когда каждый преслѣдовалъ только свои интересы, нисколько не принимая въ соображеніе интересовъ ближняго, котораго, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался сдѣлать слугою, жертвою своихъ интересовъ, то довѣренность существовать не могла. Страшно было состояніе того общества, члены котораго, при видѣ корысти, порывали всѣ самыя нѣжныя, самыя священныя связи".

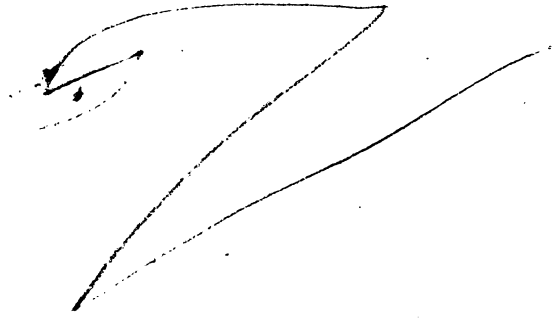
Мы далеки отъ мысли переносить цѣликомъ эту страшную картину на наше время. Но кто не согласится, что въ нашемъ „переходномъ" времени есть многія изъ указанныхъ выше чертъ? Есть и ненадежность общаго положенія, а вслѣдствіе этого и господство случайностей; есть и преклоненіе предъ случайностями, вмѣсто твердой вѣры въ одинъ опредѣленный порядокъ; есть и разбродъ единицъ, привыкшихъ жить „особѣ" и преслѣдовать только свои корыстныя цѣли, забывая для нихъ общественное благо и порывая ради ихъ самыя священныя связи. Въ этомъ, больше, чѣмъ въ чемъ-нибудь иномъ, причина успѣха самыхъ дикихъ ученій, развитія самыхъ звѣрскихъ страстей, самыхъ преступныхъ замысловъ. Нужно, наконецъ, опредѣленное и твердо поставленное знамя, вокругъ котораго собралось бы все живое, все не искалѣченное въ поклоненіи „случайностямъ" и способное къ общественному дѣлу.

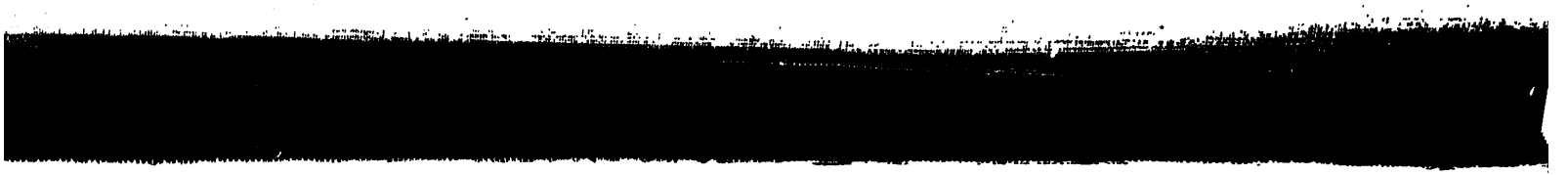
Переходное время должно, наконецъ, сдѣлаться временемъ опредѣленнымъ, эпохою съ названіемъ, запечатлѣнною извѣстною мыслью, типическою, занимающею ясное мѣсто въ исторіи Россіи и человѣчества.

КОНЕЦЪ

Центр[illegible]ская биб-ка
Троицк. Ленинская 35.
Инв. №

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.





DK 62.9 .G7 C.1
Trudnye gody (1876-1880)
Stanford University Libraries
3 6105 035 917 785

DATE DUE